

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ГЕНОЦИД БЕЛОРУССКОГО НАРОДА КАРАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ

В двух частях

ЧАСТЬ 1

GENOCIDE OF THE BELARUSIAN PEOPLE PUNITIVE OPERATIONS

In two parts

PART 1

Минск
 «Беларусь»
2024

УДК [94+343.337.5](476)(093)
ББК 63.3(4Бел)622
Г34

Под общей редакцией
Генерального прокурора Республики Беларусь,
доктора юридических наук А.И. Шведа

*Выпуск издания осуществлен по заказу и при финансовой поддержке
Министерства информации Республики Беларусь*

Г34 **Геноцид белорусского народа. Карательные операции** = Genocide of the
Belarusian people. Punitive operations. В двух ч. Ч. 1 / Генеральная прокуратура
Республики Беларусь ; под общей редакцией А.И. Шведа. – Минск : Беларусь,
2024. – 311 с. : ил.
ISBN 978-985-01-1722-9.

В издании представлены новые и ранее неизвестные широкой общественности мате-
риалы о планировании и реализации нацистской Германией политики геноцида белорус-
ского народа путем проведения массовых карательных операций. Приведены доказы-
ательства зверских способов расправ нацистов с мирным населением БССР, а также участия в
указанных преступлениях украинских, латышских, белорусских и других коллаборацио-
нистов.

Издание представляет интерес для широкого круга читателей: должностных лиц го-
сударственных органов и организаций, научных и музейных работников, исследователей,
преподавателей и учащихся высшего и среднего образования, а также всех тех, кто
интересуется историей Беларуси и Великой Отечественной войны.

УДК [94+343.337.5](476)(093)
ББК 63.3(4Бел)622

ISBN 978-985-01-1722-9 (ч. 1)
ISBN 978-985-01-1697-0

© Генеральная прокуратура
Республики Беларусь, 2024
© Оформление. УП «Издательство
«Беларусь», 2024

«...Больно осознавать, сколько новых жиз-
ней так и не появилось на свет, сколько детей
не повзросло, сколько судеб оборвалось из-за
безумных идей, слепой ненависти и кровавой же-
стокости.

Спустя годы горечь и гнев не утихают. Осо-
бенно сегодня, когда чума нацизма обрела после-
дователей среди наемников, предателей и пре-
ступников и вплотную подобралась к нашим
границам.

У белорусов для них был и остается один от-
вет – дух всенародного сопротивления. Его сим-
вол – непокоренный человек, который, восстав
живым из огня, с телом мертвого сына на руках
сквозь время несет вечное проклятие фашизму.

Долг ныне живущих перед павшими – изоб-
личить виновных в массовом геноциде, бережно
хранить память о тех страшных событиях и
не дать беде вновь разыграться на нашей свя-
той земле.

Светлая память всем погибшим! Вечная сла-
ва их бессмертному подвигу во имя мира для бу-
дущих поколений!»

Из обращения Президента
Республики Беларусь А.Г. Лукашенко
к соотечественникам
по случаю 80-летия трагедии в Хатыни

"...It is painful to realize how many new lives were
never born, how many children never grew up, how
many lives were cut short because of insane ideas,
blind hate and murderous cruelty.

Years later, bitterness and anger do not fade. Espe-
cially today, when the Nazi plague has found follow-
ers among mercenaries, traitors, criminals, and it has
moved close to our borders.

Belarusians had and still have the only answer to
them – the spirit of all-people resistance. Its symbol is
an unconquerable man, who came alive out of the fire,
with the body of his dead son in his arms, bearing the
eternal curse to fascism through the time.

The duty of those who are living today before the
victims is to expose the guilty of mass genocide, to
keep the memory of the terrible events carefully and
not to let the disaster happen again on our holy land.

Glorious memory to all the victims! Eternal glory
to their unfadable act of courage in the name of peace
for future generations!"

From the message of the President
of the Republic of Belarus A. Lukashenko
to compatriots on the 80th anniversary
of the Khatyn tragedy

ВВЕДЕНИЕ

Чуть более двух лет длится начатое Генеральной прокуратурой Республики Беларусь расследование уголовного дела о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.

Беларусь, которая потеряла не менее 3 млн человек в самой кровопролитной войне в истории человечества, стала одной из наиболее пострадавших республик Советского Союза. Вся наша страна была превращена нацистами в конвейер смерти. В ходе расследования уголовного дела о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период установлено свыше 11,7 тысячи сел и деревень, полностью либо частично уничтоженных, а также пострадавших вследствие нанесения имущественного ущерба в результате преступных действий нацистских оккупантов. С целью массового истребления нашего населения на белорусской территории нацистскими оккупантами было создано свыше 560 лагерей смерти¹.

Межведомственной рабочей группой, созданной распоряжением Премьер-министра Республики Беларусь по инициативе Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, на основе данных о потерях национального дохода БССР рассчитан ущерб, причиненный нацистскими преступниками в годы Великой Отечественной войны. Его размер значительно выше озвученного в послевоенное время: 43 529,30 тонн золота, что по состоянию на 01.10.2022 эквивалентно свыше 2,3 трлн долларов США или свыше 2,08 трлн английских фунтов. При этом указанная сумма не является окончательной и не содержит исчерпывающих данных по ущербу, причиненному вывозом культурных ценностей.

Следственная группа Генеральной прокуратуры Республики Беларусь устанавливает все новые факты преступлений нацистских оккупантов, во время совершения которых они про-

¹ Здесь и далее под дефинициями «лагерь смерти» и «места массового содержания и истребления людей» понимаются места принудительного содержания населения – учреждения (пункты, территории), куда нацисты помещали людей помимо их воли на определенный или неопределенный срок с причинением им нравственных и физических страданий, привлечением к тяжелому физическому труду.

INTRODUCTION

The investigation of the criminal case on the genocide of the Belarusian people during the Great Patriotic War and the post-war period initiated by the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus has been taking a little over two years.

Belarus lost at least 3 million people in the murderous war in the history of humanity and became one of the most suffered Soviet Union republics. The Nazis turned our entire country into a conveyor belt of death. In the course of the investigation of the criminal case on the genocide of the Belarusian people during the Great Patriotic War and the post-war period, we found out more than 11.7 thousand villages and settlements completely or partially destroyed, as well as those that suffered from property damage as a result of criminal actions of the Nazi invaders. The Nazis set up more than 560 death camps in the Belarusian territory for the purpose of mass extermination of our people¹.

The interagency working group, founded by order of the Prime Minister of the Republic of Belarus on the initiative of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus, estimated the loss caused by Nazi crimes during the Great Patriotic War on the basis of the data on the loss of the national revenue of the Belarusian Soviet Socialist Republic. Its amount is considerably higher than that reported in the post-war period: 43,529.30 tons of gold, which as of 01.10.2022 is equivalent to over 2.3 trillion US dollars or over 2.08 trillion British pounds. The above amount is not final and does not include complete data on the damage caused by the cultural property removal.

The investigation group of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus is identifying more new facts of crimes committed by the Nazi occupants, when they committed inhuman atrocities. Moreover, the punishers' cruelty is not occasional acts of genocide against the population of

¹ Hereinafter, the definitions "death camp" and "places of mass detention and extermination of people" mean the places of forced detention of people – places (points, territories) where the Nazis took people against their will for a definite or indefinite period of time, subjecting them to moral and physical suffering and hard physical labor.

являли нечеловеческие зверства. Вместе с тем жестокость карателей – это не отдельные эксцессы исполнителей геноцида населения БССР, а результат системной спланированной политики нацистской Германии и ее союзников. Одним из инструментов массового истребления людей стала нацистская идеология, оправдывающая уничтожение и порабощение «неполноценных» народов в интересах «высшей» расы. Пропаганда данных идей среди населения Германии, войск СС, военнослужащих Третьего рейха и нацистских коллаборационистов обеспечивала готовность исполнителей преступных приказов совершать массовые убийства с применением самых изощренных способов.

Ввиду территориального положения БССР население республики было обречено на уничтожение и порабощение в случае нападения Германии на Советский Союз. Рассчитанное на внезапность вероломное военное вторжение на территорию СССР, циничное нарушение законов и обычаев войны стало испытанием для всего советского народа. Оно не имело ничего общего с законами военного времени и военными кампаниями, известными человечеству как до, так и после Второй мировой войны. В планах нацистских оккупантов территория Беларуси фактически должна была представлять собой территорию, «очищенную» от коренного населения. В этой связи безусловному уничтожению подлежало не менее 75 % населения, а 25 % должно было использоваться в качестве рабов для обслуживания так называемой «высшей расы», как себя называли нацисты.

Некоторые собранные в ходе расследования уголовного дела о геноциде белорусского народа доказательства, свидетельствующие об использовании оккупантами и их пособниками в целях массового уничтожения населения БССР мест истребления людей – лагерей смерти, созданных фашистами в годы войны на территории БССР, приведены в издании «Геноцид белорусского народа. Лагеря смерти»².

Другим же способом, использовавшимся нацистами в качестве достижения целей уничтожения белорусского народа, стали карательные операции (акции, экспедиции) – совокупность

² Геноцид белорусского народа. Лагеря смерти / Генеральная прокуратура Республики Беларусь ; под общей редакцией А.И. Шведа. – Минск : Беларусь, 2022. – 335 с.

the BSSR, but the result of a systematic and planned policy of Nazi Germany and its supporters. One of the tools of mass extermination of people was the Nazi ideology, which justified the destruction and enslavement of "inferior" peoples in the interests of the "superior" race. The propaganda of these ideas to the German population, SS troops, soldiers of the Third Reich and Nazi collaborators provided the willingness of those who carried out criminal orders to commit mass murder by the most severe methods.

Because of the territorial position of the BSSR, the population of the republic was doomed to destruction and enslavement in case of German attack on the Soviet Union. The treacherous military invasion into the territory of the USSR, counting on unexpectedness and cynical violation of laws and customs of war, became a trial for the entire Soviet people. This had nothing in common with the wartime laws and military campaigns known to humankind before and after the World War II. According to the plans of the Nazi invaders, the territory of Belarus should have actually been a territory "cleaned up" from the native population. In this regard, at least 75 % of the population was to be destroyed, and 25 % were to be used as slaves to serve the so-called "superior race", as the Nazis called themselves.

Some of the evidence collected during the investigation of the criminal case on the genocide of the Belarusian people, testifying the use of places of extermination – death camps, set up by the Nazis during the war in the territory of the BSSR by the occupants and their collaborators for the mass extermination of the population of the BSSR, are provided in book "Genocide of the Belarusian people. Death camps"².

Another method, the Nazis used to achieve the goals of extermination of the Belarusian people, was punitive operations (actions, expeditions) – a set of repressive, war, economic and political actions, together with military operations and relevant legal and regulatory support (issuing orders, instructions, reports, etc.), carried out with the aim of mass extermination of people in the occupied territory of the BSSR.

The investigation group of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus has informa-

² The genocide of the Belarusian people. Death camps / General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus; general edited by A. Shved. – Minsk: Belarus, 2022. – P. 335.

действий репрессивного, военного, экономического и политического характера, сопровождающаяся ведением боевых действий и соответствующим нормативно-правовым обеспечением (изданием приказов, указаний, отчетов и т. д.), осуществляемая с целью массового уничтожения людей на оккупированной территории БССР.

Следственная группа Генеральной прокуратуры Республики Беларусь располагает сведениями о не менее 187³ карательных операциях, осуществленных нацистами на территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Последние полученные сведения и документы говорят о том, что нацисты и их пособники не только вешали, сжигали, топили, расчленили, душили, давили танками наших людей, расстреливали прямой наводкой из тяжелых орудий, но и сбрасывали на них с самолетов отравляющие вещества. С присущей им «немецкой педантичностью» в ходе «экспериментов» изыскивались самые действенные способы истребления населения. В полной мере, не отменяя целей уничтожения, осуществлялась насильственная депортация белорусского народа в Германию для привлечения к рабскому труду.

Нацистские оккупанты нередко с целью сокрытия своих истинных целей употребляли в высшей степени циничные названия для карательных операций, как, например, «Зимнее волшебство», «Весенний праздник» (в некоторых источниках «Праздник весны»), «Праздник урожая», «Весенний хоровод», «Охота на зайцев», «Прогулка на Троицу» и др.

Для осуществления карательных операций привлекались коллаборационисты – изменники Родины, поступившие на службу к немецким оккупантам. Во многих случаях их руками нацисты сжигали деревни, убивали и мучили белорусское население.

Работа по сохранению исторической правды о событиях Великой Отечественной войны и геноциде белорусского народа, в том числе о миллионах невинных жертв, уничтоженных в ходе осуществления массовых карательных операций на нашей территории, – на особом контроле органов прокуратуры. На основании результа-

tion about at least 187³ punitive operations carried out by the Nazis on the territory of the BSSR during the Great Patriotic War. The most recent information and documents received prove that the Nazis and their collaborators not only hanged, burned, drowned, dismembered, suffocated, crushed our people with their tanks, shot them with direct fire from heavy guns, but also dropped poisonous agents on them from airplanes. In the course of the "experiments", they sought the most effective ways of extermination of the population with typical "German pedantry". Forceful deportation of the Belarusian people to Germany for slave labor was performed to the fullest, without annulling the goals of extermination.

The Nazi invaders frequently deployed highly cynical names, like "Winter Magic", "Spring Festival" (in some references, "Festival of Spring"), "Harvest Festival", "Spring Round Dance", "Hare Hunt", "Trinity Walk", etc. to conceal their true intentions during punitive operations.

Collaborationists – traitors to their homeland who joined the service of the German occupiers – were enlisted to carry out punitive operations. Often, it was they, that the Nazis burned down villages and inflicted harm upon the Belarusian population, resorting to killing and torture.

The efforts to preserve the historical truth about the tragic facts of the Great Patriotic War and the genocide of the Belarusian people, including millions of innocent victims killed during the mass punitive operations in our territory, are under high priority control of the prosecutor's office. Based on the results of the investigation of the criminal case, the General Prosecutor's Office is consistently introducing certain suggestions aimed at memorializing the tragic events of the war.

This is the third publication of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus, based on the materials of the criminal case on the genocide of the Belarusian people during the Great Patriotic War.

The book includes materials proving that Nazi Germany planned and executed the policy of total extermination of the Belarusian people through mass punitive actions against the civilian population of Belarus. It describes the evidence of the

тов расследования уголовного дела Генеральная прокуратура на системной основе вносит конкретные предложения, направленные на увековечение памяти о трагических событиях войны.

Указанная книга – третье издание Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, основанное на материалах уголовного дела о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны.

В издании приведены материалы, свидетельствующие о планировании и реализации нацистской Германией политики тотального уничтожения белорусского народа путем совершения массовых карательных действий в отношении мирного населения Беларуси. Описаны доказательства зверских способов расправ нацистов с нашими соотечественниками, невзирая на их пол и возраст. Приведены конкретные примеры участия немецко-фашистских оккупантов и их пособников в массовых карательных операциях, расстрелах, сожжении населенных пунктов вместе с их жителями. В заключительной части книги приводятся документы судебных процессов в отношении нацистских преступников.

Издание представляет интерес для широкого круга читателей: должностных лиц государственных органов и организаций, историков и архивистов, научных и музейных работников, преподавателей и учащихся учреждений высшего и среднего образования, а также всех тех, кто интересуется историей Беларуси и Великой Отечественной войны.

Nazis' cruel ways of massacring our fellow citizens regardless of their sex and age. There are particular examples of involvement of the Nazi invaders and their collaborators in mass punitive operations, shootings, burning of settlements and their inhabitants. The final part of the book contains documents from the trials of Nazi criminals.

The book will be interesting for a wide range of readers: officials of state bodies and organizations, historians and archivists, researchers and museum workers, teachers and students of higher and secondary education institutions, as well as all of those who are interested in the history of Belarus and the Great Patriotic War.

³ Список карательных операций указан в приложении. В ходе расследования уголовного дела указанные сведения могут уточняться и дополняться.

³ The list of punitive operations is given in the annex. In the course of the investigation of a criminal case, the specified information may be updated and supplemented.

ПЛАНИРОВАНИЕ И ПОДГОТОВКА НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ КАРАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

Геноцид белорусского народа был составной частью гитлеровской оккупационной политики, которая в свою очередь являлась элементом общегосударственной идеологии нацистской Германии, открыто стремившейся к переделу мира и всемирному господству. Теоретической базой для обоснования этой политики была нацистская теория о ценности и исключительной роли германского народа. Она исходила из взятой нацистами на вооружение человеконенавистнической концепции о «расовом» превосходстве немецкой нации над другими, ограниченности для ее развития «жизненного пространства», недостаточности природных ресурсов, существовании против Германии мирового сионистско-массонского, еврейско-большевистского заговора и т. д.

Масштабы политики геноцида, развернутой нацистской Германией и ее пособниками в отношении населения Беларуси и других советских народов с первых дней Великой Отечественной войны, не имели прецедента в мировой истории.

По словам немецкого историка Б. Кьяри, «в Беларуси с самого начала германской оккупации преобладающими чертами по сути были истребление, голод и террористическая политика» [1]. Определяя место территории БССР в планах гитлеровской оккупации и исходя из ее военного, расового, экономического и политического характера, зарубежные историки пришли к важному выводу, что по сравнению с другими оккупированными нацистами странами территория Беларуси превратилась в своеобразную лабораторию худших форм оккупационной политики, расовой войны, истребления мирного населения, местных и депортированных евреев, советских военнопленных, белорусских партизан и подпольщиков и т. д.

Наиболее убедительно этот тезис подтверждает цитата немецкого исследователя германской оккупационной политики К. Герлаха: «Ни одна другая страна настолько сильно не потерпела от Второй мировой войны, как Беларусь» [1].

В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 5 января 2022 г. № 146-3 «О гено-

NAZI GERMANY'S PLANNING AND PREPARATION OF PUNITIVE OPERATIONS ON THE TERRITORY OF THE USSR

The genocide of the Belarusian people was an integral part of Hitler's occupation policy and a element of the nationwide ideology of Nazi Germany, which openly sought the redivision of the world and world domination. The theoretical basis for justifying this policy was a Nazi theory of the value and exclusive role of the German people. It originated from the human-hatred concept adopted by the Nazis about the "racial" superiority of the German nation over others, the lack of "vital space" for its development, the insufficiency of natural resources, as well as Zionist-Masonic, Jewish-Bolshevik world conspiracy against Germany, etc.

The scale of the genocide policy initiated by Nazi Germany and its collaborators against the population of Belarus and other Soviet people from the first days of the Great Patriotic War had no precedents in the world history.

As B. Chiari, a German historian, says, "in Belarus from the very beginning of the German occupation the predominant features were extermination, hunger and terrorist policy" [1]. Defining the place of the territory of the BSSR in the plans of Hitler's occupation and on the basis of its military, racial, economic and political character, foreign historians reached an important conclusion that compared to other Nazi-occupied countries, the territory of Belarus turned into a kind of laboratory of the worst forms of occupation policy, racial warfare, extermination of civilians, local and deported Jews, Soviet prisoners of war, Belarusian partisans and underground fighters, etc.

This thesis is best proved by a quote of the German researcher of the German occupation policy K. Gerlach: "No other country suffered so much from World War II as Belarus" [1].

Under Article 1 of the Law of the Republic of Belarus of January 5, 2022 No. 146-3 "On the Genocide of the Belarusian people", the atrocities, committed by Nazi criminals and their collaborators, nationalist formations during the Great Patriotic War and the post-war period, aimed at systematic physical destruction of the Belarusian people by killing and other actions recognized as genocide in accordance with legislative acts and norms of international law, are genocide of the

циде белорусского народа» совершенные нацистскими преступниками и их пособниками, националистическими формированиями в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период злодеяния, направленные на планомерное физическое уничтожение белорусского народа путем убийства и иных действий, признаваемых геноцидом в соответствии с законодательными актами и нормами международного права, являются геноцидом белорусского народа. В основу его подготовки и реализации был положен системный, планомерный, тщательно подготовленный комплекс военных, экономических, политических и идеологических действий. Настоящий масштаб этой программы уничтожения белорусского народа нельзя установить без анализа действий немецкого руководства с момента прихода к власти вплоть до нападения на территорию СССР.

Немецко-фашистская оккупационная политика на захваченных восточных территориях включала в себя как меры длительного, стратегического характера, так и рассчитанные на определенные промежутки времени. О ней открыто говорилось нацистами задолго до их прихода к власти.

Еще до начала 1930-х гг. Гитлер подробно охарактеризовал свои восточноевропейские цели. Высказывая свои мысли о «восточной ориентации или восточной политике», он показал, что отношение к СССР будет одним из самых важных внешнеполитических вопросов национал-социалистического движения.

Гитлер открыто писал: «Когда мы сегодня говорим о новых землях и территориях в Европе, мы обращаем свой взгляд в первую очередь к России⁴, а также к соседним с нею и зависимым от нее странам... Мы избраны судьбой стать свидетелями катастрофы, которая будет самым важным свидетельством правильности расовой теории» [1].

После прихода к власти нацисты возвели в ранг государственной политики концепцию расистской идеологии и свои оккупационные планы. Позиция в отношении будущего «жизненного пространства» нашла свое отражение

⁴ Здесь и далее как в заявлениях нацистского руководства, так и в созданных ими программных документах под указанием «Россия» подразумевалась территория Советского Союза и ее многонациональное население – советский народ.

Belarusian people. The basis for its preparation and implementation was a systematic, methodical, and meticulously planned complex of military, economic, political, and ideological actions. The true size of this program for the destruction of the Belarusian people cannot be understood without analyzing the actions of the German leadership from the moment they came to power until the invasion of the USSR territory.

The German-fascist occupation policy in the captured Eastern territories encompassed both long-term, strategic measures and actions planned for specific periods. The Nazis openly discussed this policy well before they came to power.

Even before the 1930s, Hitler extensively outlined his East European goals. Expressing his thoughts on "Eastern orientation or Eastern policy", he made it clear that the attitude towards the Soviet Union would be one of the most crucial foreign policy issues for the national-socialist movement.

Hitler openly wrote: "When we talk about new lands and territories in Europe today, our focus is primarily on Russia⁴, as well as its neighboring countries that are dependent on it... We are destined to witness a catastrophe that will serve as the most significant testament to the correctness of racial theory" [1].

Upon assuming power, the Nazis elevated the concept of racist ideology and incorporated their occupation plans into official state policy. The position regarding the future "living space" found expression in numerous documents prepared prior to the aggression against the USSR, as well as in statements made by the Nazi leadership.

Regarding anti-Slavism as an idea of a race "hostile" to the Aryans, the exploitation of this myth has become a necessary element of the ideological preparation of the "campaign to the East." The proclamation of Slavs as an inferior race was not only necessary for creating a public atmosphere that "legitimized" the forthcoming aggression against the USSR but also for the subsequent "cleansing" of the captured Soviet territories from the deemed "inferior" native population. This involved the potential utilization of criminally motivated methods of war-

⁴ Here and below, both in the statements of the Nazi leadership and in the program documents they created, the designation "Russia" meant the territory of the Soviet Union and its multinational population – the Soviet people.

во многих документах, подготовленных до начала агрессии против СССР, а также заявлениях нацистского руководства.

Относительно антиславянизма как идеи, «враждебной» по отношению к арийцам расы, – эксплуатация этого мифа стала необходимым элементом идеологической подготовки «похода на Восток». Провозглашение славян низшей расой было необходимо не только для создания общественной атмосферы, «легитимирующей» готовящуюся агрессию против СССР, но и для последующего «очищения» захваченных советских территорий от «неполноценного» коренного населения, предполагающего применение в том числе преступных по своему характеру методов ведения войны. При этом расширительная трактовка понятия «славяне» позволяла, в случае необходимости, неограниченно расширить масштабы «оправданной» экспансии, отнеся к категории «недочеловеков» проживавшее на соответствующих территориях население.

В своем выступлении 3 февраля 1933 г. с программной речью перед офицерами вермахта Гитлер заявил, что полученную военную и политическую власть будет использовать в целях «завоевания экспортных возможностей, может быть – и, видимо, это лучшее, – захвата жизненного пространства на Востоке и его беспощадной германизации» [1]. Гитлер последовательно придерживался своих «программных» установок о целях будущей войны, что понимало и разделяло его окружение.

«Моя миссия, если мне удастся, уничтожить славян, – заявил Гитлер румынскому министру И. Антонеску. – В будущей Европе должны быть две расы: германская и латинская. Эти две расы должны сообща работать в России для того, чтобы уменьшить количество славян. К России нельзя подходить с юридическими или политическими формулировками, так как русский вопрос гораздо опаснее, чем это кажется, и мы должны применять колонизаторские и биологические средства для уничтожения славян» [1].

К этой идее Гитлер возвращался неоднократно в поисках путей ее решения. Еще в 1935 г. Гитлер следующим образом высказывался о «технике истребления населения» на Востоке: «Наш долг – истребить население, миллионы представителей неполноценной расы, которые плодятся, как паразиты. Есть много способов добиться систематического и относительно без-

fare. Additionally, the expansive interpretation of the term "Slavs" allowed for unlimited expansion, if necessary, under the guise of "justified" expansion, categorizing the population residing in those territories as "subhuman".

In his address to the officers of the Wehrmacht on February 3, 1933, Hitler declared that the military and political power obtained would be used for the "conquest of export opportunities, and perhaps more importantly, for the acquisition of living space in the East and its ruthless Germanization" [1]. Hitler consistently adhered to his "programmatic" convictions about the goals of the future war, which were understood and shared by those around him.

"My mission, if I succeed, is to destroy the Slavs, – Hitler told Romanian minister I. Antonescu. – In the future Europe there must be two races: the German and the Latin. These two races shall work together in Russia to reduce the number of Slavs. Russia cannot be approached with legal or political terms, because the Russian question is much more dangerous than it seems, and we must apply colonising and biological means to destroy the Slavs" [1].

Hitler kept returning to this idea several times in his attempts to find a solution to it. As early as 1935, Hitler spoke about the "technique of extermination" in the East as follows: "It is our duty to exterminate the population, the millions of inferior races that breed like parasites. There are many ways to achieve a systematic and relatively painless, at any rate without great bloodshed, extermination of an undesirable tribe..." [1].

Here is yet another of his statements: "We have only one task: to Germanise by bringing in Germans, and to treat the indigenous population like Indians... We will have to scan the territory, kilometre by kilometre, and keep hanging them! It'll be a real Indian war..." [1].

Nazi Germany's extensive programme of aggression considered the Soviet Union as enemy No.1, and to destroy it was believed to be a decisive step on the road to world domination.

After the Nazis came to power, Germany's foreign policy was also completely subordinated to the interests of war preparation. In autumn 1933, Germany left the Disarmament Conference and withdrew from the League of Nations, and on March 16, 1935, Germany issued a law imposing general military conscription. Nazi Germany began to arm itself openly and to demonstrate its growing

болезненного, во всяком случае без большого кровопролития, умерщвления нежелательного племени...» [1].

Вот еще одно его высказывание: «Перед нами стоит только одна задача: осуществить германизацию путем ввоза немцев, а с коренным населением обойтись, как с индейцами... Нам придется прочесывать территорию, квадратный километр за квадратным километром, и постоянно вешать! Это будет настоящая индейская война...» [1].

В обширной программе агрессии нацистской Германии Советский Союз рассматривался как враг № 1, уничтожение которого считалось решающим шагом на пути к мировому господству.

Внешняя политика Германии после прихода нацистов к власти также была целиком подчинена интересам подготовки войны. Осенью 1933 г. Германия покинула конференцию по разоружению и вышла из Лиги Наций, а 16 марта 1935 г. был опубликован закон о введении в Германии всеобщей воинской повинности. Фашистская Германия начала открыто вооружаться и демонстрировать свою растущую военную мощь. В условиях обострения международной обстановки, когда требовались решительные меры по обузданию агрессоров, Лига Наций ограничивалась бесплодными призывами к миру и неэффективными экономическими санкциями.

После Первой мировой войны Англия, Франция и особенно США помогали Германии восстанавливать тяжелую промышленность как основу перевооружения с целью направить агрессию Германии против СССР.

С их помощью на протяжении 1930-х гг. нацистская Германия продолжала наращивать военную мощь. При этом планы нацистского руководства в отношении восточных территорий обретали все больший радикализм.

Гитлеровцы взяли курс на создание военной экономики, резко увеличились ассигнования на военные нужды. Подготовка экономики Германии к войне осуществлялась посредством выполнения так называемых «четырёхлетних планов», цель которых заключалась в том, чтобы расширением тяжелой промышленности создать базу для развертывания военного производства, максимальным увеличением запасов и производства стратегического сырья добиться независимости Германии от импорта, обеспе-

military power. When the international situation escalated and decisive measures were required to stop aggressors, the League of Nations confined itself to fruitless appeals for peace and ineffective economic sanctions.

After World War I, Britain, France, and most notably the United States, helped Germany to rebuild heavy industry as a base for rearmament to direct German aggression against the USSR.

With their help, Nazi Germany throughout the 1930s continued to build up its military power. At the same time, the Nazi leaders' plans for the eastern regions were becoming more and more radicalized.

The Nazis set a course to develop a war economy, and military budgets were dramatically increased. Germany was preparing its economy for war through the execution of the so-called "four-year plans", the purpose of which was to increase heavy industry to create a base for the deployment of military production, to maximize the reserves and production of strategic raw materials to achieve independence of Germany from imports, to ensure the superiority of Germany in military and economic terms over other countries.

The Nazi leadership paid considerable attention to the implementation of propaganda and ideological plans.

With this objective, the Imperial Ministry of Public Education and Propaganda was established in 1933, and was headed by one of Hitler's closest associates, Joseph Goebbels. The tasks of the ministry included the widespread dissemination of fascist ideology. Publishing houses, newspapers, radio – all forms of mass media were harnessed to serve the purpose of preparing Germany for war.

Right before the war, approximately 3.5 million so-called Volksempfänger, or "people's receivers", were used throughout Germany, they received only German radio stations. In terms of the quantity of radio receivers among the population – with 70 % houses owning one – Nazi Germany ranked first in the world on the eve of the war. Through prolonged and intensive psychological manipulation, reinforced by the terror of the Nazi state machine, the Hitler leadership succeeded in turning the majority of the German population into obedient instruments of aggression. Goebbels stated on multiple occasions that anti-Bolshevik propaganda aimed to "encourage the German soldier to kill without hesitation, dispel any doubts about the legality of the war, and develop in him a sense of superiority" [1].

чить превосходство Германии в военно-экономическом отношении над другими странами.

Существенное внимание нацистское руководство уделяло реализации пропагандистских и идеологических планов.

С этой целью в 1933 г. было образовано Имперское министерство народного просвещения и пропаганды, которое возглавил один из ближайших соратников Гитлера Йозеф Геббельс. В задачи министерства входило широкое распространение фашистской идеологии. Издательства, газеты, радио – все средства массовой информации были поставлены на службу подготовки Германии к войне.

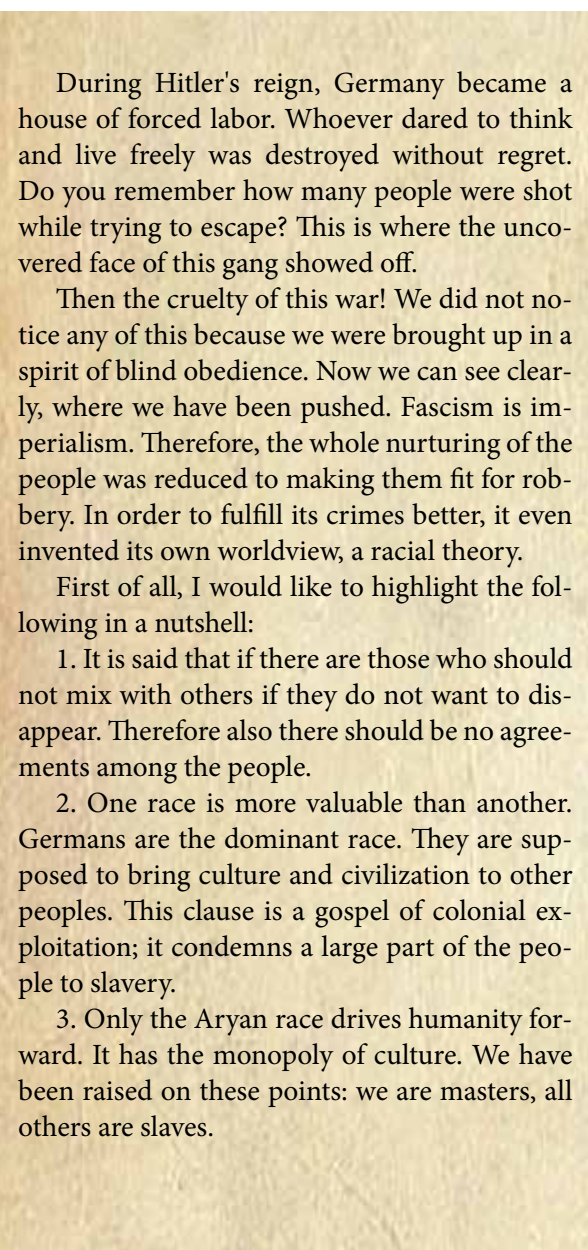
Накануне войны на территории Германии функционировало около 3,5 млн так называемых «народных приемников», принимавших только немецкие радиостанции. По количеству радиоприемников у населения – их имело 70 % домовладельцев – нацистская Германия занимала первое место в мире. Посредством длительной и интенсивной психологической обработки, подкрепленной террором нацистской государственной машины, гитлеровскому руководству удалось превратить большинство немецкого населения в послушное орудие агрессии. Геббельс неоднократно откровенно заявлял, что антибольшевистская пропаганда преследует цель «заставить немецкого солдата убивать без колебаний, рассеять его сомнения относительно законности этой войны и развить у него чувство собственного превосходства» [1]. И это ему во многом удалось.

Фактически все немецкое население воспитывалось в духе ненависти и чувства расового превосходства. Внушение превосходства одной расы перед другой являлось своеобразным «фундаментом», на который впоследствии насаждались крайне радикальные идеи, вплоть до необходимости тотального уничтожения славянского населения.

He, to a large extent, succeeded in achieving these objectives.

In fact, the entire German population was brought up in the spirit of hatred and a sense of racial superiority. Instilling the notion of racial superiority formed a kind of "foundation" upon which increasingly radical ideas were imposed, eventually leading to the belief in the necessity of the total annihilation of the Slavic population.

How German citizens, as well as military personnel, were brought up in the spirit of racial superiority and hatred of representatives of other races were reported by German soldiers-prisoners of war at a rally in one of the POW camps on April 22, 1943 [2].

During Hitler's reign, Germany became a house of forced labor. Whoever dared to think and live freely was destroyed without regret. Do you remember how many people were shot while trying to escape? This is where the uncovered face of this gang showed off.

Then the cruelty of this war! We did not notice any of this because we were brought up in a spirit of blind obedience. Now we can see clearly, where we have been pushed. Fascism is imperialism. Therefore, the whole nurturing of the people was reduced to making them fit for robbery. In order to fulfill its crimes better, it even invented its own worldview, a racial theory.

First of all, I would like to highlight the following in a nutshell:

1. It is said that if there are those who should not mix with others if they do not want to disappear. Therefore also there should be no agreements among the people.

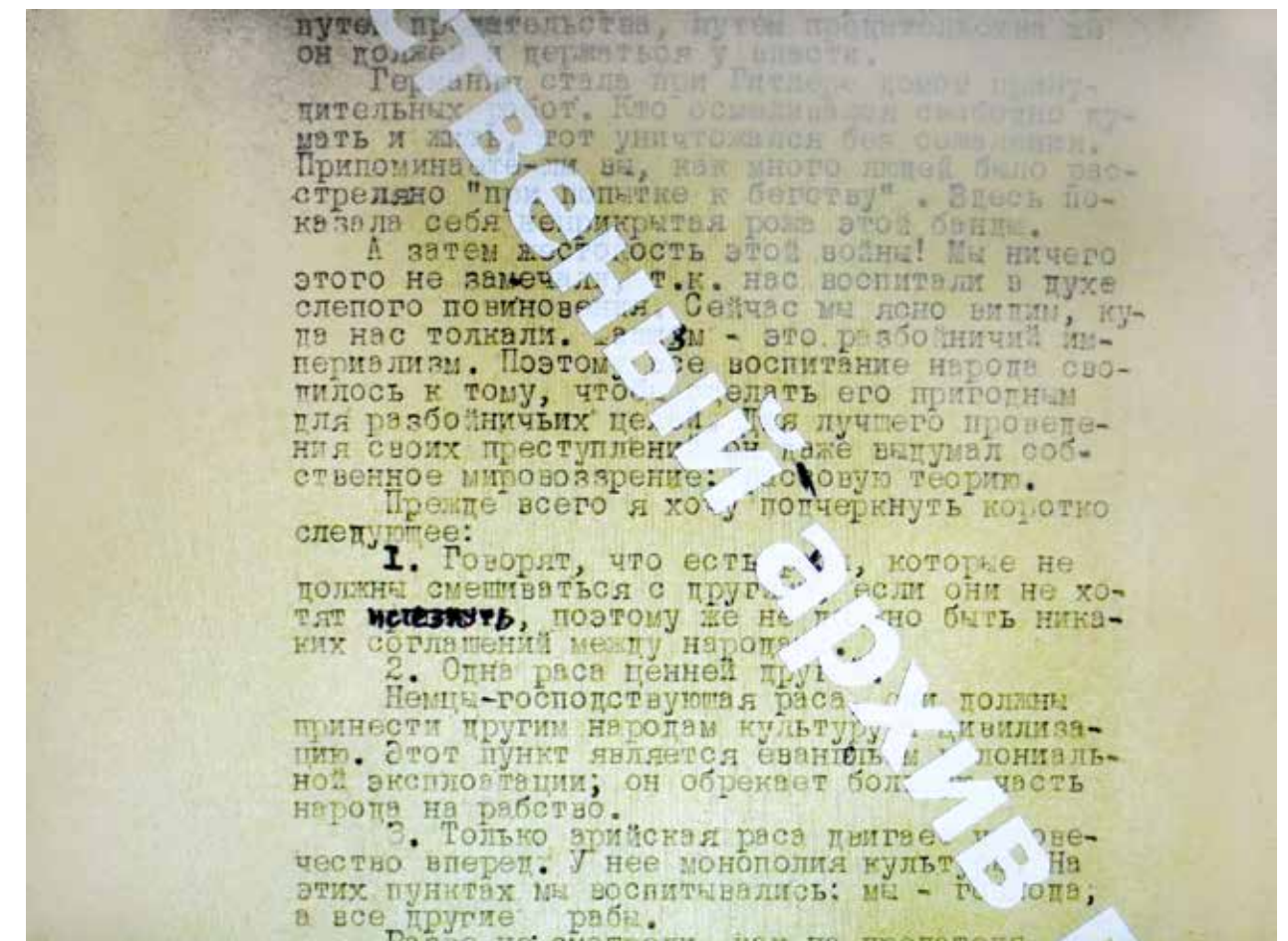
2. One race is more valuable than another. Germans are the dominant race. They are supposed to bring culture and civilization to other peoples. This clause is a gospel of colonial exploitation; it condemns a large part of the people to slavery.

3. Only the Aryan race drives humanity forward. It has the monopoly of culture. We have been raised on these points: we are masters, all others are slaves.

О том, как немецких граждан, а также военнослужащих воспитывали в духе расового превосходства и ненависти к представителям других рас, сообщили немецкие солдаты-военнопленные на митинге в одном из лагерей для военнопленных 22 апреля 1943 г. [2].

Hitler propagandized his views to those who were supposed to fulfill them in the future.

For example, on November 10, 1937, at a meeting of the political and military leaders of fascist Germany, Hitler explained what it meant to conquer new territories and Germanize them: "It's not about

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 41. Л. 29-32об
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 41. L. 29-32ob

Гитлер пропагандировал свои взгляды перед теми, кому в будущем их предполагалось исполнять.

Например, 10 ноября 1937 г. на совещании политических и военных руководителей фашистской Германии Гитлер разъяснил, что значит завоевание новых территорий и их германизация: «Речь идет не о приобретении пространства, пригодного для сельского хозяйства. Для решения германского вопроса может быть только один путь – путь насилия» [1].

Была развернута политическая кампания по дискредитации так называемого «еврейско-

acquiring space suitable for agriculture. There can be only one way to solve the German question – the way of violence" [1].

A political campaign was launched to discredit the so-called "Jewish-Bolshevik regime" in the Soviet Union. Discussions about the inevitability of movement to the East, to the borders of the Soviet Union, accompanied German politics since 1933.

The fundamental directions of Nazi policy were outlined by SS Reichsführer Heinrich Himmler on May 25, 1940, in a secret memorandum titled "Some considerations regarding the treatment of

большевистского режима» в Советском Союзе. Риторика о неизбежности движения на Восток, в пределы Советского Союза, сопровождала немецкую политику с 1933 г.

Основополагающие направления нацистской политики были изложены рейхсфюрером СС Г. Гиммлером 25 мая 1940 г. в секретном меморандуме «Некоторые соображения при обращении с местным населением восточных областей». В нем очищение присоединяемых территорий на Востоке от народов «чужой расы» рассматривалось как важнейшая задача «восточной политики».

В меморандуме от 25 мая 1940 г. указывалось, что захваченные восточные территории следует рассматривать как объект планомерной колонизации и германизации. Местное население предлагалось расчленить на бесчисленное количество групп в целях воспрепятствования их объединению. Эта мера была направлена на постепенное уничтожение генофонда славянского народа. Основную массу местного населения нацистами планировалось превратить в полуграмотных рабов. Советские граждане рассматривались ими как «смесь более низких или низших типов человеческих особей, то есть в действительности как субчеловеческий тип» [1]. Осуществление всей этой варварской программы было рассчитано на 10 лет, после чего на Востоке осталось бы лишь неполноценное население, пригодное исключительно для тяжелой работы.

В середине 1940 г. руководство Германии приступило к разработке плана нападения, получившего известность под названием «Операция «Барбаросса». «План «Барбаросса» призван был стать одним из ключевых документов нацистской программы на пути к мировому господству. Этот документ имел принципиальное значение для осуществления нацистской политики на оккупированной территории СССР в целом, включая территорию Беларуси. В его основу и был положен принцип «молниеносной войны».

18 декабря 1940 г. директива № 21 «План «Барбаросса» была подписана Гитлером. Согласно этому документу, Советский Союз планировалось разбить в ходе кратковременной кампании. После утверждения директивы № 21 военное командование приступило к разработке планов организации управления захваченными восточными территориями. Первый вариант этого документа в начале марта 1941 г. был представлен Гитлеру для утверждения. Однако Гитлер вернул

the indigenous population in the Eastern territories". In this memorandum, the eradication of "foreign race" peoples from the annexed territories in the East was considered a crucial task of the "Eastern policy".

The memorandum on May 25, 1940 stated that the captured eastern territories were to be regarded as the object of systematic colonisation and Germanisation. The locals were to be divided into numerous groups in order to prevent their uniting. This measure was aimed at the gradual destruction of the gene pool of the Slavic people. The Nazis planned to turn the majority of the local population into semi-literate slaves. Soviet citizens were considered as "a mixture of lower or inferior types of human beings, that is, in reality as a sub-human type" [1]. The implementation of the entire barbaric program was planned to last 10 years, after that time there would be only an inferior population left in the East, fit only for hard labor.

By mid-1940, the German leadership began developing a strategic attack plan called "Operation Barbarossa". Intended to be a pivotal document in the Nazi agenda for global domination, plan "Barbarossa" held fundamental significance for their policy throughout the occupied USSR territories, including the territory of Belarus. Its foundation rested on the concept of "Blitzkrieg," also known as the "lightning war."

On December 18, 1940, Hitler signed Directive No. 21 "Plan "Barbarossa". According to this document, the Soviet Union was to be defeated in a short campaign. After Directive No. 21 was approved, the military high command began to prepare organizational plans for the governance of the conquered eastern territories. The first version of this document was submitted to Hitler for approval in early March 1941. However, Hitler returned the document for revision, since the proposals on the traditional regime of military-administrative governance in the occupied territories contradicted his proclaimed concept of "war of destruction", and the Führer drew attention to this fact [1].

In the process of development of the plan "Barbarossa" and in the course of preparation for the attack on the USSR, the number of various orders, instructions and manuals of governing structures, various departments, military commanders on the issues of mass extermination of the popula-

документ на доработку, поскольку сформулированные предложения по введению на оккупированных территориях традиционного режима военно-административного управления противоречили провозглашенной им концепции «войны на уничтожение», на что фюрер и обратил внимание [1].

В процессе разработки плана «Барбаросса» и по мере подготовки к нападению на СССР количество различных приказов, распоряжений, инструкций и наставлений руководящих структур, различных ведомств, военного командования по вопросам массового истребления населения возрастало с каждым днем, создавая очертания зловещей преступной политики. В ее основе была установка, данная Гитлером 30 марта 1941 г. на совещании высшего генералитета вермахта, где он открыто заявил, что борьба против Советского Союза будет вестись на уничтожение, что это будет «истребительная война в полном смысле этого слова», что «война на Востоке будет резко отличаться от войны на Западе», что она является «борьбой между расами», «борьбой идеологий», «борьбой на уничтожение» [1]. Начальник генерального штаба сухопутных сил Ф. Гальдер угодливо фиксировал в дневнике мысли фюрера: «Отразить в приказе главнокомандующего. Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке жестокость сегодня означает терпимость в будущем» [1].

13 марта 1941 г. переработанный план был утвержден начальником штаба верховного главнокомандования вермахта фельдмаршалом В. Кейтелем под названием «Инструкция об особых областях к директиве № 21». Инструкция ясно указывала на то, что планирование войны осуществлялось именно как «войны на уничтожение».

В соответствии с инструкцией командующие армиями наделялись неограниченными правами «проводить в жизнь все мероприятия, необходимые для выполнения задач и для обеспечения безопасности армии» [1].

6 мая 1941 г. главой верховного командования сухопутных сил (ОКХ) фельдмаршалом Вальтером фон Браухичем был подписан приказ «О комиссарах». В соответствии с этим приказом уничтожение политработников (комиссаров) во фронтовой зоне должно было осуществляться германскими войсками, а в тыловой зоне – айнцагруппами – оперативными соединениями, предназначенными для обеспечения

tion was increasing every day, outlining a dreadful criminal policy. It was based on the directive given by Hitler on March 30, 1941, at a meeting of the Wehrmacht's top generals, where he openly declared that the battle against the Soviet Union would be fought for destruction, that it would be a "war of extinction in its full sense", that "the war in the East will be sharply different from the war in the West", that it was a "battle between races", a "battle of ideologies", a "battle for destruction" [1]. Chief of the General Staff of the Land Forces F. Galder pleasingly recorded the Führer's ideas in his diary: "To be reflected in the order of the Commander-in-Chief. This war will be sharply different from the war in the West. In the East, cruelty today means tolerance in the future" [1].

On March 13, 1941, the revised plan was approved by Field Marshal W. Keitel, the Chief of Staff of the Supreme Command of the Wehrmacht, under the title "Instruction on Special Areas to Directive No. 21". The instruction clearly noted that the war planning was carried out as a "war of destruction".

According to the instruction, army commanders were given unlimited rights to "carry out all activities necessary to fulfill the tasks and to ensure the army's safety" [1].

On May 6, 1941, Field Marshal Walter von Brauchitsch, head of the Supreme Command of the Land Forces (OKH), signed the order "On Commissars". In accordance with this order, political officers (commissars) were to be destroyed in the front zone by German troops, and in the rear zone by Einsatzgruppen – operational units intended to ensure an active punitive policy of the Third Reich in the war with the USSR. They included "Einsatzkommandos" and "Sonderkommandos" – special armed units for punitive actions, and they mainly consisted of representatives of the SS, the Security Police and SD. At the same time, in May 1941, four "Einsatzgruppen" were created with the conventional names "A", "B", "C", "D".

From that moment on, the extermination of the population in the occupied territories of the USSR became a joint task for the Wehrmacht, the SS, the Security Police and the SD. Representatives of all paramilitary German structures took part in the planning and execution of punitive operations.

активной карательной политики Третьего рейха в войне с СССР. В их состав входили «айнзацкоманды» и «зондеркоманды» – специальные вооруженные подразделения для проведения карательных акций, в состав которых входили в основном представители СС, полиции безопасности и СД. Тогда же, в мае 1941 г., и были созданы 4 «айнзацгруппы» с условными наименованиями «А», «В», «С», «D».

С этого момента дело по истреблению населения на оккупированных территориях СССР стало совместным для вермахта, СС, полиции безопасности и СД. В планировании и реализации карательных операций принимали участие представители всех военизированных немецких структур.

Опыт использования подобных подразделений был хорошо известен. Помимо уничтожения активных противников, любой, кто в силу своих убеждений либо своего прошлого при благоприятных условиях мог оказаться активным врагом, также должен был быть уничтожен. В первую очередь уничтожению должны были быть подвергнуты представители власти и интеллигенции, партийный актив, население еврейской национальности.

С целью «развязать руки» нацистам для совершения массовых карательных операций, не опасаясь военного трибунала, 13 мая 1941 г. начальником штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии В. Кейтелем была подписана директива «О военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых полномочиях войск» [3].

Если в приказе «О комиссарах» речь шла об уничтожении одной из категорий военнопленных, то в директиве «О военной подсудности» – об уничтожении гражданского населения.

Подписанная директива стала тем официальным документом, который освобождал офицеров и солдат вермахта от юридической и моральной ответственности за любые преступления в отношении населения на оккупированной территории.

Массовое уничтожение мирного населения по любым причинам не просто узаконивалось этим документом, а предписывалось им к исполнению. В частности, об этом свидетельствует п. 4 раздела I данного документа: «В отношении населенных пунктов, в которых вооруженные силы подвергались коварному или предательскому нападению, должны быть применены распо-

The experience of employing such units was quite well-known. Besides the destruction of active enemies, anyone who by virtue of his beliefs or his background, under favorable conditions, could turn out to be an active enemy was also to be destroyed. First of all, the authorities and intellectuals, party activists, and the Jewish population were to be destroyed.

In order to give the Nazis a free hand in carrying out mass punitive operations without fear of a military tribunal, on May 13, 1941, the Chief of Staff of the Supreme Command of the German Armed Forces, W. Keitel, signed a directive "On military jurisdiction in the area of "Barbarossa" and on the special powers of the troops" [3].

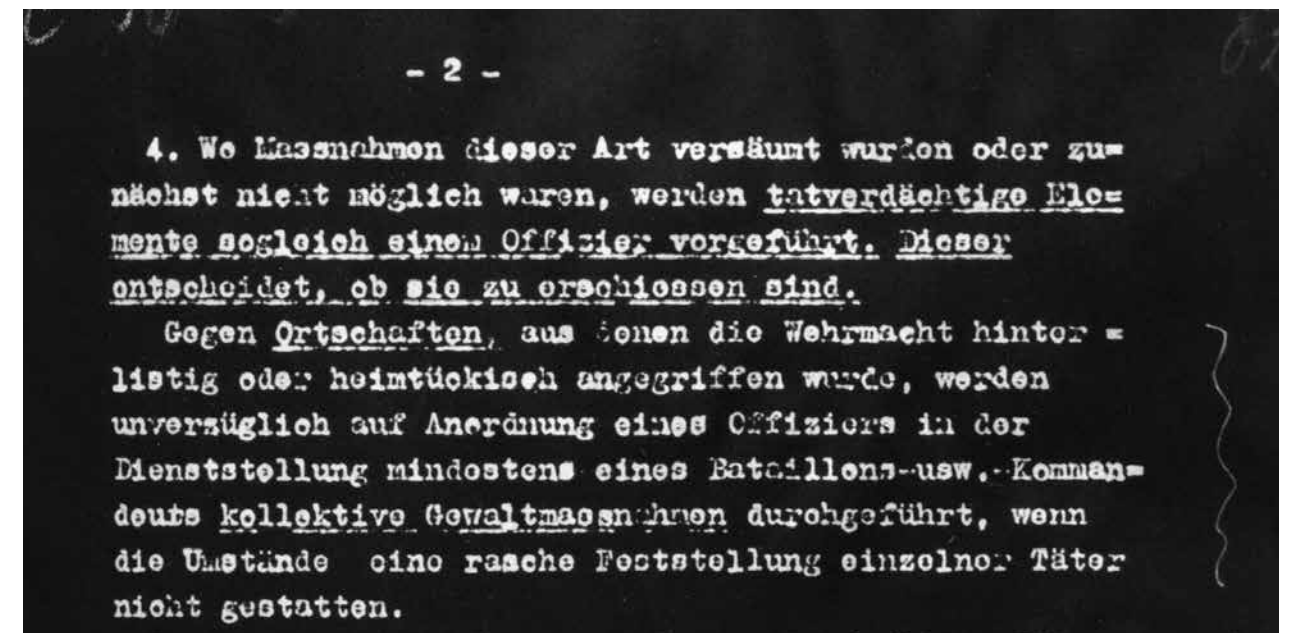
Whereas the order "On Commissars" referred to the destruction of only one category of prisoners of war, the directive "On military jurisdiction" referred to the destruction of the civilian population.

The signed directive was the official document that exempted Wehrmacht officers and soldiers from legal and moral responsibility for any crimes against the population in the invaded territory.

Mass destruction of the civilian population for any reason was not just legitimized by this document, but also prescribed for execution. In particular, this is proved by paragraph 4 of Section I of the document: "Massive violent measures shall be used

ряжением офицера, занимающего должность не ниже командира батальона, массовые насильственные меры, если обстоятельства не позволяют быстро установить конкретных виновников» [3].

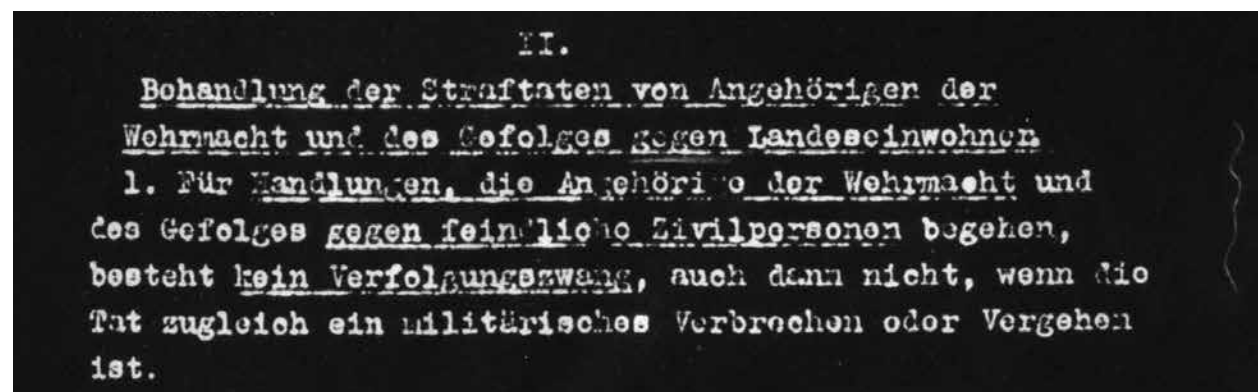
against locations where the armed forces have been insidiously or treacherously attacked, by order of an officer not below the rank of battalion commander, if circumstances do not allow quick identification of the particular guilty parties" [3].

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 166. Л. 65–70
State Archive of the Russian Federation. F. 7445. Op. 2. D. 166. L. 65–70

Нацистское руководство, согласно указанной директиве, предписывало вести разбирательство в отношении солдат вермахта исключительно в тех случаях, когда это необходимо по соображениям «поддержания воинской дисциплины и обеспечения безопасности войск». Однако этот абзац оставлял значительное количество лазеек для оправдания насилия, так как не было названо конкретных видов преступлений, за совершение которых последует наказание. То есть прямо указывалось, что наказуемыми будут деяния в исключительных случаях, а исключение, как известно, лишь доказывает правило. В данном случае указанное в другом абзаце: «возбуждение преследования за действия, совершенные военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок» [3].

The Nazi leaders, under this directive, ordered proceedings against Wehrmacht soldiers only when it was necessary to "maintain military discipline and ensure the safety of the troops". However, this paragraph allowed a significant number of loopholes to justify violence, as it did not name specific types of crimes to be punished. That is, it was explicitly stated that acts in exceptional cases would be punishable, and the exception, as we know, only proves the rule. In this case the other paragraph stated: "prosecution of acts committed by military and service personnel against hostile civilians is not mandatory even when those acts simultaneously constitute a military felony or misdemeanor" [3].

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 166. Л. 65–70
State Archive of the Russian Federation. F. 7445. Op. 2. D. 166. L. 65–70

Таким образом, немецким солдатам фактически сообщили, что наказание за преступления на восточных территориях не является обязательным и что в действительности может быть оправдано любое насилие в отношении мирного населения.

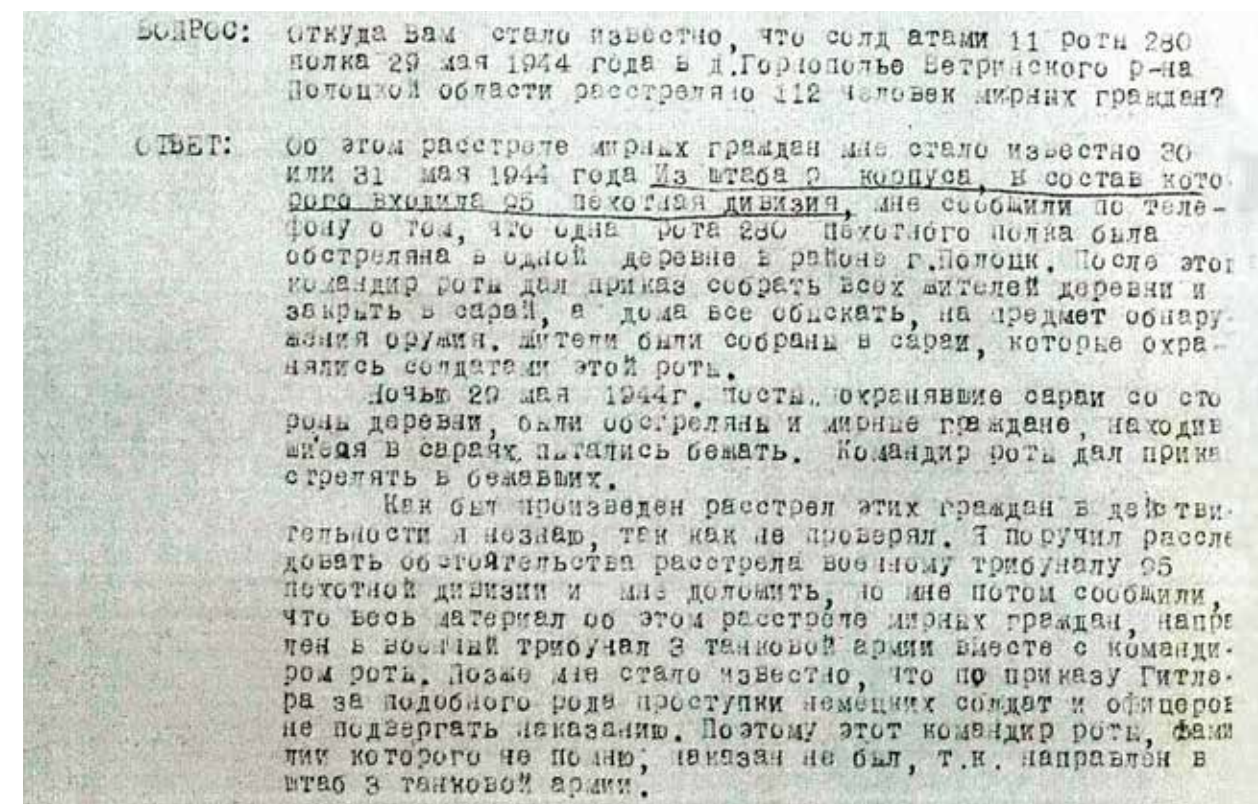
Весьма емко о смысле этого приказа выразился немецкий историк Вольфрам Ветге: «Каждый участник Восточного похода вермахта знал, что ему все позволено и он не предстанет перед военным трибуналом» [1]. Отныне жителей СССР можно было безнаказанно убивать. Документ «О военной подсудности» был направлен на воспитание в германских солдатах беспощадности и инициативы к убийствам, необходимых для ведения войны на уничтожение. Это прекрасно понимали все заинтересованные лица.

Ярким примером того, что этим документом нацистам предоставлялся «карт-бланш» для совершения массовых карательных актов является допрос командира 95-й пехотной дивизии нациста Герберта Карла Михаэлиса, сообщившего, что именно в силу этого документа не были привлечены к ответственности немецкие солдаты за убийства мирных граждан в одной из деревень вблизи г. Полоцка.

Thus, German soldiers were thus actually told that punishment for crimes in the eastern territories was not compulsory and in fact any violence against civilians could be justified.

Wolfram Wetge, a German historian, summed up the sense of this order: "Every participant in the Wehrmacht's Eastern Campaign was aware that everything was allowed and that he would not face a military tribunal" [1]. Henceforth, the USSR citizens could be killed without punishment. The document "On military jurisdiction" was aimed at cultivating in German soldiers the ruthlessness and initiative to kill that were necessary for the war of destruction. This was well understood by all concerned.

A striking example of the fact that this document provided the Nazis with "carte blanche" to commit mass punitive acts is the interrogation of the commander of the 95th Infantry Division, the Nazi Herbert Karl Michaelis, who reported that it was due to this document that German soldiers were not brought to justice for the murder of civilians in a village near the town of Polotsk.

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 2209. Л. 35
National Archive of the Republic of Belarus. F. 1363. Op. 1. D. 2209. L. 35

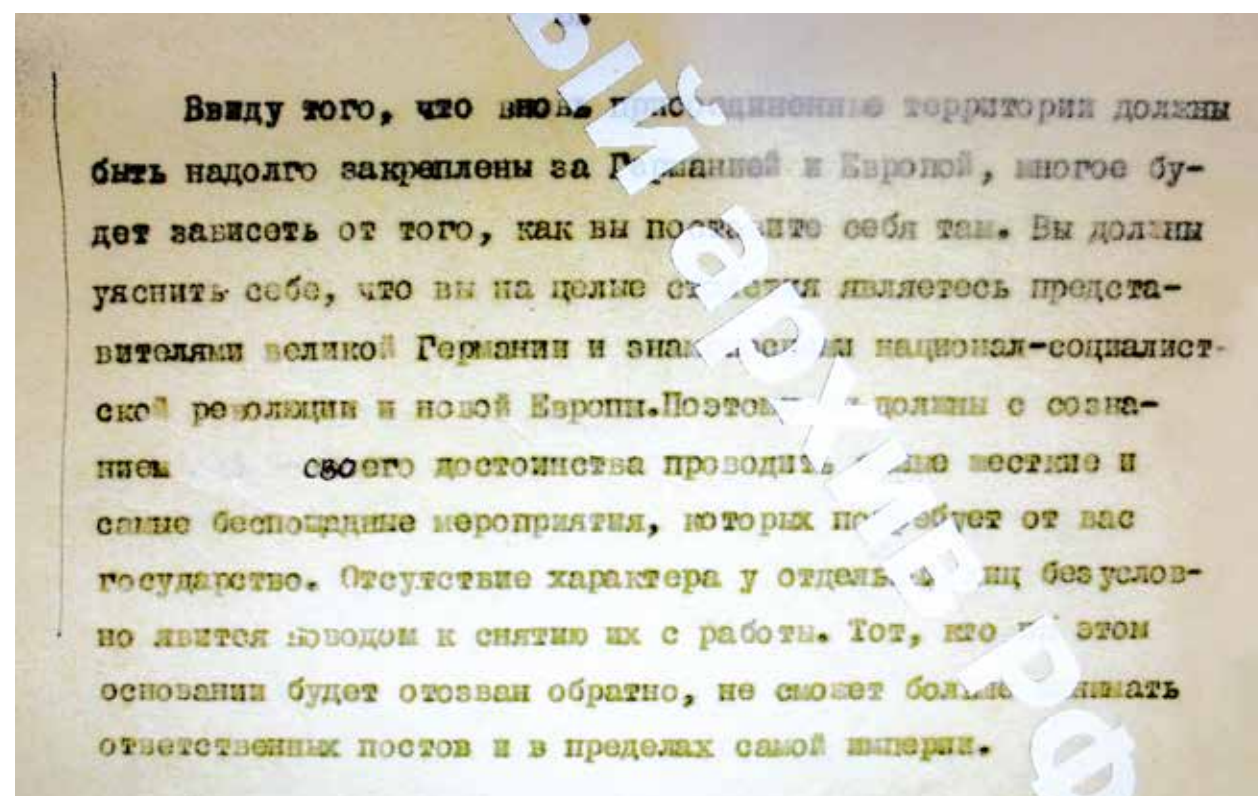
QUESTION: Why do you know that the soldiers of the 11th Company 280th Regiment shot 112 civilians on May, 29, 1944 in village of Gornopolye, Vetrino district, Polotsk region?

ANSWER: I became aware of this shooting of civilians on May 30 or 31, 1944 from the headquarters of the Eighth Army Corps, which belonged to the 95th Infantry Division. I was informed by telephone that one company of the 280th infantry regiment had been attacked in a village near the town of Polotsk. After that, the commander of the company ordered to gather all the residents of the village and lock them in a barn, and to search the houses for weapons. The residents were gathered in the barns, watched over by soldiers of the company.

On the night of May 29, 1944, the guards at the posts securing the barns on the village side were fired upon and the civilians in the barns tried to escape. The Company Commander gave the order to shoot those who escaped.

I do not know how these people were shot in reality, as I did not check. I ordered to investigate the circumstances of the shooting to the military tribunal of the 95th Infantry Division and to report to me. I was then informed that all material about this shooting of peaceful citizens was sent to the military tribunal of the 3rd Tank Army together with the Company Commander. Later I learned that Hitler ordered that German soldiers and officers should not be punished for this kind of misconduct. Therefore this Company Commander, whose surname I do not remember, was not punished, as he was sent to the headquarters of the 3rd Tank Army.

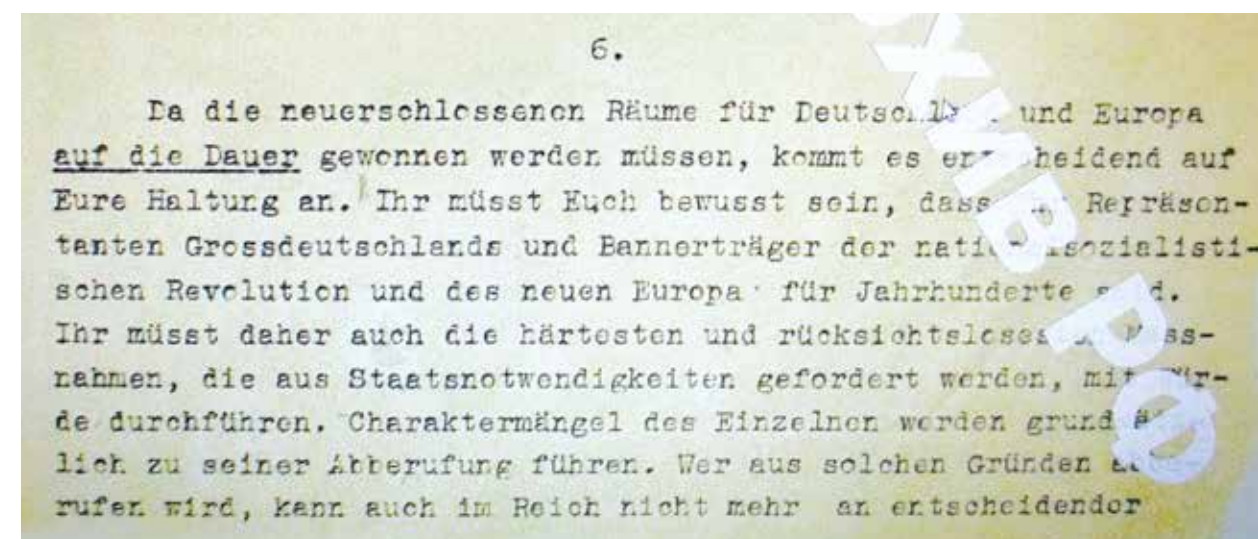
Преступные методы оккупационной политики нашли свое продолжение в Инструкции уполномоченного по продовольствию и сельскому хозяйству статс-секретаря Бакке о поведении должностных лиц на территории СССР, намеченной к оккупации от 1 июня 1941 г., получившей неофициальное название «Двенадцать заповедей поведения немцев на Востоке». Ее содержание подтверждает расовую сущность политики германских властей по отношению к мирному населению на восточных территориях. Нацистское руководство поощряло и предписывало проявлять беспрецедентную жестокость на оккупированных территориях, о чем свидетельствует шестой пункт этого документа: «Ввиду того, что вновь присоединенные территории должны быть надолго закреплены за Германией и Европой, многое будет зависеть от того, как вы поставите себя там. Вы должны уяснить себе, что вы на целые столетия являетесь представителями великой Германии и знаменосцами национал-социалистической революции и новой Европы. Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жесткие и самые беспощадные мероприятия, которые потребуют от вас государство» [4].

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 12. Л. 3-9
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 12. L. 3-9

The criminal methods of the occupation policy were continued in the Instruction of the Commissioner for Food and Agriculture, State Secretary Bakke, on the conduct of officials in the territory of the USSR scheduled for occupation of June 1, 1941, unofficially called "The Twelve Commandments of Germans' Conduct in the East". The contents of the document reaffirm the racial nature of the German authorities towards civilians in the eastern territories. The Nazi leadership not only endorsed but also commanded acts of unparalleled cruelty in the occupied regions, as explicitly revealed in Paragraph 6 of this document: "Considering that the recently annexed territories are intended for permanent inclusion within Germany and Europe, much will depend on how you position yourselves there. It is crucial to recognize that you are representatives of great Germany and bearers of the National Socialist revolution, shaping the future of Europe for generations to come. Consequently, you must carry out the most cruel and ruthless measures demanded by the state while maintaining your sense of dignity" [4].

Considering that the recently annexed territories are intended for permanent inclusion within Germany and Europe, much will depend on how you position yourselves there. You must understand that you are the representatives of the Great Germany and the National Socialist evolution in the new Europe for a whole century. Therefore, you must carry out the most cruel and most ruthless measures demanded of you by the state while maintaining your sense of dignity. A lack of character of individuals will certainly be a reason for removing them from their jobs. Anyone, who is recalled back on this basis, will no longer be able to hold positions of responsibility within the empire itself.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 12. Л. 59-63
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 12. L. 59-63

«Заповеди» признавали единственным методом управления неограниченный террор и беспощадную эксплуатацию советского населения, которое откровенно и последовательно рассматривалось как бесправная масса рабов.

Преступные намерения нацистского руководства в отношении народов СССР подтверждают указания, данные гитлеровской армии 2 мая 1941 г.: «Каждая боевая операция, и в планировании, и в ее проведении, должна осуществляться с непреклонной волей к беспощадному тотальному истреблению противника. В особенности никакой пощады по отношению к представителям русско-большевистской системы» [1].

Законом для нацистов стали слова Гитлера: «Мы обязаны истреблять население – это входит в нашу миссию охраны германского населения. Нам придется развить технику истребления населения. Если я посылаю цвет германской

"Commandments" accepted the only method of governance as unlimited terror and ruthless exploitation of the Soviet population, which was openly and consistently regarded as a powerless mass of slaves.

The criminal intentions of the Nazi leadership against the USSR peoples are confirmed by the instructions given to Hitler's army on May 2, 1941: "Every combat operation, both in planning and in its execution, must be carried out with an unyielding will for the merciless total destruction of the enemy. In particular, show no mercy to the representatives of the Russian-Bolshevik system" [1].

Hitler's words became law for the Nazis: "We must destroy the population – it is part of our mission to protect the German population. We will have to advance the population-extermination technique. If I send the cream of German nation into the fiery furnace of war, spilling pre-

нации в пекло войны, без малейшей жалости проливая драгоценную немецкую кровь, то, без сомнения, я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как черви» [1].

Перед нападением на Советский Союз все солдаты немецкой армии получили указание Гитлера: беспощадно относиться к советским гражданам и нещадно убивать последних. В частности, об этом свидетельствуют показания командира 87-й пехотной дивизии Маурица Штрахвица: «Не могу точно сказать, 20 или 21 июня 1941 года в штаб командующего прибыл приказ от группы войск «Север» генерал-фельдмаршала фон Леба (примечание: имеется в виду Вильгельм фон Лееб, командующий группы армий «Север»), в котором говорилось, что 22 июня 1941 года перейти границу Советского Союза. В это же время пришло воззвание за подписью Гитлера, в этом воззвании указывалось, чтобы солдаты и офицеры беспощадно относились к русским, рассматривая их как врагов, чтобы уничтожали всех попавшихся комиссаров, и разрешалось делать все, что вздумается, на оккупированной территории противника. Воззвание должно было быть зачитано всем солдатам...

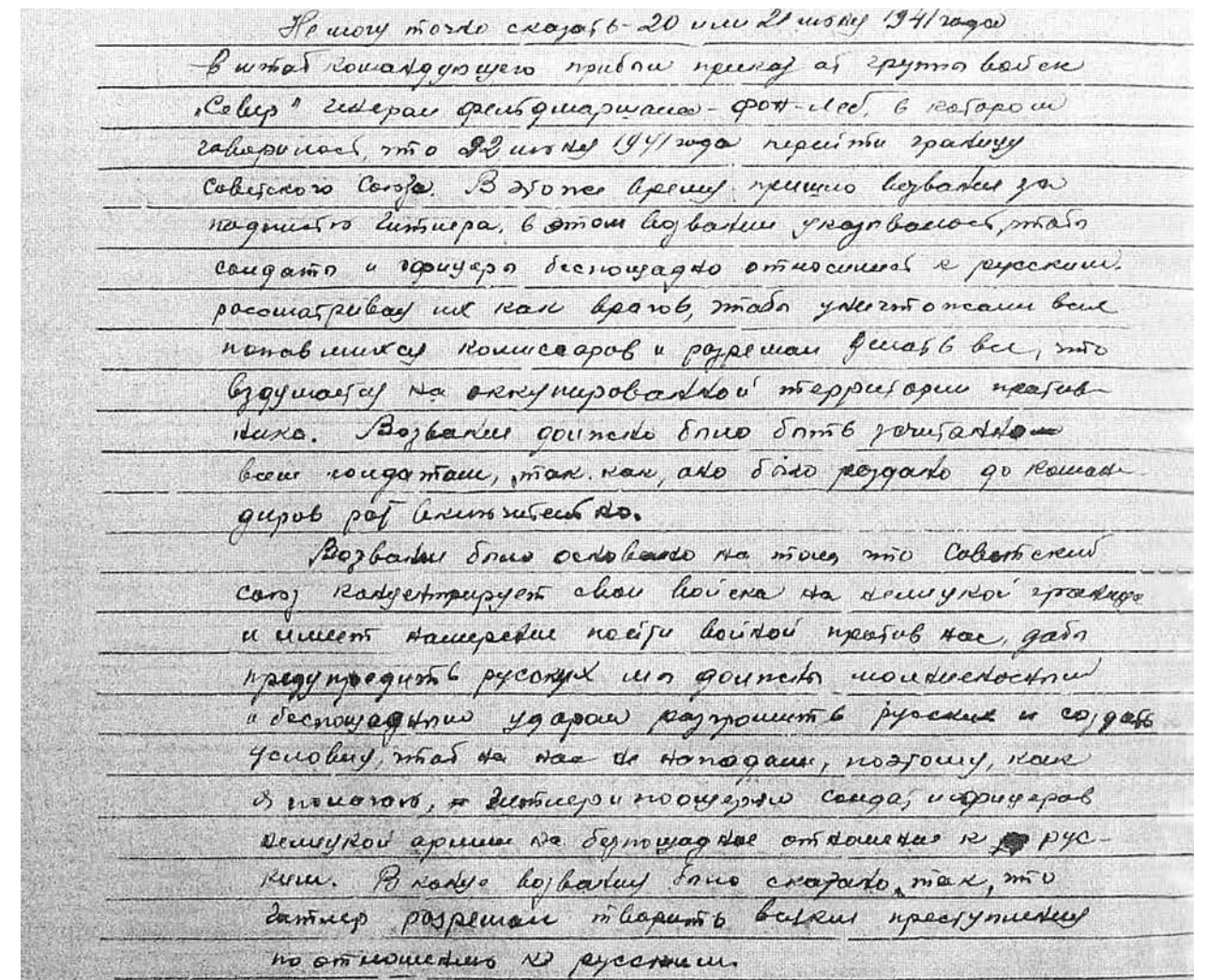
Воззвание было основано на том, что Советский Союз концентрирует свои войска на немецкой границе и имеет намерение пойти войной против нас, дабы предупредить русских мы должны молниеносным и беспощадным ударом разгромить русских и создать условия, чтобы на нас не нападали, поэтому, как я полагаю, Гитлер и поощрял солдат и офицеров немецкой армии на беспощадное отношение к русским. В конце воззвания было сказано, что Гитлер разрешал творить всякие преступления по отношению к русским» [5].

cious German blood without the slightest pity, then, no doubt, I have the right to destroy millions of people of an inferior race, who reproduce like worms" [1].

Prior to the invasion of the Soviet Union, Hitler explicitly instructed all German soldiers: to show no mercy towards Soviet citizens and to ruthlessly eliminate them. The testimony of commander Mauritz Strachwitz from the 87th Infantry Division confirms this: "I can not say for sure, either on June 20 or 21, 1941 an order from the Army Group "North" of General Field Marshal von Leeb (note: referring to Wilhelm von Leeb, commander of Army Group "North") reached the commander's headquarters, saying to cross the border of the Soviet Union on June 22, 1941. At the same time an appeal signed by Hitler arrived, this appeal stated that soldiers and officers should treat the Russians mercilessly, treating them as enemies, that they should destroy all the commissars. This document allowed German soldiers and officers to do whatever they wanted in the occupied enemy territory. The appeal would be read out to all soldiers...

The appeal was based on the fact that the Soviet Union was concentrating its troops on the German border and had the intention to go to war against us, in order to warn the Russians we must defeat the Russians with a lightning and merciless attack and provide conditions so that we would not be attacked, so I believe Hitler encouraged German soldiers and officers to treat the Russians ruthlessly. At the end of the proclamation it was said, that Hitler gave permission to commit all sorts of crimes against the Russians" [5].

I can not say for sure, either on June 20 or 21, 1941 an order from the Army Group "North" of General Field Marshal von Leeb reached the commander's headquarters, saying to cross the border of the Soviet Union on June 22, 1941. At the same time an appeal signed by Hitler arrived, this appeal stated that soldiers and officers should treat the Russians mercilessly, treating them as enemies, that they should destroy all the commissars. This document allowed German soldiers and officers to do whatever they wanted in the occupied enemy territory. The appeal would be read out to all soldiers...

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 2677. Л. 290б
National Archive of the Republic of Belarus. F. 1363. Op. 1. D. 2677. L. 290b

Однако основополагающим программным документом, который определял приоритетные направления нацистской политики в отношении народов Восточной Европы, являлся генеральный план «Ост» («Восток»), разработка которого началась еще до нападения Германии на СССР. Конкретно знали о нем немногие, немного сведений о нем сохранили и архивы. В основу плана легла расовая человеконенавистническая теория, возведенная в ранг государственной политики, так называемая «новая территориальная политика» гитлеровской Германии.

Во время судебного процесса в Нюрнберге стало известно, что нацистская оккупационная политика на захваченных территориях, включая Беларусь, осуществлялась в полном соответствии с генеральным планом «Ост», созданным в ведомстве Гимmlера. Хотя оригинал и не был

The appeal was based on the fact that the Soviet Union was concentrating its troops on the German border and had the intention to go to war against us, in order to warn the Russians we must defeat the Russians with a lightning and merciless attack and provide conditions so that we would not be attacked, so I believe Hitler encouraged German soldiers and officers to treat the Russians ruthlessly. At the end of the proclamation it was said, that Hitler gave permission to commit all sorts of crimes against the Russians.

However, the fundamental program document, which determined the priority directions of Nazi policy towards the peoples of Eastern Europe, was

выявлен, однако обнаруженные и предоставленные в распоряжение военного трибунала «Замечания и предложения по генеральному плану «Ост» рейхсфюрера войск СС», подписанные 27 апреля 1942 г. начальником отдела колонизации 1-го главного политического управления «Восточного министерства» доктором Ветцелем, дают достаточно полное представление об этом плане и в целом о немецкой политике в отношении народов Восточной Европы. Как свидетельствует этот документ, на завоеванных славянских территориях предусматривалось проведение политики геноцида в ее самых крайних формах:

- 1) физическим истреблением больших масс народа;
- 2) сокращением населения путем преднамеренной организации голода;
- 3) уменьшением населения в результате организованного снижения рождаемости и ликвидации медицинского и санитарного обслуживания;
- 4) истреблением интеллигенции – носителя и продолжателя научно-технических знаний и навыков, культурных традиций каждого народа и низведением образования до низшего уровня;
- 5) разобщением, дроблением отдельных народов на мелкие этнические группы;
- 6) «переселением» масс населения в Сибирь, Африку, Южную Америку и другие районы земли;
- 7) аграризацией захваченных территорий и лишением славянских народов собственной промышленности [1].

Отметим, что первый вариант плана «Ост», датированный 15 июля 1941 г., не сохранился. Второй вариант – основной – датирован 25 мая 1942 г., утвержден Гиммлером в июне 1942-го. Третий вариант, представленный Гиммлеру 15 февраля 1943 г., не установлен.

Истинные масштабы геноцида белорусского народа и цели нацистов в отношении нашей страны, заложенные в генеральном плане «Ост», можно отчетливо увидеть через призму тех документов, в которых сохранились оценки положений плана, сделанные гитлеровскими функционерами.

«Выселение» по плану «Ост» означало уничтожение на протяжении 30 лет около 31 млн человек, в том числе 75 % населения Беларуси.

В ходе войны в соответствии с установками плана «Ост» нацистские структуры разраба-

the General Plan "Ost" ("East"), its developing began before German forces attacked the USSR. Only few people knew about it, and not much information about it was saved in the archives. The plan was based on the race hate theory promoted to the rank of state policy, the so-called "new territorial policy" of Hitler's Germany.

During the court trial in Nuremberg it became known that the Nazi occupation policy in the occupied territories, including Belarus, was carried out in full compliance with the General Plan "Ost" created in Himmler's department. Although the original has not been found, the "Remarks and Proposals on the General Plan "Ost" of the Reichsführer SS", signed on April 27, 1942, by Dr. Wetzel, Chief of the Colonization Department of the 1st Main Political Department of the "Eastern Ministry", and presented to the military tribunal, give a fairly complete overview of this plan and, in general, of German policy towards the peoples of Eastern Europe. According to this document, a policy of genocide in its most extreme forms was planned for the conquered Slavic territories:

- 1) physical extermination of large numbers of people;
- 2) depopulation by the deliberate starvation;
- 3) population reduction by organized reduction of birth rate and elimination of medical and sanitary services;
- 4) extermination of the intellectuals – carriers and successors of scientific and technical knowledge and skills, cultural traditions of each nation and lowering education to the lowest level;
- 5) disunity, breaking up of separate peoples into small ethnic groups;
- 6) "resettlement" of population masses to Siberia, Africa, South America and other regions of the earth;
- 7) agrarianization of the conquered territories and deprivation of Slavic peoples of their own industry [1].

Note that the first version of the plan "Ost", dated July 15, 1941, has not been preserved. The second version – the main one – dated May 25, 1942, was approved by Himmler in June 1942. The third version, submitted to Himmler on February 15, 1943, is not found.

The actual extents of the genocide of the Belarusian people and the Nazi goals in respect of our country, set forth in the General Plan "Ost", can be clearly seen through the perspective of those docu-

ments, which contain the assessments of the plan's provisions, made by Hitler's executives. Under the plan "Ost", "eviction" meant the extermination of about 31 million people including 75 % of Belarus' population for 30 years. During the war, in compliance with the plan "Ost", Nazi structures planned short-term programs for the extermination of the Belarusian population. Belarus was to be completely cleared of the local population on the territory from its western border to the line Grodno – Slonim, the southern part of Brest region, the districts of Pinsk, Mozyr and other parts of Polesie along the line Pruzhany, Gantsevichi, Parichi, Rechitsa, and settled with only German colonists. It was planned to settle 50 thousand colonists in Minsk and keep 100 thousand locals for their service, in Gomel – respectively 30 thousand and 50 thousand, in Mogilev – 20 thousand and 50 thousand, in Vitebsk – 20 thousand and 40 thousand, etc. [1].

В письме М. Бормана А. Розенбергу 23 июля 1942 г. относительно политики на оккупированных территориях М. Борман «по поручению фюрера» доводил до сведения министра ряд принципов:

«1. Мы можем быть только заинтересованы в том, чтобы сокращать прирост населения оккупированных восточных областей путем абортов [...].

2. [...] Именно поэтому мы должны принять необходимые меры против размножения немецкого населения.

3. Поэтому ни в коем случае не следует вводить немецкое обслуживание для местного населения оккупированных восточных областей. Например, ни при каких условиях не должны производиться прививки и другие оздоровительные мероприятия для немемецкого населения [...]» [1].

Таким образом, уничтожение советского государства и подавляющей части его населения, включая белорусский народ, колонизация завоеванных территорий, порабощение, «германизация», депортация и уничтожение народов СССР составляли основу нацистских планов с самого начала существования Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП). Захват Советского Союза имел для нацистов экзистенциальный характер, был направлен на расширение «жизненного пространства» и в конечном итоге на достижение мирового господства. Заявления о «борьбе с еврейским большевизмом», об «освобождении порабощенных народов» и т. п. были лишь пропагандистским оправданием главной цели нацистов – тотальное массовое уничтожение славянского и еврейского населения, а также других этнических групп.

ments, which contain the assessments of the plan's provisions, made by Hitler's executives.

Under the plan "Ost", "eviction" meant the extermination of about 31 million people including 75 % of Belarus' population for 30 years.

During the war, in compliance with the plan "Ost", Nazi structures planned short-term programs for the extermination of the Belarusian population. Belarus was to be completely cleared of the local population on the territory from its western border to the line Grodno – Slonim, the southern part of Brest region, the districts of Pinsk, Mozyr and other parts of Polesie along the line Pruzhany, Gantsevichi, Parichi, Rechitsa, and settled with only German colonists. It was planned to settle 50 thousand colonists in Minsk and keep 100 thousand locals for their service, in Gomel – respectively 30 thousand and 50 thousand, in Mogilev – 20 thousand and 50 thousand, in Vitebsk – 20 thousand and 40 thousand, etc. [1].

In a letter from M. Bormann to A. Rosenberg on July 23, 1942, concerning the policy in the occupied territories, M. Bormann "on behalf of the Führer" brought a number of principles to the Minister's attention:

"1. We may only be interested in cutting the population growth of the occupied eastern regions by abortion [...].

2. [...] That is why we should take the necessary measures against the reproduction of the non-German population.

3. Therefore, under no circumstances should German health care be provided for the local population of the occupied eastern regions. For example, vaccinations and other health measures for the non-German population should never be carried out under any circumstances [...]" [1].

Thus, the extermination of the Soviet state and the majority of its population, including the Belarusian people, colonization of the occupied territories, enslavement, "Germanization", deportation and extermination of the peoples of the USSR were the foundation of Nazi plans from the very beginning of the NSDAP. The occupation of the Soviet Union was existential for the Nazis, aimed at expanding their "living space" and finally achieving world domination. The claims about "the battle against Jewish Bolshevism", "liberation of enslaved peoples", etc. were only propaganda justification for the main goal of the Nazis – the total mass extermination of the Slavic and Jewish population, as well as other ethnic groups.

МАССОВЫЕ КАРАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИСТАМИ И ИХ ПОСОБНИКАМИ ПОЛИТИКИ ГЕНОЦИДА БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

22 июня 1941 г. нацистская Германия и ее пособники без объявления войны вероломно напали на Советский Союз. Беларусь первой приняла на себя удар гитлеровских полчищ.

Осуществляя политику геноцида и «молниеносной» войны, нацисты продолжили создание нормативной базы для проведения с первых дней оккупации массовых карательных операций против мирного населения, которые не прекращались вплоть до освобождения территории нашей республики в 1944 г. от немецко-фашистских захватчиков и их пособников.

Система нацистского режима на оккупированных территориях получила свое окончательное оформление на совещании в ставке Гитлера 16 июля 1941 г. На нем была утверждена структура военно-полицейской и гражданской оккупационной власти, определены методы управления захваченными землями, кандидатуры их руководителей. На этом же совещании Гитлер прямо указал о намерении под видом борьбы с партизанским движением осуществлять повсеместные карательные операции: «Русские в настоящее время отдали приказ о партизанской войне в нашем тылу. Эта партизанская война имеет и свои преимущества: она дает нам возможность истреблять все, что восстает против нас» [6].

Die Russen haben jetzt einen Befehl zum Partisanen-Krieg hinter unserer Front gegeben. Dieser Partisanen-Krieg hat auch wieder seinen Vorteil: er gibt uns die Möglichkeit, auszurotten, was sich gegen uns stellt.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 162. Л. 433–443
State Archive of the Russian Federation. F. 7445. Op. 2. D. 162. L. 433–443

Из анализа протокола этого совещания следует вывод, что «поход на Восток» для Гитлера не являлся по своему характеру, методам и планам тождественным военным действиям, которые уже были начаты и продолжались на западных территориях в первые годы Второй мировой войны. Кроме того, Гитлер по-прежнему придерживался мнения, что раскрывать свои цели в полном объеме перед мировой общественностью нет необходимости.

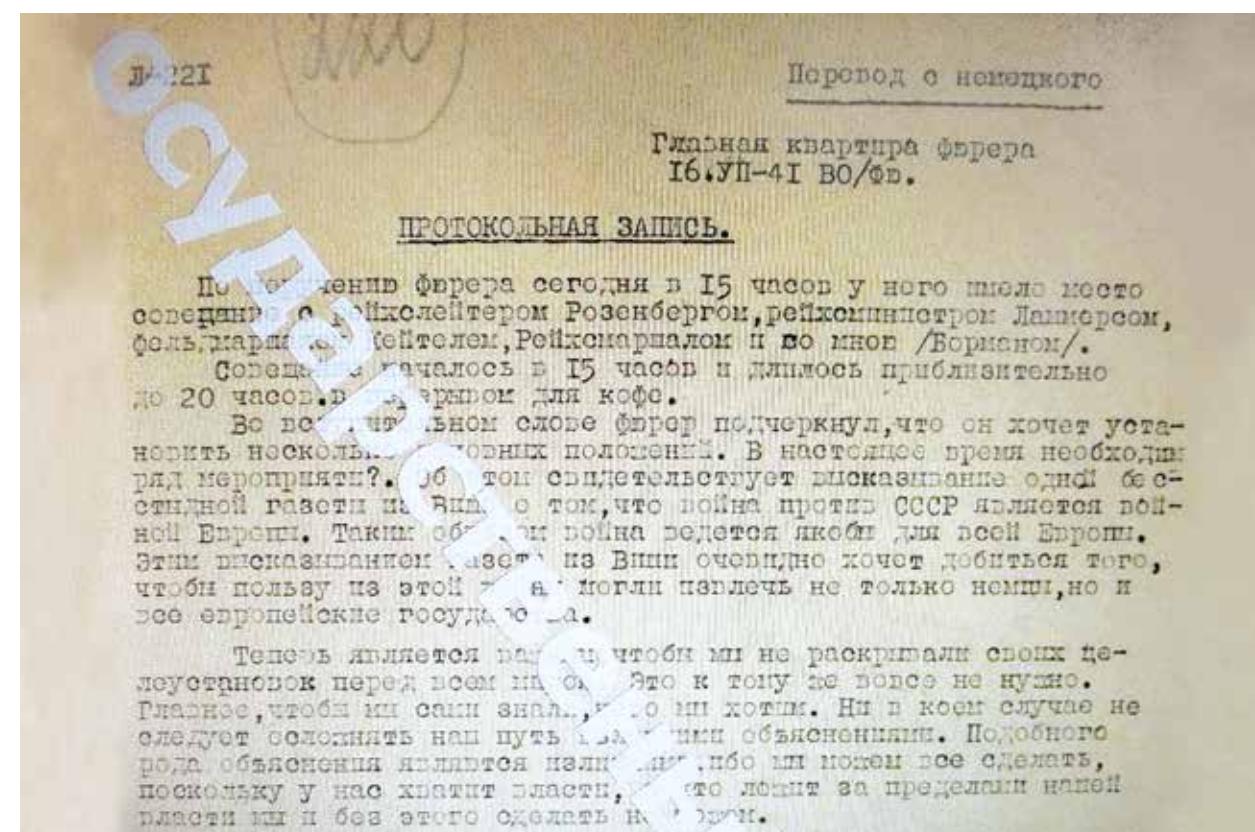
MASS PUNITIVE OPERATIONS AS ONE OF THE FORMS OF IMPLEMENTATION BY THE NAZIS AND THEIR COLLABORATORS OF THE POLICY OF GENOCIDE OF THE BELARUSIAN PEOPLE

On June 22, 1941, Nazi Germany and its collaborators treacherously invaded the Soviet Union without a war declaration. Belarus was the first to take the attack of Hitler's army.

Exercising the policy of genocide and "lightning" war, the Nazis proceeded with the creation of the legal base for carrying out mass punitive operations against the civilians from the first days of occupation, that did not stop until the territory of our republic was freed from the Nazi invaders and their collaborators in 1944.

The Nazi regime system in the occupied territories was completed at a meeting in Hitler's headquarters on July 16, 1941. It approved the structure of the military-police and civil occupation authorities, determined the government methods of the occupied territories and the leadership candidates. At this meeting Hitler clearly announced his intention to conduct nationwide punitive operations under the name of fighting the partisan movement: "The Russians have now ordered partisan war in our rear. This partisan war has certain advantages: it gives us the opportunity to exterminate everything rebelling against us" [6].

Analyzing the minutes of this meeting, it should be concluded that Hitler did not consider the "campaign to the East" equal in character, methods and plans to the military actions that had already been launched and carried on in the western territories in the early years of World War II. Moreover, Hitler still believed that it was not necessary to reveal his aims to the world public in full.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 226. Л. 1–4
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 226. L. 1–4

L-221

Translation from German
The headquarter of Führer
16. VII-41 BO/Fu.

MINUTES NOTE.

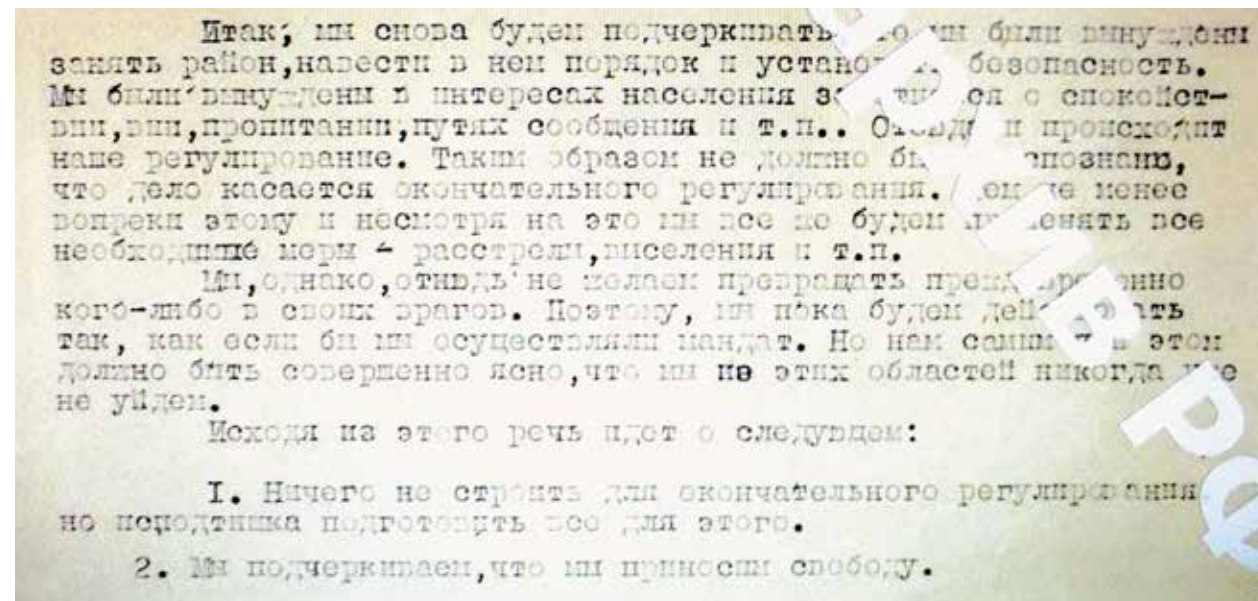
By order of the Führer, a meeting took place today at 15:00 with Reichsleiter Rosenberg, Reichsminister Lammers, Field Marshal Keitel, the Reich Marshal and me (Bormann).

The meeting started at 15 o'clock and lasted until about 20 o'clock with a coffee break. In his opening speech, the Führer emphasized that he wanted to set a few basic points. A number of measures were necessary at the present time. This is evidenced by the statement of a newspaper from Vichy that the war against the USSR is the war of Europe. Thus the war is waged allegedly for the whole of Europe. With this statement the Vichy newspaper obviously wants to ensure that not only the Germans, but also the entire European state can benefit from this war.

Now it is important that we should not disclose our goals to the world. It is not necessary at all. The main thing is that we ourselves know what we want. On no account should our path be complicated by such explanations. Explanations are unnecessary, for we can do everything because we have the power to do it. What lies beyond our power, we cannot do without it. Now it is important that we should not disclose our goals to the world. It is not necessary at all. The main thing is that we ourselves know what we want. On no account should our path be complicated by such explanations. Explanations are unnecessary, for we can do everything because we have the power to do it. What lies beyond our power, we cannot do without it.

Бесчеловечные методы обращения с населением на захваченных землях должны были стать основой «германизации». Говоря об оккупации восточных земель, Гитлер отмечал: «...Таким образом, не должно быть распознано, что дело касается окончательного регулирования. Тем не менее вопреки этому и несмотря на это мы все же будем применять все необходимые меры – расстрелы, выселения и т. п.» [7].

Inhumane methods of treating the population in the occupied territories were to be the keystone of "Germanization". Referring to the occupation of the eastern lands, Hitler noted: "...Thus, it must not be recognized that it concerns ultimate control. Nevertheless, in spite of this and despite this, we shall still take all necessary measures – shootings, evictions, etc." [7].

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 226. Л. 1–4
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 226. L. 1–4

So, we underline again, that we were compelled to occupy the district, establish order and security. We have been compelled in the interests of population to think about tranquility, food provision, ways of transportation and so on. That is the reason of our regulation. So, there should be no doubts that the matter concerns the final regulation, nonetheless despite that we won't take all the necessary measures, shootings, eviction and so on.

We, however, nowhere near don't want to make enemies beforehand. So, for now we won't act in such way, as if we are implementing the mandate. For us it should be certainly clear, that we won't ever live these regions.

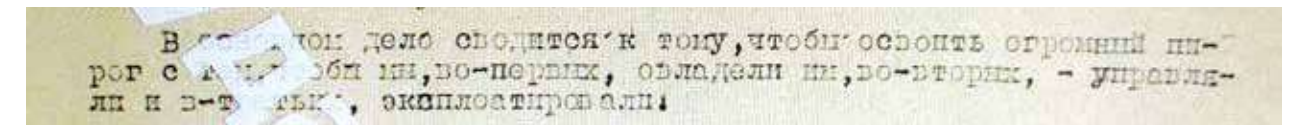
On that premise, we talk about the following:

1. To build nothing for final regulation, but discreetly prepare everything for this.
2. We emphasize that we bring freedom.

На этом совещании Гитлер прямо и открыто сказал, что лозунг о так называемом «освободительном» походе нацистской Германии будет лишь ширмой, прикрывающей истинные

At this meeting, Hitler stated directly and openly that the slogan of Nazi Germany's so-called "liberation" campaign would only be a cover for the Nazis' true occupation goals. Hitler cynically called the So-

оккупационные цели нацистов. Гитлер цинично называл советскую территорию «огромным пирогом», которым он планировал «владеть, управлять и эксплуатировать» [7]. Тогда же прозвучал тезис о том, что партизанское движение является очень удобным поводом для оправдания политики уничтожения.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 226. Л. 1–4
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 226. L. 1–4

Basically, it is about getting a huge pie so that we firstly own it, secondly rule it, and thirdly exploit it.

После начала Великой Отечественной войны с целью подавления сопротивления местного населения, а также с целью ориентировать вооруженные подразделения вермахта на беспощадное отношение к населению начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии В. Кейтель 23 июля 1941 г. подписал дополнение к директиве № 33 (директиве верховного главнокомандования вооруженных сил Германии № 33 от 19 июля 1941 г. о продолжении военных операций на Востоке) о применении жестоких мер к населению, оказывающему сопротивление оккупационным властям. Из него следует, что по указанию Гитлера дано следующее разъяснение: «...6) Имеющиеся для обеспечения безопасности в покоренных восточных областях войска будут достаточны лишь в том случае, если всякого рода сопротивление будет сломлено не путем юридического наказания виновных, а если оккупационные власти будут внушать тот страх, который единственно способен отбить у населения всякую охоту к сопротивлению. Соответственно командующие вместе с подчиненными им войсковыми частями должны нести ответственность за спокойствие в их районах не в употреблении дополнительных охраняемых частей, а в применении соответствующих драконовских мер, командующие должны находить средства для поддержания порядка в своих районах безопасности» [8].

viet territory "a huge pie" which he planned to "own, rule and exploit" [7]. At the same time, he claimed that the partisan movement was a very convenient opportunity to justify the extermination policy.

Upon the beginning of the Great Patriotic War, in order to suppress the local population resistance, as well as to instruct the armed units of the Wehrmacht to treat the population ruthlessly, the Chief of Staff of the Supreme Command of the German Armed Forces W. Keitel on July 23, 1941 signed an addendum to Directive No. 33 (Directive of the Supreme Command of the German Armed Forces No. 33 of July 19, 1941 to continue war operations in the East) regarding cruel measures to be taken against the population who resisted the occupation authorities. It follows that on Hitler's orders there was the following instruction: "...6) The troops available to ensure security in the occupied eastern regions will be sufficient only if any kind of resistance is broken not by legal penalties against the guilty, but if the occupation authorities instill the fear which alone can prevent the population from resisting. The commanders in charge, together with the troops under their command, must be responsible for the order in their areas, not by the use of additional security units, but by the implementation of appropriate draconian measures, and the commanders should find the resources to maintain order in their areas of security" [8].

140
PS-459

A b s c h r i f t

Der Chef
des Oberkommandos der Wehrmacht
F.H.Qu., den 23.7.41
Nr. 442254/41 g.K. Chefs. Wfst/Abt. I (I Op.)

Ergaenzung zur Weisung 33

Nach einem Vortrag des Ob.d.H. hat der Fuehrer am 22.7. als Ergaenzung und Erweiterung der Weisung 33 befohlen:

(Auszug aus Seite 2 und 3:)

6.) Die zur Sicherung der eroberten Ostgebiete zur Verfuegung stehende Truppen reichen bei der Weite dieser Raeeume nur dann aus, wenn alle Widerstaende nicht durch die juristische Bestrafung der Schuldigen geahndet werden, sondern wenn die Besatzungsmacht denjenigen Schrecken verbreitet, der allein geeignet ist, der Bevoelkerung jede Lust zur Widersetzlichkeit zu nehmen.

Die entsprechenden Befehlshaber sind mit den ihnen zur Verfuegung stehenden Truppen verantwortlich zu machen fuer die Ruhe in ihren Gebieten. Nicht in der Anforderung weiterer Sicherungskraefte, sondern in der Anwendung entsprechender drakonischer Massnahmen muessen die Befehlshaber das Mittel finden, um ihre Sicherungsraeeume in Ordnung zu halten.

gez.: K e i t e l
F.d.R.d. A bschrift
Major d.G.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 141. Л. 140
State Archive of the Russian Federation. F. 7445. Op. 2. D. 141. L. 140

Из приказа начальника штаба верховного главнокомандования вермахта В. Кейтеля о подавлении «коммунистического повстанческого движения» от 16 сентября 1941 г.: «...чтобы в зародыше подавить эти происки, следует по первому поводу немедленно принять самые суровые меры для утверждения авторитета оккупационных властей и предотвращения дальнейшего расширения движения. При этом следует учитывать, что на указанных территориях человеческая жизнь ничего не стоит и устрашающее воздействие может быть достигнуто только необычайной жестокостью. В качестве искупления за жизнь одного немецкого солдата в этих случаях, как правило, должна считаться смертная казнь для 50–100 коммунистов. Способ приведения приговора в исполнение должен еще больше усилить устрашающее воздействие. Обратный образ действий – сначала ограничиваться сравнительно мягкими приговорами и угрозой более строгих мер – не соответствует этим положениям и его следует избегать» [9].

Из высказываний А. Гитлера об оккупационной политике на Востоке 17–18 сентября 1941 г.: «Исход борьбы за гегемонию в мире решается для Европы овладением русской территорией; это сделает Европу самым устойчивым к блокаде местом в мире... Славяне – это прирожденная масса рабов, которая вызывает к хозяину; она только и спрашивает себя, кто хозяин... Если англичане будут вытеснены из Индии, Индия пропадет. Здесь то же самое... Русское пространство – это наша Индия, и как англичане правят ею горсткой людей, так и мы будем управлять этим нашим колониальным регионом» [1].

Первой задачей, как отмечено выше, стало уничтожение так называемых «политических и военных противников». Тысячи коммунистов, комсомольцев, партийных и советских работников, сельских активистов погибли от рук нацистских палачей в первые же месяцы войны. Заранее были составлены и постоянно пополнялись списки руководящих советских работников, которые подлежали уничтожению, а именно «Особая розыскная книга» и «Германская розыскная книга», «Списки по выявлению местопребывания», позволившие гитлеровцам с помощью предателей выявить и схватить

From the order of the Chief of Staff of the Supreme Command of the Wehrmacht W. Keitel on the suppression of the "communist rebel movement" of September 16, 1941: "...in order to nip these activities in the bud, immediately at the first occasion take the most severe measures to maintain the power of the occupation authorities and to prevent the further expansion of the movement. At the same time we must bear in mind that human life costs nothing in the specified territories, and the intimidation effect can only be achieved by extreme cruelty. It should generally be accepted that 50–100 Communists should be sentenced to death as an atonement for the life of one German soldier. The method of execution shall further increase the intimidating effect. The opposite pattern – initially confine to comparatively light penalties followed by the threat of more severe measures – is inconsistent with these provisions and should be avoided" [9].

From A. Hitler's comments on the occupation policy in the East on September 17–18, 1941: "The outcome of the struggle for world hegemony is finally settled for Europe by the conquest of Russian territory; this would make Europe the most blockade-resistant area in the world... The Slavs are a natural mass of slaves who are crying out for a master; they just keep asking who is the master... If the British are forced out of India, India will be lost. It is the same here... Russian territory is our India and as the English rule India by a few people, so we shall rule this colonial region of ours" [1].

The first task, as noted above, was the extermination of the so-called "political and military opponents". Thousands of Communists, Komsomol members, Party and Soviet workers, and village activists were murdered by the Nazi torturers in the first months of the war. Lists of leading Soviet workers who were to be destroyed, namely the "Special Search Book" and the "German Search Book", the "Lists for Location Detection", were drawn up in advance and constantly updated, allowing the Nazis, with the help of traitors, to discover and capture many Communists, Komsomol members and activists.

As mentioned above, the Einsatzgruppen were designed to instill the very fear of the occupiers among the population, as well as to liquidate everyone who had any relation to the Soviet power.

многих коммунистов, комсомольцев и активистов.

Вселить тот самый страх населению перед оккупантами, а также устранить всех имеющих отношение к советской власти, как уже было отмечено выше, призваны были айнзацгруппы.

На оккупированной территории Беларуси зверствовала айнзацгруппа «В». В ее состав входили 2 зондеркоманды: 7а и 7б, а также 2 айнзацкоманды под номерами 8 и 9. Общая численность айнзацгруппы «В» составляла 655 человек.

В ходе изучения следственной группой Генеральной прокуратуры ранее не известных трофейных документов обнаружены документы о деятельности айнзацгруппы «В» на территории БССР. Среди них – Доклад о проводимых в СССР мероприятиях № 108, изданный начальником полиции безопасности и СД 9 октября 1941 г. В докладе подробно описаны операции, проводимые этим карательным формированием. К примеру, согласно указанному отчету, в сентябре 1941 г. айнзацкоманда 8 в Бобруйске составила справочник, содержащий информацию о всех партийных руководителях БССР. В Могилеве им удалось собрать рукописный список лиц, командированных на западную территорию БССР, причем отмечалось, что, «вероятно, это были особо важные должностные лица, поскольку данные депутаты в значительной степени заслужили доверие советского центрального аппарата».

Каратели и их пособники тщательно фиксировали цифры уничтоженных ими мирных граждан. Согласно указанному отчету, по состоянию на конец сентября 1941 г., спустя 3 месяца после начала войны, только зондеркомандами 7а и 7б, а также айнзацкомандами 8 и 9 всего уничтожено свыше 28 тысяч мирных граждан.

In the occupied territory of Belarus, Einsatzgruppe "B" committed brutality. It consisted of two Sonderkommandos: 7a and 7b, as well as two Einsatzkommandos numbered 8 and 9. The total number of the Einsatzgruppe "B" was 655 people.

During the study of previously unknown trophy documents by the investigation team of the General Prosecutor's Office, they discovered documents about the activity of Einsatzgruppe "B" on the territory of the BSSR. One of them is Report No. 108 on the activities in the USSR, issued by the Chief of the Security Police and SD on October 9, 1941. The report provides a detailed description of the operations carried out by this punitive unit. For instance, according to the above report, in September 1941, in Bobruisk, Einsatzkommando 8 prepared a directory with information about all party leaders of the BSSR. In Mogilev, they managed to get a handwritten list of persons sent to the western territory of the BSSR, noting that "these were probably particularly important officials, since these deputies had largely earned the trust of the Soviet central apparatus".

The punishers and their collaborators carefully recorded the numbers of civilians they killed. According to this report, by the end of September 1941, three months after the beginning of the war, the Sonderkommandos 7a and 7b, as well as the Einsatzkommandos 8 and 9, alone had killed more than 28,000 civilians.

- 20 -

7.) Ausbau des Agentennetzes.

Von sämtlichen Kommandos wurden in der Berichtszeit weitere V-Leute gewonnen, deren Tätigkeit nicht zum geringen Teil für die Erfolge der Kommandos mitbestimmend war.

8.) Liquidierung.

Die in der Berichtszeit erfolgten Liquidierungen bis zum 28.9.41 erhöhten die Endziffern bis auf folgenden Stand:

a) Stab und VKM	2029
b) SK. 7a	1252
c) SK. 7b	1544
d) EK. 8	15000
e) EK. 9	10269
Gesamtzahl	30094

der von der Gruppe liquidierten Personen.

Von der Einsatzgruppe C liegen keine Meldungen vor.

Национальный архив Республики Беларусь.
Александрийская пленка, T175R234, ролик 132
National Archive of the Republic of Belarus.
Alexandria Film, T175R234, clip 132

В этих документах часто встречается фраза «подвергнут особому обращению», что означало «ликвидирован, уничтожен». Причинами, послужившими такому «особому обращению», были, как правило, принадлежность к партизанским группам, органам НКВД, Коммунистической партии, «подстрекательские высказывания», «коммунистические стремления», пропагандистская деятельность либо просто «подозрения» в такой деятельности, а также национальность. К примеру, такие данные указаны в Докладе начальника полиции безопасности и СД о проводимых в СССР мероприятиях № 194 от 21 апреля 1942 г.

These documents often contain the phrase "subjected to special treatment", which meant "liquidated, destroyed". The reasons for such "special treatment" were, as a rule, belonging to partisan groups, the NKVD, the Communist Party, "inflammatory remarks", "communist aspirations", propaganda activities or simply "suspicion" of such activities, as well as their nationality. For example, such data are given in the Report of the Chief of the Security Police and SD on activities carried out in the USSR No. 194 of April 21, 1942.

Der Erfassung und Bekämpfung der noch aktiven Kommunisten wird nach wie vor besondere Aufmerksamkeit geschenkt. Der OD. ist angewiesen, aufgrund der zusammengestellten Listen auch auf den Lande rührig gewesene Kommunisten festzunehmen und dieselben den Gefängnissen der Rayonstädte zuzuführen, wo dann die sicherheitspolizeiliche Überprüfung durchgeführt wird. Die Zahl der listenmäßig erfassten Kommunisten ist in der letzten Zeit erheblich gestiegen, was sich daraus erklärt, dass erst jetzt die Einzelmeldungen aus den Landgemeinden eintreffen.

In der Zeit v. 6. - 30.3.42 wurde im Bereich der Einsatzgruppe sonderbehandelt
durch SK 7a 1 657 Personen, darunter
27 wegen Zugehörigkeit zu Partisanengruppen und Mitgliedschaft zur ehem. KP.,
45 Zigeuner
1 585 Juden;
" SK 7b 82 Personen, darunter

19 wegen Zusammenarbeit mit Partisanen,
22 wegen kommunistischer Propagandätätigkeit und erwiesener KP-Zugehörigkeit,
14 wegen hetzerischer Äußerungen,
27 Juden;
durch SK M 52 Personen, darunter
41 Russen wegen Zugehörigkeit zu Partisanengruppen,
4 wegen Diebstahls bzw. Giftmordversuchs,
7 Juden;
" EK 8 1 609 Personen, darunter
20 Russen wegen kommunistischer Untriebe, Sabotage und NKWD-Zugehörigkeit,
5 Russen wegen Diebstahls, Einbruchs, Unterschlagung,
33 Zigeuner,
1 551 Juden;
EK 9 273 Personen, darunter
85 Russen wegen Zugehörigkeit zu Partisanengruppen,
18 wegen kommunistischer Mitharbeit und krimineller Delikte,
170 Juden;

Национальный архив Республики Беларусь.
Александровская пленка, T175R235, ролик 133
National Archive of the Republic of Belarus.
Alexandria Film, T175R235, clip 133

Из показаний потерпевшей Я.А. Липай, 1927 г. р., об уничтожении семьи партийного активиста в д. Душево Копыльского района Минской области:

From the testimony of the victim Ya. Lipai, born in 1927, about the destruction of the family of a party activist in the village of Dushevo, Kopyl district, Minsk region:

помню эпизод. Уже спалили Жаволки. Уже сказали, что кто-то передал, что будут полить Потейки. Уже мама говорит: «Дочушка пойдй ты у Душево и там поначуй. Хоть мо ты одна останешься. А мы уже погибнем все». Ну я решила и пошла. Прихожу в тое Душево, а у нас там были знакомые у Душаве. Муж их был партийный. А мой батька тоже очень любил советскую власть и нек мы. Ну в общем знакомый был с ним. Я прихожу к ним, под вечер. Ну говорю. Поздоровалась, сказала кто я. Она мне говорит: «Вот моего мужа забрали у подводы. А кто забрал. Не знаю. Повез куда-то. Либо в деревню или куда».

Я.А. Липай

Говорит: «Ночуй. Раз его взяли в подводы. То мо не знают, не придут сюда в этот дом в Душево расправляться с кем или что». Я и легла. Переночевала. Встала утром. Она говорит: «Снедай». Я: «Нет». Пойду до мой. Пойду. Там мама ждет и все. Я вышла идти. Вышла я за поселок Душево. Сколько я отошла. Мо метров 300, а мо и не. И вижу из-за горочки, с машин соскакивают в черной одежде много-много военных. С заду машины. Немцы эти ж. С орлами. Эти шапки все и думаю господа, что мне делать. Вернусь. Забьют. Скажут мо партизанка убегает или кто. И я решила будут идти. Неужели они меня убьют. Вот так думаю. И я иду. На мне все дрожало. Они выстроились в рад эти. И что это у их. Эти автоматы. Я не понимала или винтовки. Вот так они шли. С заду шли машины и это начальство ехало. Ехало начальство, и я подхожу. Они как шли, только так головы повернули на меня, але никто приказа не дал меня бить. И я ж пришла этой дорогой. Отошла я сюда в Душево на Потейки дорога. Оглянулась. Горит Душево. Вой, вой, я идти не могу. Знаете, что. Они приехали само перво. Приехали в этот дом. В этот дом. Наверное кто-то сдал, что он партийный был и все такое руководитель был. Русский человек и так по-русски разговаривал. Ананащенко его была фамилия. Убили жену, три девочки были или четыре. Ну я перепутала. Ну в таком. И этих детей побили и дом спалили. Поехали в другую. Гирко помню фамилия. Тоже был человек такой. Наверное и его убили и жену, и семью. Спалили его дом. И там трети. Забыла только фамилию. Это Ананащенко, Гирко. А как же его фамилия. Тоже был когда-то, казали партийный был. Это наверное все здаденный было. И убили его, убили жену. Вот как его фамилия? Побили и попалили. И дамы попали. Вот как я осталась живая. Если я пол часа побыла в том доме. Кто б там разобрался. И я б там погибла б в этом доме. Попалили все. Вот такое про Душево. Это я уже настрадалась. Не знаю как я еще живу. Столько перенесла гора всего. Вот так били без пощады. Били.

Липай

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.
Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси
в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.
Протокол допроса потерпевшей Я.А. Липай
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus.
Criminal case No. 21028030022 on genocide of the population
of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period.
Protocol of the interrogation of the victim Ya. Lipai

I remember an episode. Village Zhavolki was already burnt. They said that someone had mentioned that Poteiki would be burnt. My mom said: "Daughter, go to Dushevo and stay there for the night. Maybe you'll survive, but we'll all die. I made up my mind and went. I came to Dushevo. We knew somebody there. Their husband was a party man, and my father loved Soviet power, so did we. Therefore, I came to them in the evening, and I greeted them, said hello, told them who I was. And she said to me: "My husband was taken away. I don't know who took him. They took him somewhere, either to the village or somewhere else". She said: "Stay here for the night, since they took him away. Maybe they don't know, they won't come here to this house in Dushevo to kill someone or something." I went to bed, slept, got up. In the morning, she said: "Eat some breakfast". I said: "No. I'll go. I'll go home. My mother is waiting there". I went out, left the village Dushevo. How far I walked away, maybe 300 meters, maybe not. From behind the hill, I see many people in black clothes jumping off cars, behind the car. These Germans are with eagles, on their caps. And I think: "Lord, what should I do? When I come back, they will kill, they will say, perhaps this is a partisan running away or someone." So I decided they would go. "Would they kill me?" – that's what I thought. I was trembling. They lined up in a row. I didn't understand if they had machine guns or rifles. Therefore, they were walking, the cars were coming behind, and the authorities were following. That's the way they were walking. And I was walking up. As they were walking, they only turned their heads at me like that, but no one gave them an order to beat me. And I kept walking. I went here to Dushevo and Poteiki village was on the road. I looked around – Dushevo is burning. Oh, I can't. You know what; they first came to this house, to this house. Probably, someone betrayed: he was a party member and stuff like that. The leader was a Russian man and spoke Russian. Ananashchenko was his last name. The wife was killed; they had three girls or four. Well, I mixed up. Well, and these children were killed and the house was burned down. And they were going to another village. I remember last name Girko. There was a man like that. Probably he was killed, and his wife, and family. His house was burned down. There was also a third one. But I forgot his last name. There was Ananashchenko, Girko. And what about the third man's last name? They said he was also a party man. Probably, he was also betrayed. And he was killed, and his wife. But what was his last name? They were killed and burnt. And there houses were burnt down. That's how I survived. If I had spent half an hour in that house, who would have got into details. I would have died there in this house. Everything was burnt down. That's the story of Dushevo. I suffered a lot. I don't, know how I 'm still living. I have had so much grief. That's how they beat without mercy. They beat.

(Handwritten: Lipai)

Нарастающая активность партизанского движения, оказание местным населением сопротивления оккупационному режиму подтолкнули нацистов еще больше ужесточить подходы к ведению антипартизанского движения и в том числе уничтожению населения.

18 августа 1942 г. Гитлером была подписана директива № 46 «Руководящие указания по усилению борьбы с бандитской деятельностью на Востоке». В документе, в частности, указывалось: «...Ликвидация бандитской деятельности требует активной борьбы и жесточайших мер против всех участвующих в бандитской деятельности и оказывающих поддержку бандам». Кроме того, предполагалось привлечение местных добровольческих формирований для борьбы с партизанским движением: «Особо проявившие себя

The growing activity of the partisan movement and the resistance of the local population to the occupation regime drove the Nazis to further toughen their approach to anti-partisan movement, including the destruction of the population.

On August 18, 1942, Hitler signed Directive No. 46 "Guidelines for strengthening the fight against bandit activity in the East". The document stated, in particular: "...The destruction of bandit activity requires active fight and the toughest measures against all those who participate in bandit activity and support the gangs". Besides, it was supposed to involve local volunteer groups to fight against the partisan movement: "Local volunteer groups that had showed particularly effective in the fight against

в борьбе против банд местные добровольческие формирования могут быть в дальнейшем сохранены и увеличены за счет надежных, поступивших на службу только на добровольных началах» [10].

В 1942 г., когда миф о непобедимости гитлеровской армии и планы на осуществление «молниеносной» войны были разрушены благодаря самоотверженности солдат Красной Армии, партизан, подпольщиков и мирного населения, нацисты приняли решение еще больше ужесточить проводимую по отношению к населению Беларуси политику геноцида.

Из высказываний А. Гитлера об оккупационной политике на Востоке от 6 августа 1942 г.: «Ничтожные сто миллионов славян мы или поглотим, или вытесним» [1].

11 ноября 1942 г. было принято второе «Боевое наставление по борьбе с партизанским движением на Востоке» (примечание: с октября 1941 г. также действовало аналогичное боевое наставление). Согласно его содержанию, полагалось активное привлечение в качестве негласных немецких агентов лиц из числа местного населения: «Большие услуги может оказать содействие молодежи». В документе указывалось, что «...борьба с партизанами, как и борьба на фронте, является общегосударственным и правительственным делом, следовательно, соответствующие инстанции должны эту борьбу организовать и руководить ею» [11].

В указанном документе проводилась градация карательных операций на большие (крупные) и частные (локальные). «Использование местных отрядов в борьбе с партизанами как непосредственно в войсках, так и в разведывательной службе и пропаганде, себя оправдывает» [11]. Тогда же начало увеличиваться количество формирований, состоящих из коллаборационистов. К уничтожению населения стали привлекаться полицейские батальоны, сформированные из числа украинцев, литовцев, латышей, а также коллаборационистов из зарубежных стран.

В этом же документе регламентировались взаимоотношения с гражданским населением. В наставлении указывалось: «Обращение с партизанами и их добровольными помощниками должно быть исключительно суровым. Сентиментальные церемонии в этом решающем вопросе являются безответственностью, только жесткие мероприятия и боязнь ожидающих их наказаний должны предупредить население, чтобы последнее воздержалось от оказания поддержки

the gangs could be further preserved and increased by reliable members who entered the service only on a voluntary basis" [10].

In 1942, when the myth of invincibility of Hitler's army and plans for a "lightning" war were destroyed thanks to the sacrifice of the Red Army soldiers, partisans, underground fighters and civilians, the Nazis made a decision to toughen the policy of genocide against the population of Belarus.

According to A. Hitler's speech on the occupation policy in the East dated August 6, 1942: "We will either conquer or displace the insignificant one hundred million Slavs" [1].

On November 11, 1942, the second "Battle instruction for combating the partisan movement in the East" was adopted (note: from October 1941, a similar battle instruction was also in force). According to the document, it was supposed to attract local people as informal German agents: "Great services can help young people". The document stated that "... the fight against the partisans, as well as the fight at the front, is a national and governmental matter, therefore, the relevant authorities should organize and manage this fight" [11].

The above document classified punitive operations into large (major), and private (local). "The involvement of local units in the fight against partisans, both directly in the troops, as well as in intelligence service and propaganda, is justified" [11]. At the same time, the number of units consisting of collaborators also started to increase. Police battalions formed from Ukrainians, Lithuanians, Latvians, as well as collaborators from foreign countries were engaged in destruction of the population.

This document also regulated relations with the civilians. The instruction stated: "The attitude towards partisans and their volunteer helpers must be extremely severe. Sentimental ceremonies in this crucial matter are irresponsible; only severe measures and fear of the punishments awaiting them should warn the population to keep away from supporting and sympathizing with the partisans... Each unit commander is personally responsible for ensuring that all partisans and civilians (including women) captured as a result of the battle are shot or preferably hanged... Those who provide refuge or food to the partisans, or who know but hide the partisans' location, or

и сочувствия партизанам... Каждый командир отряда несет персональную ответственность за то, чтобы все пойманные в результате боя партизаны и гражданские лица (включая женщин) были расстреляны или лучше повешены... Лица, предоставляющие партизанам убежище или продовольствие, или знают, но скрывают местопребывание партизан, или вообще оказывают им какую-либо другую поддержку, подлежат расстрелу... Против сел, в которых партизаны находят различного рода поддержку, применяются коллективные меры наказания. Наказания эти зависят от тяжести преступлений и могут затронуть большое число жителей населенного пункта, например, частичная конфискация скота, высылка работоспособных мужчин на принудительные трудовые работы в Германию и даже уничтожение всего села» [11].

Из приказа штандартенфюрера СС Пифрадера руководителям команд СД о методах проведения карательных экспедиций против партизан и мирного населения от 18 ноября 1942 г.: «...Опыт учит, что коллективные расстрелы, сожжение деревень без полной ликвидации или выселения их жителей приводят лишь к отрицательным для нас последствиям. По поручению уполномоченного рейхсфюрера СС по борьбе с бандами партизан обергруппенфюрер СС Бах (примечание: речь идет об Эрихе фон дем Бахе-Зелевском) предоставляет руководителю команды СД право решать исключительно самому – сжигать ли деревни, уничтожать или эвакуировать их жителей [...]. Приступим к выполнению трудных полицейских задач воодушевленные стремлением очистить генеральный комиссариат Белоруссии от банд партизан и полностью умиротворить весь этот район» [1].

Фактически, у немецкого командования были развязаны руки для проведения массовых карательных акций и геноцида против мирного населения, так как нацисты не утруждали себя поиском доказательств связи гражданского населения и партизан.

К примеру, при анализе копий приговоров архивных уголовных дел, полученных из Федерального архива Германии, в отношении членов айнзацгруппы «В» за злодеяния, совершенные на территории БССР в годы оккупации, установлены факты массовых преступлений в отношении мирного населения Беларуси вне зависимости от того, участвовали ли они в партизанском движении.

in general provide them with any other support, shall be shot... The villages where partisans find various sorts of support are subject to collective punishments. These punishments depend on the gravity of the crimes and may affect a large number of people in the village, such as partial cattle confiscation, expulsion of working men for forced labor in Germany, and even the destruction of the entire village" [11].

From the order of SS Standartenführer Pifradler to the heads of SD teams on the methods of conducting punitive operations against partisans and civilians of November 18, 1942: "...Experience proves that collective shootings, the burning of villages without total liquidation or expulsion of their inhabitants lead only to negative consequences for us. By order of SS Obergruppenführer SS Bach, authorized by the Reichsführer for the fight against partisan gangs (note: Erich von dem Bach-Zelewski), the head of the SD team has the right to make the sole decision whether to burn villages, destroy them or expel their inhabitants [...]. We will start accomplishing difficult police tasks inspired by the intention to clear the General Commissariat of Belorussia from partisan gangs and completely keep this whole area quiet" [1].

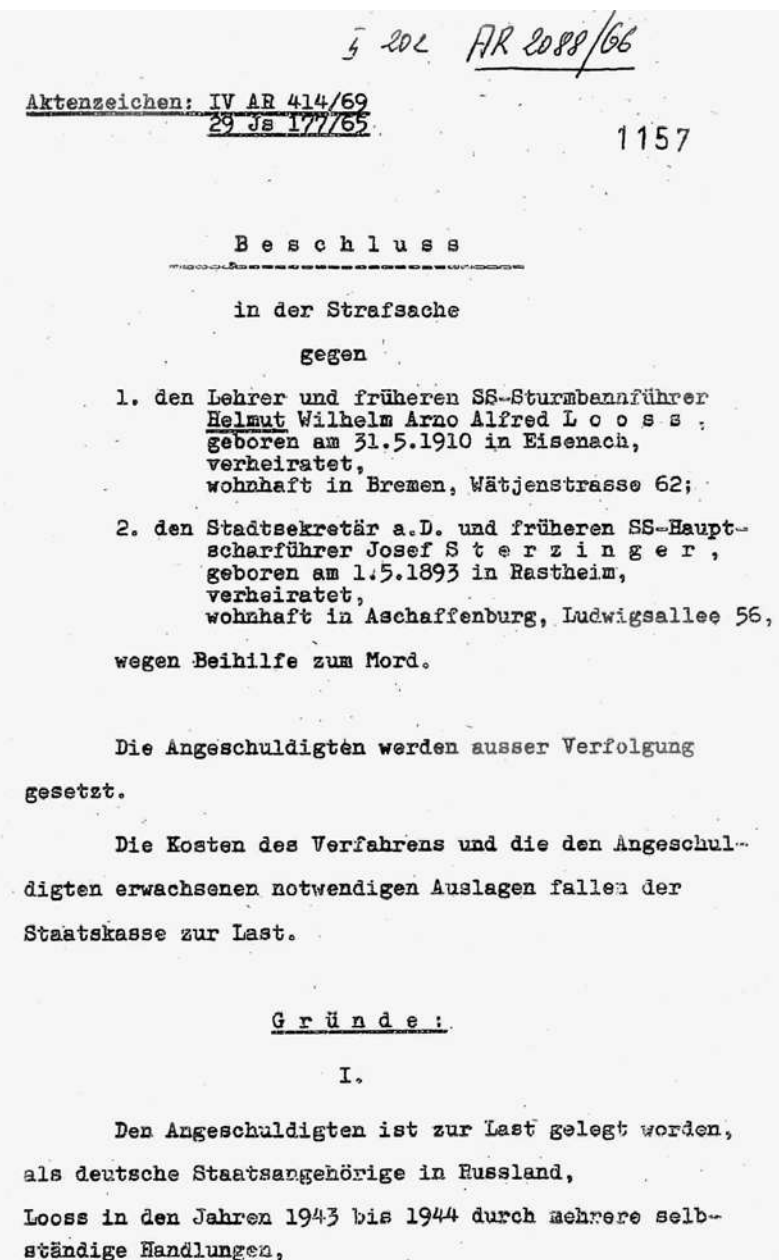
In fact, the German command had their hands free to carry out mass punitive campaigns and genocide against civilians, as the Nazis did not bother to look for evidence of the connection between civilians and partisans.

For example, analyzing the copies of sentences of archival criminal cases, received from the Federal Archive of Germany, against members of Einsatzgruppe "B" for crimes committed on the territory of the BSSR during the years of occupation, revealed the facts of mass crimes against the civilians of Belarus, regardless of they participated in the partisan movement or not.

Thus, for example, according to the verdict in the criminal case against SS Sturmbannführer Helmut Wilhelm Arno Alfred Loos, as well as SS Hauptscharführer Josef Sterzinger, it follows, that in the winter of 1943/1944 and in 1944 at least 1000 Russians and Jews, men, women and children, as well as Russian prisoners of war, were shot in Bobruisk or in its suburbs. In Bobruisk, during the operation of Sonderkommando 7a

Так, например, из приговора по уголовному делу в отношении штурмбаннфюрера СС Гельмута Вильгельма Арно Альфреда Лооса, а также гауптшарфюрера СС Йозефа Штерцингера следует, что зимой 1943/1944 г. и в 1944 г. в Бобруйске или его окрестностях в нескольких случаях были расстреляны не менее 1000 русских и евреев, а именно мужчин, женщин и детей, а также русских пленных. В Бобруйске в ходе операции зондеркоманды 7а под командованием Лооса была взята д. Бобровицы, затем жители деревни в количестве от 50 до 100 мужчин, женщин и детей были расстреляны в домах и подожжены. Причиной стал факт обнаружения в деревне вооруженных мужчин.

under Loos's command, the village of Bobrovi-chi was occupied, and then the villagers of 50 to 100 men, women and children were shot in their houses and set on fire. The reason was the fact that armed men were found in the village.

durch Rat oder Tat wesentlich dazu Hilfe geleistet zu haben,

dass aus niedrigen Beweggründen Menschen vorsätzlich getötet wurden,

indem sie im Rahmen der an die Einsatzgruppen im Osten ergangenen besonderen Befehle, die der Vernichtung unwünschten fremden Volkstums und des "potentiellen" Gegners dienten,

1. Loos als SS-Sturmabführer und Führer des Sonderkommandos 7 a der Einsatzgruppe B des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD

a) in der Zeit vom 17. bis 20. September 1943 in Roslawl von etwa 700 inhaftierten Russen des Gefängnisses Roslawl, Männern, Frauen, Jungen und Mädchen, 500 Gefängnisinsassen auf dem Wirtschaftshof der Gefängnisse und den Rest von 200 Gefängnisinsassen nach ihrem Transport durch Mins auf den Auferstehungsfriedhof in Roslawl erschiessen liess oder doch ihre Erschiessung überwachte;

b) in weiteren Fällen im Winter 1943/1944 und im Jahre 1944 in oder bei Bobruisk bei mehreren Aktionen mindestens 1000 Russen und Juden, und zwar Männer, Frauen und Kinder, auch russische Gefangene, erschiessen liess oder doch als Befehlsggeber des Sonderkommandos 7 a bei deren Erschiessung durch Angehörige des Sonderkommandos 7 a verantwortlich mitwirkte;

Федеральный архив Германии.
Приговор по уголовному делу в отношении
Гельмута Вильгельма Арно Альфреда Лооса и Йозефа Штерцингера
Federal Archive of Germany.
Verdict in the criminal case against
Helmut Wilhelm Arno Alfred Loos and Josef Sterzinger

По мере продвижения на Восток нацистские оккупанты все больше раскрывали свои истинные цели и документально ужесточали нацистскую политику. Массовый кровавый террор на оккупированной территории БССР осуществляли войска СС (охранные отряды), полиция безопасности и служба безопасности СД, Тайная полевая полиция, охранная полиция, полиция поддержания порядка, криминальная полиция, контрразведывательные органы Абвера, жандармерия, специальные полицейские подразделения, вооруженные силы вермахта, охранные дивизии.

Кроме крупных карательных операций, нацисты и их пособники ежедневно проводили и мелкие карательные акции в отношении мирного населения.

Как установлено Генеральной прокуратурой в ходе расследования уголовного дела о геноциде, в ходе карательных операций от действий нацистов пострадало свыше 11,7 тысячи белорусских сел и деревень, включая их население.

После героической победы Красной Армии в ходе битвы на Курской дуге и начала переломного этапа в освободительном движении Красной Армии нацисты не отказались от своих планов по уничтожению населения и массовых карательных операций. Вплоть до отступления с территории Беларуси карательные операции проводились ими на постоянной основе. Одновременно претерпевала изменение и нормативная база по ведению антипартизанской войны.

В ходе отступления нацисты и их пособники повсеместно оставляли за собой выжженную землю.

As they were moving to the East, the Nazi occupants revealed their true aims more and more and made Nazi policies increasingly tougher in documentation. The mass bloody terror in the occupied territory of the BSSR was committed by the SS troops (security detachments), the Security Police and the SD Security Service, the Secret Field Police, the Security Police, the Order Police, the Criminal Police, the Abwehr counter-intelligence agencies, the Gendarmerie, special police units, Wehrmacht armed forces, and security divisions.

Besides major punitive operations, the Nazis and their collaborators also committed daily minor punitive acts against the civilians.

In the course of the investigation of the criminal case of genocide, the General Prosecutor's Office found that more than 11.7 thousand Belarusian villages and settlements, including their population, suffered from the Nazis in the course of their punitive operations.

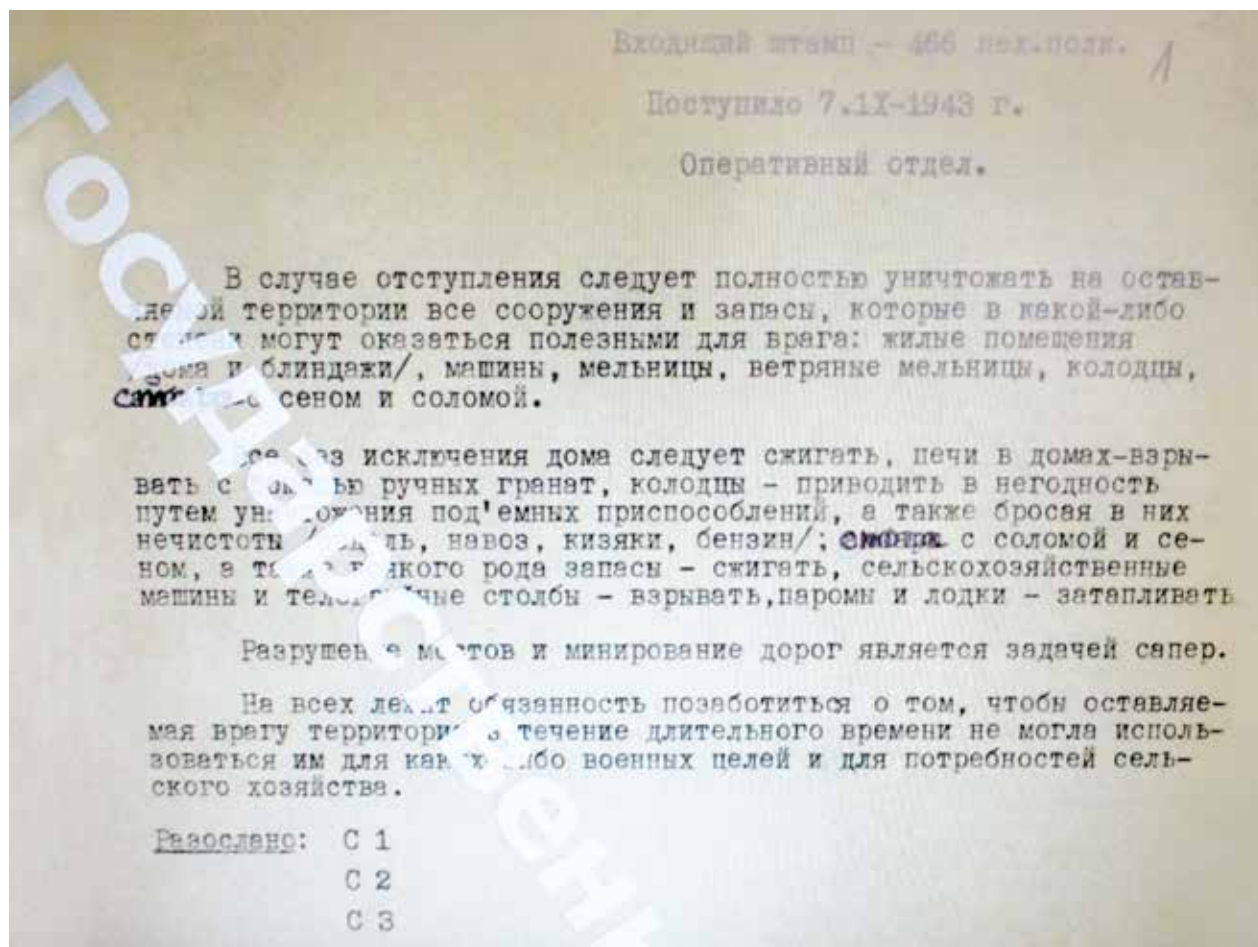
After the heroic victory of the Red Army during the Battle of Kursk and the beginning of the breakthrough stage in the liberation movement of the Red Army, the Nazis did not give up their plans for the extermination of the population and mass punitive operations. They were constantly carrying out punitive operations until the withdrawal from the territory of Belarus. At the same time, the legal basis for waging anti-partisan war was also undergoing changes.

The Nazis and their collaborators left burnt land everywhere in their retreat.

Income Stamp – 466th Infantry Regiment
Delivered on 7.IX-1943
Operations department

In the event of a withdrawal, it is necessary to destroy completely all buildings and supplies in the territory to be left behind which may in any degree be of use to the enemy: living facilities (houses and dugouts), vehicles, mills, windmills, wells, hay and straw barns.

Burn down all houses without exception, blow up stoves in houses with hand grenades, make wells unusable by destroying lifting devices, and also by throwing sewage (dung, gutters, gasoline) into them, burn straw and hay, as well as all kinds of supplies, blow up agricultural machinery and telegraph poles, and flood ferries and boats.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 174. Л. 1
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 174. L. 1

В мае 1944 года вышло третье «Боевое наставление по борьбе с партизанским движением». В пункте 163 этого наставления указывалось: «В принципе, все бандиты, пойманные или сдавшиеся в ходе боевых действий в форме противника или в штатском, должны рассматриваться как военнопленные. То же самое относится ко всем лицам, обнаруженным в непосредственной близости от района боевых действий и которые считаются банд-пособниками, даже если нет доказательств их участия в боевых действиях» [12].

Отдельное внимание заслуживает тот факт, какую терминологию нацисты употребляли при составлении программных и отчетных документов о ходе карательных операций.

В своих документах о карательных операциях нацисты употребляли тезисы «усмирение» и «умиротворение», а в отчетах о результатах карательных операций указывали

The destruction of bridges and the mining of roads is the task of the sappers.

It is everyone's duty to make sure that the territory left to the enemy cannot be used by them for any military purpose or for agricultural needs for a long period of time.

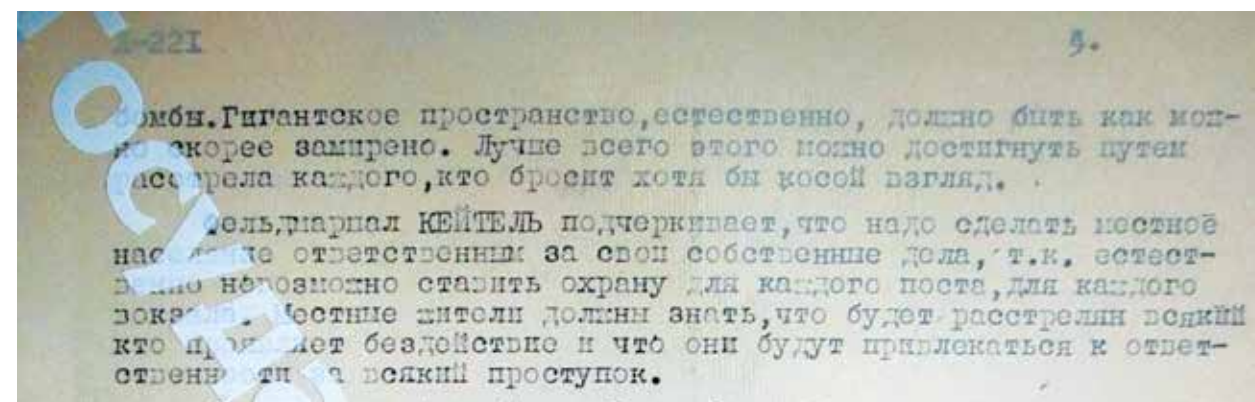
Sent out: C 1
C 2
C 3

In May 1944 the third "Battle instruction for combating the partisan movement was issued". Paragraph 163 of this instruction said: "In principle, all bandits who were caught or surrendered in the course of hostilities wearing enemy uniforms or civilian clothes should be considered as prisoners of war. This applies to all individuals found in the immediate area of combat operations who are considered gang collaborators, even if there is no evidence of their participation in the combat operations" [12].

количество «усмиренного» населения. Они составляли документы о результатах всех карательных операций, но с некоторой осторожностью относились к используемой терминологии. Именно для того, чтобы скрыть реальные масштабы своих злодеяний, и применялись такие тезисы. Из протокольной записи следует, что между тезисами «умиротворение» и «уничтожение» в контексте действий нацистов фактически можно ставить знак тождества. Единственное, что дополняло этот тезис, – это тот факт, что подобными действиями кроме зачистки территории от местного населения нацисты преследовали цель вселить в мирных граждан страх к любому сопротивлению.

The terminology used by the Nazis in their program and report documents on the course of punitive operations requires special attention.

In their documents on punitive operations, the Nazis used the terms "suppression" and "pacification," and in their reports on the results of punitive operations, they stated the number of populations "suppressed". They documented the results of all punitive operations, but were rather sensitive about the terminology used. In order to hide the real scale of their crimes, they used such theses. The minutes show that in the context of the Nazi actions the theses "pacification" and "extermination" can actually be equaled. The only thing that complemented this thesis was the fact that, in addition to cleansing the territory of the local population, the Nazis aimed to make civilians fearful of any resistance.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 226. Л. 1–4
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 226. L. 1–4

Достаточно часто в отчетных документах, специальных донесениях нацистских преступников содержится информация об уничтожении в ходе карательных операций «партизанов», «шпионов», «диверсантов» и «банд». В действительности нацистским оккупантам во время проведения карательных операций было доподлинно известно о том, что ими уничтожаются мирные граждане. Кроме этого, чаще всего они целенаправленно выбирали в качестве жертв ни в чем не повинных и не причастных к партизанскому и освободительному движению людей.

В частности, об этом свидетельствуют показания из допроса подсудимого генерал-лейтенанта Иоганна Рихерта, бывшего командира 286-й охранной немецкой дивизии, о расстреле 100 мирных советских граждан в районе станции Славное Толочинского района

L-221

bombs. The enormous space must naturally be pacified as soon as possible. The best way to achieve this is to shoot anyone who even cut an eye.

Field Marshal KEITEL emphasizes that it is necessary to make the local population responsible for its own actions, because it is naturally impossible to put guards for every post, for every train station. The local population must be aware that anyone, who fails to act will be shot and that they will be held accountable for any misdemeanor.

Reporting documents and special reports of Nazi criminals often contain information about the destruction of "partisans", "spies", "saboteurs" and "gangs" during punitive operations. In reality, the Nazi occupants were aware of the fact that during

Витебской области в августе 1942 г. на судебном процессе по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в БССР, от 15 января 1946 г.:

«...Прокурор: Теперь расскажите, что произошло на стн. Славное?

Рихерт: В августе 1942 г. партизанами была уничтожена вся охрана железнодорожной стн. Славное, разрушено здание вокзала и водонапорная башня» [1].

Такие указания в документах приводились исключительно с целью сокрытия истинных мотивов и целей карательных операций – тотальное уничтожение мирного населения и реализация политики «выжженной земли».

«...Прокурор: Кого вы расстреляли, лиц, непосредственно напавших на охрану, или людей, совершенно не имевших никакого отношения к этому происшествию?

Рихерт: Так как виновников, которые действительно принимали участие в нападении на железнодорожную станцию, было установлено мало, то в число намеченных к расстрелу были включены лица, которые никакого отношения к этому случаю не имели. Таким образом, было расстреляно 100 человек» [1].

В ходе карательных операций одной из целей нацистов было вселение страха в мирное население, невзирая на возраст и пол. Такие меры, по мнению нацистов, должны были лишить людей желания бороться с оккупационным режимом.

Из того же документа: «...Прокурор: Таким образом, по вашему приказанию было расстреляно 100 человек. Об этом вы расписали в газетах, огласили по радио. А скажите, зачем вы согнали 1500 человек смотреть, как вы расправляетесь с населением?

Рихерт: Это было сделано для устрашения» [1].

В ходе карательных операций «против партизан» повсеместно уничтожалось мирное население под видом «подозрения в содействии партизанам». Об этом свидетельствует выдержка из протокола допроса генерала германской армии Маурица Штрахвица об обстоятельствах проведения карательной операции в Бешенковичском районе Витебской области.

punitive operations they were destroying civilians. Moreover, they often deliberately chose as victims people who were innocent and were not involved in the partisan and liberation movements.

In particular, this is proved by the interrogation of the defendant Lieutenant General Johann Richert, former commander of the 286th German guard division, on the shooting of 100 Soviet civilians near the station Slavnoe, Tolochin district, Vitebsk region, in August 1942 during the trial on the crimes committed by the Nazi invaders in the BSSR, of January 15, 1946:

"...Prosecutor: Tell us now what happened at station Slavnoe?

Richert: In August 1942 partisans destroyed all guards of the railroad station Slavnoe, the station building and the water tower were destroyed" [1].

Such instructions in the documents were given exclusively for the purpose of hiding the true motives and goals of the punitive operations – the total destruction of the civilian population and the implementation of the "scorched earth" policy.

"...Prosecutor: Who did you shoot, those who directly attacked the guards or people who had absolutely nothing to do with the incident?"

Richert: Since the number of the guilty who had actually taken part in the attack on the railroad station was few, the number of people scheduled for shooting included those who had nothing to do with the case. Thus, a hundred people were shot" [1].

One of the Nazis' goals in their punitive operations was to instill fear in the civilians, regardless of their age or gender. Such measures, according to the Nazis, were intended to discourage people from fighting the occupation regime.

From the same document: "...Prosecutor: *Thus, on your orders, 100 people were shot. You wrote about it in the newspapers, announced it on the radio. And tell me, why did you gather 1500 people to watch you shoot the population?*

Richert: It was to intimidate them" [1].

In the course of punitive operations "against partisans", civilians were widely exterminated under the cover of "suspicion of assisting the partisans". An extract from the protocol of the interrogation of General of the German army Mauritz Strachwitz about the circumstances of the punitive operation in the Beshenkovichi district Vitebsk region, proves it.

Вопрос: Расскажите о содержании приказа ОВ, который проводили военнопленные солдаты Ваггс-дивизии нацистских в районах Бергеновской, Чола?

Отвечая: Содержания приказа ОВ, который находился в дивизии, являлся: Наказание за поджогное вези и изгнание, изгнать как изгнание рассречивать, рассречивать пункты считать, продукты питания, еда и другое имущество изгнать.

и. П. Сидоров.

Вопрос: Желать вы указать окв, как кандидат дивизи-
он. Находясь в районе Бессенковичи. Член
своей дивизией проводили в полномод:
ответы. Да солдаты маси 88 дивизии приво-
ди в полномодный указ окв, в соседско-
е 185 полка. В период проведения индра-
ции в районе Чма и Бессенковичи. где
проводились расстрелы советских граждан
и коммунистический активистов, на-
ходясь которых не знаю.

Вопрос: Что можно не счесть геноцидом и почему?

отвѣтъ: Къ свѣдѣнію показавшемуся изъ дознанія, что, сущи-
зи охъ, Кемогъ с. Кевалюмъ и что онъ былъ для
матр. законъ и по вѣдѣнію этого приказа с. Кодавалъ.

Простите меня если замечу Вера
и мне утомит нас всем поведением радосте
спраде.
В. Крайнов.

Другое проявление этой зависимости по
скажу II это все.

ср. срнхатъ Россіи, Россіи
предупрежденъ за правесокъ и кривода урядна
дриска поетъ 1864 г. 8 сеп. *В. С. С.*

Богослов. Византизм. Восток. Ро
сак. 21. 1888. 1888.

Секрет

Kafar:
H Mo BT HMMR
HMS - w.
Maring wof
CSCOM
7.07.48

Question: Tell us about the contents of the order of the Wehr-macht High Command that was carried out by the Soldiers of your division in the Beshenkovichi and Ulla districts?

Answer: The content of the Wehrmacht order was as follows: the population should be shot for suspicion of connection with the partisans, settlements should be burned, food, livestock and other property should be seized.

Question: So, you, as a division commander, carried out the order of the Wehrmacht High Command while being in the Beshenkovichi, Ulla districts?

Answer: Yes, the soldiers of my 87th Division carried out the order of the Wehrmacht High Command, especially the 185th Regiment, during the operation in the area of Ulla and Beshenkovichi districts, where executions of Soviet citizens and burning of settlements were carried out, the names of which I do not know.

Question: What else can you add to your testimony?

Answer: I will add to my testimony that I could not fail to carry out the orders of the Wehrmacht High Command because it was law for me.

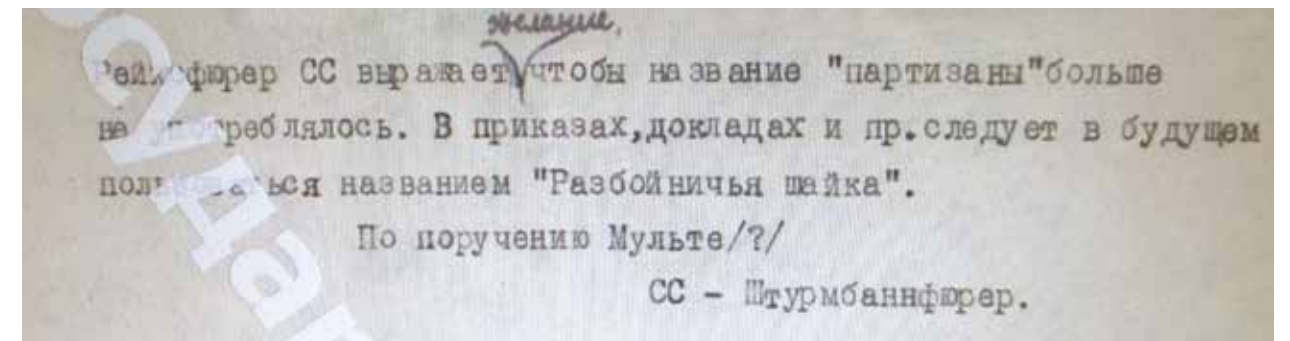
The protocol of my words was written down correctly and read to me in my native language.

The interrogation was carried out through an interpreter.

(signature)

Даже в тех случаях, когда в ходе карательной операции уничтожались именно партизаны – представители обычного гражданского населения, оказавшие активное вооруженное сопротивление оккупантам, – в своих отчетах и донесениях нацисты все равно «маскировали» свои преступные действия под якобы имевшую место «борьбу с бандитизмом». И эта позиция носила централизованный характер и исходила напрямую от нацистского руководства.

Even when in the course of a punitive operation partisans – representatives of the ordinary civilian population actively supporting the occupiers – were destroyed, the Nazis still "disguised" their crimes in their reports and dispatches as a supposed "fight against banditism". And this approach was centrally coordinated and originated directly from the Nazi leadership.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 1. Л. 120
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 1. L. 120

The Reichsführer SS expresses his wish that the term "Partisans" should no longer be used. In future, orders, reports and other documents, the term "bandit gang" should be used.

On behalf of Mülte (?)

SS – Sturmbannführer.

О том, что целью карательных операций являлось уничтожение мирного населения под видом борьбы с партизанами, в своем допросе сообщил офицер-ординарец 1-го артиллерийского дивизиона, находившегося в подчинении СС и полицей-фюрера Эрнста Александра Гребитуса фон Готтберга.

The fact that the purpose of the punitive operations was the destruction of civilians under the guise of fighting partisans, the officer-coordinator of the 1st artillery division, subordinate to the SS and Polizei Führer Ernst Alexander Grebitus von Gottberg, reported in his interrogation.

ВОПРОС: Расскажите подробно о карательной операции против партизан в районе гор.Минска.

ОТВЕТ: С мая по июнь м-ц 1944 г., т.е. на протяжении одного месяца в районе севернее Минска под командованием "СС" полицайфюрера ГОТБЕРГ проводилась карательная операция против партизан.. По своим размерам это была крупная операция под названием "Корморан", в ней принимали участие 24.26.31,2 и 17 полицейские полки "СС", истребительный батальон под командованием "СС" унтерштурмфюрера РОГИШНИК, а так же соединения армии и авиации. Эта карательная операция проводилась следующим образом: участвовавшие в операции соединения окружив местность радиусом примерно в 120 км. в районе северо-восточнее гор.Вилейки и продвигаясь к центру образовавшегося кольца, прочесывали на своем пути местность и населенные пункты и всех встречающихся подозрительных лиц арестовывали.

ВОПРОС: Результаты этой операции ?

ОТВЕТ: В результате этой операции было арестовано и задержано по разным подозрениям 12 тысяч советских мирных граждан, среди которых были женщины и дети, скрывавшиеся в раз-

личных местах от немцев. Задержанные лица передавались на сборные пункты откуда направлялись в неизвестном для меня направлении. Скот и продукты питания нами реквизировались для нужд армии, населенные пункты в которых партизаны оказывали сопротивление, подвергались разрушению путем обстрела со всех видов оружия в связи с чем погибало мирное население. Сколько при этом было убито местных жителей сказать трудно.

ВОПРОС: Следовательно под видом борьбы с партизанами в этой карательной операции истреблялось и мирное советское население ?

ОТВЕТ: Да, это так.

Российский государственный военный архив. Ф. 451п. Оп. 5. Д. 150. Л. 33-34
Russian State Military Archive. F. 451p. Op. 5. D. 150. L. 33-34

QUESTION: Tell us in detail about the punitive operation against partisans in the area of the city of Minsk.

ANSWER: From May to June 1944, i.e. during one month, a punitive operation against partisans was carried out in the area north of Minsk under the command of SS Polizeiführer GOTBERG. It was a large-scale operation called "Kormoran". 24th, 26th, 31st, 2nd and 17th SS police regiments, an extermination battalion under the command of SS Untersturmführer ROGISHNIK, as well as the army and aviation units took part in it. This punitive operation was carried out in the following way: the units involved in the operation surrounded the area with a radius of about 120 km near northeastern Vileika and moving towards the center of the circle formed, scoured the area and villages on their way and arrested all suspicious persons.

QUESTION: Results of this operation?

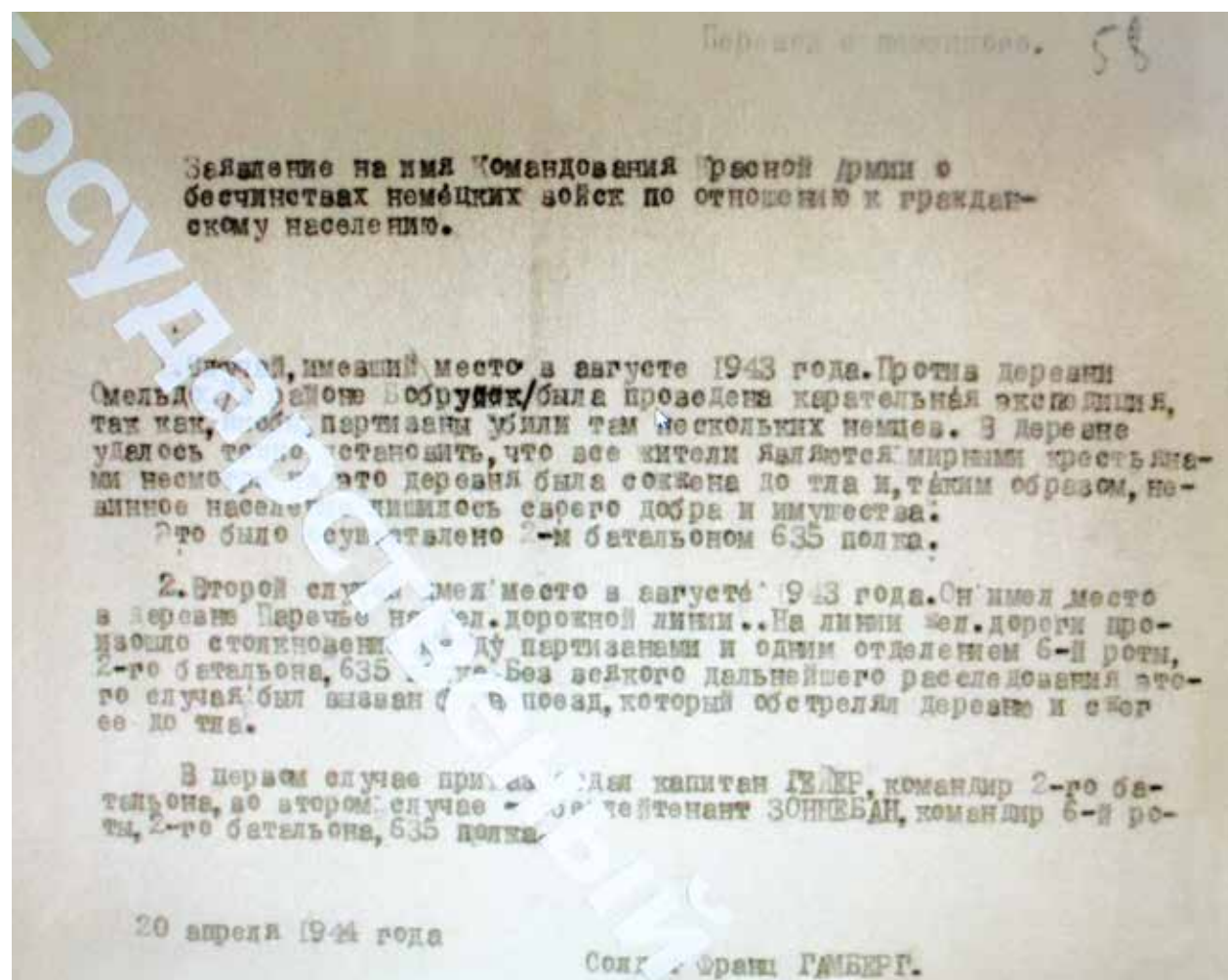
ANSWER: As a result of this operation, 12,000 Soviet citizens were arrested and detained on various grounds of suspicion, among them were women and children who were hiding in various places from the Germans. The arrested people were handed over to collecting points, from where they were sent to a direction unknown to me. We requisitioned livestock and food for the needs of the army, the settlements in which the partisans resisted were destroyed by all kinds of weapons, killing civilians. it is difficult to say how many locals were killed.

QUESTION: Therefore, under the guise of fighting the partisans in this punitive operation the peaceful population of the Soviet Union was also exterminated?

ANSWER: Yes, that is true.

Другой пример уничтожения мирного населения, невзирая на его причастность либо непричастность к партизанскому движению: в заявлении немецкого солдата Франца Гамберга от 20 апреля 1944 г. на имя командования Красной Армии указано, что 2-м батальоном 635-го полка уничтожены жители белорусских деревень Поречье и Смелдо.

There is another example of extermination of civilians regardless of their participation or non-participation in the partisan movement: German soldier Franz Gamberg wrote to the Red Army command on April 20, 1944 that the 2nd battalion of the 635th regiment had exterminated the residents of the Belarusian villages of Porechye and Smeldo.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 35. Л. 58
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 35. L. 58

Translation from German

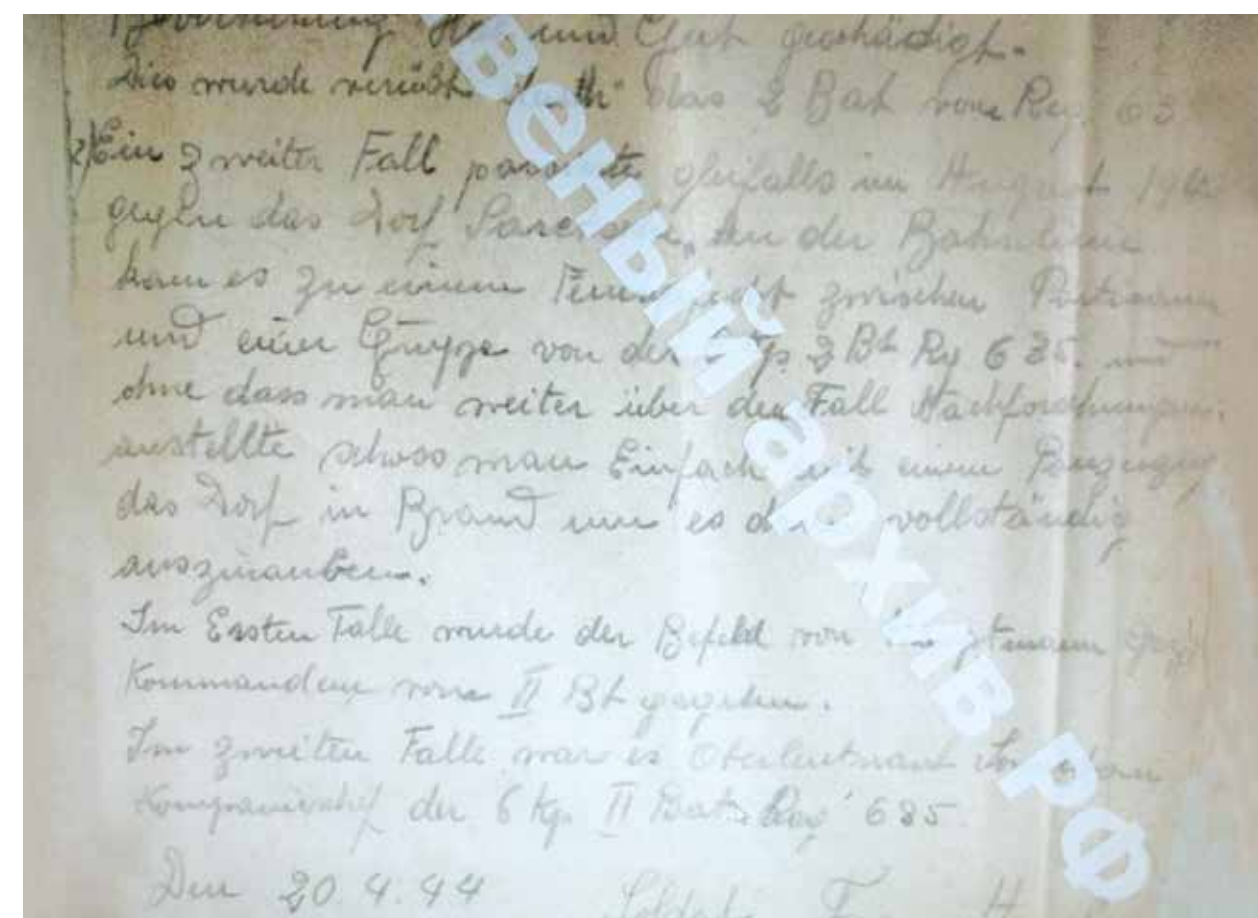
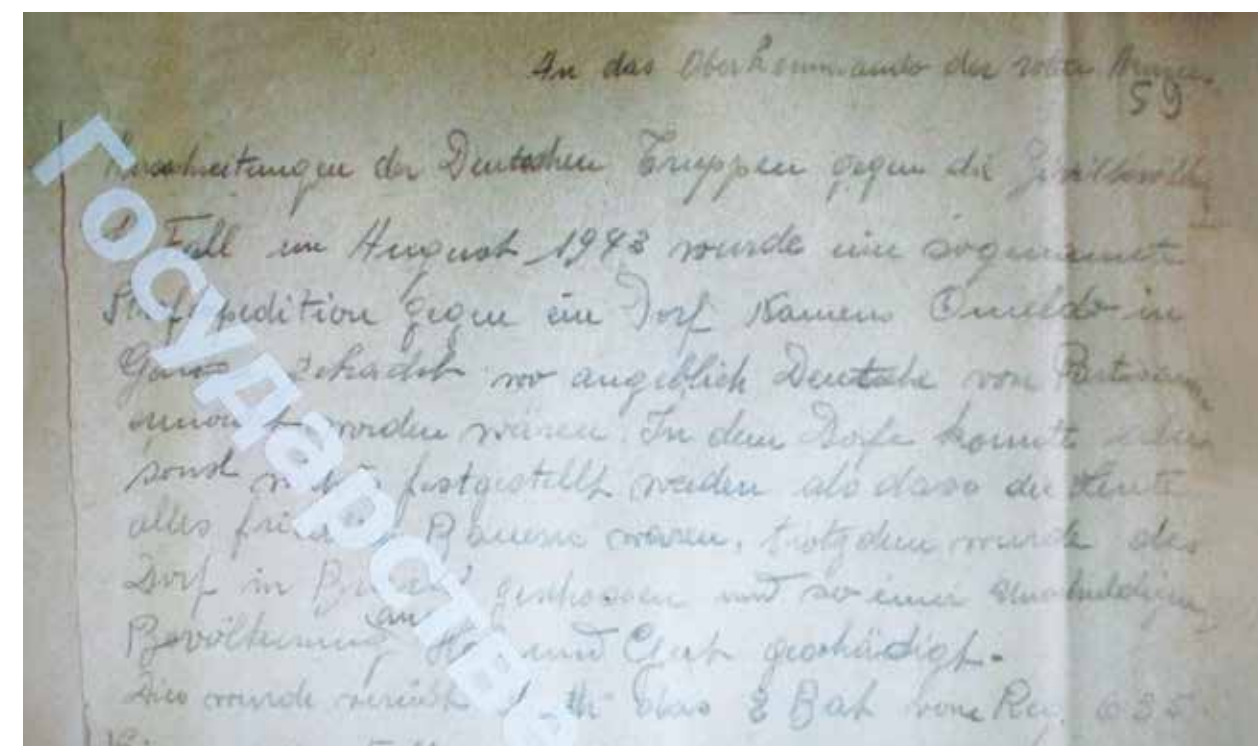
Declaration addressed to the Red Army Command about the atrocities of German troops against the civilian population.

A case that took place in August 1943. A punitive operation was carried out against the village of Smeldo (near Bobruisk) because partisans had supposedly killed several Germans of the village there. In the village, it was definitely found that all the people were innocent peasants. Despite this, the village was burned down to ashes and thus the innocent population was deprived of their good and property. This was carried out by the 2nd Battalion of the 635th Regiment.

2. The second case took place in August 1943. It happened in the village of Porechye on the railroad line. On the railroad line there was a fight between partisans and one unit of the 6th Company of the 2nd Battalion of the 635th Regiment. Without any further investigation of the incident, an armored train was called in, which shelled the village and burnt it to the ground.

In the first case, the orders were given by Captain GEYER, Commander of the 2nd Battalion. In the second case – by Oberleutnant ZONNEBAN, Commander of the 6th Company, 2nd Battalion, 635th Regiment.

April 20, 1944 Soldier Franz GAMBERG

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 35. Л. 59
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 35. L. 59

Из протокола допроса командира 6-й и 260-й пехотных дивизий немецкой армии Гюнтера Вальтера Кламта от 12 февраля 1948 г.:

«Вопрос: В немецкой армии существовал приказ уничтожать все по пути отступления, поджигать населенные пункты, а население угонять в Германию. Скажите, этот приказ существовал до последнего времени или же был отменен?

Ответ: Приказ об уничтожении населенных пунктов по пути отступления, угонять в Германию гражданское население и оставлять после отступления «мертвую зону» был издан в 1941 году. Этот приказ отменен не был и существовал до последнего времени. Но этот приказ командир дивизии мог не выполнять, это зависело от стратегических условий дивизии» [1].

В планах нацистского руководства практически вся территория Беларуси должна была стать «мертвой зоной». Эти планы были для них неизблемыми. В частности, это подтверждается телеграммой рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру от рейхскомиссара Украины Эриха Коха от 25 февраля 1943 г.

«Дорогой Генрих! Группенфюрер Томас спрашивает меня от твоего имени, почему я в беседе с Министром по Востоку высказался против сжигания деревень в целях борьбы с партизанами. Я очень удивлен таким вопросом, потому что я никогда не упрекал полицию в том, что она слишком много эвакуирует деревень, на областях, где действуют партизаны. Я выступаю за полную эвакуацию деревень на территории шириной от 50 до 100 км по обе стороны железной дороги Брест-Литовск – Гомель, потому что эта территория, кроме лесного хозяйства, не имеет для меня никакого значения. Как сообщает Томас, эта полная эвакуация не была возможна до сих пор по техническим причинам. Я все же не отказываюсь от намерения сделать это и надеюсь, что эвакуирование будет возможным» [1].

Массовое уничтожение славянского население и карательные акции в отношении мирных граждан были главными целями нацистских преступников. Гласные и негласные законы ведения войны не имели для нацистов никакого значения на белорусской территории.

Из протокола допроса нацистского преступника Пауля Шмидта:

From the protocol of the interrogation of the commander of the 6th and 260th Infantry Divisions of the German army Günther Walter Klamt on February 12, 1948:

"Question: There was an order in the German army to destroy everything on the way of retreat, to burn settlements, and to exile the civilian population to Germany. Tell us was this order in force until the last time or was it canceled?

Answer: The order to destroy settlements on the way of retreat, to exile the civilian population to Germany and to leave a "dead zone" after the retreat was issued in 1941. This order was not canceled and lasted until the last time. But the division commander could fail to fulfill this order, it depended on the strategic conditions of the division" [1].

The Nazi leadership planned to turn practically the entire territory of Belarus into a "dead zone". These plans were unbreakable for them. In particular, this is proved by a telegram to SS Reichsführer Heinrich Himmler from the Reichskommissar of Ukraine Erich Koch of February 25, 1943.

"Dear Heinrich! Gruppenführer Thomas asks me on your behalf why in a conversation with the Minister for the East I opposed to the burning of villages in order to combat the partisans. I am very surprised at this question, because I have never reproached the police for evacuating too many villagers in areas where partisans are active. I am for complete evacuation of villages, and an area 50 to 100 km wide on both sides of the Brest-Litovsk – Gomel railroad, because this area, except for forestry, is of no importance to me. As Thomas reports, this complete evacuation has not been possible so far for technical reasons. I still do not give up the intention to accomplish it and hope that evacuation will be possible" [1].

Mass destructions of the Slavic population and punitive operations against civilians were the main goals of the Nazi criminals. The open and unspoken laws of warfare had no significance for the Nazis in the Belarusian territory.

From the protocol of the interrogation of Paul Schmidt, a Nazi criminal:

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
военнопленного штабс-фельдфебеля немецкой армии
ШМИДТ Пауль
2 марта 1944г.
допрос начал в 10.00
допрос окончен в 14.00

ШМИДТ Пауль, 1907г. рождения, урож. гор. Берлина, по национальности немец, беспартийный, /в 1939г.-1938г. был членом "союза полицейских"/, образование 6 классов, народно-школы, и 2 класса реально-школы, женат, семья проживает в гор. Дессау, с 1927г. по 1935 год работал в полиции, в немецкой армии с 1935г., на советско-германском фронте с 12 июня 1941г. Имеет награды "железный крест" 2 класса и Восточную медаль, штабс-фельдфебель, командир минометного взвода 7 роты, 2 батальона 487 пехотного полка 267 пехотной дивизии.

Переводчик лейтенант СОБОЛЕВ предупрежден об ответственности за неточный перевод.

В конце августа 1943г. в связи с отступлением возвратился в роту, с которой отступал через Россонь, Кричев, Селец, Старый Быхов.

Во время отступления выполнял обязанности старшины. 31/IX-43г. был направлен в 487 пехотный полк, с 15 декабря 1943г. был старшиной обзора 7 роты 487 ПП, а с 15 декабря командиром минометного взвода. 4 января 1944г. попал в плен к русским.

ВОПРОС: как обращались солдаты и офицеры немецкой армии с мирным населением, оккупированных районов Советского Союза?

ОТВЕТ: Оккупировав некоторую часть территории Советского Союза, немецкие офицеры и солдаты вели себя на захваченной территории подобно бандитам, творили страшные злодеяния над мирным населением, расстреливали их в чем неповинных советских граждан, вопреки международным законам по вопросу обращения с военнопленными, расстреливали их без всякой причины, уничтожали множество населенных пунктов, грабили имущество мирных граждан, угоняли их из родных мест в немецкие тылы, я находясь с первого дня войны на советско-германском фронте, являлся очевидцем и

3
Во многих случаях непосредственным исполнителем злодеяний над мирными советскими гражданами и военнопленными.

ВОПРОС: Приведите конкретные примеры злодеяний, чинимых лично Вами, а также другими офицерами и солдатами Вашей дивизии над мирным населением и советскими военнопленными?

ОТВЕТ: Все случаи злодеяний, чинимых офицерами и солдатами нашей дивизии, а также мною лично, припомнить сейчас мне трудно. Но как такие случаи были очень часты. Мы, офицеры и солдаты немецкой армии, воспитанные на презрении к русскому народу, на эти случаи не обращали никакого внимания, т.е. жизнь русского человека в наших понятиях не имеет никакой цены.

В конце сентября 1943г. рота прибыла в Кулину /Могилевская область/. В этом селе гражданское население было уже эвакуировано, но в одном доме были еще гражданские, всего примерно 15 чел. преклонного возраста, больше часть женщин.

Командир роты обер-лейтенант Римюлер приказал мне, эти люди были расстреляны, а квартиры освобождены. Я отдал приказание унтер-офицеру Согт о расстреле этих людей. Унтер-офицер вместе с 4 солдатами выполнил мое приказание и расстрелял этих людей. В этом же селе мы производили поквартирный грабеж имущества угнанных граждан, отыскивали ямы с зарытым

5
имуществом и раскапывали их. Я был старшим одной из команд, за этих раскопкой ям и грабежом имущества. Под моим руководством было разрыто до 20 ям. Все имущество из этих ям мы собрали и сдали в канцелярию много различных вещей и одежды.

Во время отступления в сентябре-октябре 1943г. не было возможности организовать достаточную охрану эвакуированных советских граждан, поэтому многие эвакуированные не отступали вместе с немецкими войсками, а прятались в лесах, чтобы дождаться прихода русской армии. Вследствие многочисленных побегов эвакуированных в леса, последние были переполнены гражданским населением. По приказу командования дивизии всех этих жителей необходимо было выгнать из лесов и эвакуировать в тыл всех уклоняющихся от эвакуации, согласно приказа, необходимо было расстреливать.

Была создана специальная команда во главе с лейтенантом Майнгер. Рота по воле выделила для этого 1 грузовую автомашину с шоферами и 10 человек. Солдаты этой команды расстреливали безоружных жителей, не щадя ни женщин, ни детей. Убийство расстрелянных составляет, по рассказам солдат этой команды 50-60 человек.

В это же самое время был издан приказ по дивизии, согласно которому у жителей, бежавших в леса, должно быть все отобрано. В связи с этим было собрано около 150 голов крупного рогатого скота, 50 крестьянских повозок и 100 лошадей, сельдфебель 2 санитарно роты 267 ПД с командой получил задание - двигаться по всем этим транспортом в заданном направлении.

ВОПРОС: что побудило вас и других офицеров и солдат Вашей части творить злодеяния над мирными советскими людьми?

ОТВЕТ: Все эти злодеяния творились на основании приказов немецкого командования, которые исходили из политики немецкого правительства по отношению к славянским народам: русским, украинцам, полякам, белорусам.

Немецкая пропаганда, направляемая руководителями фашистского правительства, в частности Гитлером, утверждала, что славяне угрожают самостоятельному существованию Германии и что бы обеспечить проникновение Германии на восток, нужно как можно больше уничтожить славян: русских, поляков, украинцев и белорусов. Я понимал, что приказы по уничтожению безоружного населения России преступны, но тем не менее я выполнял без всякого угрызения совести и даже в тех случаях, когда я безвольно для себя мог бы их не выполнить или не выполнять частично. Это объясняется тем, что я разделял взгляды пропаганды на славянские народы.

Протокол допроса с моих слов записан верно и переведен на немецкий язык в чем и расписываюсь

Протокол перевел переводчик - лейт /Соболев/
допросил: ст. следователь Лейп. "Сигма" I ст. /Гришас/

Верно: ЗАВЕДОМОПРОИЗВОДСТВОМ ГУВТ /Гор/

29/У-44г.

THE PROTOCOL OF THE INTERROGATION
of the Prisoner of War Staff-Feldfebel of the German Army
SCHMIDT Paul

March 2, 1944.

The interrogation began at 10:00
The interrogation ended at 24.00.

SCHMIDT Paul, born in 1907, native of Berlin, German by nationality, non-partisan, (in 1929–1938 was a member of the "police union"), education 6 classes of folk school and 2 classes of real school, married, family lives in Dessau, from 1927 to 1905 worked in the police, in the German army since 1935, on the Soviet-German front since June 22, 1941.

He was awarded the Iron Cross of 2nd class and the Eastern Medal, staff-feldfebel, commander of the Mortar Platoon of the 7th Company, 2nd Battalion, 487th Infantry Regiment, 267th Infantry Division.

The translator Lieutenant SOBOLEV was warned about responsibility for incorrect translation under Article 95 of the Criminal Code of the Russian Federation.

At the end of August 1943, in connection with the retreat he returned to the Company, with which he retreated through Roslavl, Krichev, Elets, Stary Bykhov.

During the retreat he served as a senior officer. On 21/IX-43 he was sent to the 487th Infantry Regiment and until December 5, 1943 he was a foreman of the wagon of the 7th Company of the 487th Infantry Regiment, and from December 25 he was a commander of the Mortar Platoon. On January 4, 1944 he was captured by the Russians.

QUESTION: How did the soldiers and officers of the German army treat the civilian population of the occupied areas of the Soviet Union?

ANSWER: Having occupied a certain part of the Soviet Union, German officers and soldiers acted like bandits on the occupied territory and committed terrible cruelties against the civilian population. They shot innocent Soviet citizens, contrary to international laws on the treatment of prisoners of war, shot them without any reason, burnt many settlements, robbed the property of civilians, drove them from their homes to the German rear. I, being from the first day of the war on the Soviet-German front, was an eyewitness and in many cases a direct perpetrator of atrocities against Soviet civilians and prisoners of war.

QUESTION: Give specific examples of committing cruelties by you personally, as well as by other officers and soldiers of your division against civilians and Soviet prisoners of war.

ANSWER: All cases of cruelties committed by officers and soldiers of our division, as well as by me personally, are difficult for me to recall now, as such cases were very frequent. We, officers and soldiers of the German army, brought up on contempt for the Russian people, did not pay any attention to these cases, as the life of a Russian man in our concepts has no value whatsoever.

At the end of September 1943, the Company arrived in a village (illegible) in Mogilev region. In this village the civilians had already been evacuated, but in one house there were still some civilians, about 15 people of elderly age, mostly women.

The Company Commander, Oberleutnant Bimühler, ordered me to have these people shot and to vacate the apartments. I gave orders to a non-commissioned officer to shoot these people. The non-commissioned officer together with four soldiers carried out my order and shot these people. In this village we carried out widespread robbery of the property of the captured citizens, found pits with buried property and dug them up. I was the leader of one of the teams engaged in digging pits and robbing property. Under my leadership we dug up to 20 pits. All the property from these pits we gathered and handed over to the chancellery many different things and clothes.

During the retreat in September–October 1943, it was impossible to organize sufficient security for the evacuated Soviet citizens. So many evacuated people did not retreat with the German troops, but hid in the forests to wait for the arrival of the Russian army. Due to the numerous escapes of those evacuated to the forests, the latter were overcrowded with civilians. By order of the division commanders, all these people had to be driven out of the forests and evacuated to the rear. All those who evaded evacuation, according to the order, were to be shot.

A special team headed by Lieutenant Heidinger was created. For this purpose the Company allocated 1 truck with drivers and (illegible) men. The soldiers of this team shot unarmed inhabitants, without mercy neither women nor children. According to the testimonies of the soldiers of this team, the number of people shot is 50–60 people.

At the same time there was an order for the Division, pursuant to which everything was to be taken away from the people who had fled to the forests. In this connection about 150 head of cattle, 50 peasant wagons and 100 horses were collected, the Field Officer of the 2nd Sanitary Company of the 267th PD was given the task to move with all this transport in the western direction.

QUESTION: What motivated you and other officers and soldiers of your unit to commit cruelties against peaceful Soviet people?

ANSWER: All these cruelties were committed on the basis of orders of German command, which proceeded from the policy of the German government towards the Slavic peoples: Russians, Ukrainians, Poles, Belarusians.

German propaganda, conducted by the leaders of the fascist government, Hitler in particular, claimed that the Slavs threatened the self-sufficiency of Germany, and in order to ensure Germany's penetration into the East, it was necessary to destroy as many Slavs as possible: Poles, Ukrainians and Belarusians. I understood that the orders to exterminate the unarmed population of Russia were criminal, but nevertheless I carried them out without any remorse, and even in those cases when I could painlessly not carry them out or carry them out partially. The explanation is that I shared the propaganda's views on the Slavic peoples.

The protocol of the interrogation are correctly recorded from my words, and translated into German, in what I sign.

The protocol were translated by the translator Lieutenant Sobolev.
Interrogated by the senior investigator (illegible).

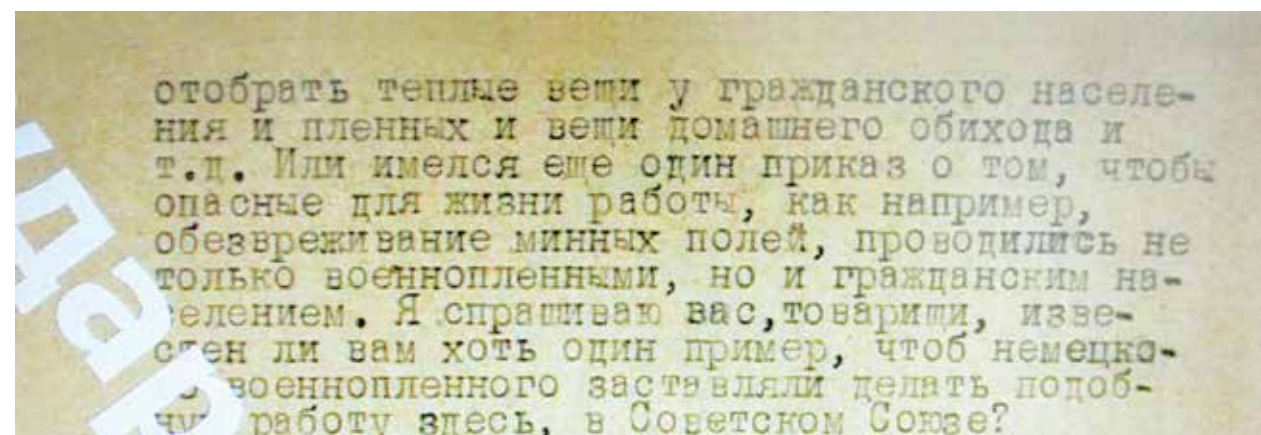
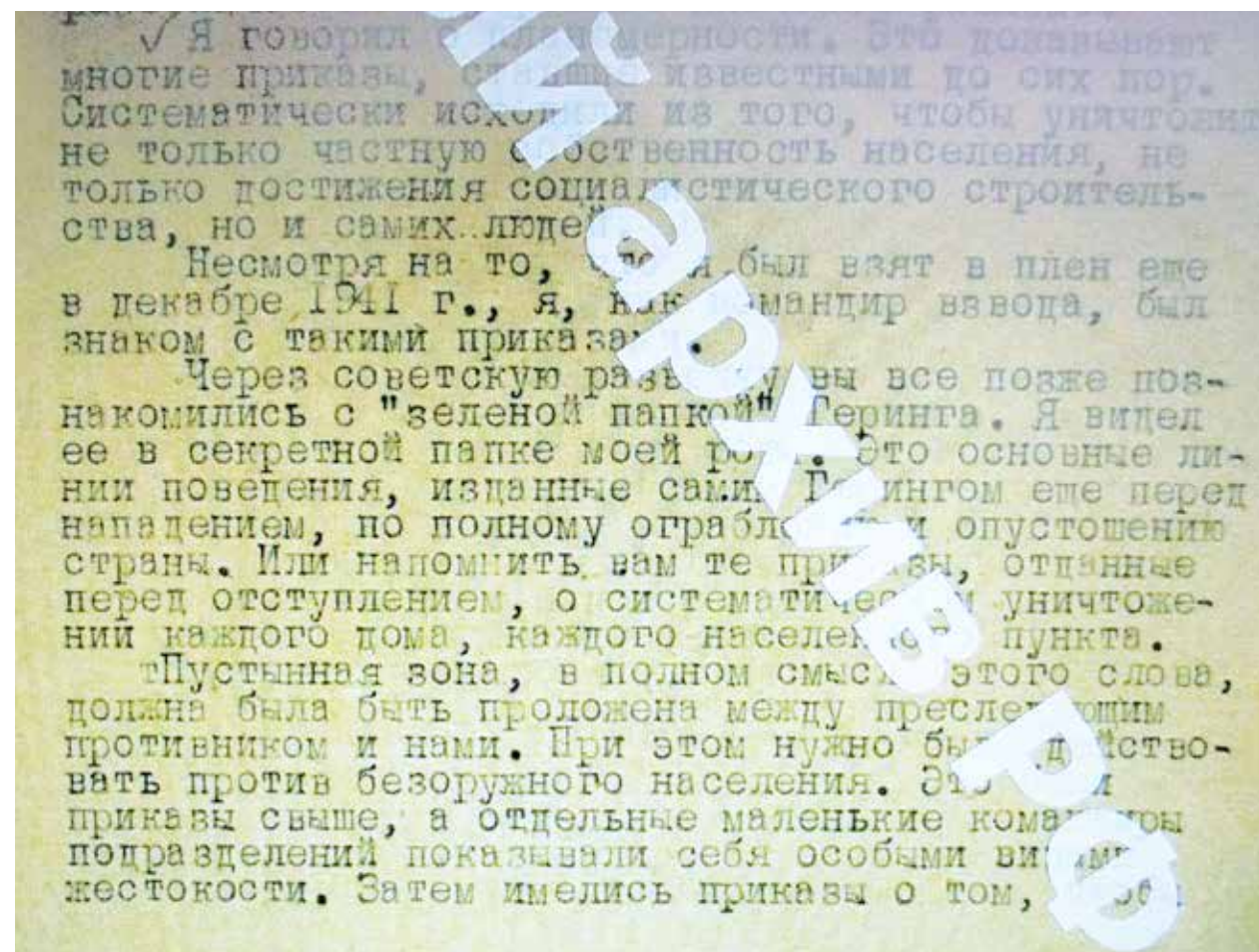
True: Head of the Office of the Department of Internal Affairs

(signature)
(illegible).

29/V-44

О заранее спланированной политике «выжженной земли», которую реализовывали нацисты на нашей земле, сообщил военнопленный немецкой армии Герберт Стрезов: «Пустынная зона в полном смысле этого слова должна была быть проложена между преследующим противником и нами. При этом нужно было действовать против безоружного населения» [2].

Herbert Strezow, a prisoner of war in the German army, reported on the pre-planned "scorched land" policy that the Nazis executed on our territory: "There must be a desert area in its full sense of the word between the pursuing enemy and us. At the same time it was necessary to act against an unarmed people" [2].

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 41. Л. 29-32об
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 41. L. 29-32ob

I spoke of systematic. This is proved by many orders that have become known so far. The systematic approach was to destroy not only the private property of the population, not only the achievements of socialist construction, but also the people themselves.

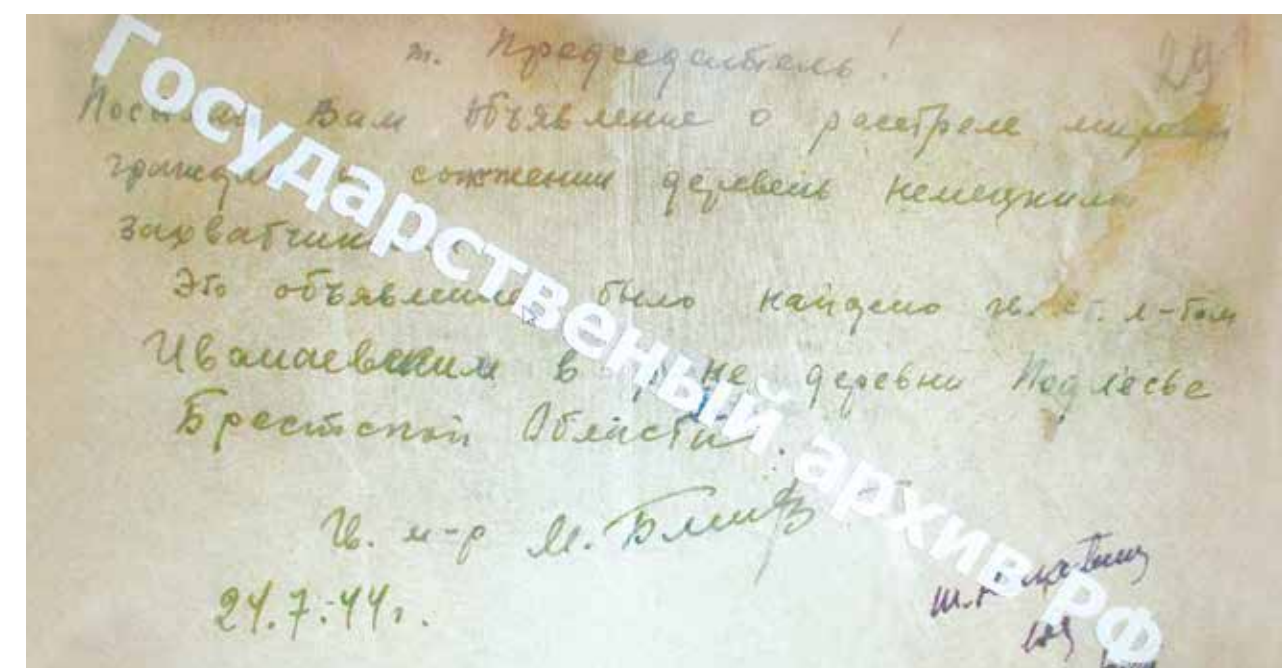
Despite the fact that I was taken as a prisoner of war back in December 1941, I, as a platoon commander, was familiar with such orders.

Through the Soviet intelligence, you all later got to know Goering's "green folder". I saw it in my Company's secret folder. These are the basic guidelines issued by Goering himself before the attack, for the complete robbery and devastation of the country. Or, should I remind you of those orders, before the retreat, to systematically destroy every house, every settlement.

A desert zone, in its full sense, was to be laid between the pursuing enemy and us. At the same time, it was necessary to act against an unarmed population. These were orders from above, and individual small unit commanders proved themselves to be special types of cruelty. Then there were orders to take away warm things from the citizens and prisoners, their household goods and so on. Or, there was another order to perform life-threatening work, such as the neutralization of minefields, not only by prisoners of war, but also by the civilian population. I ask you, comrades, do you know at least one case of a German prisoner of war being forced to do similar work here in the Soviet Union?

Массовыми карательными мерами нацисты и их пособники в том числе пытались утратить население, искоренить их стремление к сопротивлению оккупантам. В этих целях о карательных действиях нацистов размещались объявления. Одно из таких объявлений было обнаружено в районе д. Подлесье Брестской области и вошло в материалы Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

The Nazis and their accomplices, by massive punitive measures, among other things, tried to intimidate the population and suppress their will to resist the occupants. That is why they posted announcements about the punitive actions of the Nazis. One of these announcements was found near the village of Podlesie, Brest region, and was included in the materials of the Extraordinary State Commission to investigate the crimes of fascist invaders.

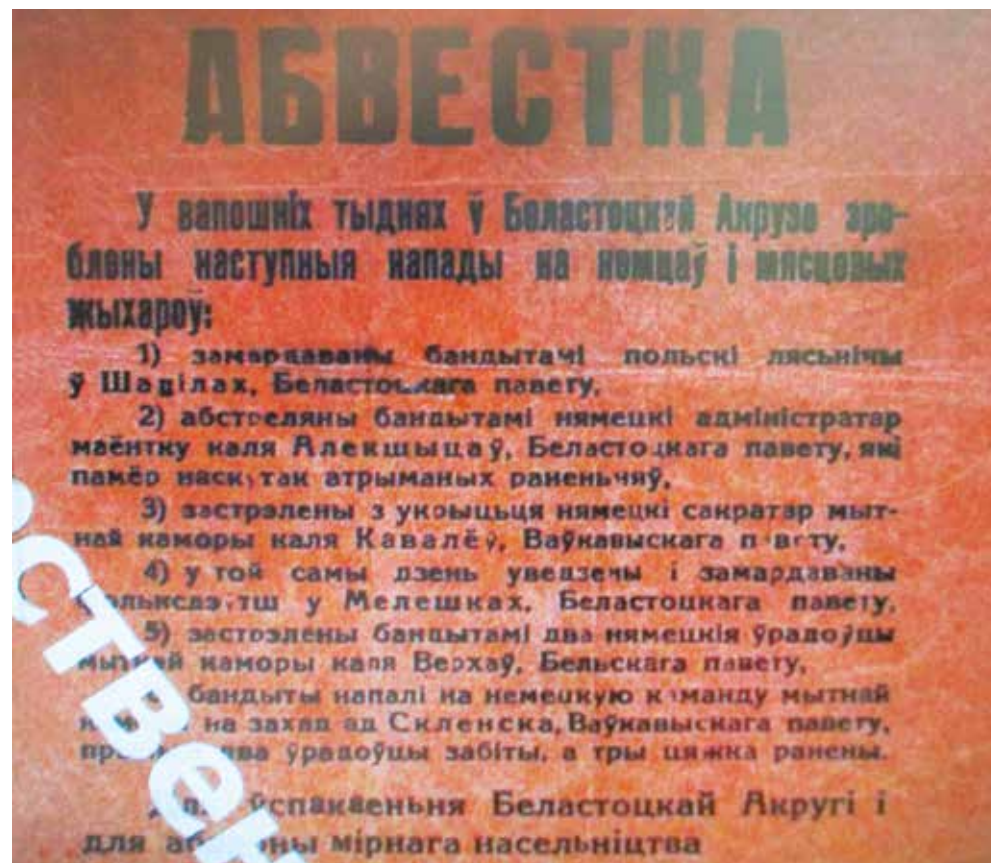

Comrade Chairman!

We are sending you a notice about the shooting of civilians and burning of villages by the German invaders. This announcement was found (unintelligible) in the area of the village of Podlesie, Brest region.

Guard Major (signature)

24.7.44

ANNOUNCEMENTS

Last week the following attacks on Germans and locals were made in the Bialystok district:

- 1) a Polish forester was tortured by bandits in Shatily in Bialystok district,
- 2) a German administrator in an manor near Alekshytsy in Bialystok district was shot at by bandits, and he died as a result of his wounds,
- 3) the German secretary of the customs office near Kowali in Volkovysk district was shot in hiding,
- 4) the same day he was captured and tortured in Meleshki, Bialystok district,
- 5) two German officials of the customs chamber near Verkhi, Belsk district were murdered by bandits,
- 6) bandits attacked a German team of the customs chamber west of Sklensk in Volkovysk district, two employees were killed and three were seriously wounded.

To calm the Bialystok district and for the defense of the civilian population.

On January 22, 1944, two villages that kept in touch with the partisans were burnt down: Baiki, Volkovysk district, and Zinyaki, Grodno district, and their people. The property of those exterminated was confiscated.

The population of both villages kept in touch with the bandit groups and supported them in attacks and murders.

Families who did not take part in the burial of their neighbors and kept away each time were not shot.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 35. Л. 29-31
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 35. L. 29-31

Belarusians and Polish people!

Why do some of you still support the bandits? In doing so, you and your families are attracting misfortune.

Stay away from these bandits and you will receive strong protection from the German authorities.

Bialystok, January 28, 1944

COMMANDER
of the Security Police and SD for Bialystok District

Выражение своей принадлежности к советскому государству, вплоть до хранения его символики, каралось нацистами беспощадной и жестокой расправой над населением. К примеру, об этом свидетельствует статья в газете «Московский большевик» от 3 ноября 1942 г.

The Nazis punished people for expressing their belonging to the Soviet Union, even if they kept its symbols, with ruthless and brutal punishment. One of such examples is an article in the newspaper "Moscow Bolshevik" of November 3, 1942.

У одного жителя города Борисова был найден красный флаг с серпом и молотом. Это был старик, имевший внучку. Его отвели на кожевенный завод, развесили над головой флаг. 2 немца зарезали старика ножами, говоря: «На такого пущу жалко». А потом палачи вернулись к внучкам старика и изнасиловали их по очереди.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 386. Л. 7
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 386. L. 7

Germans found a red flag with a hammer and sickle at a man's home in Borisov. He was an old man with granddaughters. They took him to a tannery and hung the flag over his head. Two Germans stabbed the old man to death with knives, saying: "A bullet is too much for him". Then the torturers returned to the old man's granddaughters and raped them one by one.

Красноречиво картину того ужаса, который творили нацисты и их приспешники в городах и селах белорусской земли, а также того, что они за собой оставляли, характеризует выдержка из статьи военного корреспондента газеты «Правда» М. Сиволобова, прибывшего на место массового уничтожения мирного населения в белорусском поселке Рудобелка Гомельской области.

Вот она, белорусская земля!
Обгорелые, черные от копоти, одиноко торчащие из земли трубы хат, каркасы кроватей, изогнутых жаром пламени, груды кирпичей, черепки глиняных горшков, кринок. Это — следы разбоя и насилия гитлеровских головорезов, под сапогом которых стонет, истекая кровью и слезами, белорусская земля. Всюду — кресты. Это братские могилы замученных, расстрелянных, сожженных, растерзанных мирных жителей.
Въезжаем в крупный поселок Рудобалка. Большая, но совершенно обезлюдевшая улица. Окна зияют, в их глазницы мертвецов. Здания райкома партии, райисполкома, амбулатории, школы сожжены. Пепелище: здесь был рабочий клуб. Под ногами хрустит перегоревший кирпич и что-то белое, похожее на известь. Вспоминается — кость, человеческая кость. Их много, они перемешаны с кирпичом. Здесь не так давно раздалась оргия

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 386. Л. 11
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 386. L. 11

Нацисты верили в превосходство собственной расы и оправдывали свои преступления. Однако осознание возможной ответственности за бесчеловечные действия заставляло их предпринимать меры для сокрытия своих преступлений. Несмотря на то, что в годы Великой Отечественной войны была техническая возможность фотографировать и делать видеозаписи, нацисты нечасто фиксировали на технические средства свои преступления. Причина этому – запрет на фотографирование казней.

Eloquent image of the terror that the Nazis and their supporters committed in towns and villages of Belarusian land, as well as the horror that they left behind them, is described in an extract from an article by M. Sivolobov, a war correspondent of the newspaper "Pravda", who went to the place of mass extermination of the civilian population in the Belarusian village of Rudobelka, Gomel region.

So, this is the Belarusian Land!

Burnt, black with smoke, lonely chimneys of huts standing out of the ground, frames of beds, bent by the heat of the flames, piles of bricks, shards of clay pots and jars. These are signs of robbery and violence of Hitler's thugs, under their boots the Belarusian Land is groaning, bleeding and tearing. Crosses are everywhere. They are brotherly graves of tortured, shot, burnt, massacred civilians.

We enter the large settlement Rudobalka. A large, but completely empty street. Windows were like eye sockets of the dead. The building of the district party committee, district executive committee, dispensary, school are burned. The ashes. Here there was a workers' club. Burnt bricks and something white like lime crunch under our feet. We look closely – bone, human bone. There are many of them – they are mixed with bricks.

The Nazis believed in the supremacy of their own race and justified their crimes. However, the understanding of possible responsibility for their inhuman actions forced them to take measures to cover up their crimes. Despite the fact that during the Great Patriotic War there were technical possibilities of photographing and videotaping, the Nazis rarely recorded their crimes using technical means. The reason for this is the ban on taking photographs of executions.

Управление охранной полиции.

§ 1 a 5100/17.6.

Берлин, 25 июня 1942 г.

Получено 21.УП.1942 г.

1/Копия

Начальник полиции безопасности и службы охраны.

П. А 1/1942 П/41 - 151.

Берлин, 16-го апреля 1942 г.

Получено 21.УП.1942 г.

3 экземплярах.

Главным начальником СС и полиции.

Фотографирование казней.

Рейхсфюрер СС приказом от 12.XI.1941 - журнал № 1 1481/41 *Hds* - запретил фотографирование казней; в тех же случаях, когда подобное фотографирование нужно из служебных соображений, он распорядился хранить весь фотографический материал в архивах.

41 *Hds* - запретил фотографирование казней; в тех же случаях, когда подобное фотографирование нужно из служебных соображений, он распорядился хранить весь фотографический материал в архивах.

В дополнение к этому приказывается:

Для служебных целей снимки казней должны, как правило, производиться только по указанию начальника оперативного штаба или штаба особого назначения, или ротного командира войск СС и взводного командира отдела военных корреспондентов. Если в исключительных случаях, подобные снимки нужно произвести срочно и не представляется возможности запросить согласие нач. оперативного штаба или штаба особого назначения или ротного командира войск СС и взводного командира отдела военных корреспондентов, то их нужно известить об этом впоследствии.

Начальник оперативного штаба или штаба особого назначения, или ротный командир войск СС и взводный командир от-

дела военных корреспондентов несут ответственность за то, чтобы пластинки, пленки и позитивы не оставались в руках отдельных служащих оперативного учреждения.

Начальник оперативного штаба или штаба специального назначения или ротный командир войск СС и взводный командир отдела военных корреспондентов должен немедленно отсылать произведенные по служебным целям снимки, в непроявленном виде, главному управлению государственной безопасности /реферат 1У А 1/ с пометкой "Секретный государственный материал".

Если в учреждениях или у отдельных служащих учреждений находятся еще не проявленные или использованные пленки и пластинки, их надлежит немедленно переслать в Главное управление государственной безопасности /реферат 1У А 1/. Таким образом, следует установить, не были ли эти служащими оперативных учреждений посланы на родину позитивы, пленки и пластинки со снимками казней. Надо позаботиться о том, чтобы и этот фотографический

материал был немедленно отправлен в Главное управление государственной безопасности /реферат 1У А 1/. Таким образом, следует установить, не были ли эти служащими оперативных учреждений посланы на родину позитивы, пленки и пластинки со снимками казней. Надо позаботиться о том, чтобы и этот фотографический материал был немедленно отправлен в Главное управление государственной безопасности /реферат 1У А 1/. Во всех случаях указывать время и место снимков. Одновременно приложить заверенное показание соответствующего служащего учреждения, что он больше снимков не производил и сдал все пластинки, пленки и позитивы.

Об этом постановлении известить всех служащих полицейских оперативных учреждений, равно как и служащих войск СС и их отделы военных корреспондентов.

Подп. Гейдрих

С подлинным верно:

/место печати/ подп. Фрам,

канцелярский чиновник

Security Police Department.
S1 AB 5100/17.6.

Berlin, June 25, 1942
Received 21.VII.1942

1) Copy

Chief of Security Police and Security Service
Article A1 (illegible) 042 P/41 – 151.
Berlin, April 16, 1942
Received 21.VII.1942
In <...> copies
To the Chiefs of the SS and Police
Photographs of executions

The Reichsführer SS by order of 12.XI.1941 – Journal No. 1 1481 / 41 Ads has prohibited the photographing of executions. In cases where such photography is necessary for official reasons, he ordered that all photographic material be kept in the archives.

In addition to this it is ordered:

As a general rule, photographs of executions for official purposes shall be taken only on the instructions of the Chief of Operations or Special Forces Headquarters or the SS Company Commander and the Platoon Commander of the War Correspondents Division. If, in exceptional cases, such photographs must be taken urgently, and it is not possible to obtain the consent of the Chief of Operations or Special Forces Headquarters or the SS Company Commander and the Platoon Commander of the War Correspondents Division, they shall be notified thereafter.

The Chief of Operations or Special Forces Headquarters or the SS Company Commander and the Platoon Commander of the War Correspondents Division shall be responsible for ensuring that records, films and positives do not remain in the hands of individual officers of the operational agency.

The Chief of Operations or Special Forces Headquarters or the SS Company Commander and the Platoon Commander of the War Correspondents Division shall immediately send the pictures produced for official purposes in unexposed form to the Chief Department of State Security (Abstract IV A1) one with the notation "Secret State Material".

If there are still positives or used films and records in the agencies or in the possession of individual employees of the agencies, they should be forwarded immediately to the Main Directorate for State Security (Abstract IV A1). It should also be determined whether any positives, films and records containing photographs of executions have been sent home by personnel of operational institutions. Ensure that this photographic material is also sent immediately to the Main Directorate of State Security (Abstract IV A1). In all cases, the time and place of the photographs should be noted as well as a certified statement from the relevant agency, that they have not taken any more photographs and have handed over all the records, films and positives as attached.

All officers of the police operating agencies as well as members of the SS troops and their war correspondent divisions are to be notified of this order.

Signed

Heydrich

True to the original
(Seal place) Signed Fram
Clerical official

Генеральная прокуратура Республики Беларусь в ходе расследования уголовного дела продолжает работу по установлению ранее неизвестных мест массового истребления и захоронения людей.

In the course of the criminal investigation, the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus is continuing its work to identify previously unknown places of mass extermination and burial of people.

Осмотр места массового уничтожения жертв геноцида белорусского народа
в урочище Ивановщина Логойского района Минской области. 2021 г.
Examination of the place of mass extermination of the victims of the genocide
of the Belarusian people in Ivanovshchina area, Logoisk district, Minsk region. 2021

Монеты, фрагменты обуви, одежды и личные вещи (ключи, очки, гребни и др.), обнаруженные в ходе осмотра места массового уничтожения и захоронения жертв геноцида белорусского народа в урочище Ивановщина Логойского района Минской области. 2021 г.
Coins, pieces of shoes, clothes and personal belongings (keys, glasses, combs, etc.) discovered during the inspection of the place of mass extermination and burial of the victims of the genocide of the Belarusian people in Ivanovshchina area, Logoisk district, Minsk region. 2021.

Первая из пятнадцати ям-могил, обнаруженная на месте массового уничтожения и захоронения жертв геноцида белорусского народа в урочище Уручье Минского района. 2021 г.
The first of fifteen grave pits discovered at the place of mass extermination and burial of victims of the genocide of the Belarusian people in Uruchye area, Minsk district. 2021

*Костные останки, обнаруженные в первой из пятнадцати ям-могил на месте массового уничтожения и захоронения жертв геноцида белорусского народа в урочище Уручье Минского района. 2021 г.
Bone remains found in the first of fifteen grave pits at the place of mass extermination and burial of victims of the genocide of the Belarusian people in Uruchye area, Minsk district. 2021*

*Следы огнестрельного отверстия на костях черепа жертвы геноцида белорусского народа, останки которой обнаружены в первой из пятнадцати ям-могил на месте массового уничтожения и захоронения жертв геноцида белорусского народа в урочище Уручье Минского района. 2021 г.
Traces of a gunshot hole on the skull bones of the victim of the genocide of the Belarusian people, whose remains were discovered in the first of fifteen grave pits at the place of mass extermination and burial of victims of the genocide of the Belarusian people in Uruchye area, Minsk district. 2021*

*Костные останки и личные вещи жертв геноцида белорусского народа, обнаруженные в ходе осмотра места массового уничтожения и захоронения на территории Ченковского лесничества Гомельского района. 2021 г.
Bone remains and personal belongings of the victims of the genocide of the Belarusian people, discovered during the examination of the place of mass extermination and burial on the territory of Chionki forestry, Gomel district. 2021*

*Костные останки со следами огнестрельных отверстий на костях черепа и личные вещи жертв геноцида белорусского народа, обнаруженные в ходе осмотра места массового уничтожения и захоронения на территории Ченковского лесничества Гомельского района. 2021 г.
Bone remains with traces of gunshot holes on the skull bones and personal belongings of the victims of the genocide of the Belarusian people, discovered during the inspection of the place of mass extermination and burial on the territory of Chionki forestry, Gomel district. 2021*

Костные останки со следами огнестрельных отверстий на костях черепа и личные вещи жертв геноцида белорусского народа, обнаруженные в ходе осмотра места массового уничтожения и захоронения на территории Ченковского лесничества Гомельского района. 2021 г.
Bone remains of the victims of the genocide of the Belarusian people, discovered during the inspection of the place of mass extermination and burial on the territory of Chionki forestry, Gomel district. 2021

Вторая из пятнадцати ям-могил, обнаруженная на месте массового уничтожения и захоронения жертв геноцида белорусского народа в урочище Уручье Минского района. 2022 г.
The second of fifteen grave pits discovered at the place of mass extermination and burial of victims of the genocide of the Belarusian people in Uruchye area, Minsk district. 2022

Костные останки жертв геноцида белорусского народа, обнаруженные во второй из пятнадцати ям-могил на месте массового уничтожения и захоронения жертв геноцида белорусского народа в урочище Уручье Минского района. 2022 г.
Bone remains of victims of the genocide of the Belarusian people discovered in the second of fifteen grave pits at the place of mass extermination and burial of victims of the genocide of the Belarusian people in Uruchye area, Minsk district. 2022.

В мае 2023 года в лесном массиве Ченковского лесничества Гомельского района обнаружено и осмотрено очередное захоронение мирных граждан, истребленных немецко-фашистскими оккупантами и их пособниками. На обнаруженных костных останках имеются следы от пулевых ранений, что свидетельствует об убийстве жертв путем выстрелов в голову.

In May 2023, another burial place of civilians killed by the Nazi occupiers and their collaborators was discovered and inspected in the forest area of the Chionki forestry, Gomel district. The discovered bone remains have traces of bullet wounds, proving that the victims were killed by gunshots to the head.

Костные останки жертв геноцида белорусского народа, обнаруженные в ходе осмотра места массового уничтожения и захоронения на территории Ченковского лесничества Гомельского района. 2023 г.
Bone remains of the victims of the genocide of the Belarusian people, discovered during the inspection of the place of mass extermination and burial on the territory of Chionki forestry, Gomel district. 2023

Осмотр места массового уничтожения и захоронения жертв геноцида белорусского народа на территории Ченковского лесничества Гомельского района. 2023 г.
Examination of the place of mass extermination and burial of victims of the genocide of the Belarusian people on the territory of Chionki forestry, Gomel district. 2023

Костные останки жертв геноцида белорусского народа, обнаруженные в ходе осмотра места массового уничтожения и захоронения на территории Ченковского лесничества Гомельского района. 2023 г.
Bone remains of the victims of the genocide of the Belarusian people, discovered during the inspection of the place of mass extermination and burial on the territory of Chionki forestry, Gomel district. 2023

Следы огнестрельных отверстий на костях черепа жертвы геноцида белорусского народа, останки которой обнаружены в ходе осмотра места массового уничтожения и захоронения на территории Ченковского лесничества Гомельского района. 2023 г.
Traces of gunshot holes on the skull bones of the victim of the genocide of the Belarusian people, whose remains were discovered during the inspection of the place of mass extermination and burial on the territory of Chionki forestry, Gomel district. 2023

Гильзы, обнаруженные в ходе осмотра места массового уничтожения и захоронения на территории Ченковского лесничества Гомельского района. 2023 г.
Bullet cases found during the inspection of the place of mass extermination and burial on the territory of Chionki forestry, Gomel district. 2023

Генеральной прокуратурой Республики Беларусь в рамках расследования уголовного дела о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период проводится последовательная и системная работа по увековечению памяти о погибших мирных жителях и защитниках Отечества, сохранению исторической правды, недопущению героизации нацистских преступников и их пособников.

На основании результатов работы следственной группы Генеральной прокуратуры по установлению мест массового уничтожения и захоронения жертв геноцида в Совет Министров внесены предложения о присвоении ряду таких захоронений защитного правового статуса историко-мемориального места погребения. Отметим, что указанный статус по инициативе органов прокуратуры ранее был присвоен месту массового уничтожения населения в урочище Бронная Гора Березовского района Брестской области, где захоронено не менее 50 тысяч мирных жителей.

В текущем году Генеральной прокуратурой также предложено и Советом Министров поддержано присвоение статуса историко-мемориального погребения массовым захоронениям жертв геноцида в различных регионах республики. К ним относятся: урочище Стасино Столинского района Брестской области – место расстрела более 12 тысяч человек; захоронение мирных жителей в лесном массиве Ченковского лесничества Гомельского района, где убиты вывезенные узники четырех лагерей смерти г. Гомеля, численность которых составляла более 4 тысяч человек, место массового расстрела и сожжения более 10 тысяч мирных жителей вблизи агрогородка Польшковичи Могилевского района и др.

На их территориях предполагается установка специального памятного знака, разработанного на основании результатов проведенного по инициативе Генеральной прокуратуры республиканского конкурса эскизных проектов, в котором сможет принять участие любой гражданин нашей страны.

Присвоение захоронениям указанного статуса имеет юридическое и символическое значение, является свидетельством приверженности последовательно проводимой государственной политики в вопросе сохранения исторической памяти, противодействия фальсификации истории, создаст дополнительные правовые гаран-

Within the framework of the investigation of the criminal case of genocide of the Belarusian people during the Great Patriotic War and the post-war period, the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus is carrying out consistent and systematic work to commemorate the dead civilians and defenders of the Motherland, to preserve historical truth, and to prevent the glorification of Nazi criminals and their collaborators.

Following the results of the work of the investigation group of the General Prosecutor's Office on identification of places of mass extermination and burial of genocide victims, the Council of Ministers received proposals on assigning the protective legal status of historical-memorial burial place to a number of such burial places. It should be noted, that on the initiative of the Prosecutor's Office this status was previously assigned to the place of mass extermination in Bronnaya Gora area, Bereza district, Brest region, where at least 50 thousand civilians were buried.

In addition, this year General Prosecutor's Office proposed and the Council of Ministers supported assigning the status of historical-memorial burial to mass graves of genocide victims in different regions of the country. They are: Stasino area, Stolin district, Brest region – the place of execution of more than 12 thousand people; burial of civilians in Chionki forestry of Gomel district, where captured prisoners of four death camps of Gomel, numbering more than 4 thousand people were killed; the place of mass execution and burning of more than 10 thousand civilians near Polykovichi agro-town, Mogilev district, and others.

On their territories it is planned to install a special memorial sign, designed according to a national competition of design projects initiated by the General Prosecutor's Office, where any citizen of our country could participate.

Assignment of the above status to the graves is of legal and symbolic importance, it is a proof of commitment to the consistent state policy in the matter of preserving historical memory, counteracting the history falsification, it will create additional legal guarantees for the comprehensive protection of burial sites as well as

тии для комплексной защиты захоронений и условия для расширения военно-патриотических маршрутов.

Генеральная прокуратура принимает участие в церемониях перезахоронения останков жертв геноцида на ранее неизвестных местах массового уничтожения мирных жителей. Такие мероприятия проводятся с участием представителей власти, общественности, различных религиозных конфессий.

conditions for widening the military-patriotic trails.

General Prosecutor's Office take part in ceremonies of reburial of remains of genocide victims at previously unknown sites of mass extermination of civilians. Such events involve representatives of the government, the public, and various religious confessions.

*Церемония перезахоронения останков жертв геноцида
на месте массового уничтожения в Логойском районе Минской области
Ceremony of reburial of remains of genocide victims
at the place of mass extermination in Logoisk district, Minsk region*

*Церемония перезахоронения останков жертв геноцида
на месте массового уничтожения в Бешенковичском районе Витебской области
Ceremony of reburial of remains of genocide victims
at the place of mass extermination in Beshenkovichi district, Vitebsk region*

В лагере смерти «Тростенец» – крупнейшем на оккупированной территории СССР – в годы Великой Отечественной войны ежедневно уничтожались мирные жители и военнопленные, в том числе захваченные в результате проведения карательных операций. Полученные Генеральной прокуратурой в ходе расследования уголовного дела о геноциде белорусского народа сведения дают основания утверждать, что в нем уничтожено значительно больше узников, чем было известно ранее, – 546 тысяч человек.

Территории лагеря смерти «Тростенец» до настоящего времени был присвоен статус историко-культурной ценности регионального значения.

Принимая во внимание особое сакральное и духовное значение этого места массового содержания и истребления людей для народов, пострадавших от нацизма в годы Великой Отечественной войны, по предложению Генеральной прокуратуры ему будет присвоен статус историко-культурной ценности международного либо мирового значения.

В музеях и учреждениях образования также проведена масштабная работа по созданию тематических музейных экспозиций о геноциде белорусского народа. Такие экспозиции вскоре появятся и в других местах: библиотеках и домах культуры.

In the Trostenets death camp, the largest in the occupied territory of the USSR, civilians and prisoners of war, including those captured as a result of punitive operations, were exterminated on a daily basis during the Great Patriotic War. The information obtained by the General Prosecutor's Office during the investigation of the criminal case of genocide against the Belarusian people enables to assert that there were much more prisoners exterminated in the camp than it was previously known – 546 thousand people.

Until now, the territory of Trostenets death camp has been assigned the status of historical and cultural value of regional significance.

Considering special symbolic and spiritual significance of this place of mass detention and extermination for the peoples who suffered from Nazism during the Great Patriotic War, on proposal of General Prosecutor's Office it will be assigned the status of historical and cultural value of international or world significance.

Museums and educational institutions performed also extensive work to create thematic museum expositions on the genocide of the Belarusian people. Such expositions will soon appear in other places: libraries and culture centers.

СПОСОБЫ МАССОВОГО ИСТРЕБЛЕНИЯ НАЦИСТАМИ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ХОДЕ КАРАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ

В ходе осуществления геноцида белорусско-го народа нацистские оккупанты организовали масштабный и беспрецедентный по своей жестокости террор, который характеризовался безжалостными и бесчеловечными способами истребления людей, используемыми нацистами и их пособниками во время карательных операций.

Массовые расстрелы

Нацистские оккупанты с первых месяцев войны развернули масштабную машину уничтожения населения. Расстрелы проводились повсеместно, причем не учитывались ни пол, ни возраст жертв.

Из показаний потерпевшей М.И. Иваненковой, 1934 г. р., об уничтожении жителей д. Тригубцы Витебского района:

«...летом 1941 года немцы сожгли весь поселок, а всех жителей согнали недалеко от деревни и поставили вокруг глубинной ямы и вели допрос [...]. Многих убили и бросали в эту яму [...]. Когда мы вернулись, то от дома ничего не осталось, т. к. сожгли немцы всю деревню. Жить было негде. Когда мы вернулись, подошла какая-то семья (женщина с дочерью Дуней и маленьким мальчиком около 3 лет), попросила помощи у мамы, чтобы она ее спрятала. Но тут же их поймали. Видимо, эта женщина была посылной, выполняла какое-то задание. Когда их схватили, то расчертили в саду крест, положили вниз головой и расстреляли. Немцы сказали не подходить и не хоронить их» [1].

Уже с первых дней войны мирное население и военнопленные беспощадно уничтожались нацистами. Например, из показаний ефрейтора Вилли Шадта следует, что в июне 1941 г. в г. Бресте было расстреляно 15 человек только на том основании, что «с красными свиньями ничего нельзя было поделаться». Причем эти граждане самостоятельно вырыли себе могилу и не были вооружены [14].

METHODS OF MASS EXTERMINATION OF CIVILIANS BY THE NAZIS DURING PUNITIVE OPERATIONS

During the genocide of the Belarusian people, the Nazi occupants carried out a massive and unprecedented terror, characterized by ruthless and inhumane methods of extermination used by the Nazis and their collaborators during punitive operations.

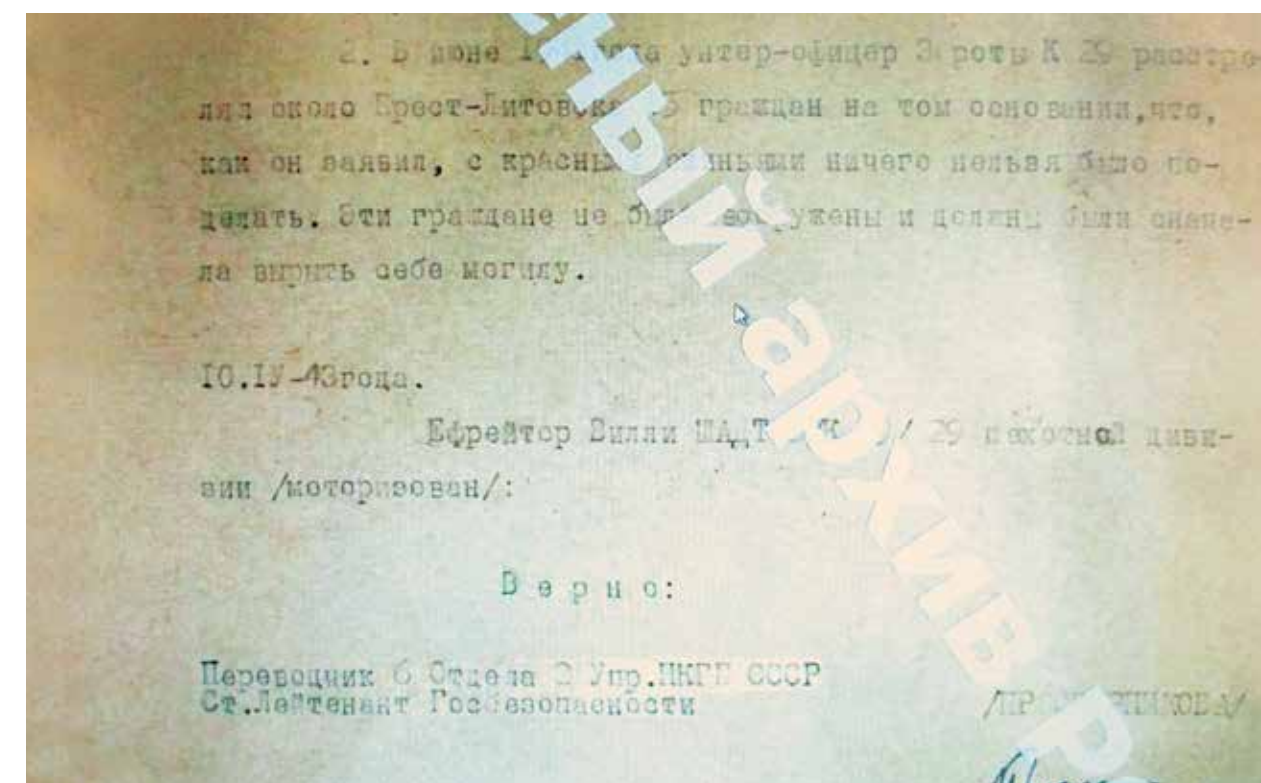
Mass shootings

From the first months of the war, the Nazi occupants started a large-scale extermination machine. Shootings were carried out everywhere, and neither the gender nor the age of the victims were taken into account.

From the testimony of the victim M. Ivanenkova, born in 1934, about the extermination of the people of the village of Trigubtsy, Vitebsk district:

"...in summer 1941 the Germans burned down the whole village and all villagers were driven not far from the village and put around a deep pit and interrogated [...]. Many people were killed and thrown into the pit [...]. When we came back, there was nothing left of the house, because the Germans had burned down the whole village. We had nowhere to live. When we came back, a family (a woman with her daughter Dunya and a little boy about 3 years old) came up and asked my mother for help to hide her. But they were caught straight away. The woman was apparently a messenger, fulfilling some kind of assignment. When they were captured, the Germans drew a cross in the garden, put these people heads down and shot them. The Germans said not to approach and not to bury them" [1].

From the first days of the war, the Nazis mercilessly exterminated civilians and prisoners of war. For example, from the testimony of the lieutenant Willi Schadt it follows that in June 1941, 15 people were shot in Brest only because "there was nothing they could do about Red pigs". Moreover, the civilians dug their own graves and were unarmed [14].

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 40. Л. 38
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 40. L. 38

2. In June 1941, a non-commissioned officer of the 3rd Company K-29 shot 15 citizens near Brest-Litovsk on the grounds that, as he stated, couldn't do anything about the red pigs. These citizens were unarmed and had to dig their own grave first.

10.IV-43

Lieutenant Willy SCHADT (29th Infantry Division /motorized):

TRUE:

Translator of the 6th Department of the 2nd Directorate
of the USSR Ministry of Defense
Senior Lieutenant of State Security (illegible)

При проведении карательных операций и массовой «зачистке территории» нацисты и их приспешники вылавливали и расстреливали всех, кого они могли задержать.

While conducting punitive operations and mass "cleansing of the territory", the Nazis and their collaborators captured and shot anyone they could capture.

Continuation of the accused's (witness) testimony Shoppo I.M.

Engaged in agriculture.

Question: What do you personally know about the atrocities committed by German evildoers during the period of their stay in your village Usaya?

Answer: Around January 20–22, 1944, early in the morning, our village Usaya was surrounded by the Germans and they started to fire, the only way out was to escape into the forest through the lake, which is located in the western part of the village Usaya. Many residents of our village Usaya ran across the lake into the forest, at that time the Germans executed them from machine guns and mortars, the following people were killed: Shopp Dorofey, Herzig Demyan, Lazuko Matvey and others.

I also ran away, but seeing that I wouldn't get far as there was heavy machine-gun fire, I returned home.

We are going to the village Usaya, the Germans began to murder the civilians of our village, they gathered the remaining women, men and children and drove them out of the village. And they began to choose men. I personally had a small child in my arms, whom the Germans took from my hands and threw to the women, and the remaining men were stopped by feet, turned to face the wall and fired upon first from a machine gun, and when the shot was carried out, I fell, the corpses of the dead fell on me, but fortunately I was lightly wounded in the back and 8 bullets went through my coat.

I lay among the corpses for approximately 2–3 hours. In the evening after the execution, the German continued to advance.

Из протокола допроса немецкого офицера
Вильгельма Шульте от 13 июля 1948 года:

From the protocol of the interrogation of Wil-
helm Schulte, a German officer, of July 13, 1948:

Вопрос: Вы на предыдущем допросе показали, что
вашей ротой было расстреляно 617 мир-
ных жителей. Расскажите, как произво-
дились эти расстрелы?
Ответ: Первый расстрел производился в середине ян-
варя 1944 года, как раз в тот день, когда в
прибыл из Августово из 400 западного и учеб-
ного батальона в д. Рашаны под гор. Трутман,
где располагалась команда "Цезарь", в которую
я был в тот день зачислен. Команда в мо-
мент моего прибытия в Рашаны как раз убива-
ла не находилась. Она тогда убивала в дер.
Байки, где и расстреляла до 600 мирных
жителей и сожгла всю эту деревню. Я
хорошо видел зарево пожара сгоревшей дерев-
ни и пулеметные очереди сжигания, а, правда,
запрет, как раз, убивать не могли.

сам никогда не был в деревне Байки, но
полагаю, что она находилась в 7-10 кило-
метрах от дер. Рашаны. Когда моего ро-
та прибыла из д. Байки с этой операцией,
солдаты рассказывали, что все население
дер. Байки от грудного ребенка до полуве-
кового старика было собрано на небольшой
холмике, где они дали себе выкопавшим
могилу, и затем они были расстреляны из
пулеметов. После расстрела населения без
деревни было сожжено. Эта операция про-
водилась под руководством командира роты
Камбана (фамилию которого не помню), ко-
торый через несколько дней погиб от покуше-
ний партизан. В операции участвовали также
все командиры взводов, которых я раньше
называл, в том числе и лейтенант. Инфор-
мация, которая впоследствии стала коман-
диром роты. Всего было расстреляно
тогда по рассказам товарищей около 600
человек.

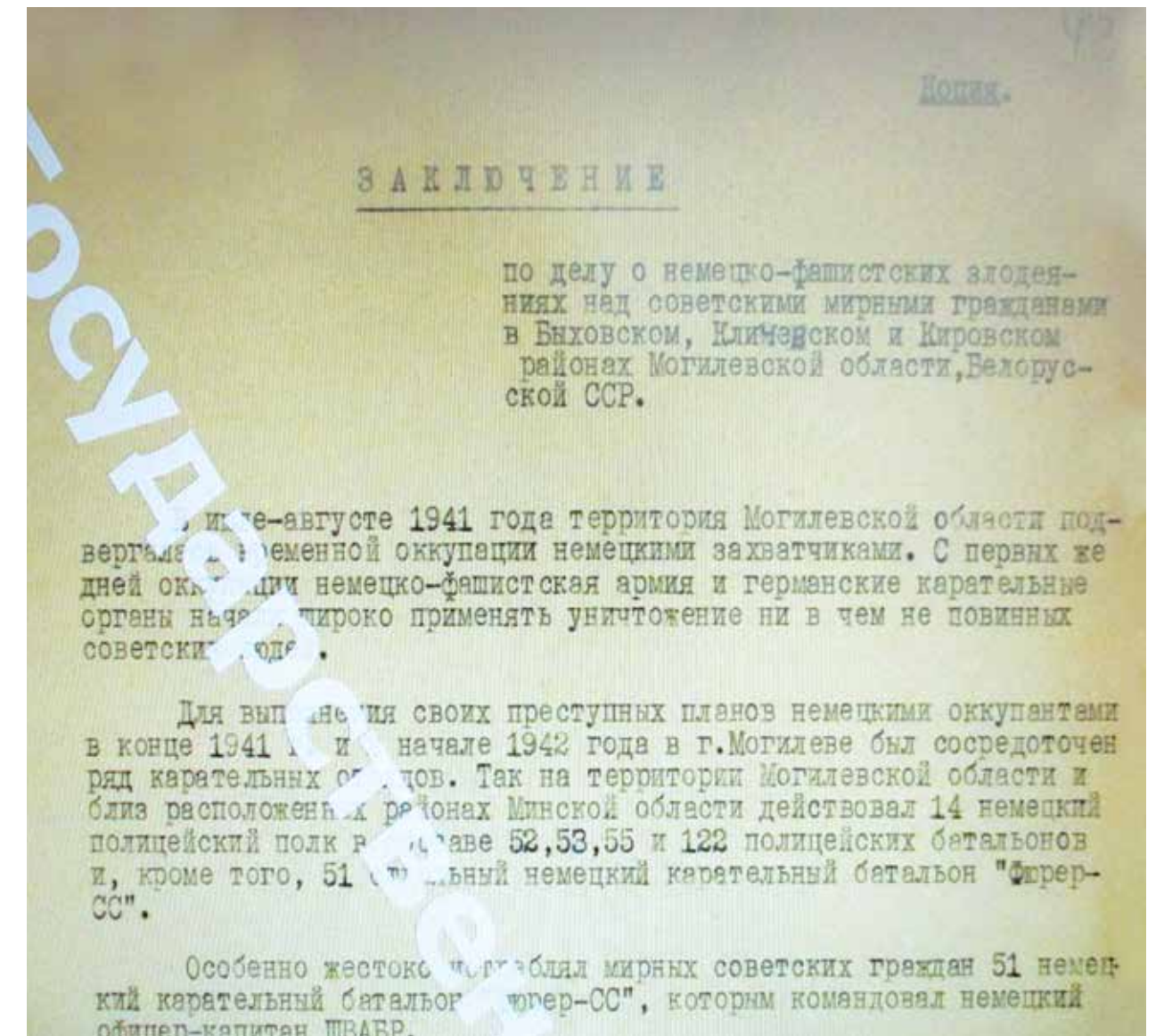
Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 2727. Л. 16–17
National Archive of the Republic of Belarus. F. 1363. Op. 1. D. 2727. L. 16–17

Question: At the previous questioning you told that by our company 617 civilians have been shot. Tell me how these shootings have been conducted?

Answer: The first shooting has been conducted in the middle of January 1944, at the day when from Augustovo arrived 400 soldiers of auxiliary and training battalion to the village of Roshany near the city of Pruzhany, where the command "Cesar" has been located, where I have been enlisted on that day. At the time of my arrival in Roshany the command hasn't been there. It went to the village of Baiki, where up to 600 civilians have been shot and the whole village has been burned. I saw clearly the blaze of burning village and heard bursts of machine-gun fire. I have never been in the village of Baiki, but I think it was located in 7-10 km from the village of Roshany. When at night the company arrived from the village of Baiki from this operation, the soldiers told, that all the population of the village of Baiki from small babies to half dead old men has been driven to small hill, where they dug their own grave, and after they were shot from machine-guns. After shooting of population all the village has been burned. This operating has been conducted under the command of company commander captain (surname of which I don't remember), who in several days dies from the attempt of on his life by partisans. In operation also participated all platoon commanders, which I named earlier, including the lieutenant Shyurman, who subsequently became the commander of company. According to the information from comrades, 600 of civilians have been shot.

Факты тотального расстрела мирного населения и ни в чем не повинных граждан зафиксированы в заключении по делу о немецко-фашистских злодеяниях над мирными советскими гражданами в Быховском, Кличевском и Кировском районах Могилевской области.

The facts of total shooting of civilians and innocent citizens are registered in the conclusion on the case of Nazi German atrocities against peaceful Soviet citizens in Bykhov, Klichev and Kirovsk districts of Mogilev region.

Из показаний командира роты 51 немецкого карательного батальона "Фюрер-СС" лейтенанта немецкой армии САЛИВОНЕНКО, 3-х командиров отделения его роты и других представителей этого батальона установлены многочисленные факты массового уничтожения ни в чем не повинных советских людей путем расстрелов и сожжения их, а также факты уничтожения населенных пунктов БЫХОВСКОГО, КЛИЧЕВСКОГО и КИРОВСКОГО районов Могилевской области.

Жестоко и бесчеловечно расправлялись с советскими людьми, попавшими в руки фашистско-немецких "мошеников", как называют сами немцы эсэсовцев карательных батальонов, они поджигали деревни и села, расстреливали и вешали мирных граждан, загоняли в пылающие дома женщин, стариков и детей.

Так, например:

1. В мае 1942 года 51 немецким карательным батальоном в Кличевском районе, Могилевской области было сожжено 3 деревни, насчитывавшие около 140 домов, в том числе сожжены полностью д.Подгорье - 50 домов, совхоз "Красина" - 45 домов.

2. В мае 1942 года в Кировском районе, Могилевской области этим батальоном сожжено 2 деревни и расстреляно 20 чел. советских патриотов, якобы, за связь с партизанами.

- 2 -

3. В начале июня 1942 года 51 немецкий карательный батальон совместно с 52 и 122 полицейскими батальонами проводил карательные действия против гражданского населения в Кличевском районе, Могилевской области.

В результате этих действий было сожжено 20 населенных пунктов, расстреляно много мирного населения. Так, только в деревне Шливец Загатые было сожжено более 160 домов и расстреляно около 150 чел. мужчин, женщин и детей.

Что говорят об этих зверствах сами участники их:

"В д. Шливец, Кличевского района солдаты 51 немецкого карательного батальона привели человек 40 советских граждан, среди которых были старики, женщины и дети. Этим людей загнали в сарай, там расстреляли, а потом сарай подожгли. На следующий день д.Шливец была полностью сожжена" /показания обвиняемого капрала ШУСТИКОВА/.

4. В конце июня 1942 г. 51 карательным батальоном во время карательной экспедиции в Быховском районе, Могилевской области была полностью сожжена д.Студенка /75 домов/ и частично д.Городец /60 домов/ со всем имуществом жителей. В д.Городец расстреляно, якобы, за связь с партизанами 30 чел. советских граждан, а в деревне Студенка расстреляно и сожжено живьем в домах свыше 300 чел.

Особенно жуткое зрелище представляла расправа немцами извергов с советскими людьми в д.Студенка, Быховского района, Могилевской области.

Вот что показали сами поджигатели и фашистские убийцы, захваченные нашими органами:

"В конце июня 1942 года 51 немецкий карательный батальон "Фюрер-СС" выехал из г.Могилев в Быховский район для борьбы против партизан. Подходя к д.Студенка, было замечено, что люди из деревни убежали в лес. Командир 51 батальона капитан ШВАБР приказал жечь деревню, а жителей расстрелять. Деревня была сожжена. Потом жителей загнали в дома и приступили к расстрелу. У каждого дома находилось по несколько солдат, которые бросили в окна гранаты, а потом стреляли в дом через окна из винтовок и автоматов и затем дом поджигали. К этому времени неслись крики умирающих людей, некоторые из них через окна пытались выскочить из горящего дома на улицу, но солдаты их расстреливали. Таким образом деревня Студенка была полностью сожжена /75-80 домов/, а население свыше 300 чел. полностью истреблено-расстреляно, сожжено". /показания обвиняемого капрала ШУСТИКОВА-участника этой операции. Протокол допроса от 31.5.44 г./.

- 3 -

Точно такая же картина происходила в деревне Городец:

"Подшли по несколько человек к дому, двери в домах закрыли и в окна бросили гранаты, а потом дом поджигали. В результате проведенной операции д.Городец была сожжена, жители в домах были расстреляны, а некоторые сгорели живьем. Я лично принимал участие в расстреле жителей 2-х домов, которые подожг. В этих домах сгорело не менее 15 чел. граждан". /показания обвиняемого ВЕСКАРАВАЕВА от 5 и 7.5.44г./.

В августе 1942 года этим же батальоном в Быховском районе, Могилевской области были полностью сожжены д.Ветринка /75 домов/, д.Трилесина /90 домов/ и частично д.Дабужа, Смолица, Красница, Бовки и др. населенные пункты. В д.Ветринка карателями расстреляно свыше 70 чел. граждан, в д.Трилесина расстреляно и живьем сожжено в домах около 100 чел.

Уничтожение советского населения в этих селах проводилось тем же методом, что и в д.Студенка и Городец.

"При нашем подходе к этой деревне /д.Трилесина/, местные жители, женщины и дети убежали в лес, но мы их находили и расстреливали. Таким образом мы расстреляли человек 50-60". /показания обвиняемого лейтенанта немецкой армии САЛИВОНЕНКО от 24.5.44 г./.

" В деревне проходила следующая картина расстрелов с гражданами: Всем оставшимся жителям было приказано войти в дома, где солдаты заперли все двери, после чего в окна раздались очереди выстрелов из автоматов, бросались гранаты, а потом дом поджигался. Избегая выстрелов, люди выскакивали из домов, того расстреливали на улице. Несмотря на плач детей и мольбу матерей о пощаде, никому пощады не было, все истреблялись с немецкой методичностью. Таким образом в деревне было истреблено свыше 100 чел. жителей. Все Трилезино нами было сожжено /30 домов/ /показания обвиняемого каптала немецкой армии БЕСНАРАВАЕВА от 10.5.44 г./.

Таким образом только в 1942 году в этих районах Могилевской области / Быховский, Кировский и Кличевский немецкими карательными органами уничтожено и сожжено свыше 40 населенных пунктов, расстреляно, сожжено живьем более тысячи человек, ни в чем не повинных советских людей в большинстве детей, женщин и стариков.

Причем эти данные о числе жертв фашистского зверья далеко неполные, т.к. указанные населенные пункты в настоящее время еще занимаются немецко-фашистскими войсками.

Показаниями лиц, служивших в этих карательных частях немецкой армии установлено, что в течение января-февраля 1942 года в г.Могилеве немецкими карательными отрядами и особыми командами производился массовый расстрел еврейского населения. Было расстреляно около 3000 чел. евреев. Среди расстрелянных были женщины, старики и дети. Расстрел производился в противотанковой яму, в 5-6 км. северо-западнее г.Могилева /по Минскому шоссе/.

Один из участников этих расстрелов каптала немецкой армии УСТИНОВ в своих показаниях рисует такую чудовищную картину подготовки и проведения расстрела.

"К противотанковому рву подходили крытые брезентом автомашин. В каждой машине было по 30-40 чел. евреев, среди которых были мужчины, старики, женщины с грудными детьми. Сразу подходило 3-5 автомашин. Поочередно машины задним ходом подгоняли к противотанковому рву, евреев из машины силой выталкивали в ров, приказывали им лечь лицом к земле и из автоматов расстреливали. Евреям из следующих машин приказывали лечь на трупы первой партии и таким образом их расстреливали. Наполнив ров в одном месте, переходили в другое. После расстрела землю взрывали толком и взрывали. Некоторые из расстрелянных зарывались в землю в сознании".

/Протокол допроса от 31.5.44 года/.

О том, что все эти зверства немецкие каратели проводили по указанию германского командования говорит лейтенант немецкой армии САЛИВОНЕНКО, показавший следующее:

"Расстрел советских людей, привезенных их оккуп. властью, производился по приказанию командира 51 немецкого карательного батальона - немецкого офицера капитана ШВАБЕР, который в свою очередь получал указания от генерала. Всеми карательными батальонами, которые занимались истреблением советских людей, руководил немецкий генерал, который проживал в г.Могилеве.

/фамилию генерала узнать не удалось/.

/Протокол допроса САЛИВОНЕНКО от 24.V-1944г./.

Установлено, что зверства, насилия и уничтожение советских людей в Быховском, Климовском, Кировском районах, Могилевской области во время их оккупации немцами совершались офицерами:

1. Командиром 51 немецкого карательного батальона "Фюрер-СС" капитаном немецкой армии ШВАБЕР.

2. Командиром 55 полицейского батальона майором немецкой армии ШМИДТ.

3. Командиром 122 полицейского батальона майором немецкой армии МАТ.

4. Могилевской школой унтер-офицеров, которую командовал обер-лейтенант немецкой армии РАШК.

В карательных экспедициях принимал активное участие офицер германской контрразведки капитан КОЮШ.

Все эти лица и должны быть привлечены к суровой ответственности за их злодеяния.

Непосредственными исполнителями истребления советских людей являются личный состав указанных карательных отрядов, а также пособники немецких оккупантов из числа русских изменников, перешедшие в разное время на службу в немецкую армию.

Военный прокурор 50 армии
подполковник юстиции ВЫСОЦКИЙ.

15.6.44г.

Верно - А. Лавин

CONCLUSION

on the case of German fascist massacres against Soviet civilians in Bykhov, Klichev and Kirovsk districts of Mogilev region of Belorussian SSR.

In July – August 1941, the territory of Mogilev region was under temporary occupation by German invaders. From the very first days of occupation, the German fascist punitive structures began to widely use extermination of innocent Soviet people.

To fulfill their criminal plans German occupants in late 1941 – early 1942 in the city of Mogilev concentrated a number of punitive detachments. So on the territory of Mogilev region and nearby districts of Minsk region 14th Police Regiment consisting of 52nd, 53rd, 55th and 122nd Police Battalions and besides 51st German Punitive Battalion Führer SS operated.

The 51st German Punitive Battalion Führer SS, commanded by German officer Captain SHVABR, was especially cruel in exterminating Soviet civilians.

From the testimony of the Company Commander of the 51st German Punitive Battalion Führer SS, Lieutenant of the German Army SALIVONENKO, three commanders of his Company and seven soldiers of this Battalion, numerous facts of mass extermination of innocent Soviet people by shooting and burning them, as well as facts of destruction of settlements of BYKHOV, Klichev and KIROVSK districts of Mogilev region were revealed.

They cruelly and inhumanely massacred Soviet people who fell into the hands of fascist German boys, as the Germans themselves called SS men of punitive battalions. They set fire to villages and settlements, shot and hanged civilians, forced women, old men and children into burning houses.

For example:

1. In May 1942, 51st German Punitive Battalion in Klichev district of Mogilev region burnt three villages with about 140 houses, including the village of Podgorie (50 houses) and the Krasino collective farm (45 houses).

2. In May 1942 in Kirovsk district of Mogilev region this battalion burnt down two villages and shot 20 Soviet patriots, supposedly for their alleged connection with the partisans.

3. In early June 1942, the 51st German Punitive Battalion, together with the 52nd and 122nd Police Battalions, carried out punitive operations against the civil population in Klichev district of Mogilev region.

As a result of these actions 20 settlements were burnt down and many civilians were shot. Thus, only in the villages of Vshivets and Zagatye more than 160 houses were burnt and about 150 men, women and children were shot.

Here is what the participants themselves say about these cruelties:

"In the village of Vshivets, Klichev district, soldiers of the 51st German Punitive Battalion brought 40 Soviet citizens, including old men, women and children. These people were forced into a barn, shot there, and then the barn was set on fire. The next day the village of Vshivets was completely burnt down" (testimony of the accused Corporal SHUSTIKOV).

4. At the end of June 1942, during a punitive operation by the 51st Punitive Battalion in Bykhov district, Mogilev region, the village of Studenka (75 houses) was completely burnt down, and partially the village of Gorodets (60 houses) with all the property of the inhabitants. In the village of Gorodets 30 Soviet citizens were shot for their alleged connection with the partisans, and in the village of Studenka more than 300 people were burnt alive in their houses.

The massacre of the Soviet people of the village of Studenka, Bykhov district, Mogilev region, by the German atrocities was a particularly horrible picture.

Here is what the torches and fascist murderers themselves, captured by our forces at the end of June, 1942, testified:

"51st German Punitive Battalion Führer SS left the city of Mogilev for Bykhov district to fight against partisans. Approaching the village of Studenka it was noticed that people from the village were fleeing into the forest. The commander of the 51st Battalion Captain SHVABR ordered to destroy the village and shoot the villagers. The village was surrounded, and then the villagers were forced into the houses and started shooting. At each house there were a few soldiers who threw grenades through the windows, then shot at the house through the windows with rifles and automatic rifles, and then the houses were set on fire. There were screams of dying people coming from the houses. Some of the people were trying to jump out of the burning house into the street through the windows, but the soldiers shot them. Thus, the village of Studenka was completely burnt down (75–80 houses), and the population of over 300 people was completely exterminated, shot, burned".

(testimony of the accused Corporal SHUSTIKOV, a participant in this operation. The protocol of the interrogation of 31.5.44).

Exactly the same situation took place in the village of Gorodets:

"Several people came up to the house, closed the doors in the houses and threw grenades into the windows, and then the house was set on fire. As a result of the operation, the village of Gorodets was burnt down, the villagers in the houses were shot, and some were burnt alive. I personally took part in the shooting of the villagers in the two houses which I had set on fire. At least 15 citizens were burnt in these houses".

(testimony of the accused BESKARAVAEV dated 5 and 7.5.44).

5. In August 1942 the same battalion in Bykhov district of Mogilev region completely burnt down the village of Vetrinka (75 houses), the village of Trilesino (90 houses), and partially the villages of Dabuzha, Smolitsa, Krasnitsa, Bovki and other settlements. In Vetrinka village more than 70 people were shot by the punitive soldiers, in Trilesino village about 100 people were shot and burnt alive in their houses.

The destruction of the Soviet population in these villages was carried out by the same method as in the villages of Studenka and Gorodets.

"When we approached this village (the village of Trilesino) the local inhabitants, women and children, ran away into the forest, but we shot them on the way. Thus, we shot 50–60 people".

(testimony of the accused, Lieutenant of the German army SALIVONENKO dated May 24.5.44).

"The following situation took place in the village: all surviving inhabitants were ordered to enter the houses, the soldiers locked the doors after them, and then machine gun shots were fired into the windows, grenades were thrown, and then the house was set on fire. Those who jumped out of the houses were shot in the street. Despite the cries of the children and the pleas of their mothers for mercy, no one was spared. Everyone was exterminated with German precision. In this way more than 100 people were exterminated in the village. The entire village of Trilesino was burnt down by us (90 houses)".

(testimony of the accused Corporal of the German army BESKARAVAEV from 10.5.44.).

Thus, only in 1942 in three districts of Mogilev region (Bykhov, Kirovsk, Klichev) German punitive structures destroyed and burnt more than 40 villages, shot and burnt alive more than 1,000 innocent Soviet people, mostly children, women and old people.

Moreover, these data on the number of victims of fascist beasts are far not complete, because the mentioned areas are still occupied by German fascist troops.

The testimony of persons who served in these punitive units of the German army revealed that during January – February 1942 in the city of Mogilev German punitive detachments and special commands carried out mass shootings of the Jewish population. Totally about 3,000 people were shot. Among those executed were women, old people and children. The execution took place in an anti-tank ditch 5–6 km northwest of Mogilev (Minsk highway direction).

One of the participants of these shootings, Corporal of the German army SHUSTIKOV, in his testimony describes such a horrible scene of preparation and carrying out of the shootings:

"Vehicles covered with tarpaulins were coming up to the anti-tank ditch. There were 30–40 Jews in each car, among them men, old people, women with infants. Three to five cars approached at a time. One by one the cars were driven in reverse to the anti-tank ditch, the Jews from the car were forcibly pushed into the ditch, they were ordered to lie face down on the ground and were shot with automatic rifles. The Jews from the next cars were ordered to lie down on the dead bodies of the first batch, and in this way, they were shot. After filling the ditch in one place, they moved to another place. After the shooting, the ground was blasted with an axe and the bodies were blown up. Some of those shot were buried in the ground still alive".

(The protocol of the interrogation of 31.5.44).

Lieutenant of the German army SALIVONENKO says that the German executioners carried out all these cruelties on the orders of the German command. The testimonies are as follows:

"We shot Soviet people, put them to fire, burnt villages on the orders of the commander of the 51st German Punitive Battalion, German Officer Captain SHVABR, who, in turn, received an order from the General. All punitive battalions, which were engaged in the extermination of Soviet people, were led by a German general, who lived in the city of Mogilev".

(the surname of the General could not be established).

(The protocol of the interrogation of SALIVONENKO dated 24.V-1944).

It was found that cruelties, violence and destruction of Soviet people in Bykhov, Klichev and Kirovsk districts of Mogilev region during their occupation by the Germans were committed by the officers:

1. The commander of the 51st German Punitive Battalion Führer SS captain of the German army SHVABR.
2. Commander of the 55th Police Battalion Major of the German army SCHMIDT.
3. Commander of the 122nd Police Battalion Major of the German army MATT.
4. Mogilev school for uncommissioned officers, commanded by Oberleutnant of the German army RASHK.

German counter-intelligence officer Captain KOKOSH took an active part in the punitive expeditions.

All these persons must be subjected to strict responsibility for their atrocities.

The direct perpetrators of the extermination of Soviet people are the personnel of these punitive detachments, as well as collaborators of the German invaders from among Russian traitors who joined the German army at different times.

Military Prosecutor of the 50th Army,
Lieutenant Colonel of Justice VYSOTSKY

15.6.44

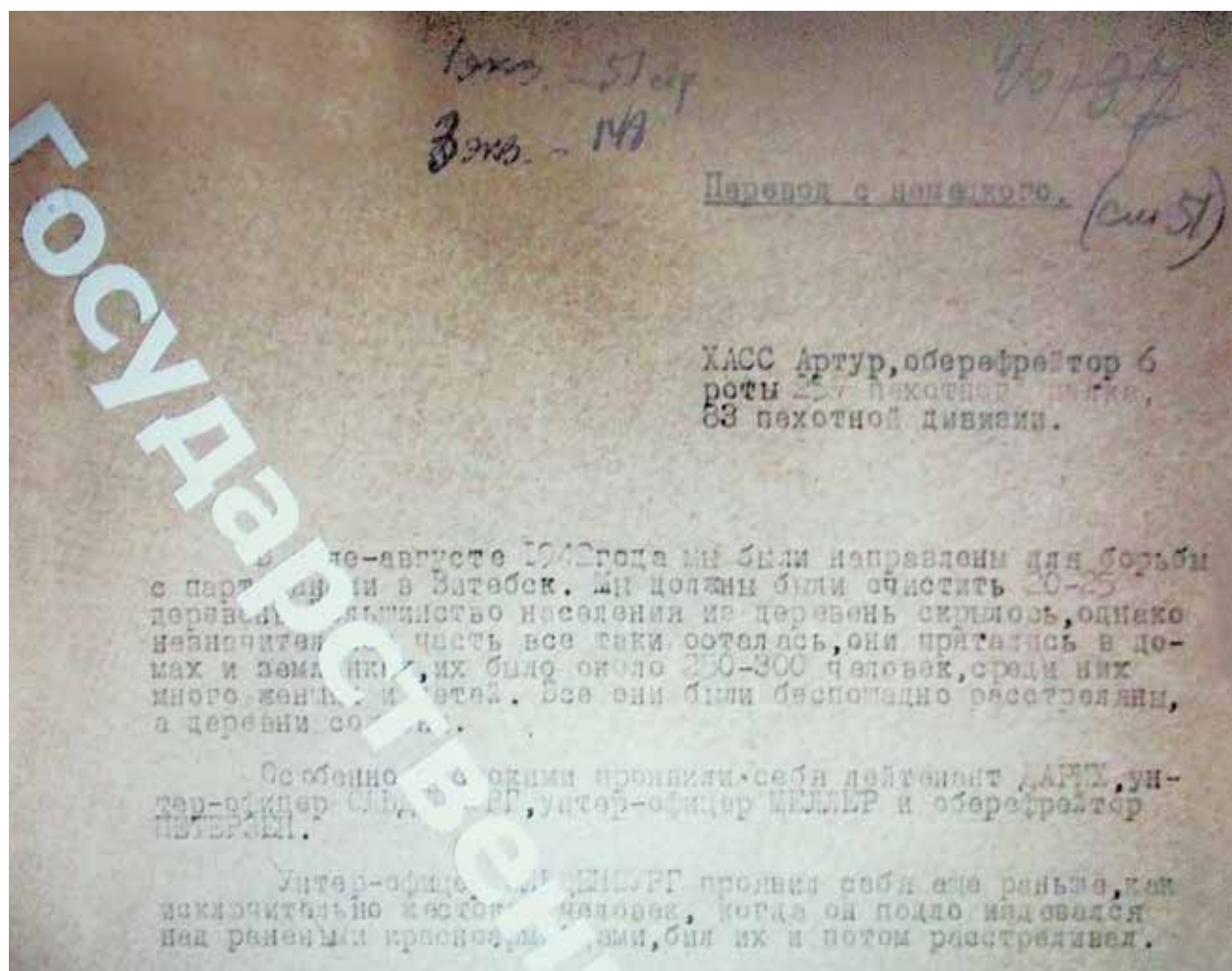
True (Signature)
(Seal: Extraordinary State Commission)

О массовых карательных операциях и расстрелах мирного населения десятков деревень Витебщины сообщил Артур Хасс, оберфрейтор 6-й роты 257-го пехотного полка 83-й пехотной дивизии.

«В июле – августе 1942 года мы были направлены для борьбы с партизанами в Витебск. Мы должны были очистить 20–25 деревень. Большинство населения из деревень скрылось, однако незначительная часть все-таки осталась, они прятались в домах и землянках, их было около 250–300 человек, среди них много женщин и детей. Все они были беспощадно расстреляны, а деревни сожжены» [15].

Mass punitive operations and shootings of civilians in dozens of villages in Vitebsk region were reported by Artur Hass, oberfreitor of the 6th Company of the 257th Infantry Regiment of the 83rd Infantry Division.

"In July – August 1942 we were sent to fight the partisans in Vitebsk. We had to clear 20–25 villages. Most of the people from the villages had fled, but a small part still remained, they were hiding in houses and dugouts, there were about 250–300 people, there were a lot of women and children among them. All of them were mercilessly shot and the villages were burnt down" [15].

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 40. Л. 46
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 40. L. 46

(Handwritten – illegible)

Translation from German

HASS Artur, oberefeldwebel of the 6th Company
of the 257th Infantry Regiment
of the 83rd Infantry Division

In July – August 1942, we were sent to fight the partisans in Vitebsk. We had to clear 20–25 villages. Most of the people from the villages had fled, but a small part still remained, they were hiding in houses and dugouts, there were about 250–300 people, there were a lot of women and children among them. All of them were mercilessly shot and the villages were burnt down.

Lieutenant DARICH, Non-Commissioned Officer OLDENBURG, Non-Commissioned Officer MELLER, and Oberfeldwebel PETERSEN were exceptionally cruel.

Non-Commissioned Officer OLDENBURG proved himself as an exceptionally cruel man even earlier, when he cruelly abused wounded Red Army soldiers, beat them and then shot them.

Потерпевшая М.И. Иваненкова, 1934 г. р., сообщила о массовом расстреле мирного населения Витебщины во время карательной операции «Майская гроза», очевидцем которого она стала, когда ей было 9 лет.

The victim M. Ivanenkova, born in 1934, informed about the mass shooting of the civilian population of Vitebsk region during the punitive operation "May Thunderstorm", she witnessed when she was 9 years old.

проселочной дороге. Шло опять очень много людей, по дороге немцы жгли все строения. Пригнали в д. Кабище, там стали допрашивать, опять искали партизан. Допрашивали мою маму и сестру. Потом немцы сказали, что тем, у кого есть родственники нужно перейти на правую сторону, а тем, у кого нет – на левую. Мама моя поняла, что тех, кто станет на правую сторону, убьют. Мы перешли на левую сторону, но наша бабушка встала на правую.

Всех тех, кто был на правой стороне, согнали в сарай в этой деревне. Эти люди сами выкопали себе ямы, их расстреляли и сожгли. Нас загнали в соседний дом. Мы там были около 3 часов. Потом нас пешеходно погнали в г. Витебск, в 5-й полк. Мы там жили, маму забирали копать траншею. Условия для жизни были плохие, жили в бараках, обнесенных проволокой и охраняемых собакой. Жили в 5-м полку до осени 1943 г.

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.
Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Протокол допроса потерпевшей М.И. Иваненковой
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus.
Criminal case No. 21028030022 on genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. The protocol of the interrogation of the victim M. Ivanenkova

There were many people walking along the country road again. The Germans were burning all the buildings along the way. They came to the village of Kabishche and interrogated people there. They were looking for partisans again. They interrogated my mother and my sister. Then the Germans said that those who had relatives should go to the right side, and those who didn't – to the left. My mother realized that those who went to the right side would be killed. We went to the left side, our grandmother went to the right side.

All those on the right side were forced into a barn in the same village. They dug holes for themselves, they were shot and burnt. We were driven into a neighboring house. We were there for about three hours. Then we were driven on foot to the city of Vitebsk to the 5th Regiment. We lived there. My mother was taken to dig a trench. Living conditions were bad: we lived in barracks, surrounded by wire and guarded by a dog. We lived in the 5th Regiment until the fall of 1943.

Расстрелы были массовыми, причем пощады не было никому. Женщины расстреливались прямо вместе с их маленькими детьми на руках.

The shootings were massive, and there was no mercy for anyone. Women were shot right along with their small children in their arms.

Один полицейский, участвовавший в массовом расстреле жителей города Борисова, рассказал о своих кровавых делах. — В лес, около аэродрома, — говорит он, — согнали целые семьи и заставили рыть яму. Когда яма была готова, мужчинам, женщинам и детям приказали встать на колени и раздеться догола. Подниматься было запрещено. Потом их построили в несколько рядов и приказали первому ряду войти в яму и лечь там. Лежащих с детьми матерей расстреляли из пулеметов. Затем на окровавленные трупы приказали ложиться второй шеренге и открыли огонь по ней. В яме было много живых и раненых, но, несмотря на это, их засыпали землей».

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 386. Л. 7
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 386. L. 7

A police officer who took part in the mass shooting of the citizens of the town of Borisov described his bloody deeds. "In the forest near the airfield, he said, whole families were brought into the woods and forced to dig a pit. When the pit was ready, the men, women and children were ordered to kneel down and strip naked. It was forbidden to get up. Then they were lined up in several rows and ordered the first row to enter the pit and lie down there. The lying children and mothers were shot with machine guns. Then the second row was ordered to lie down on the bloody bodies, and they fired on them. There were many alive and wounded in the pit, but in spite of this they were covered with soil".

О массовых расстрелах и убийствах мирного населения Шарковщинского района во время карательной операции сообщил в своем допросе потерпевший И.И. Костюкевич, 1934 г. р.

The victim I. Kostyukevich, born in 1934, testified in the interrogation about the mass shootings and murders of the civilian population of Shar-kovshchina district during the punitive operation.

В зимний период 1941-1942 года, точного числа я не помню, но помню, что на реке уже был лед, я с отцом, с утра, поехал на лошади к кузнецу в д.Куштали Шарковщинского района, чтобы подковать лошадь. На тот момент мне было 7 с половиной лет. В скорости по времени, но так же утром, я с отцом увидел, что по полю со стороны д. Лонские Шарковщинского района в направлении д.Куштали Шарковщинского района в линию идут немецкие солдаты.

Они были в форме и сверху в непромокаемых плащах. В руках либо на плечах у них были автоматы. Шло их около 100 человек. Подойдя ближе от них отделилось трое человек, которые подошли ко мне, отцу и кузнецу. Далее один из немецких солдат на русском языке спросил видели ли мы партизан и если да то когда. Отец им ответили, что партизан видел вчера и что они были в деревне проездом, после чего уехали в направлении хутора «Торковное».

После этого немецкий солдат, сказал, что все мужчины должны собраться чрез некое время на какое-то собрание и указал пальцем на дом в котором необходимо собраться. Я с отцом сразу же поехали домой, после чего отец с матерью совещался, идти ли ему на собрание.

В скорости, через деревню, в направлении в д.Свилы Шарковщинского района, пошла немецкая бронетехника с различными орудиями, гарматами, шли пехотинцы как пешком, так и часть их везли на грузовых машинах.

В итоге отец ушел на собрание. Практически в это время в деревню прибыл немецкий карательный отряд. Отец домой не вернулся.

Вечером этого же дня в одном из сараев в конце деревни также на собрание собирали всех женщин и детей. Спустя непродолжительное время в одном из концов деревни загорелся дом и мать решила бежать из деревни. В итоге я с ней полем побежал в направлении д.Блиновщина и далее в д. Лонские Шарковщинского района.

По пути мы натолкнулись на иной отряд немецких солдат, которые в итоге сопроводили нас в д. Лонские Шарковщинского района. Там нас загнали в один из сараев, в котором уже находилось часть жителей д. Блиновщина. Данный сарай в итоге немецкие солдаты заперли снаружи и изначально многие думали, что нас сожгут. Спустя пару часов, к сараю подошло двое немцев, которые что-то сказали по-немецкому. Один из стариков в сарае, который видимо знал немецкий язык, пояснил, что нас всех погонят в д. Блиновщина.

Далее всех из сарая пешком довели до в д. Блиновщина. По пути, как спереди, так и сзади, нас конвоировали немецкие солдаты. Придя в указанную деревню нас распустили, пояснив чтобы мы шли по домам. В итоге я с мамой пошел к родственникам в д. Блиновщина.

Помню, что одна женщина с дочкой попросила немца, чтобы он отвел их в д. Трабовщина, так как тут у нее нет родственников. Примерно через пол часа, со стороны д. Трабовщина стали слышаться выстрелы и вскорости мы увидели, что данная деревня горит. Впоследствии оказалось, что немцы по какой-то причине данную деревню сожгли полностью. Ни одного жителя данной деревни в живых не осталось. Мать испугалась и далее я с ней пошел через болото в д. Зяблины Шарковщинского района. Там я с матерью три дня жил у знакомых, пока немцы не ушли из ближайших деревень. За это время мы узнали, что на так называемом собрании женщин и детей жителей д. Куштали, немецкие войска сожгли в одном из сараев. Также нам стало известно, что на собрании мужчин в д. Куштали, куда пошел и мой отец, немецкие войска в доме мужчин заперли. Понимая, что их сожгут мужчины стали выбегать из дома и немцы их стали расстреливать. Спаслись: Бобченко Александр, Шульга Анатолий, Кадушко Василий, Кадушко Федор, Костюкевич Григорий. Последний является родным старшим братом отца. С его слов я узнал, что отец выбегая из дома где должно было быть якобы собрание, прыгнул с еще тремя мужчинами в колодец и позже один и немецких солдат их застрелил. Все это я узнал с мамой, когда мы пошли на кладбище, чтобы захоронить остатки сожженных односельчан из д. Куштали и жителей д. Трабовщина. Костюкевич Григорий к тому моменту уже извлек тело отца из колодца и в тот момент на кладбище я увидел солдат их застрелил. Все это я узнал с мамой, когда мы пошли на кладбище, чтобы захоронить остатки сожженных односельчан из д. Куштали и жителей д. Трабовщина. Костюкевич Григорий к тому моменту уже извлек тело отца из колодца и в тот момент на кладбище я увидел отца в гробу. У него в голове было пулевое отверстие. Из спасшихся пятерых вышеуказанных мужчин к настоящему времени живых никого уже нет.

Какое количество жителей указанных двух деревень в общем было сожжено и расстреляно, я точно не знаю. Как я узнал позже жителей указанных деревень уничтожили по причине того, что кто-то из них помогал партизанам продовольствием.

Помню, что останки сожженных жителей опознать было нельзя и их похоронили в общей могиле на кладбище, расположенном близ церкви

In Winter of 1941/1942, I don't remember the exact date, but I remember that there was already ice on the river, my father and I in the morning were riding a horse to the blacksmith to village Kushtali Sharkovshchina district to shoe a horse. At that time I was 7 and a half years old. In the speed of time but also in the morning my father and I saw that along the field from the stolots of the village of Lonskie Sharkovshchina district in the direction of village Kushtali of Sharkovshchina district German soldiers are marching in line.

They were wearing uniform and waterproof raincoats on top. They had submachine guns in their hands or on their shoulders. There were about 100 of them. [...]

After that a German soldier said that all men should gather in a house for some kind of meeting and pointed his finger at the house where it was necessary to gather. My father and I immediately went home after that my father and mother were discussing whether to go to the meeting.

Soon German armored vehicles with various guns and garmets were coming through the village in the direction of the village of Svily, Sharkovshchina district, there were infantrymen both on foot and some of them were going on trucks.

My father finally left for a meeting. Practically at that time a German punitive detachment arrived in the village. Father did not return home.

In the evening of the same day, all women and children were also gathered in one of the barns at the end of the village for a meeting. Shortly afterwards, a house at one of the ends of the village was on fire and my mother decided to flee from the village. As a result, I ran with her across the field in the direction of the village of Blinovshchina and further to the village of Lonskie in Sharkovshchina district.

On the way we bumped into another group of German soldiers, who eventually carried us to the village of Lonskie in Sharkovshchina district, where some of the inhabitants of the village of Blinovshchina were already staying. In the end the German soldiers locked us from the outside and many people initially thought that we would be burnt. After a couple of hours two Germans approached the barn and said something in German. One of the old men in the barn, who seemed to know German, explained that we would all be driven to the village of Blinovshchina.

Then all of us were taken from the barn and brought on foot to the village of Blinovshchina. On the way we were escorted both in front and behind by German soldiers. When we reached the village we were dismissed and told to go home.

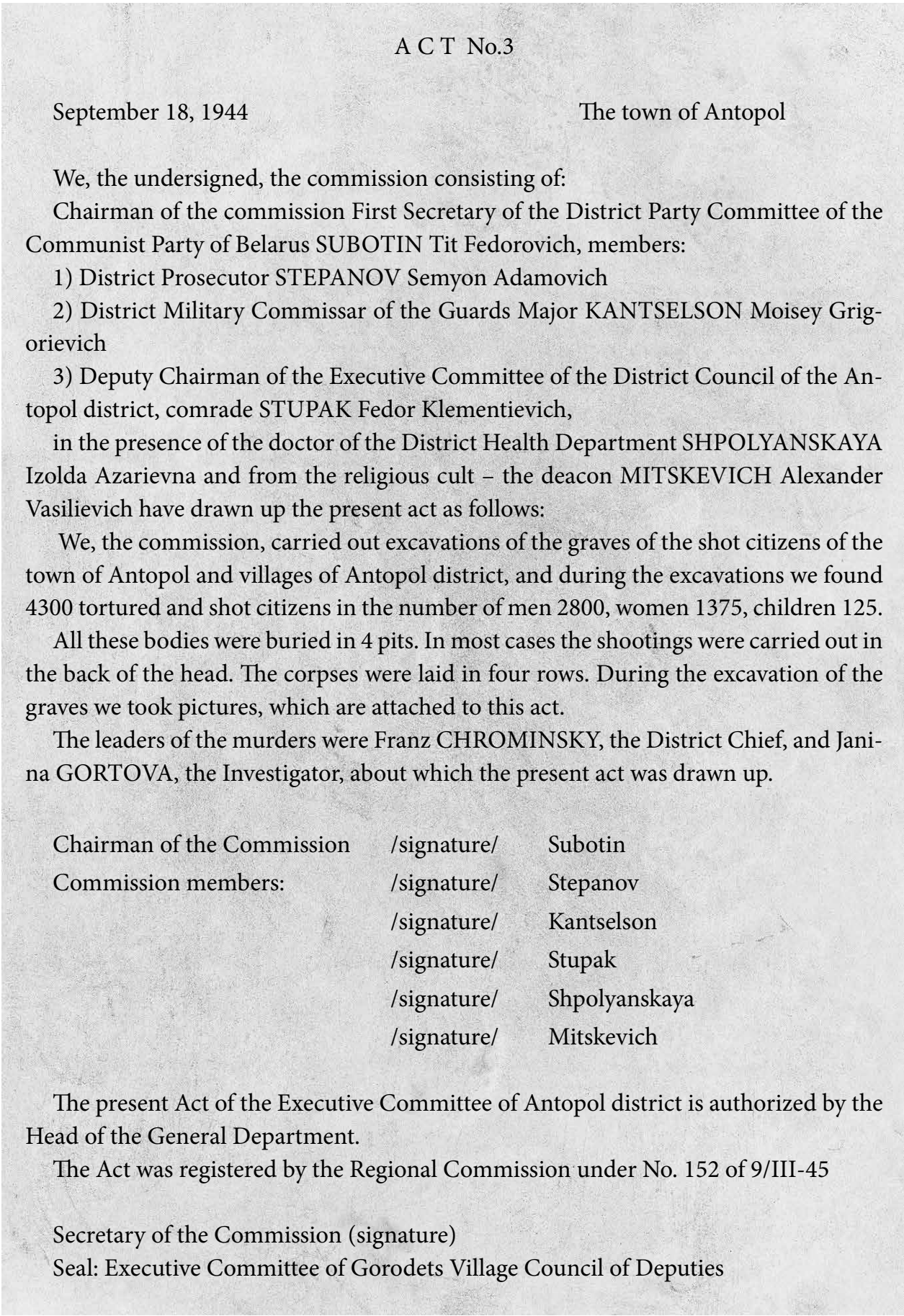
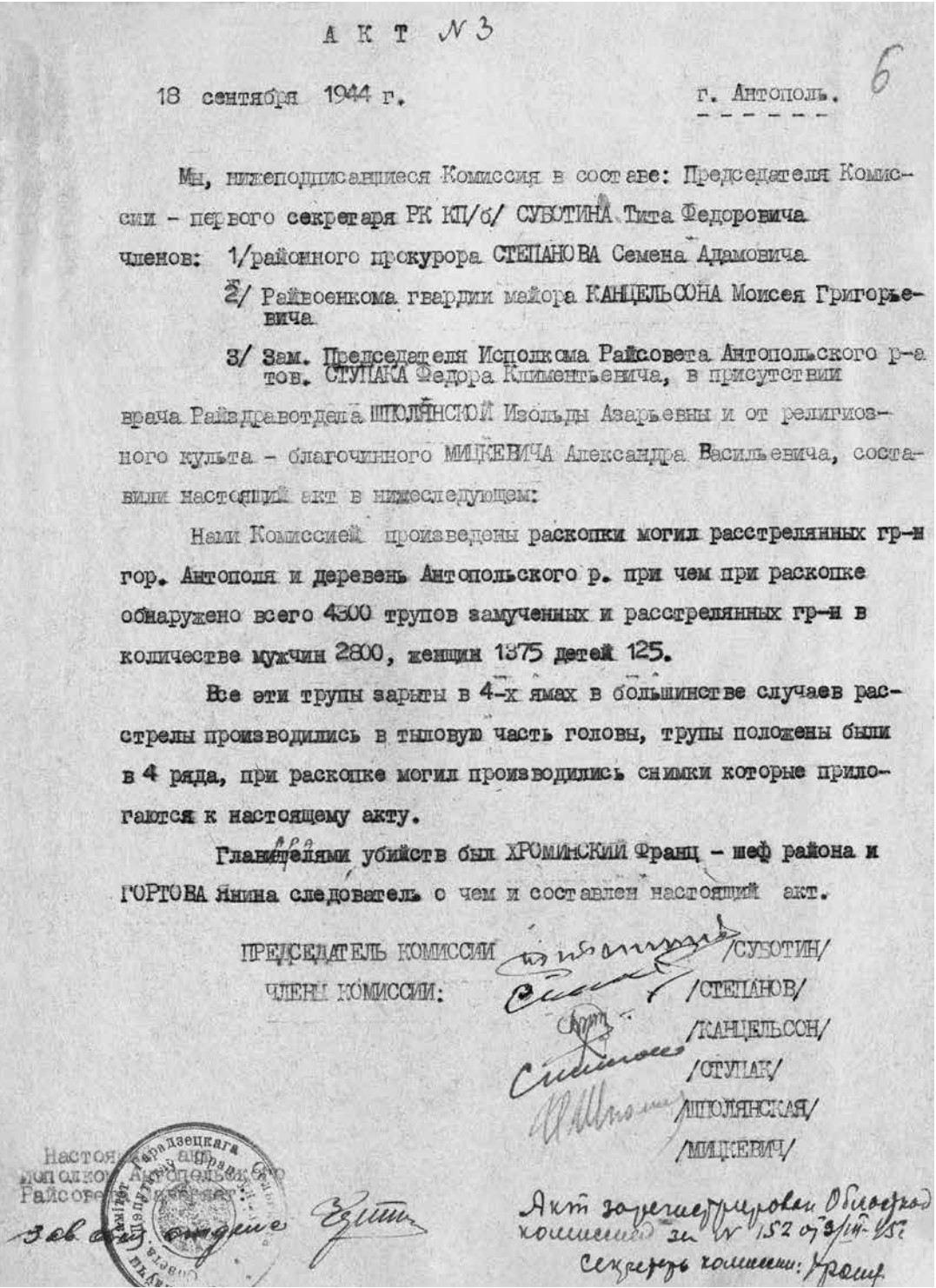
I remember that a woman with her daughter asked the German to take them to the village Trabovshchina, as she had no relatives here. About half an hour later, gunshots were heard from the direction of the village of Trabovshchina and soon we saw that the village was on fire. Later it turned out that for some reason Germans burnt the village completely. Not a single person from the village survived. My mother was frightened and afterwards we went with her through the swamp to the village of Zyabliny in Sharkovshchina district. There my mother and I stayed with our friends for 3 days, until the Germans left the neighboring villages. During this time we learned that at the so-called meeting of women and children of the people of the village of Kushtali the German troops burnt in one of the barns. We also learned that at a meeting of men in the village of Kushtali, where my father had gone as well, the German troops locked the men in the house. Realizing that they would be burned, the men began to flee from the house and the Germans began to shoot them. Bobchenok Alexander, Shulga Anatoly, Kadushko Vasily, Kadushko Fedor, Kostyukevich Grigory were saved. The latter is my father's elder brother. From his words I learned that my father, running out of the house, where the meeting was supposedly to be, jumped with three other men into the well. And later, one of the German soldiers shot them dead. All this I and my mother found out when we went to the cemetery to bury the remains of burnt villagers from the village of Kushtali and Trabovshchina. By that time Kostyukevich Grigory had already taken my father's body out of the well, and at that moment in the cemetery I saw saw my father in his coffin. He had a bullet hole in his head. Of the five men who survived, none are alive today.

I do not exactly know how many people from these two villages were burnt and shot in total. As I learned later, the residents of these villages were killed because someone was helping the partisans with food.

I remember that the remains of the burnt villagers could not be identified and they were buried in a common grave in the cemetery near the church.

Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов ежедневно устанавливала новые факты уничтожения мирного населения БССР. В ходе расследования преступлений нацистов производились вскрытия мест захоронения жертв геноцида. Могилы расстрелянных стариков, женщин и детей обнаруживались в каждом районе страны.

The Extraordinary State Commission for the Establishment and Investigation of the Atrocities of the Nazi Invaders daily discovered new facts of extermination of the peaceful population of the BSSR. In the course of investigation of Nazi crimes, the burial places of genocide victims were discovered. The graves of shot old men, women and children were discovered in every district of the country.

4 Общий вид могилы
расстрелянных немцами
мирных граждан в
г.р. Антополь.
Зам. През. Исполкома
Рад. совета
Смирнов

A general view of the grave of civilians shot by the Germans in the town of Antopol.
Deputy Chairman of the Executive Committee of the Workers' Council
(signature)

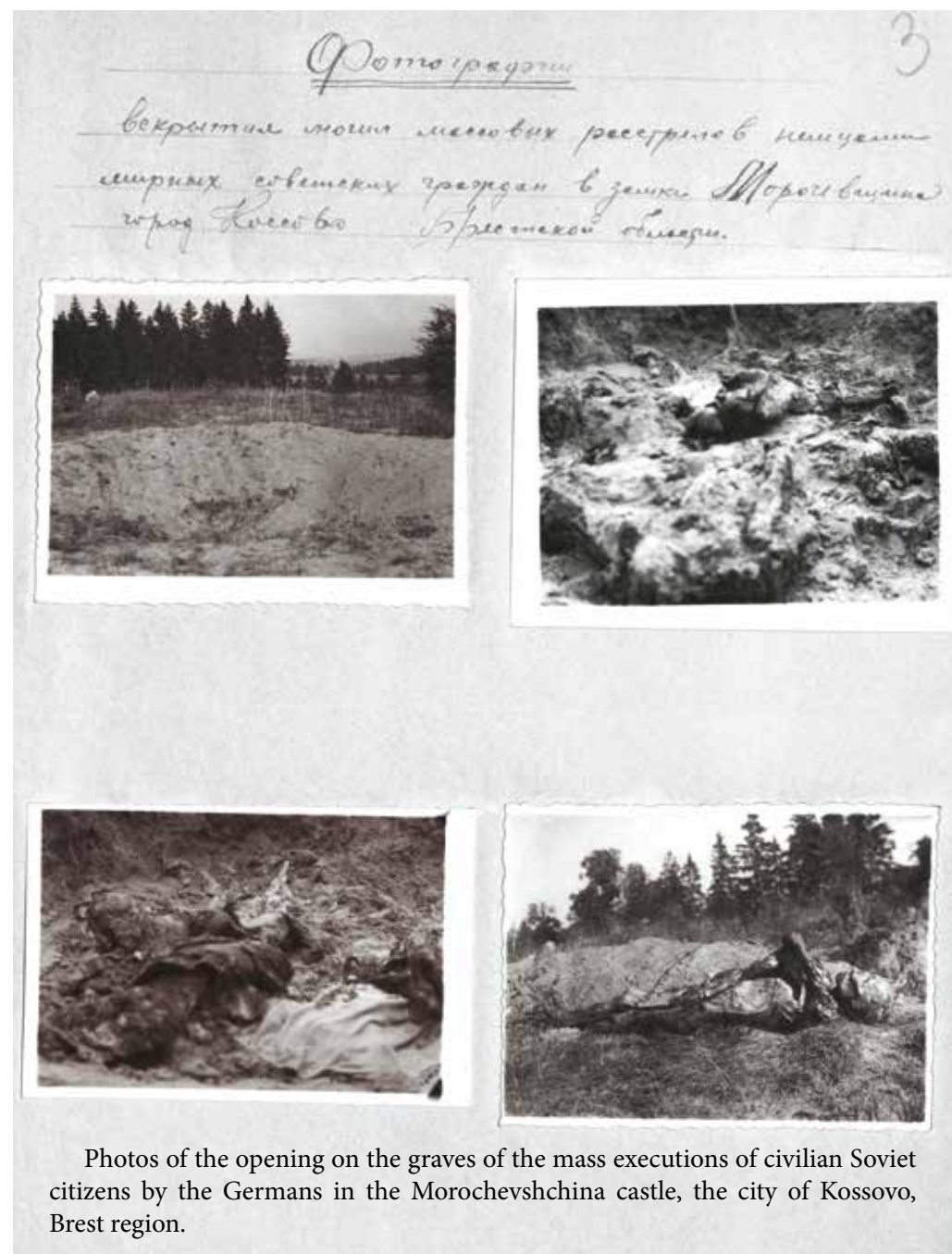

5 Антопольский
Рад. совет депутатов
трудящихся
заявляет
Зам. През. Р.И.К. Смирнов
Секретарь Смирнов
Общий вид вскрытой могилы с трупами
расстрелянных мирных советских граждан
в г.р. Антополь. Смирнов

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 20. Л. 4-6
National Archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 20. L. 4-6

The Antopol District Council of Workers' Deputies assures
Deputy Chairman of the District Council (signature)
Secretary (signature)
General view of an opened grave with the corpses of executed civilian Soviet citizens
in the city of Antopol.

(signature)

Національний архів Республіки Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 31. Л. 3
National Archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op.1. D. 31. L. 3

Вот здесь похоронено 1100 человек
рассказывает глава комиссии Володя
Немчик 8 лет.

фото Обшчева А.М.

29.7.44.

Національний архів Республіки Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 33. Л. 101-101об
National Archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op.1. D. 33. L. 101-101ob

"1 100 people were buried here", Volodya Nemchik, 8 years old, is telling
the members of the Commission.

Photo by A. Obshchev.

29.7.44

Вот все, что осталось от семьи
сацюк Демида зверски замученной и
затом сожженной немцами

Фото майора м. Общева

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 33. Л. 90-90об
National Archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 33. L. 90-90ob

That is all remained of the family of Demid Satsyuk who was cruelly tortured
and burnt to death by the Germans.

Photo by Major Obshchev

На снимке:

Население м. Малорита опознают
трупы своих родственников, расстрелян-

ных немцами. Фото майора м. Общева А.И.

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 33. Л. 91-91об
National Archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 33. L. 91-91ob

On the photo:
Residents of Malorita village are identifying the bodies of their relatives, who
had been killed by the Germans. Photo by Major A. Obshchev

На снимке:
 „Дно братской могилы“
 Фото м. Обшчева А.И.

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 33. Л. 92-92об
 National Archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 33. L. 92-92ob

On the photo:
 The bottom of the common grave.
 Photo by A. Obshchev

На снимке: Вскрыта могила № 4⁹⁵
 Слева труп расстрелянной немцами
 депутата Брестского областного совета
 депутатов Грудницкого Вера Жуковская
 27 лет (молит. № 4).
 Фото могила Обшчева А.И.
 29.7.44 Пом. А.И. Обшчев
 мастер № 4
 Н.С. Обшчев

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 33. Л. 95-95об
 National Archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 33. L. 95-95ob

On the photo: Uncovered grave No. 4. On the left is the dead body of Vera Zhukovskaya (27 years old), deputy of the Brest Regional Council of Workers' Deputies, shot by the Germans (Grave No. 4).
 Photo by Major A. Obshchev
 29.7.44

(Handwritten illegible)

На енисе:
 Семья Закоблукова
 казнены расстреляны и
 замучены немцами
 сфотографировал Обшчев А.
 29.7.44.

Куратор в Восточном
 Удмуртском Ч. (См. Служба)

Пом. А. Обшчев.
 Кадр сфотографирован
 29.7.44. Школьников

Національний архів Республіки Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 33. Л. 103–103об
 National Archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 33. L. 103–103ob

On the photo:
 The family of Nadezhda Zakoblukova shot and torched by the Germans.
 Photo by Major A. Obshchev
 29.7.44
 Corpses recovered from grave No. 4

Major of Justice
 29.7.44 (Handwritten illegible)

60

Показания

Гражданин Радко Василий Иванович 57 лет
проживающего с/п. Мещиц, железнодорожная водопровод-
ка

По поводу зверских издевательств и зверских зло-
даний немецко-фашистских захватчиков над гражданами
Мещицкого с/совета и других населенных пунк-
тов могу показать следующее:

С первых дней оккупации немецко-фашистские вой-
ска проводили политику зверского террора над мирным
населением в том, не побоялись населения. Издевательств, подверже-
ния гражданам белорусам, полякам евреям и другим наци-
ональностей. Граждане издевались немцами и полицаями
не зависимо от пола и возраста. Для своей личной
издевательской деятельности имели пользование разно-
выми палками, плетками и вообще разного рода жест-
кими предметами. Граждане или издевались без вся-
кой вины и без всякого к тому повода. Стоило толь-
ко какому нибудь мужчине, женщине или ребен-
ку не поздороваться с проходящим мимо немцем как
этот немец останавливался и издевался гражданином. По-
сле этого было толи тот или иной гражданин или
гражданка отгонялась на работу силой на пять
минут то издевательств подвергался издевательств.

Примерно в Мещиц с/п. 1942 году точно
могу не помню как он издевался мирного

Радко

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 23. Л. 60
National Archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 23. L. 60

Testimony

Citizen Radko Vasily Ivanovich 57 years, residing at Lyshchitsy, railway water supply station.

Regarding the brutal torture and brutal atrocities of the Nazi invaders against the citizens of the Lyshchitsy village council and other settlements, I can testify the following:

From the first days of occupation Nazi troops conducted the policy of atrocities towards civilians. Citizens of Belarus, Polish peoples, Jews and other nationalities were subjected to atrocities. The citizens have been beaten by Germans or policemen regardless the sex. For their murderous activity Germans used rubber sticks, lashes and different kinds of iron objects. Citizens have been beaten without any reason and without any guilt. If any man, woman or child didn't greet any passing German, German stopped and beat a citizen. If a citizen was late for work for 5 minutes, he was subjected to atrocities.

Белорусский народ ежедневно был свиде-
телем страшных преступлений нацистов и их
пособников. Те, кто чудом уцелел от пули гит-
леровцев, через всю жизнь пронесли с собой па-
мять о кровавых и безжалостных расправах над
нашими соотечественниками.

Об акте геноцида в ходе осуществления ка-
рательной операции в отношении мирного на-
селения на станции Лыщицы Брестского района
сообщила в протоколе допроса Янина Иосифов-
на Радко.

Belarusian people daily witnessed the terrible
crimes of the Nazis and their collaborators. Those
who survived the Hitlerites' bullet by miracle carried
the memory of bloody and ruthless massacres of our
countrymen with them through the whole life.

The act of genocide during the punitive opera-
tion against the peaceful population at Lyshchitsy
station, Brest district was told by Janina Radko in
the interrogation protocol.

Показание

Гражданка Радко Янина Иосифовна, проживающая на территории Лышчичского сельсовета, свидетельствует:

В августе 1942 года на территории Лышчичского сельсовета карательная экспедиция гестаповцев из г. Бреста и местных преступников к массовому уничтожению евреев. В том же месяце в том же месте происходило расстрелы евреев. Место расстрелов, называемое Курилово, находится в километре к западу от Лышчичской станции. Там были вырыты три большие ямы, куда приводились люди днем, а иногда и ночью, и там расстреливались. От места расстрелов в ямы и в ямы находилось 300-400 метров, и по этому в видела всю картину расстрелов евреев. А не знаю, что там передают полностью те еврейские женщины, несшие людей, которых там уничтожали гестаповцы. Много наших евреев по территории Лышчичского сельсовета были на расстрелы людей разных национальностей: русские, белорусы, поляки и т.п. Из них группами по 7-10 и 15 человек среди них были женщины разных возрастов: молодые, старики и даже дети были среди людей. Приближаясь к месту расстрелов, некоторые из еврейских кричали, что они не виноваты ни в чем, заплакали и умирали. Большинство из людей шли на смерть с достоинством, правильно понимая, что в смерти, как бы ни было, есть свобода, которую у них и не было. Перед расстрелом полиция снимала верхнюю одежду из еврейских вещей и давала имиду евреев.

Расстрелы проводили гестаповцы и полицейские: Орас, Павленок, Елой и другие. Янина Радкова

Показание записано в моем словесном изложении и верно передано.

Янина Радкова

Показание слышано:

Зав. сельсоветом С.Т. Тарасевич

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 23. Л. 62-62об
National Archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 23. L. 62-62ob

Testimony

Citizen Radko Yanina Iosifovna. (unreadable)

The witnesses of atrocities of fascists on the territory of Lyshchitsy village council.

On the case of atrocities, I can testify the following:

Approximately in August of 1942 at the station Lyshchitsy punitive expedition of gestapo soldiers from the city of Brest has arrived and started mass elimination of innocent civilians. Near the lake of Kurilovo, located in kilometer to the west of the station Lyshchitsy, three pits have been dug, where the people were driven at daytime, and sometimes at night, and shot. I lived from the place of atrocity in 300-400 meters, and that's why I saw all the atrocities with my own eyes. I can't find words to describe these horrible suffering of innocent people, who were murdered by fascists. Along the highway past our water pump, the police and the Gestapo were driving people of different nationalities to be shot: Russians, Belarussians, Polish and others, they were driven by groups of 7-10 and 15 people, among them there were women of different ages, men, old men and children, there were even babies. Approaching the place of execution, some of domed people shouted that they are innocent, asked why they are going to be killed. The majority of these people went for death proudly, and I think that they were right, because these fascist dogs didn't have a heart and there was no reason to ask mercy from them. Before shooting the police took overclothes from the doomed innocent people and divided it among themselves.

Shootings were conducted by Gestapo and police officers Horas, Pavlenok, Eloy and others.

The murder of people lasted approximately within 15 days.

The testimony according to my statement was recorded correctly and read to me. (signature)

The testimony taken by:
Deputy Chairman of the village council (signature)

Группа жертв немецких злодеяний
обнаруженные при вскрытии могил
дер. Лышчицы Брестского р-на
Брестской области.
Декабрь 1944г.
Секретарь областной
Комиссии

110

[Signature]

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 23. Л. 110–110об
National Archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 23. L. 110–110ob

Corpses of victims of Germans' crimes, found while uncovering
the graves in village Lyshchitsy, Brest district, Brest region.

December 1944

The secretary of Regional Commission

(signature)

№ Фотографирование раскопок №
могил жертв немецко-фашистских
захватчиков дер. Волчин
Высоковского р-на Брестской обл.
группа Старика
29-IX-1944 года
Секретарь. С. С. С. С.

[Signature]

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 24. Л. 46–46об
National Archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 24. L. 46–46ob

Taking pictures of uncovering the graves fascist invaders in the village
of Volchin, Vysokoye district, Brest region. Corpse of an old man.
29-IX-1944

Responsible secretary

(signature)

Сожжение людей и населенных
пунктов вместе с их жителями

Беларусь – страна, в историю которой кровью вписаны трагические страницы безжалостного уничтожения нацистскими оккупантами белорусских сел, деревень, хуторов, в том числе целиком либо с частью их населения. Одним из способов расправы с населением во время карательных операций становилось сожжение и целых населенных пунктов вместе с жителями, и отдельных групп людей.

Из протокола допроса от 1 ноября 1947 г. Прасковьи Ивановны Лобановой, чудом спасшейся от сожжения живьем:

«Немцы согнали 28 человек в бункер-землянку. ...Через несколько минут я заметила через одеяло на входе в землянку дым. Тут же все начали кричать и плакать, проситься, чтобы немцы не убивали. Через несколько минут произошло 2 взрыва, которыми обвалились вход и задняя часть бункера, а остальная часть землянки была еще цела и всех еще не убило. После этого был еще взрыв и обрушилась вся землянка. Люди были раненые, побитые, многие еще стонали и просили оставить их в живых. Но немецкие офицеры облили верх землянки бензином, положили смолистых дров и зажгли костер. Когда горела землянка, раздался детский плач – плакал мальчик Дубов Михаил в возрасте 2 лет, который лежал недалеко от меня, и немец его расстрелял. Немцы ушли. После этого я услышала голос: «Есть ли кто живой?» Моя дочь Галина ответила: «Дядя Федя, откопайте нас скорее!» Тут же откопали меня с ребенком, грудной ребенок умер через несколько дней. Если бы меня через несколько минут не откопали, я бы умерла, так как дышать уже было нечем. Запах в землянке был очень тяжелый, потому что горели люди и их одежда. Сознавших нас немецкими офицерами в землянку 28 человек, среди которых были женщины, старики, старухи и дети, ни в чем не повинные, ибо не имели ни с кем никакой связи. Вообще немцы издевались над мирным населением» [1]. В списке погибших самому младшему ребенку 6 месяцев, самому старшему человеку – 80 лет. Все жертвы – дети, женщины и старики.

Burning of people
and settlements together with their inhabitants

Belarus is a country whose history is written in blood with tragic pages of ruthless destruction of Belarusian villages, settlements and farms by Nazi occupants, including the whole or part of their population. One of the ways of massacring the population during punitive operations was burning whole settlements together with their inhabitants, as well as individual groups of people.

From the protocol of the interrogation of Praskovya Lobanova dated November 1, 1947, who was miraculously saved from being burned alive:

"The Germans forced 28 people into a dugout bunker. ...A few minutes later I noticed smoke through the blanket at the entrance to the dugout. At that moment they started screaming and crying, begging not to be killed by the Germans. A few minutes later there were 2 explosions, which collapsed the entrance and the back part of the bunker, and the rest of the dugout was still unbroken and not everyone was killed yet. After that there was another explosion and the whole dugout fell down. People were wounded, injured, battered, many were still moaning and begging to be kept alive. But the German officers poured gasoline on the top of the dugout, put tarry wood and lit a fire. When the dugout was burning, there was a child crying – it was Mikhail Dubov, a boy of 2 years old, who was lying not far from me, and the German shot him. The Germans left. After that I heard a voice: "Is there anyone alive?" My daughter Galina answered: "Uncle Fedya, dig us up quickly!" Immediately they dug me and my baby up, the baby died a few days later. If they had dug me up a few minutes later, I would have died, as there was nothing to breathe anymore. The smell in the dugout was very heavy, because people and their clothes were burning. The German officers threw us 28 people into the dugout, and there were women, old men, old women and children, who were not guilty of anything, because they had no connection with anyone. In general, the Germans abused the civilian population" [1]. The youngest person on the death list is a 6-month-old child, the oldest person is 80 years old. All the victims were children, women and the elderly.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1947 года ноября месяца 1 дня.

4. Следователь УМВД Витебской области – мл. лейтенант ИВАНОВ допросил в качестве свидетеля гражданку:

ЛОБАНОВУ Прасковью Ивановну 1909 года рождения, ур. дер. Ковальки Мехелевского сельсовета Витебского района, белоруска, б/п, неграмотная, гражданка СССР, ослов несудимая, из крестьян, колхозница колхоза "Новый путь", проживает в дер. Савченки, Должанского сельсовета Витебского района Витебской области.

Об ответственности за дачу ложных показаний предупреждена по ст. 136 УК БССР.

ВОПРОС: Расскажите, где вы проживали в период Отечественной войны Советского Союза с Германией и чем занимались?

ОТВЕТ: В период Отечественной войны Советского Союза с Германией я проживала вместе со своей семьей – мужем ЛАВЕНЕВЫМ Екимом Мироновичем, матерью мужа ЛАВЕНЕВОЙ Феофаней Саластеев-ной, дочерью ЛАВАНЕВОЙ Галиной, которой в то время было 12 лет, дочь Вера – 7 лет, сын Михаил 4 года и дочь Мария – 6 месяцев. Вся семья проживала в дер. Савченки до декабря месяца 1943 года и работали на своем личном хозяйстве. До Отечественной войны я совместно с мужем и детьми проживала также в дер. Савченки и с 1930 г. были членами сельскохозяйственной артели "Новый Путь".

ВОПРОС: Скажите, где вы проживали с декабря месяца 1943г.?

ОТВЕТ: В декабре месяце 1943г. немецкие войска приказали освободить личные дома и эвакуироваться в немецкий тыл, но я совместно с моим мужем, который умер в 1944г. решили не поехать в немецкий тыл, а договорившись с односельчанами выехать в лес, расположенный в одном километре от дер. Савченки. Так, в декабре месяце, дня не помню 1943г. забрали все свое имущество и вместе с гр. ДУБОВЫМ Федором Антоновичем выехали в лес, где себе построили землянку. В одной землянке жили две семьи в количестве 15 человек. Землянку построили в глубине леса, на горке, где впоследствии рядом с нашей землянкой присоединились жители дер. Савченки и построили еще три землянки. Таким образом жило 34 человека в 4-х землянках. Во время нахождения в лесу в землянках, мужчины и девушки уходили на весь день в глубину леса, с таким расчетом, чтобы не обнаружили немцы и не отправили в немецкие лагеря, а женщины, старики и старухи, а также и дети оставались в землянках. Таким образом жили до 18 февраля 1944г. Утром, примерно в 10 час. утра на место нахождения 4 бункеров, пришли три немецких офицера, вооруженные автоматами и пистолетами. Как только явились, так сразу осмотрели во всех 4 бункерах, что в них находится и ничего не сказали. После осмотра бункеров немецкие офицеры согнали всех находящихся их остальных 3 бункеров женщин и детей и одного старика МЕЛЕНЧЕНКО Николая Григорьевича, которому было в то время 83 года с дер. Савченки. Мужчины и молодые девушки в это время отсутствовали.

Все 28 человек были согнаны ко мне в бункер и один офицер охнарял нас с автоматом у дверей бункера. Через 20-30 минут немецкий офицер приказал всем выйти из бункера. У меня в то время был грудной ребенок и еще 3 малолетних детей и во время, когда немецкий офицер приказал выйти из бункера и не сказал куда всех нас погонят, то моя мать Феодосия в возрасте 80 лет хотела взять детям на дорогу хлеба, то немецкий офицер сказал, что хлеб не нужен будет и не разрешил ничего брать с собой. Оказалось, что всех обравшихся 28 человек погнали в бункер, который был расположен от моего бункера в 20 метрах. Когда вгоняли в бункер, один немецкий офицер сказал на ломаном русском языке: "Сейчас пойдет русские танки и вам могут убить". Бункер-землянка была небольшая, примерно 3-х метра. Внутри землянки были построены нары для спанья. Стены землянки были земляные, на верху землянки были наложены бревна и насып земли толщиной 60-70 см. Во время, когда загнали в бункер, землянку было очень тесно. И со своим грудным ребенком, а двое детей Михаил и Вера пошли с бабушкой в зад землянки, а дочь Галина легла на землю возле стены около меня у дверей. Причем дверь была завешена одеялом. Через несколько минут я заметила через одеяло дымок и тяжелый воздух, а также и другие заметили и тут же начали кричать, плакать и проситься чтобы немцы нас не убивали. Через несколько минут получилось два взрыва, которым обвалились вход в дверь и задняя часть бункера, а остальная часть землянки еще была цела и всех еще не убило. После этого через некоторое время посреди бункера сверху получился взрыв и посыпался на остальных песок от землянки и тут же в этом же месте разорвалась еще одна мина и пробила потолок и обрушивалась вся землянка. Люди были раненные, побитые и многие еще стонали и просились, чтобы оставить в живых, но немецкие офицеры, где было прорывавшись верх землянки облили бензином, положили смолистых дров и зажгли костер. И в это время все еще была при своем сознании, а многие оставшиеся в землянке, как моя дочь Тана 12 лет, ВЛАСОВА Ефросиния и другие дети, оставшиеся в живых спали. Всего осталось в живых 6 человек, благодаря тому, что во время когда потолок - бревна разрушались, то не все овалились, а задержались где-либо по уголкам, так как оставшиеся в живых находились по уголкам землянки. Во время, когда уже немецкие офицеры подошли сверху землянку, где мы находились, то я сидя в углу возле дверей в маленькой щели услышала выстрел, после чего в огонь упал человек, кто был убит я не знаю. Когда горела землянка, то раздался детский голос - плач. Оказался мальчик ЛУБОВ Михаил в возрасте 2 лет, который лежал недалеко от меня и немец его расстрелял, а все остальные лежали в землянке, а костер горел. В это время стало тихо. Немцы ушли подальше от землянки, через полчаса и видела находясь в землянке, как подошли эти же три немецкие офицеры к землянке, постояли немного и ушли, куда не видела. В землянке находилась почти до 5 часов вечера, после чего я услышала голос ЛУБОВА Федора который опросил "есть ли кто живой". Моя дочь Галина ответила "Дядя Федя, откапайте нас скорей". Тут же откапали меня с ребенком, а грудной ребенок через несколько дней умер, так как он был побитый. Если бы меня через несколько минут не откапали я бы умерла, так как уже дышать было нечем. Выход в землянке был

очень тяжелый, потому что горели люди и их одежда. Когда меня выкопали, то меня понесли вместе с моими детьми в другой бункер, расположенный в 100 метрах от места убийства. После чего моя семья, оставшаяся в живых, я, мой муж и дочь Галина скрывались в лесу и жили до освобождения территории от немецких войск Советскими войсками в июне 1944 года.

ВОПРОС: Можете ли вы указать фамилии, имена и отчество погибших от немецких варваров во время взрыва и поджога бункера?

ОТВЕТ: Я всех погибших в бункере знаю, так как они были с одной деревни Савченки, а именно:

1. ЛАБАНЕВА Феодосия Севастьяновна	80 лет
2. ЛАБАНЕВ Михаил Ефимович	4 "
3. ЛАБАНЕВА Вера Ефимовна	7 "
4. ЛАБАНЕВА Мария Ефимовна	6 мес.
5. БУЛЬБЕНКА Анастасия Мироновна	45 лет
БУЛЬБЕНКА Лидия Емельяновна	14 "
7. ЛУБОВА Тамара Семеновна	22 "
8. ЛУБОВА Ралса Федоровна	4 "
9. ЛУБОВ Михаил Федорович	2 "
10. ЛУБОВА Анастасия Андреевна	60 "
11. МАМАНОВА Мария Федоровна	45 "
12. АНДРЕЕВА Валентина, по отчету не знаю, была врачом в возрасте	22 лет
13. Дочь АНДРЕЕВОЙ - Людмила	1,5 г.
14. МЕЛВЕЛЕВ Николай Григорьевич	63 лет
15. МЕЛВЕЛЕВА Анастасия Мироновна	60 лет
16. БАКУНОВА Любовь Николаевна	35 "
17. ЛИПЧАНСКАЯ Меланья Антоновна	40 "
18. ЛУБОВА Екатерина, отчество не знаю	35 "
19. ЛУБОВА - звать не знаю, дочь Екатерины	6 "
20. ВЛАСОВ Владимир Александрович	5 "
21. ВАСИЛЬЕВА Лина - отчество не знаю	50 "
22. КАРЕПЧЕНКО Чина Ивановна	16 "

Через несколько дней немецкие солдаты пришли на место убийства двадцати двух человек и закопали там же на месте. Это я уже узнала через мужчин, которые в ночное время ходили сметреть.

ВОПРОС: Можете ли рассказать какие причины служили для того, чтобы 28 человек немцы убили?

ОТВЕТ: Согнанных нас немецкими офицерами в землянку 28 человек, среди которых были женщины, старики, старухи и дети ни в чем неповинные, ибо не имели ни с кем никакой связи. Вообще немцы издевались над мирным населением.

С моих слов записано правильно, мне зачитано вслух, в чем и расписываюсь.

Допросил следователь УМВД по Витебской области - мл. лейтенант - ЯКОБСОН

Верно: *сидя. со мной было 28 человек. сяд. Л. М. Яковсон*

THE PROTOCOL OF THE INTERROGATION
of November 1, 1947.

I, investigator of the Department of Internal Affairs of Vitebsk region, Junior Lieutenant YAKOBSON, interrogated as a witness citizen:

LOBANOVA Praskovya Ivanovna, born in 1909 in the village of Kovalki, Mikhali village council, Vitebsk district, Belarusian, non-party, non-literate, citizen of the USSR, according to her own words unconvicted, peasant, collective farmer of the Novy Put (New Way) collective farm, resides in the village of Savchenki, Dolzha village council, Vitebsk district, Vitebsk region.

She was warned about liability for giving false testimony under Article 136 of the Criminal Code of the BSSR.

QUESTION: Tell us where you lived during the Patriotic War of the Soviet Union with Germany and what did you do?

ANSWER: During the Patriotic War of the Soviet Union with Germany I was living together with my family – my husband LABENEV Efim Mironovich, my husband's mother LABENEVA Feofania Salasteevna, my daughter LABANEVA Galina, who was 12 years old at that time, my daughter Vera 7 years old, my son Mikhail 4 years old and my daughter Maria 6 months old. The whole family lived in the village of Savchenki until December 1943 and worked on a private farm. Before the Patriotic War, together with her husband and children she also lived in the village of Savchenki and since 1930 were members of the agricultural artel "Novy Put".

QUESTION: Tell me where you were living in December, 1943?

ANSWER: In December 1943, the German troops ordered to liberate personal homes and evacuate to the German rear, but I, together with my husband, who died in 1944, decided not to go to the German rear, but, having agreed with other villagers, went to the forest, located one kilometer from the village Savchenki. So, in 1943 in December (I don't remember the day) we took all our property and together with Mr. DUBOV Fedor Antonovich went to the forest, where we built a dugout. Two families of 15 people lived in one dugout. The dugout was built deep in the forest on a hill, where later the villagers of Savchenki moved next to our dugout and built three more dugouts. Thus 34 people lived in 4 dugouts. While staying in the forest, men and girls went deep into the forest for the whole day in order not to be discovered by the Germans and sent to German camps, and women, old men and old women and children stayed in the dugouts. In this way they lived until February 18, 1944. In the morning at about 10:00 a.m. three German officers armed with machine guns and pistols came to the location of the four bunkers. As soon as they arrived, they looked in all four bunkers to see what was inside them and said nothing. After the inspection of the bunkers the German officers forced out all the women and children from the other three bunkers and an old man, MEDVEDEV Nikolai Grigorievich, who was 63 years old at that time, he was from the village of Savchenki. The men and young girls were absent at that time. Altogether 28 people were forced into my bunker, and

one officer guarded us with a machine gun at the door of the bunker. After 20-30 minutes the German officer ordered us out of the bunker. I had an infant and three other young children at the time. While the German officer ordered us to leave the bunker and did not say where all of us would be driven to, my mother Feodosia at the age of 80 wanted to take bread for the children, but the German officer said that bread would not be needed and did not allow us to take anything with us. It turned out that all the 28 people gathered were driven to a bunker, which was 20 meters away from my bunker. When they drove into the bunker, one German officer said in broken Russian: "Now Russian tanks will come and you can be killed". The bunker-dugout was small about 3 meters. There were sleeping bunks inside the dugout. The walls of the dugout were made of mud, on top of the dugout there were timbers and a mound of earth 60-70 centimeters thick. At the time when we were forced into the bunker-dugout, it was very crowded, I was with my infant child, and two children Mikhail and Vera went with my grandmother to the back of the dugout, and my daughter Galina lay on the ground near the wall near me at the door. The door was covered with a blanket. After a few minutes I noticed through the blanket smoke and heavy air. The others also noticed it and immediately started screaming, crying and begging the Germans not to kill us. A few minutes later we got two explosions, under which the door entrance and the back of the bunker collapsed, while the rest of the dugout was still safe and had not killed everyone yet. Then after a while in the middle of the bunker there was an explosion from above and sand from the dugout was poured on the others. And then another mine exploded in the same place and broke through the ceiling and collapsed the whole dugout.

People were wounded, beaten and many were still moaning and begging to be left alive, but the German officers, in the place, where the top of the dugout was broken through, poured gasoline on it, put tarry wood and lit a fire. At that time I was still conscious, and many of those who stayed in the dugout, like my daughter Tanya, 12 years old, VLASOVA Efrosinia and other children who survived, were asleep. In total six people survived due to the fact that during the time when the ceiling timbers collapsed not all fell down, but stayed in the corners, because the survivors were in the corners of the dugout. When German officers set fire to the dugout where we were, I, sitting in the corner near the door in a small hole, heard a shot, after which a man fell into the fire. I don't know who was killed. When the dugout was burning, there was a child's voice, crying, it turned out to be a boy DUBOV Mikhail at the age of 2 years, who was lying not far from me. The German shot him, and all the others were lying in the dugout, and the fire was burning. At that time it became quiet. The Germans went away from the dugout. Half an hour later I saw, being in the dugout, how the same three German officers came to the dugout, stood a little and left, where – I did not see. I stayed in the dugout until almost 5:00, after that I heard the voice of DUBOV Fedor, who asked: "Is there anyone alive?" My daughter Galina replied: "Uncle Fedya, dig us up quickly". They dug me and my child up immediately, but the infant died a few days later because he was injured. If they had not dug me up a few minutes later, I would have died, because there was nothing left to breathe. The smell in the dugout was very heavy because people and their clothes were burning. When they dug me up, they carried me together with my children to another bunker 100 meters away from the massacre site. After that the rest of my surviving family –

me, my husband and my daughter Galina – were hiding in the forest and living until the Soviet troops freed the territory from German troops in June 1944.

QUESTION: Can you tell me the surnames, first names and patronymics of those killed by German soldiers during the explosion and burning of the bunker?

ANSWER: I know all the victims in the bunker, as they were from the same village Savchenki, namely:

1.	LABANEVA Feodosia Sevastyanovna	80 years old
2.	LABANEV Mikhail Efimovich	4 years old
3.	LABANEVA Vera Efimovna	7 years old
4.	LABANEVA Maria Efimovna	6 months old
5.	BULBENKO Anastasia Mironovna	45 years old
6.	BULBENKO Lidia Emelyanovna	14 years old
7.	DUBOVA Tamara Semionovna	22 years old
8.	DUBOVA Raisa Fedorovna	4 years old
9.	DUBOV Mikhail Fedorovich	2 years old
10.	DUBOVA Anastasia Andreyevna	60 years old
11.	MAMONOVA Maria Fedorovna	45 years old
12.	ANDREEVA Valentina (I don't know her patronymic), she was a doctor	22 years old
13.	ANDREEVA'S daughter Ludmila	1,5 years old
14.	MEDVEDEV Nikolai Grigorievich	63 years old
15.	MEDVEDEVA Anastasia Mironovna	60 years old
16.	BAKUNOVA Lubov Nikolaevna	35 years old
17.	LIPCHANSKAYA Melanya Antonovna	40 years old
18.	DUBOVA Ekaterina (I don't know patronymic)	35 years old
19.	DUBOVA'S daughter Ekaterina	6 years old
20.	VLASOV Vladimir Aleksandrovich	5 years old
21.	VASILIEVA Dina (I don't know patronymic)	50 years old
22.	KAREYCHENKO Nina Ivanovna	16 years old

A few days later German soldiers came to the place where 22 people had been killed and buried them there. I learned this from the men who went to watch at night.

QUESTION: Can you tell us what were the reasons why the Germans killed 28 people?

ANSWER: There were 28 people, who the German officers forced into the dug. There were women, old men, old women and children among them. They all were innocent of anything, for they had no connection with anyone. In general, the Germans abused the civilian population.

From my words it is written correctly, it was read aloud to me, and I hereby sign it.

Interrogated by investigator of the Department of Internal Affairs of Vitebsk region, Junior Lieutenant YAKOBSON.

True: (handwritten illegible).

Будучи запертыми в сараях и домах, в минуту от того, чтобы быть сожженными заживо, наши люди изо всех сил пытались выбраться и выжить. Но лишь единицам это удавалось. Так о своем спасении из огня, а также о ходе карательных операций рассказала потерпевшая О.Е. Мурзо, 1939 г. р.

Being locked in barns and houses, a minute away from being burnt alive, our people tried their best to get out and survive. But only few succeeded. Thus, the victim O. Murzo, born in 1939, told about her rescue from the fire, as well as about the course of punitive operations.

мама и бабушка пекли хлеб для партизан, т.е. помогали партизанам. Зимой 1943 г. в районе деревень Казимирово и Велье шли бои между немецкими войсками и партизанскими отрядами. На данный момент я уже знаю даже, что это было 10.02.1943 года, т.к. в эту дату я спустя много лет выходила замуж и мама плакала, и просила заменить дату свадьбы. Когда я стала интересоваться у нее почему она так хочет, мама сказала, что это был самый страшный день и тогда, в 1943 году, нам дом сожгли и мы просто чудом остались живы.

Так, 10.02.1943 г. в связи с тем, что в нашей деревне шли сражения и стреляли, мама и бабушка решили спрятаться в погребе. При этом на тот момент дома были бабушка, мама, я, моя сестра, которой на тот момент был всего месяц. Сейчас сестра живет в г.Минске. Мой дядя, которому тогда было 14 лет, дома не был. На сколько я сейчас понимаю, он был где-то у партизан. Отец в 1943 году тоже находился в партизанском отряде где-то в Освее. Таким образом, дома были только женщины и мы, т.е. я и моя сестра. Мы спрятались в погребе и сидели там, пока в дом не ворвались немецкие солдаты. Я помню, что они были в немецкой форме, говорили на немецком языке. Находясь у нас в доме, немцы стали громить все, видимо думая, что у нас могут прятаться партизаны. После нас вытащили из погреба и стреляли туда, видимо опять же, чтобы не оставлять в живых партизан, которые могла находиться в доме. После этого нас снова посадили в погреб, закрыли крышку погреба и сверху чем-то еще подперли. Спустя некоторое время мама решила, то нужно выбираться наружу, т.к. сверху был слышен какой-то постоянный гул. Я не знаю как, но ей удалось открыть крышку погреба и мы поняли, что наш дом подожжен снаружи. Мы успели выбраться и перебежать к дому напротив. Я помню, что мама еще пыталась спасать какое-то имущество из горящего дома (документы, фотографии) и когда она бежала, то немцы стреляли по ней и она потом просто перекатывалась по снегу. Она осталась жива, но все, что было в доме, сгорело. После все оставшиеся

жители сначала были согнаны в один дом, а после нас вывели за огороды, и затолкали в какую-то баню. Единственное, то я помню, что рядом был колодец – «стуравель». Когда мы были в бане, то все стояли, т.к. людей было много, в основном женщины и дети. Потом пришел немецкий солдат и поджег обсаду двери в бане. Бабушка, видимо понимая, что нас сожгут заживо, толкнула меня и еще какую-то девочку к немцу, чтобы мы просили его не убивать нас. Я уже не помню, что мы говорили, но после этого немец сказал, что у него дома тоже две дочери и все должны благодарить нас, т.к. он нас пожалел. Говорил он на основном русском языке, поэтому я помню суть его разговора. После он затушил пламя, сказал, чтобы никто не смел двигаться, иначе узнают, что он оставил нас живых. После этого он ушел. Я помню, что ночь мы были в бане, было очень

холодно, еды не было. Уже утром 11.02.1943 г. мы услышали какой-то звук у колодца, и кто-то вышел наружу, т.к. там стояла женщина. Оказалось, что она была связной у партизан и на момент, когда немцы пришли в д.Казимирово, ее не было. Когда у нее спросили, есть ли немцы в деревне, она ответила, что нет, а также сообщила, что в ночь с 10 на 11 февраля 1943 года немцы сожгли деревню Велье вместе с ее жителями. Там же погибла и моя вторая бабушка, т.е. мать отца Прохорова Дарья. Отчества бабушки я не знаю. На месте сожженной деревни сейчас стоит памятник, но моя бабушка похоронена ее детьми отдельно на кладбище, т.е. не в общей могиле.

После того, как мы выбрались из бани, мы направились в д.Синск Россонского района, где, как я предполагаю, мы прожили в здании местной школы примерно до лета 1943 года. После стало известно, что немцами планируется карательная операция и снова будут жечь деревни, поэтому мы ушли в лес, где жили под открытым небом, кто мог, тот копал землянки. Еды не было, когда люди умирали, то те, кто был, занимали их землянки. Зимой было особенно тяжело. Сестра была маленькая, пелёнки менять было не на что, и они мокрые примерзали к ее телу. Матери говорили, что сестра не выживет, но она ее не бросила, как могла пыталась сохранить ей жизнь. Примерно в апреле-мае 1944 года, возможно немного раньше, т.е. в марте, но я помню, что снег еще местами лежал, была карательная экспедиция, во время которой немцы прочесывал лес и всех жителей, которые там находились и не смогли убежать, хватали, а потом сгоняли в здание бывшей хлебопекарни в д.Клястицы Россонского района. Людей было много, поэтому сесть или лечь было нельзя, все стояли вплотную друг к другу, умерших выносили наружу. Я не помню, чем нас кормили, но, видимо. Есть было нечего, т.к. мы голодали. Я очень хорошо

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Протокол допроса потерпевшей О.Е. Мурзо
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. The protocol of the interrogation of the victim O. Murzo

My mother and grandmother would bake bread for the partisans, i.e. help the partisans. In the winter of 1943, there were battles between German troops and partisan units near the villages of Kazimirovo and Velje. At this moment I already know that it was 10.02.1943, because on this date many years later I got married and my mother cried and asked me to change the date of the wedding. When I began to ask her why she wanted to do that, my mom said that it was the most terrible day, and then in 1943, our house was burnt down and we just miraculously stayed alive.

So, on 10.02.1943, due to the fact that there were battles and firing in our village, my mother and grandmother decided to hide in the cellar. At that time grandmother, mom, me, my sister, who at that time was only a month old, were at home. Now my sister lives in Minsk. My uncle, who was 14 years old at the time, was not at home. As far as I understand now, he was somewhere in the partisan detachment. In 1943, my father was also in a detachment somewhere in Osveya. Thus, at home there were only women and us, that is me and my sister. We hid in the cellar and sat there until German soldiers burst into the house. I remember that they were in German uniforms and spoke German. While in our house, the Germans began to smash everything, probably thinking that partisans might be hiding in our house. Afterward they dragged us out of the cellar and shot there. Apparently, again, in order not to leave alive any partisans who might be in the house. After that they put us back in the cellar, closed the cellar lid, and backed us up with something else on top. After a while, my mother decided

that it was necessary to get out, as some rumbling could be heard from above. I don't know how, but she managed to open the cellar lid and we realized that our house was on fire from outside. We managed to get out and run to the house across the street. I remember that my mother also tried to rescue some property from the burning house. And as she was running, the Germans were shooting at her, and then she just rolled over in the snow. She survived, but everything in the house was burnt. After that all the rest of the villagers were first forced into one house, and then they took us out behind the gardens and pushed us into some kind of a bath-house. The only thing I remember is that there was a well nearby – the Crane. When we were in the bathhouse, we were all standing, as there were a lot of people, mostly women and children. Then a German soldier came and set fire to the door casing in the bathhouse. My grandmother, obviously realizing that we were going to be burnt alive, pushed me and another girl to the German to ask him not to kill us. I don't remember what we said, but after that the German said that he also had two daughters at home, and everyone should thank us because he took pity on us. He said this in bad Russian, so I remember the gist of his conversation. Afterwards he put out the flames and said that no one should dare to move, otherwise they would find out that he had left us alive. After that, he left. I remember that that night we stayed in the bathhouse. It was cold and there was no food. In the morning of 11.02.1943, we heard some noise and someone went outside, as there was a woman standing there. It turned out that she was a contact for the partisans, and at the moment when the Germans came to the village of Kazimirovo, she was not there. When she was asked if there were Germans in the village, she said that there were none, and said that on the night of February 10–11, 1943, the Germans burnt the village of Velje together with its people. My second grandmother, which is my father's mother Prokhorova Daria (I do not know my grandmother's patronymic), was also killed there. At the place of the burnt village, there is a monument now. But my grandmother is buried by her children individually in the cemetery, i.e. not in a common grave.

After we got out of the bathhouse, we went to the village of Sinsk, Rassony district, where I suppose we lived in the local school building until about the summer of 1943. Afterward we learned that the Germans were planning a punitive operation and would burn villages again. Therefore, we went into the forest where we lived in the open air. Those who could dug dugouts. There was no food. When people died, those who were alive occupied their dugouts. In winter, it was especially hard. My sister was small. There was nothing to change her diapers for, and they froze wet on her body. My mother was told that my sister would not survive, but she did not abandon her and tried to keep her alive as best she could. Around April – May 1944 (maybe a little earlier, but I remember that there was still snow in some places) there was a punitive operation, when the Germans were searching the forest and all the people who were there and could not escape were seized, then driven to the building of the former bakery in the village of Klyastitsy in Rossony district. There were many people, so it was impossible to sit or lie down, everyone was standing close to each other. The dead were taken outside. I don't remember what they fed us, but apparently there was nothing to eat, as we were starving.

Мирным жителям приходилось каждый день жить в страхе и ужасе, в ожидании собственной мучительной смерти. При наступлении карательных отрядов нацисты не ограничивались быстрыми способами расправы с населением. Их операции никогда не носили формальный характер: они преследовали цель уничтожения всего населения без остатка. О массовых зверствах нацистских оккупантов на территории Лепельского района, сожжении и расстрелах мирных жителей рассказал свидетель Павел Васильевич Хатько.

The civilians had to live in fear and terror every day, waiting for their own painful deaths. The Nazis did not limit themselves to quick methods of massacring the population when their punitive units attacked. Their operations were never formal: they pursued the goal of exterminating the whole population. The witness Pavel Khatko told about the mass cruelties of the Nazi occupants on the territory of Lepel district, about burning and shooting of civilians.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1947 года октября м-ца 23-го дня.

Я, следователь УМВД Витебской области - младше лейтенант
МАКОЛЬСКИЙ, допросил в качестве свидетеля гражданина -

ХАТЬКО Павла Васильевича, рождения 1901 года,
уроженца д. Герани, Лепельского р-на, Витебской
области, происхождения из крестьян бедняков, по
национальности белорус, гражданин СССР, член
ВКП/б/ с 1930 года, образование 4 класса, рабо-
таю на начальником ДЗУ-6, проживаю по в г. Ле-
пель по ул. Володарского дом № 1.

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 133 ВССР
предупрежден.

ВОПРОС: Расскажите гр-н ХАТЬКО, что Вам известно об унич-
тожении советских граждан немецкими солдатами в
соседних или деревнях в период 1943-1944 гг.?

ОТВЕТ: О зверствах немцев на территории Лепельского р-на
мне известно следующее: с 1941 по 1944 гг. я нахо-
дился в партизанской бригаде им. СТАЛИНА. В 1943 году в январе
месяце немцы направили карательную экспедицию в Пышлянский с/со-
вет для того, чтобы не дать связи партизанам с деревнями этого
сельсовета. Мне лично приходилось наблюдать как немцы зверски
расправлялись с жителями деревни Слободня. В это время нахо-
дился на наблюдательном пункте в 300 метрах от д. Слободня. Как
только появились немцы в д. Слободня, население стало разбегать-
ся из деревни, но вскоре вся деревня была окружена немецкими сол-
датами.

Ворвавшись в д. Слободня, немцы сразу же собрали все остав-
шееся население в одно место и начали поджигать дома. Видя эту
картину у народ, которого немцы не успели согнать стал прятаться
в погреба. После за поджогом деревни немцы стали расстреливать
собиравшую ими часть населения. Когда немцы стали расстреливать
народ, то люди спрашивали кто как мог беготы и немцы добрым
убогорным стариков, детей и женщин и женщин бросали их в горя-
щие дома, так было по-чести и бросили живьем в огонь немца быв-
шего председателя колхоза гр-н СОЛОМАХА. Расправлялись с этой
частью населения, немцы начали бить людей в погребах и по го-
там находили, то тут же в погребе с автоматом расстреливали. Та-
ким путем в погребе была расстреляна семья гр-н СОЛОМАХА, кото-
рый случайно спускался со своей маленькой дочкой.

СОЛОМАХА мне рассказывал, что когда немцы обнаружили эту
семью в погребе, то не дали никому выйти из него и стали в пог-
реб стрелять. После этого немцы ушли, но они наедине не были
убеждены, что в этом погребе все убиты и поэтому через некоторое
время они вернулись и снова начали стрелять. Сам гр-н СОЛОМАХА
чужим уцелел, так как он лежал в погребе около стены с той сто-
роны, с которой стреляли немцы. В этом погребе он пролежал в ну-
же крови до тех пор пока немцы не ушли с деревни и пришли туда
партизаны. Я сам лично присутствовал когда он вылезал из пог-
реба.

В настоящее время гр-н СОЛОМАХА находится в д. Чашня, Ча-
шницкого района, работает землеметом. Когда немцы сожгли дер.
Слободня и ушли из нее, то тогда в д. Слободня партизаны.

и горели приехали с тремя партизанками. Приехали в деревню утром
отрадную картину, на улице повсюду валялись трупы людей, стрелян-
ные головы, на потопленных валялись обгоревшие кости людей. Со-
горевшие трупы детей немцы были разбачивать, так как они почти
совсем охолодели. После нашего прихода в дер. стали собирать те-
тенилось в живых люди, но их было очень мало. Немцы расстрели-
вали в деревне Слободня и жителями ушли на окраины дер.
Лепель. Партизан в этот день напали на немцев с немцами не ждали,
а немцы просто под предлогом борьбы с партизанами озером в рас-
справлялись с жителями дер. Слободня.

Второй такой же жестокий акт расстрела с партизанами состо-
янем пришлось наблюдать в дер. Пухина, Пухинского с/совета. В
дер. Пухина я приехал в составе нашей партизанской бригады.
Это было тоже в 1943 г. Когда немцы ворвались в деревню, я бе-
жал из дер. в овраг, который находился в 300 метрах от д. Пухина.
Расправу немцы начали с того же. Сначала собрали все население
в одно место, поджигая деревню и начали расстреливать людей, стр-
рков, женщин и детей. Расстреливая они также бросали и живьем бро-
сали в огонь. Только так людей, которые успели подняться от ста-
ны немцы стреляли. Вся эта страшная картина продолжалась час
три. Вся деревня была сожжена до тла, большая часть населения
была расстреляна. В это время партизаны также не ждали немцев с на-
падом и немцы пролезали пролазы расстрелу с живыми населением
под предлогом борьбы с партизанами. Когда я пришел в эту дер.,
то я увидел такую же страшную картину как в д. Слободня. На ули-
це, в огородах везде валялись неупохоженные трупы людей. На
несколько трупов отсутствовали обувь и одежда - их немцы разде-
вали. Над мертвыми людьми немцы также продолжали надеяться.
Этому факту подлежит то обстоятельство, что у многих трупов по-
мывшихся на огородах прикладами были побиты головы.

Других фактов уничтожения населения и сожжения немцами де-
ревей мне наблюдать не приходилось, так как в начале 1944 года
наша партизанская бригада перешла в Ушачский район, но мне из-
вестно, что в 1944 году были уничтожены деревни Радиль, Замосце
и др. на территории Лепельского района.

Больше протокол дополнить ничем не имею, все записано с
моих слов перво в мне прочитано.

/ХАТЬКО/

ДОПРОСИЛ: АЛЕКСАНДРОВ ГИМН В/О
мл. лейтенант

/МАКОЛЬСКИЙ/

В е р н о:

THE PROTOCOL OF THE INTERROGATION

October 23, 1947

I am an investigator of the Department of Internal Affairs of Vitebsk region Junior Lieutenant MAKOLSKY interrogated as a witness

KHATKO Pavel Vasilievich, born in 1901 in the village of Gorani, Lepel district, Vitebsk region, a poor peasant, Belarusian by nationality, a citizen of the USSR, a member of the All-Union Communist Party of the Soviet Union since 1930, education four classes, works as a chief of DEU-5, living in the city of Lepel, Volodarskogo street, house No. 1.

He was warned about liability for giving false testimony under Article 136 of the Criminal Code of the BSSR.

QUESTION: Tell me, Mr. KHATKO, what do you know about the extermination of Soviet citizens by German soldiers and their burning of villages in the period 1943–1944?

ANSWER: I know the following about the German atrocities on the territory of Lepel district: from 1941 to 1944 I was in the partisan brigade named after STALIN. In 1948 in January, the Germans sent a punitive expedition to Pyshno village council in order to prevent communication partisans with the people of this village council, I personally had to observe how the Germans brutally massacred the residents of the village Slobodka, I was at that time at the observation point in 300 meters from the village Slobodka.

As soon as the Germans appeared in the village of Slobodka, the people began to flee from the village, but soon the whole village was surrounded by German soldiers. When the Germans entered the village of Slobodka, they immediately gathered all the rest of the population in one place and began to set fire to the houses. Seeing this situation, the people who had not been burnt by the Germans began to hide in cellars. After burning the village, the Germans started to shoot the part of the population they had gathered. When the Germans began to shoot the people, the villagers were fleeing as fast as they could, and the Germans caught old men, children and women fleeing and threw them alive into the burning houses. The wife of the former chairman of the collective farm, Comrade SOLOMAKHA, was caught and thrown into the fire. Having dealt with this part of the population, the Germans began to look for people in cellars, and those they found were shot with machine guns in the cellar, thus the family of SOLOMAKHA was shot in the cellar, but he accidentally survived with his little daughter.

SOLOMAKHA told me that when the Germans found his family in the cellar, they did not let anyone out of the cellar and started shooting in the cellar. After that the Germans left, but apparently they were not sure that everyone in the cellar had been killed, so after a while they came back and started shooting again. Mr. SOLOMAKHA survived by a miracle because he was lying in the cellar near the wall on the side from which the Germans were firing, and in that cellar he was lying in a puddle of blood until the Germans left the village and the partisans came. I was personally present when he got out of the cellar.

Currently, Mr. SOLOMAKHA is living in the village of Chashniki, Chashniki district, working as a deputy (illegible). When the Germans burnt down the village of Slobodka, and left it, then partisans came to the village.

Arriving at the village, I saw a terrible picture: corpses of people, severed head were lying everywhere on the street, and bones of people were lying on places of burnings. The burned corpses of children could not be distinguished, since they were almost completely burned. After we arrived in the vil-

lage, the surviving people began to gather, but there were very few of them. The Germans murdered people of the village of Slobodka and the residents went to the direction of the city of Lepel. [...]

A second, equally brutal massacre against civilians took place in the village of Punishche of Pyshno village council. In the village (name of the village is illegible) I came to liaison person of our partisan brigade. This took place in 1943. When the Germans burst into the village, I fled to the ravine, which was located 800 meters from the village of Punishche. The Germans began their murders in the same way. First, they gathered everyone in one place. They set fire to the village and began shooting people, old people, women and children. They also caught those running away and threw them into the fire while they were alive, Germans only shot those people who ran away from the fire. This terrible activity lasted for three hours. The entire village had already been burned to the ground, most of the population had been shot. At this time, the partisans also did not fight the Germans, and the Germans carried out a bloody massacre under the pretext of fighting against the partisans. When I came to this village, I saw the same terrible scenery as in the village Slobodka. Mutilated corpses of people lied around along the street, in the gardens. On some of the corpses there were no shoes and clothing – the Germans stripped them. The Germans also continued to mistreat dead people. This is proven by the fact that many of the corpses had their heads cracked open with the butt.

I did not observe any other facts of murder of the population and burning of villages by the Germans, since at the beginning of 1944 our Partisan Brigade crossed the Ushachi region, but I know that in 1944 were destroyed the villages of Radun, Zamoshye and others in the Lepel region.

I have nothing more to add to the protocol; everything was written down from my words correctly and was read to me.

(Khatko)

Interrogated by: investigator (investigator's name is illegible)

Correct: (signature)

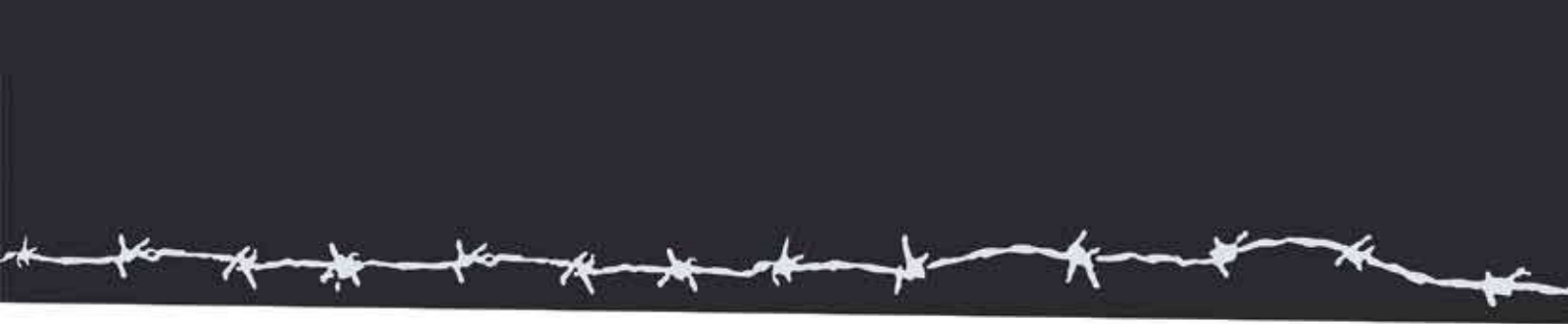
Нацисты беспощадно сжигали мужчин и женщин, стариков и детей, здоровых и больных. В частности, о расправе с больными тифом свидетельствует информация из газеты «Московский большевик» от 3 ноября 1942 г.

The Nazis mercilessly burnt men and women, the elderly and children, the healthy and the sick. In particular, the massacre of typhus patients is evidenced by the newspaper "Moscow Bolshevik" of November 3, 1942.

В городе Борисове вспыхнула эпидемия тифа. Больных никто не лечил. Однажды немецкие солдаты отвезли 30 больных за город, заперли в сарай и подожгли его. Все больные погибли в огне.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 386. Л. 7
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 386. L. 7

A typhus epidemic broke out in the city of Borisov. The sick did not receive any treatment. One day German soldiers took 30 sick people outside the town, locked them in a barn and set it on fire. All the sick died in the fire.

ТРУПЫ СОЗЖЕННЫХ НЕМЦАМИ ЖИТЕЛЕЙ Д. ЯКУБОВО
1. Курченко Демьян Ничипорович
2. Курченкова Агрипина Емельяновна
3. Курченко Александр Максимович
4. Сергускин Дмитрий Васильевич
5. Сергускина Нина Дмитриевна
9.5.43, В. Сергускин

Національний архів Республіки Беларусь. Ф. 1596. Оп. 1. Д. 49. Л. 206–206об
National Archive of the Republic of Belarus. F. 1596. Op. 1. D. 49. L. 206–206ob

The corpses of residents of the village of Yakubovo, burned by the Germans.

1. Kurchenkov Demyan Nichiporovich
 2. Kurchenkova Agripina Emelyanovna
 3. Kurchenkov Alexander Maksimovich
 4. Sergushkin Dmitry Vasilievich
 5. Sergushkina Nina Dmitrievna
- 9.X.43 Investigator (signature)

В ходе расследования уголовного дела о геноциде белорусского народа установлены и допрошены очевидцы и свидетели сожжения населенных пунктов вместе с их жителями, которым чудом удалось избежать участи их односельчан. О фактах сожжения деревень Вяда, Тупичицы, Бобровичи (Ивацевичский район, Брестская область) сообщила в своем допросе свидетель А.Я. Дубешка, 1935 г. р.

During the investigation of the criminal case of genocide of the Belarusian people, eyewitnesses and witnesses of the burning of settlements together with their inhabitants, who miraculously escaped the fate of their fellow villagers, were found and questioned. Witness A. Dubeshka, born in 1935, told in her interrogation about the facts of burning of the villages Vyada, Tupichitsy, Bobrovichi (Ivatsevichi district, Brest region).

1942 г. в д.Бобровичи пришел карательный отряд (это со слов матери), который и спалил деревни Вяда и Тупичицы. На сколько мне известно, в настоящее время никого из выживших из деревень Вяда и Тупичицы не осталось. Со слов местных жителей, которые были старше меня, мне извсетны, что жителей деревень Вяда и Тупичицы, вывели на гору, где всех расстреляли, а затем немцами были спалены дома деревень. После того, как была спалена д.Вяда и д.Тупичицы, карательный отряд пришел в д.Бобровичи. Это было 13.09.1942 с утра немцы стали сгонять людей по 30 человек в жилые дома. И меня с мамой, старшим братом, младшей сестрой и падчерицей тоже загнали в чужой дом. Отца с нами уже не было, т.к. всех мужчин деревни немцы согнали в сарай, где и спалили, это все было в тот же день – 13.09.1942. после того, как спалили мужчин, немцы стали сгонять женщин и детей в дома. Одни немцы сгоняли людей в дома, а другие шли следом и бросали гранаты в те дома, куда сгоняли людей. Когда нас мамой завели в дом, я смогла выскочить из дома, отбежала от этого дома к другому дому, куда немцы согнали местных девушек в погреб. Слышала как они плакали, затем увидела как немцы бросили гранату в дом, где были девушки. Я поняла, что и нас спалят, поэтому вернулась в дом, где была мама с братом, сестрой. Я ей рассказала, что видела, стала просить уходить. Вместе с мамой, братом, сестрой мы спрятались в борозде картошки. А вот падчерица (дочь отца от первого брака) с нами не пошла, осталась в доме, поэтому её немцы с другими жителями деревни спалили. Потом мне стало известно, что спалено было около 672 человек в д.Бобровичи и все дома деревни. Также немцами была спалена с другими жителями и тетка Куратник П. В живых остались пару человек (это те, кто пас коров, пару человек убежало), они в последующем разошлись по уцелевшим деревням. После того, как мы смогли сбежать, мы с мамой ходили по деревням, где нас подкармливали.

Еще раз хочу сказать, что деревни Вяда и Тупичицы не были восстановлены после уничтожения. Еще была уничтожена немцами д.Красница, которая была расположена с д.Бобровичи. Это мне известно со слов матери. д.Красница была уничтожена перед уничтожением д.Бобровичи.

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Протокол допроса свидетеля А.Я. Дубешка
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. The protocol of the interrogation of the witness A. Dubeshka

In 1942 a punitive detachment came to Bobrovichi village (this is from my mother's words), which burned villages Vyada and Tupichitsy. As far as I know, none of the people who survived from the villages of Vyada and Tupichitsy are still alive. From the testimony of locals older than me, I know that the people of the villages of Vyada and Tupichitsy were taken to the hill, where they were all shot, and then the Germans burned down the houses of the villages. After villages Vyada and Tupichitsy were burnt down, the punitive detachment came to Bobrovichi village. It was on 13.09.1942. In the morning the Germans started to put people in houses, 30 people per house; my mother, my older brother, my younger sister, stepsister, and I were also put in someone else's house. My father was no longer with us, because the Germans had put all the men of the village into a barn, where they burnt them. This all happened on the same day, 13.09.1942. After they burned the men, the Germans started to push the women and children into the houses. Some Germans put people into houses, and others followed and threw grenades into the houses where people were put into. When we were put into the house together with my mom, I was able to escape from the house and ran away from the house to another one, where the Germans had thrown young girls into the cellar. I heard them crying, then I saw the Germans throw a grenade into the house where the girls were. I realized that they would burn us too, so I went back to the house where my mother was with my brother and sister. I told her what I had seen and asked her to go away. My mother, brother, sister, and I hid in a potato row, but my stepsister (my father's daughter from his first marriage) did not go with us, she stayed in the house, so the Germans burned her and other villagers. Then I knew that about 672 people of Bobrovichi village were burnt as well as all the houses of the village. Also the Germans burned aunt Kuratnik P. with other inhabitants. Only a couple of people survived (those who were grazing cows, a couple of people escaped). They subsequently went to the surviving villages. When we escaped, we would go with my mother to the villages where people fed us.

Once again, I would like to mention that the villages Vyada and Tupichitsy were not rebuilt after the destruction. The village of Krasnitsa, which was located next to Bobrovichi, was also destroyed by the Germans. I know this from my mother's words. The village of Krasnitsa was destroyed before Bobrovichi village was destroyed.

(Seal: illegible)
(signature)

Еще одна свидетель сожжения во время карательной операции «Треугольник» д. Дремлево (Жабинковский район, Брестская область) вместе с жителями В.С. Кирильчук, 1936 г. р., по счастливой случайности не оказалась убита вместе с другими жителями этой деревни – родители вместо того, чтобы отправить ее к бабушке в Дремлево, отправили пасти коров на поле. Это и спасло ей жизнь.

Свидетелю было 6 лет, когда она увидела зарево, в котором вспыхнула деревня, и обожженные трупы людей, сваленные в кучу.

Another witness of the burning village of Dremlevo (Zhabinka district, Brest region) during the punitive operation "Triangle" together with inhabitants V. Kirilchuk, born in 1936, was not murdered together with other villagers – her parents had sent her to graze cows in the field instead of sending her to her grandmother's house in Dremlevo. That saved her life.

The witness was 6 years old when she saw the village on fire and the pile of burnt bodies.

В войну я часто ночевала у бабушки в деревне Дремлёво, однако 11 сентября 1942 года отец меня не пустил к бабушке, так как нужно было пасти коров. Точную дату я помню, поскольку деревня в послевоенное время не была восстановлена, на ее месте установлен мемориал и каждый год в этот день на территории района проводятся мероприятия в память о погибших.

Так, вот, утром на рассвете 11 сентября я видела, как со стороны деревни Сехновичи шли четыре грузовые машины, сверху машин сидели люди в форме с автоматами и большими собаками. Какой вид войск был, я не знаю, на тот момент мне было всего 6 лет. Немцы это были. Затем указанные военные окружили Дремлёво, стали выгонять из деревни скот, собаки лаяли и их стреляли немцы и лай прекращался, я это слышала, но лично не видела. Наш дом был на расстоянии от деревни Дремлёво на погорке за лугом, это где-то в нескольких километрах от тех трагических событий. Затем я увидела зарево, как вспыхнуло в деревне.

На следующий день собрались мужчины, и пошли смотреть в Дремлёво. Люди лежали в куче и были обожжены. Людей сожгли в сарае (клуне), где стояла скотина. Люди стали запрягать лошадей и вывозить трупы людей. Захоронение производили жители деревни Можейки и деревни Горки. Никто из живых в деревне Дремлёво не остался. Моя бабушка также погибла. Число погибших называлось разное от 300 до 200 человек. Я в силу возраста тоже не могу пояснить, сколько было домов в деревне и сколько в ней проживало людей.

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Протокол допроса свидетеля В.С. Кирильчук
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. The protocol of the interrogation of the witness V. Kirilchuk

I used to stay overnight at my grandmother's house in the village of Dremlevo during the war. However, on September 11, 1942, my father did not let me go to my grandmother's house, as I had to graze cows. I do not remember the exact date, as the village was not rebuilt in the post-war period. There is a memorial in its place, and on this day every year on the territory of the district there are events to commemorate the victims of the war.

So, in the morning at dawn on September 11, I saw four trucks coming from the side of Sekhnovichy village. People in uniform with automatic rifles and big dogs were sitting on top of the trucks. What type of troops they were, I don't know: I was only six years old at that time. They were Germans. Then the said soldiers surrounded Dremlevo, began to drive the cattle out of the village, the dogs were barking and the Germans were shooting at them, and the barking stopped. I heard it, but I did not see it personally. Our house was at a distance from Dremlevo village on a hill behind a meadow, it was about few kilometers away from those tragic events. Then I saw the light as the village burst into flames.

The next day men got together and went to see the situation in Dremlevo. The people were lying in a pile and were burnt. The people had been burnt in the barn (we called that Kluni) where the cattle were kept. People started harnessing horses and taking the dead people's corpses out. People from the village of Mozheiki and the village of Gorki were burying them. Nobody from Dremlevo village survived. My grandmother was also killed. The number of dead was different from 300 to 200 people. Because of my age I can't clarify how many houses there were in the village and how many people lived there.

Об обстоятельствах сожжения д. Боровые Браславского района Витебской области вместе с населением в количестве 170 человек сообщила свидетель З.В. Атрахимович, 1928 г. р.

A witness Z. Atrakhimovich, born in 1928, informed about the circumstances of the burning of the Borovyе village, Braslav district, Vitebsk region, with its population of 170 people.

Инвалиды, старики и дети – все, кто не мог спастись бегством, были обречены на уничтожение. Так о подобных фактах массовых убийств во время карательной операции «Фриц» сообщила потерпевшая М.А. Купревич, 1927 г. р.

The disabled, the elderly and children – all who could not escape were doomed to extermination. Thus, a victim M. Kuprevich, born in 1927, reported similar facts of mass murder during the punitive operation "Fritz".

По существу поставленных вопросов свидетель пояснил следующее:

Родилась я в д.Пастернаки Браславского района. Во время начала войны я там и жила с родителями, братьями и сёстрами. На то время было 5 детей. Я была самая старшая.

Наверное в 1943 году, в нашу местность пришли немцы. Помню, что это было уже осенью. Вспоминаю, как мы в д.Пастернаки видели, как стала гореть все деревня Боровые. Было много дыма, горели все дома. Потом через нашу деревню стали ехать немецкие машины. Я считала их, всего была 41 машина. Все они были загружены добром. В одних были бараны, козы, в других вещи. Потом за машинами шли коровы с д.Боровые. Людей в машинах не везли. В нашей деревне они не останавливались и никого не трогали.

На следующий день мы решили поехать в д.Боровые, чтобы посмотреть, что стало с людьми и куда они подевались. На лошади я с родителями и сосед поехали в д.Боровые. В деревне были сожжены все дома, остались только печи. Людей нигде не было. Потом мы приехали к сараю и увидели там кучу сожженных людей. Стали ходить по деревне и нашли еще два сарая, где тоже сожгли людей, но там было меньше. Из деревни никого в живых не осталось. Если я правильно помню, то всего сожгли 170 человек.

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Протокол допроса свидетеля З.В. Атрахимович
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. The protocol of the interrogation of the witness Z. Atrakhimovich

Regarding the questions asked, the witness testified as follows:

I was born in the village of Pasternaki, Braslav district. When the war began, I lived there with my parents, brothers and sisters, there were five children, and I was the oldest.

Probably in 1943, the Germans came to our area. I remember that it was autumn. I remember we in the village of Pasternaki saw the whole village of Borovyе burning. There was a lot of smoke, all the houses were burning. Then German trucks were driving through our village. I counted them, there were 41 cars. All of them were loaded with goods: some had sheep and goats, others had things. Then the cows from the village of Borovyе followed the trucks. There were no people in the trucks. They did not stop in our village and did not touch anyone.

The next day we decided to go to Borovyе village to see what had happened to the people and where they had gone. My parents, my neighbor and I went to Borovyе village by horse. All the houses in the village were burned down, only the stoves were left. There were no people around. Then we came to a barn and saw a pile of burnt people there. We rode around the village. We found two more barns, where people had also been burnt, but they were there less. Nobody from the village survived. If I remember correctly, 170 people were burnt in total.

лесах были партизаны. В сентябре 1943 года, точное число я не помню, на праздник «Воздвижение», в нашу деревню пришли немцы. Местные жители нашей деревни слышали звуки немецких мотоциклов, доносившиеся со стороны дороги, они двигались со стороны аг. Княгинин в направлении г. Мядель. После этого местные жители нашей деревни начали убегать в сторону леса. В домах остались в основном только старики и инвалиды. Я вместе с мамой, отцом и двумя своими сестрами также успели убежать в лес и спрятаться там. А старший брат Володя не успел, его словили немцы в деревне и в последствии угнали в Германию. Младший брат Илья ушел в партизаны еще до того как в нашу деревню пришли немцы. В тот день когда пришли немцы, они сожгли в деревне все дома, в том числе были заживо сожжены и престарелые люди, которые остались в домах и не смогли уйти в лес. Часть людей, которые не успели убежать, угнали в Германию, часть из них расстреляли. Расстреливали в основном стариков, инвалидов и детей, а их мертвые тела сжигали потом вместе с домами нашей деревни. При таких обстоятельствах немцы убили мою тетю Гердей Кристину, которая была инвалидом, она осталась в своем доме и не смогла убежать в лес. Я со своими родными и односельчанами, убежавшими от немцев в лес, около недели прятались в лесу в болотах, пока немцы не ушли из нашей деревни. Сколько именно из нашей деревни людей убили тогда немцы, я не знаю. Какие именно немецкие войска тогда в сентябре 1943 года напали на нашу деревню, какие это были воинские части, кто ими командовал, кто им помогал и т.п., я не знаю. В последствии отец мне рассказывал, что когда немцы ушли с нашей деревни, то он с другими жителями, на пепелище нашли останки людей, которых потом захоронили в том месте, где в д. Шкленниково в настоящее время стоит обелиск. В лесу мы прятались от немцев около недели, и ждали пока они уйдут. Так как немцы спалили нашу деревню и нам негде было жить, то нашу семью приютили в д. Сивые Мядельского района, где мы проживали до весны 1944 года. После чего мы также проживали в подготовленной моим отцом землянке в д. Шкленниково, которая была сделана моим отцом рядом с нашим спаленным домом. Так в землянке мы жили на протяжении нескольких лет, и сами своими силами строили новый небольшой домик рядышком с

Купревич

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Протокол допроса потерпевшей М.А. Купревич
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. The protocol of the interrogation of the victim M. Kuprevich

there were partisans in the forests. In September 1943, I don't remember the exact date, on the holiday "The Exaltation", the Germans came to our village. The people of our village heard the sounds of German motorcycles coming from the side of the road, they were moving from the direction of settlement Knyagin in the direction of Myadel. After that the residents of our village began to flee towards the forest. Mostly only old people and physically disabled people remained in the houses. I together with my mother, father and my two sisters also managed to run away to the forest and hide there. But my older brother Volodya did not have time, he was caught by the Germans in the village and later taken to Germany. My younger brother Ilya had joined the partisans before the Germans came to our village. On the day the Germans came, they burnt all the houses in the village, including old people who stayed in the houses and could not escape to the forest, they were burnt alive. Old people, disabled people and children were shot, and their dead bodies were burnt together with the houses of our village. Under such circumstances, the Germans killed my aunt Gerdey Kristina, she was disabled and stayed in her house as could not escape into the forest. I and my relatives and fellow villagers who had fled from the Germans into the forest hid in the forest in the swamps for about a week until the Germans left our village. How many people from our village were killed by the Germans, I don't know. What exactly German troops attacked our village in September 1943, what military units they were, who commanded them, who helped them, etc., I do not know. Later my father told me that when the Germans left our village, he and other villagers found the remains of people in the ashes, and then they buried them in the place where in the village of Shklennikovo, where there is an obelisk today. We hid from the Germans in the forest for about a week and waited for them to leave. Since the Germans had burned down our village and we had no place to live, our family was sheltered in the village of Sive, Myadel district, where we lived until the spring of 1944. After that we also lived in a dugout that my father made in the village of Shklennikovo near our burnt house. So, we lived in the dugout for several years, and we ourselves by our own efforts were building a new small house nearby.

Убийства взрывами гранат

Подрывы гранатами также рассматривались немцами как «эффективный» способ расправы с людьми. Так, об убийстве таким способом нацистами во время карательной операции «Зимнее волшебство» родного дяди и его дочери сообщила свидетель Л.А. Гончарова, 1930 г. р.

«На начало войны в 1941 году мне было 11 лет и мы жили в деревне Моторино Россонского района. В нашей деревне были партизаны, поэтому туда пришли немцы. Мы знали, что они идут, и убежали из деревни. Деревню спалили. Мы прятались в лесу. Когда нас словили немцы, то выгнали из землянок. Мой дядя и две его дочери болели очень сильно, сильно. Немец бросил гранату в землянку. Дядя и его младшая дочь погибли сразу, а на старшей сидел кот. Кота разорвало, а девочку даже не ранило. Практически все жители деревни ушли, остались только старики, но их было мало. Так немцы дома сожгли, а стариков расстреляли и выбросили в речку. Нас всех загнали в д. Миловиды, а потом сказали, чтобы мы шли домой, т.к. дали указание больше

Killing by grenades

Germans also considered grenade explosions as an "effective" way of killing people. Thus, a witness L. Goncharova, born in 1930, testified about his uncle and his daughter being killed by the Nazis this way during the punitive operation "Winter Magic".

"When the war started in 1941, I was 11 years old and we lived in Motorino village of Rossony district. There were partisans in our village, so the Germans came there. We were aware that they were coming and we escaped from the village. The village was burned down. We were hiding in the forest. When the Germans captured us, they kicked us out of our dugouts. My uncle and his two daughters were very sick, very sick. A German threw a grenade into the dugout. My uncle and his youngest daughter were killed at once. A cat was sitting on the eldest daughter. The cat was blown up, but the girl was not even wounded. Almost all the villagers left, only the old people were left, but they were few. So the Germans burnt the houses, shot the old people and threw them into the river. They drove us all to the village of Milovidy and then told us

людей не расстреливать. Те, кто совершал вышеуказанные действия, были немцами, но были и наши, полиция, т. к. они говорили на русском языке».

to go home, as they had given instructions not to shoot more people. Those who committed the above-mentioned acts were Germans, but there were also our police officers, as they spoke Russian".

на начало войны в 1941 году
мне было 11 лет и мы жили
в д. Моторино Россонского района
В нашей деревне были партиза-
ны, поэтому туда пришли немцы.
Мы знали, что они идут и убе-
жали из деревни. Деревню спали-
ли. Мы прятались в лесу. Когда
нас словили немцы, то выгнали
из землянок. Мой дядя и две его
дочери болели очень сильно, сильно.
Немец бросил гранату в землянку.
Дядя и его младшая дочь погиб-
ли сразу, а на старшей сидел кот.
Кота разорвало, а девочку даже не
ранило. Практически все жители

деревни ушли, остались толь-
ко старики, но их было мало.
Так немцы дома сожгли, а
стариков расстреляли и выб-
росили в речку. Нас всех заг-
нали в д. Миловиды, а по-
том сказали, чтобы мы шли
домой, т.к. нам дали указание
больше людей не расстреливать.
Те, кто совершал вышеуказан-
ные действия, были немцами, но
были и наши, полиция, т.к. они
говорили на русском языке. Все
были одеты в немецкую форму,
но лица - либо от темноты, либо
от страха, как и не помню

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Протокол допроса свидетеля Л.А. Гончаровой
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. The protocol of the interrogation of the witness L. Goncharova

When the war started in 1941, I was 11 years old and we lived in Motorino village of Rossony district. There were partisans in our village, so the Germans came there. We were aware that they were coming and we escaped from the village. The village was burned down. We were hiding in the forest. When the Germans captured us, they kicked us out of our dugouts. My uncle and his two daughters were very sick, very sick. A German threw a grenade into the dugout. My uncle and his youngest daughter were killed at once. A cat was sitting on the eldest daughter. The cat was blown up, but the girl was not even wounded. Almost all the villagers left, only the old people were left, but they were few. So the Germans burnt the houses, shot the old people and threw them into the river. They drove us all to the village of Milovidy and then told us to go home, as they had given instructions not to shoot more people.

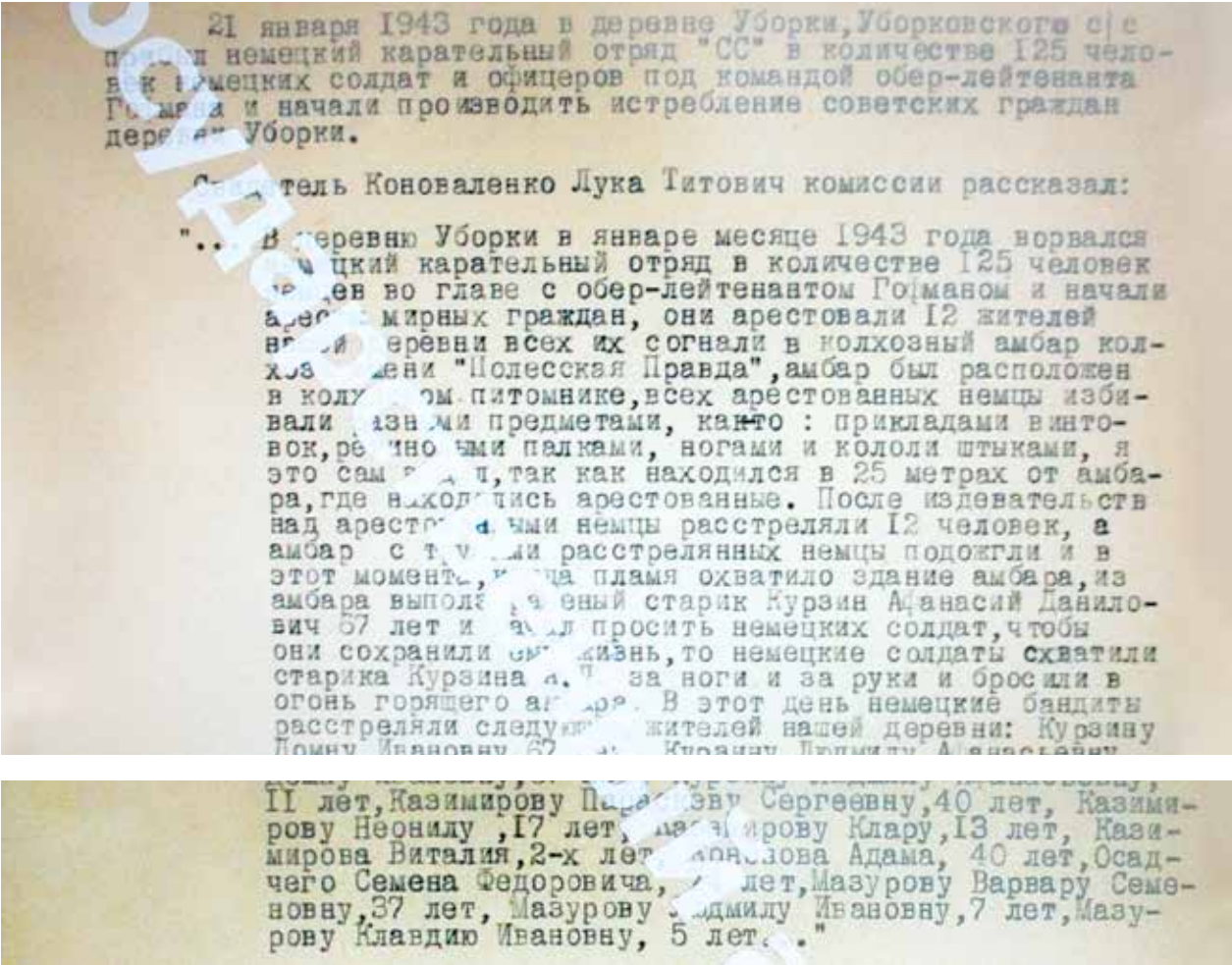
Those who committed the above-mentioned acts were Germans, but there were also our police officers, as they spoke Russian. Everyone was dressed in German uniforms, but I don't remember any distinctive emblems or service stripes.

Насилие, пытки, увечья

Смерть обреченных жертв геноцида зачастую не была быстрой. Нацисты массово издевались над мирным населением. Мотивами были не только устрашение населения, но и низменное желание проявить чувство собственного превосходства над слабыми и беззащитными людьми. Вот что сообщил свидетель Лука Титович Коваленко относительно зверств карательного отряда СС перед массовым истреблением мирного населения д. Уборки Гомельской области.

Violence, torture, injuries

The deaths of the condemned victims of genocide were often not quick. The Nazis abused civilians massively. Their motives were not only to intimidate the population, but also a base desire to show a sense of their superiority over weak and defenseless people. Here is what the witness Luka Kovalenko said about the cruelties of the SS punitive detachment before the mass extermination of the civilian population of Uborki village, Gomel region.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 39а. Л. 57-59
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 39a. L. 57-59

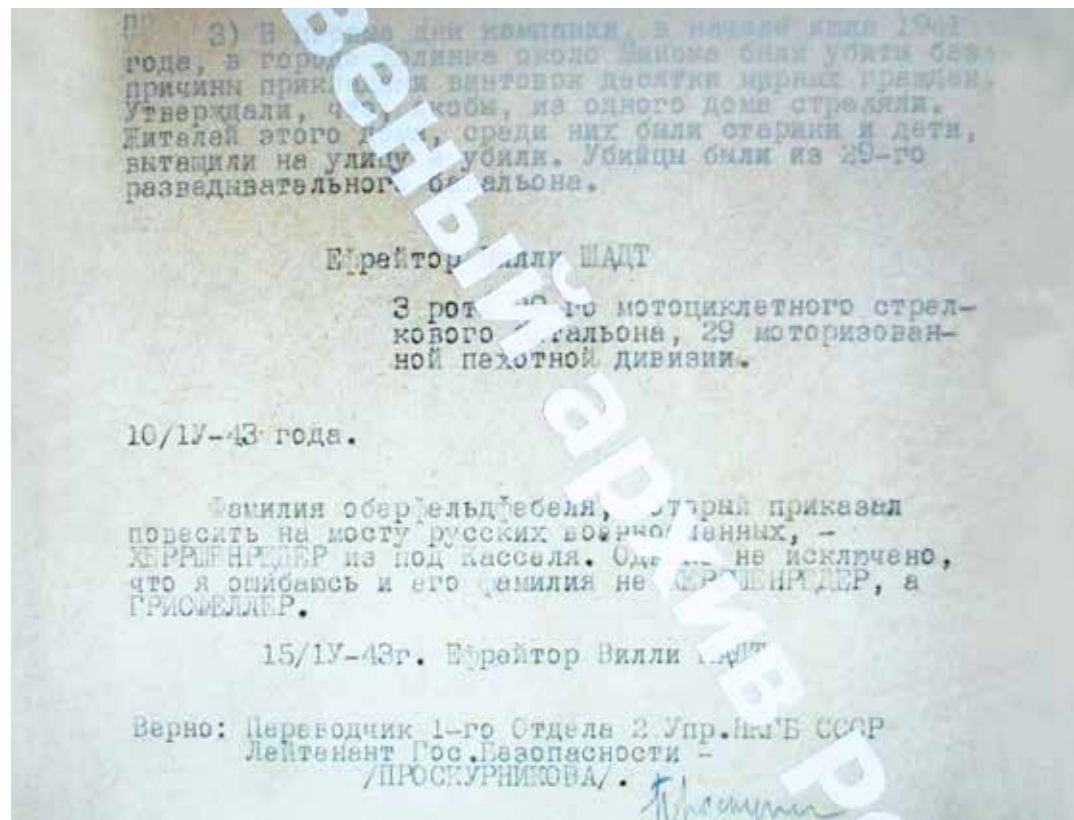
On January 21, 1943 in the village of Uborki, Uborki village council German punitive unit "SS" in the number of 125 German soldiers and officers under the command of Oberleutnant Hoffman arrived and began to exterminate the Soviet citizens of the village of Uborki.

The witness Konovalenko Luka Titovich told the commission:

"...In January, 1943, a German punitive unit of 125 men led by Oberleutnant Hoffman broke into the village of Uborki and started arrests of civilians. They arrested 12 people from our village. All of them were thrown into the barn of the collective farm named after "Poleskaya Pravda". The barn was located in the collective farm nursery. The Germans beat the arrested people with different subjects such as rifle butts, rubber sticks, feet and bayonets, I saw it myself, as I was 25 meters away from the barn where the arrested persons were. After the Germans tortured the arrested people, they shot 12 people, and the Germans set fire to the barn with the bodies of the shot people, and at that moment, when the flames covered the building of the barn, the wounded old man Kurzin Afanasy Danilovich, 67 years old, crawled out of the barn and started to ask the German soldiers to save his life, after that the German soldiers took old man Kurzin by his legs and hands and threw him into the fire of the burning barn. On that day German bandits shot the following people of our village: Kurzina Domna Ivanovna, 67 years old, Kurzina Ludmila Afanasyevna, 11 years old, Kazimirova Paraskeva Sergeevna, 40 years old, Kazimirova Neonila, 17 years old, Kazimirova Klara, 13 years old, Kazimirov Vitaly, 2 years old, Konovalov Adam, 40 years old, Osadchiy Semyon Fedorovich, 74 years old, Mazurova Varvara Semyonovna, 37 years old, Mazurova Ludmila Ivanovna, 7 years old, Mazurova Klavdiya Ivanovna, 5 years old..."

Не всегда для убийства нацисты использовали патроны и боеприпасы. В своих показаниях ефрейтор немецкой армии Вилли Шадт сообщил об убийстве десятка мирных граждан Минска ударами прикладов винтовок.

Not always the Nazis used bullets and ammunition to kill. In his testimony, Willy Schadt, a German army corporal, reported the killing of a dozen civilians in Minsk with rifle butts.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 40. Л. 24
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 40. L. 24

In the first days of the campaign, in early July 1941, dozens of civilians in the town of Kalinka near Minsk were killed with rifle butts for no reason. It was claimed that, supposedly, they were shooting from a house. The people who lived in this house, among them were old people and children, were dragged out into the street and killed. The killers were from the 29th Intelligence Battalion.

Corporal Willi SCHADT

3rd Company (illegible) Motorcycle Rifle Battalion,
29th Motorized Infantry Division

10/IV-43

The surname of the Oberfeldfebel who ordered to hang Russian prisoners of war on the bridge is HERRSCHENREDER from near Kassel. However, I might be wrong and his surname was not HERRSCHENREDER, but GRISFELLER.

15/IV-43. Corporal Willi SCHADT

True: Translator of the 1st Department of the 2nd Directorate of the NKGB of the USSR.

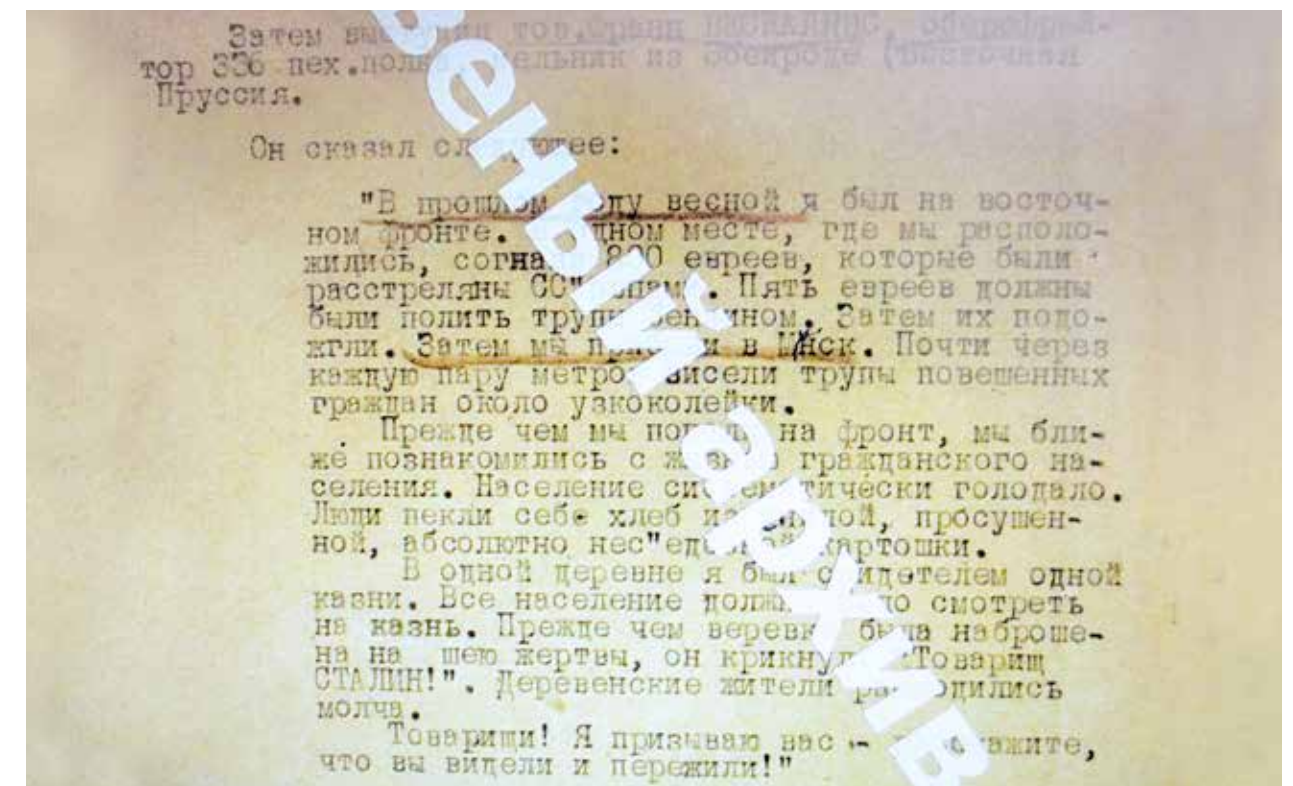
Lieutenant of State Security – (PROSKURNIKOVA) (signature)

Повешения

Как отмечено ранее, нацисты изыскивали такие способы уничтожения людей, которые бы одновременно вселяли массовый страх к любому сопротивлению оккупационному режиму. С этой целью ими использовались виселицы, нередко размещаемые в многолюдных местах населенных пунктов.

Hangings

As noted earlier, the Nazis sought ways of murdering people that would simultaneously spread mass fear of any resistance to the occupation regime. For this purpose, they used gallows, often erected in crowded areas of settlements.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 41. Л. 29-32об
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 41. L. 29-32ob

Then Comrade Franz Veskalis oberfreitor of the 336th Infantry Regiment, a miller on Ebenrode (East Prussia) spoke.

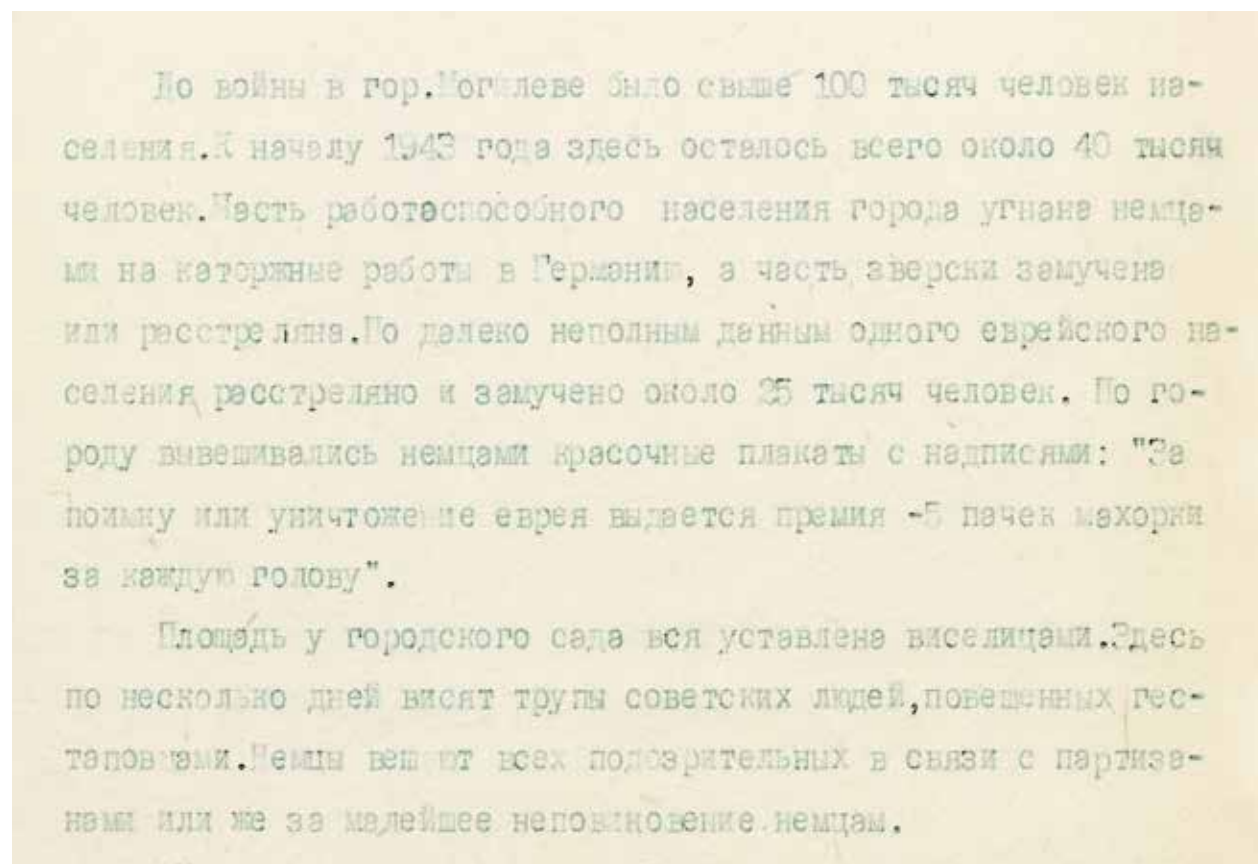
He told the following:

"Last year in the spring I was on the eastern front. In one place where we were stationed, 800 Jews were brought in, they were shot by the SS. Five Jews had to pour gasoline on the corpses. Then they set them on fire. Then we arrived in Minsk. Almost through every couple of meters there were the bodies of citizens hanged near the narrow gauge railway.

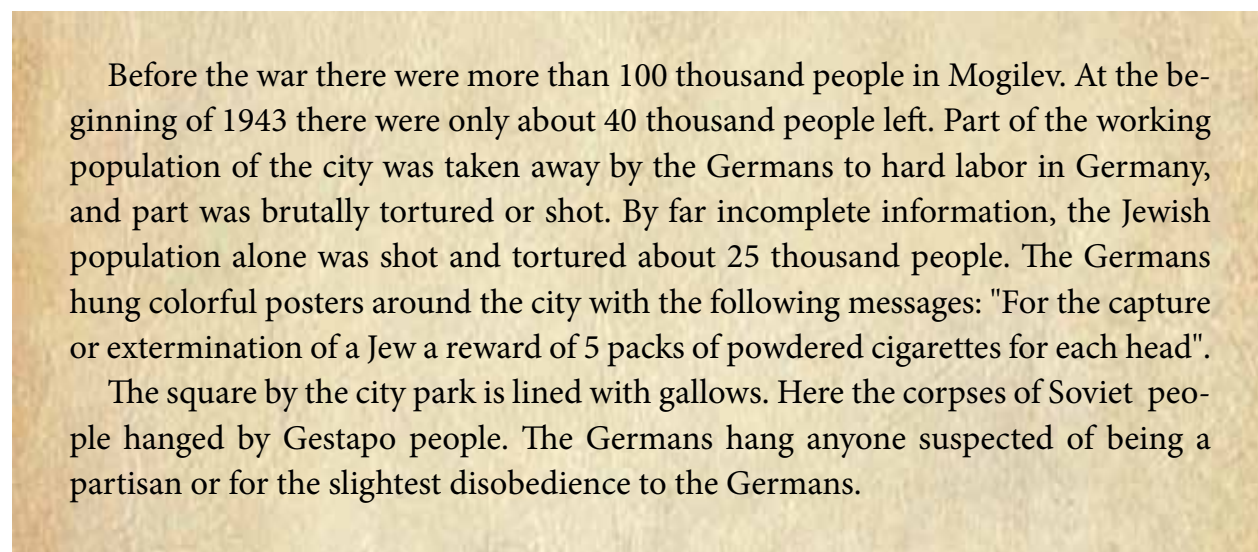
Before we went to the front, we got a glimpse of the life of the civil population. People were systematically starving. They baked their bread from rotten dried, completely inedible potatoes.

In one village, I witnessed one execution. The entire population had to watch the execution. Before the rope was thrown around the victim's neck, he shouted "Comrade STALIN!". The villagers went away in silence.

Comrades! I urge you, tell what you have seen and experienced!"

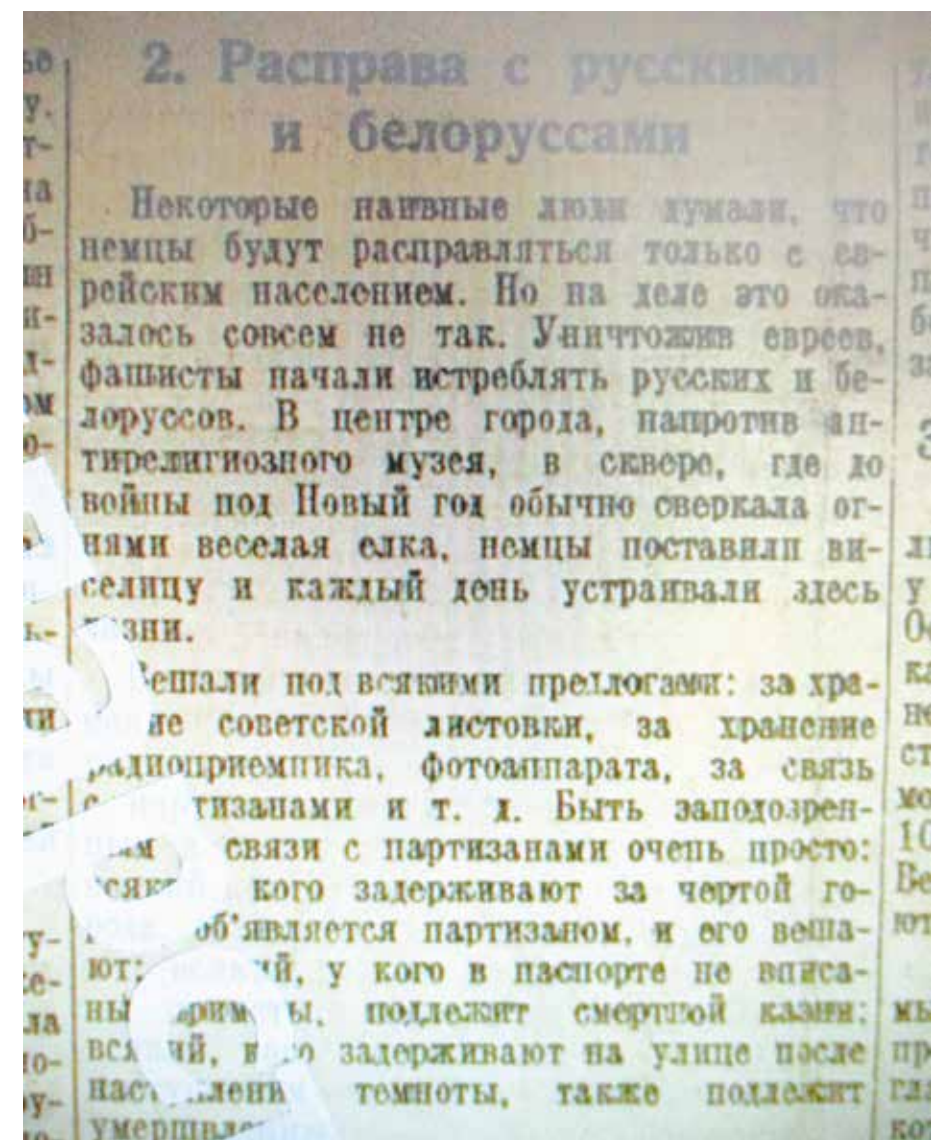

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 125. Д. 171. Л. 44
Russian State Archive of Social and Political History. F. 17. Op. 125. D. 171. L. 44

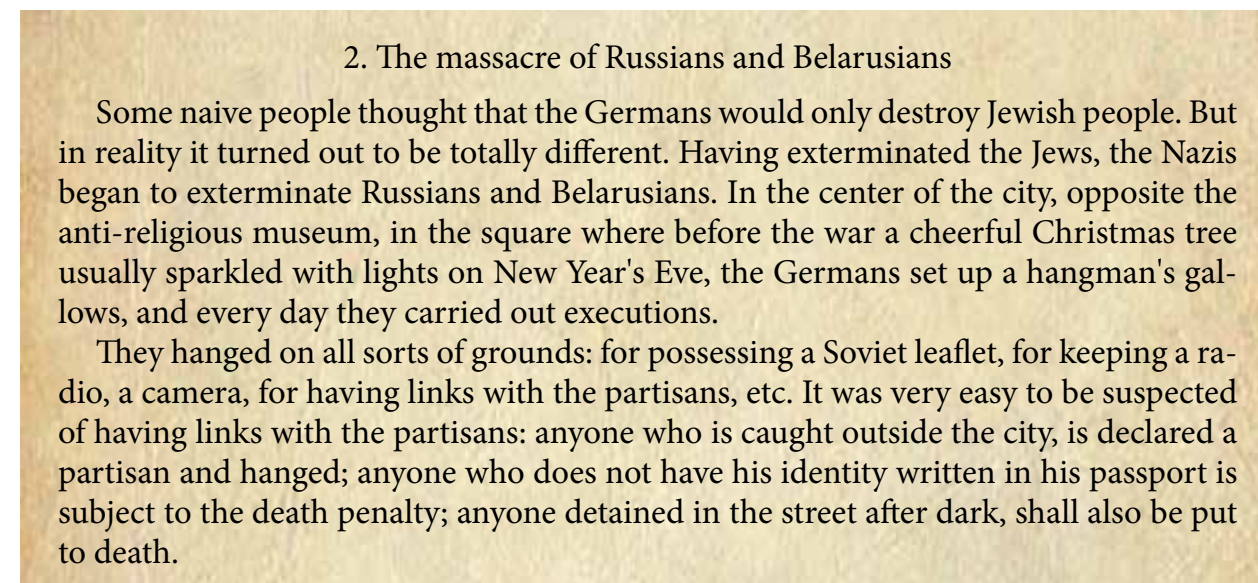

Виселицы на улицах с невинными жертвами были для белорусского народа ужасным, но практически ежедневным и привычным явлением. В частности, об этом свидетельствует статья в газете «Комсомольская правда» от 27 ноября 1942 г.

Hangings with innocent victims in the streets were a horrible, but almost daily and usual thing for the Belarusian people. This is particularly evidenced by the article in the newspaper "Komsomolskaya Pravda" of November 27, 1942.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 386. Л. 5
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 386. L. 5

Использование людей для разминирования дорог

Как следует из боевого донесения фон Готтберга «Об операции «Коттбус»», батальон Дирлевангера, принимавший участие в этой карательной операции, для разминирования дорог использовал мирных жителей из числа местного населения. В донесении подчеркивается, что такой способ, или «приспособление», как они называли, «хорошо оправдал себя» [16].

Using people to demine roads

According to von Gottberg's combat report "On Operation "Cottbus", Dirlwanger's battalion, which took part in this punitive operation, used local civilians to demine roads. The report emphasizes that this method, or "device", as they called it, "proved to be well worth it" [16].

решительное влияние оказал 1-й зенитный дивизион. После артиллерийского зенитной подготовки проникновение в болотистую местность было возможным только потому, что подозрительные в связях с партизанами местные жители гнались по весьма сильно заминированной болотной местности. Вечером для начала наступления полевые укрепления были в наших руках, противник имел тяжелые кровные потери, трофеи тяжелого орудия, пехотного орудия и амуниции были значительны.

8. Боевые навыки. Минирование многих дорог и стезек делает
необходимостью изготовление вспомога-
тельных приспособлений для розыска мин. Созданное батальоном
Дирлевангер приспособление для розыска мин хорошо оп-
равдало себя. Из этого следует, что при операции, необ-
ходимо исключить всякое человеческое внимание к населению,
как в операции "Котбус", ибо постоянно приходилось уста-
навливать, что местное население, также женщины и дети
постоянно минировали дороги в тылу наших частей ...

Національний архів Республіки Беларусь. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 969. Л. 243–248
National Archive of the Republic of Belarus. F. 1440. Op. 3. D. 969. L. 243–248

The 1st anti-aircraft division made a decisive impact. After an artillery anti-aircraft preparation, it was only possible to get into the swampy area because the locals, suspicious of ties with the partisans, were pursued through the very heavily mined swampy area. In the evening for the beginning of the attack the field defenses were in our hands, the enemy had heavy bloody losses, the trophies of heavy weapons, infantry arms and ammunition were considerable.

8. Combat skills. Mining of many roads and pathes makes it necessary to make auxiliary devices for searching for mines. The device created by the battalion of Dirlewanger is well worth the effort. It follows that during the operation, it is necessary to exclude any human attention to the population, as in the operation "Cottbus ", because we constantly had to find out that the local population, as well as women and children constantly mined the roads in the rear of our units...

КОП-00: Расскажите гр-н КУНЧЕНСКИИ, какие Вам известны факты зверской расправы немцев над советскими гражданами, сожжение или деревень в Лепельском районе?

ОТВЕТ: В 1944 году в апреле-мае месяце для подавления партизан немцы проводили карательную экспедицию. Во время данной экспедиции немцы сожгли деревни Галцаи, Велешино, Стайская, Черница, Рудня, Свядского с/с Лепельского р-на. К населению и к партизанам применялись самые жестокие меры. Все население от старого до малого из деревень угонялось в немецкие лагеря в город Лепель. Скот, продовольствие и другое имущество конфисковалось немцами.

Кроме этого во время этой Экспертизы немцы из нашей деревни Гавидля Свидского с/с Лепельского р-на взяли 15 человек мужчин, в том числе и меня пригнали от нашей деревни километра два, произвели обыск, после чего приказали одним около одного стать, взяться крепко за руки и в таком расположении погнали по заминированной местности партизанами.

Пройдя по заминированной местности, из нашей группы погибло на минах 4 человека, т.е. Пётр Ю. Михаил Михайлович, Михаил Григорьевич Павлов, Пётр Александрович Викентьев, и Александр Иванович Романович. Кроме этого 3-х человек контузило, в том числе и меня, остальных 5 человек, которые были не вредные, негры продолжали идти дальше, т.е. до границы заминированной местности, но там 6 чел. остались не вредные.

ОПРОС: Известно ли Вам наименование этих немцы подразделений, которые велили зверства над мирным населением?

ВАСИЛ: Намного больше этих денег ит. военный частях, которые чужды нам по их существу, я сказать не могу.

Доприказът зависи от кои дъво перне и ние прочитано.
КОНЧЕЧНИ.

Подпись: Оператором дежурного по м/п
Л.С.Савицкий -/Бобров/

вотня с копты зерна: СЫРТАРЬ ДЕНДЬСКОГО ПО ЧОД

Національний архів Республіки Беларусь. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 2209. Л. 28
National Archive of the Republic of Belarus. F. 1363. Op. 1. D. 2209. L. 28

QUESTION: Tell us, Mr. Kunchevsky, what facts you know about the atrocities committed by the Germans against the Soviet citizens and the burning of villages in Lepel district.

ANSWER: In 1944 in April–May the Germans conducted a punitive expedition to suppress the partisans. During this expedition the Germans burnt the villages Gadivlya, Veleвшchina, Stayskaya, Chernitsa, Rudnya of Svyada village council of Lepel district. The most cruel actions were applied to the population and to the partisans. The whole population of the villages from old to small was taken to German camps in the town of Lepel. Cattle, food and other property were confiscated by the Germans.

(illegible)

Besides, during this expedition the Germans took 15 men, including me, from our village Gadivlya of Svyada village council of Lepel district, drove us two kilometers away from our village, made a search, after that ordered us to stand one by one, hold hands tightly and in such an arrangement forced us along the mined area by partisans.

Passing through the mined area, 4 people from our group died on mines, that is PYTKO Mikhail Mikhailovich, KOZAK Nikifor Pavlovich, PEREDNYA Konstantin Vikentievich, YUKHNOVSKY Vladimir Romanovich. In addition, 3 people were concussed, including me, the other 8 people who were unharmed, the Germans kept pushing further, up to the border of the mined areas, well these 8 people remained unharmed.

QUESTION: Do you know the name of these German units that committed cruelties against the civilian population?

ANSWER: I cannot tell you the name of these German military units that committed atrocities against us.

From my words it is recorded accurately and it was read to me.
KUNCHEVSKY

Interrogated by (illegible) of the City Department of Lepel Ministry of Internal Affairs.
LIEUTENANT BOBYLEV

Copy of the copy is true: SECRETARY OF THE LEPEL MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS (illegible) (signature)

Seal: illegible.

При обнаружении мин мирных жителей заставляли становиться на них ногой под угрозой расстрела. Из протокола допроса Полины Филипповны Медюшко от 21 апреля 1948 г.:

When mines were discovered, civilians were forced to stand on them with their foot under threat of being shot. From the protocol of the interrogation of Polina Medyushko of April 21, 1948:

Не пройдя 2-3 дня после их приезда в нашу деревню, они ежедневно рано утром примерно в 4 часа приходили в квартиру забирали женщин, группой 10 человек, в том числе и меня и гнали под оружием, шеренгой по дороге идущей на город Улла, с целью обнаружения мин. Перед тем покуда гнать по заминированной дороге, нам один немец разговаривавший по русски говорил, что вы должны будите идти по заминированной дороге и в случай обнаружения мины, вы должны становиться на ее ногой, а в случай не будите выполнять этот приказ то вы будите расстреляны. Участок, который был предназначен нам ежедневно проходить был расстоянием 4 километра. Случаев взрыва мины в период нашего прохода не было.

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 2667. Л. 131
National Archive of the Republic of Belarus. F. 1363. Op. 1. D. 2667. L. 131

After 2–3 days after they arrived in our village, every day early in the morning at about 4 o'clock, they came to the house, took the women, a group of 10 people, including me, and forced them, under arms, in a row along the road to the town of Ulla, in order to find mines.

Before driving on the mined road, we were told by a German speaking Russian that you would have to walk along the mined road and if a mine was found, then, we would have to stand on it with our feet. In case we fail fulfilling this order, we would be shot.

The section that was assigned to us every day was a distance of 4 kilometers. There were no mine explosions during our passage.

Использование химических и отравляющих веществ

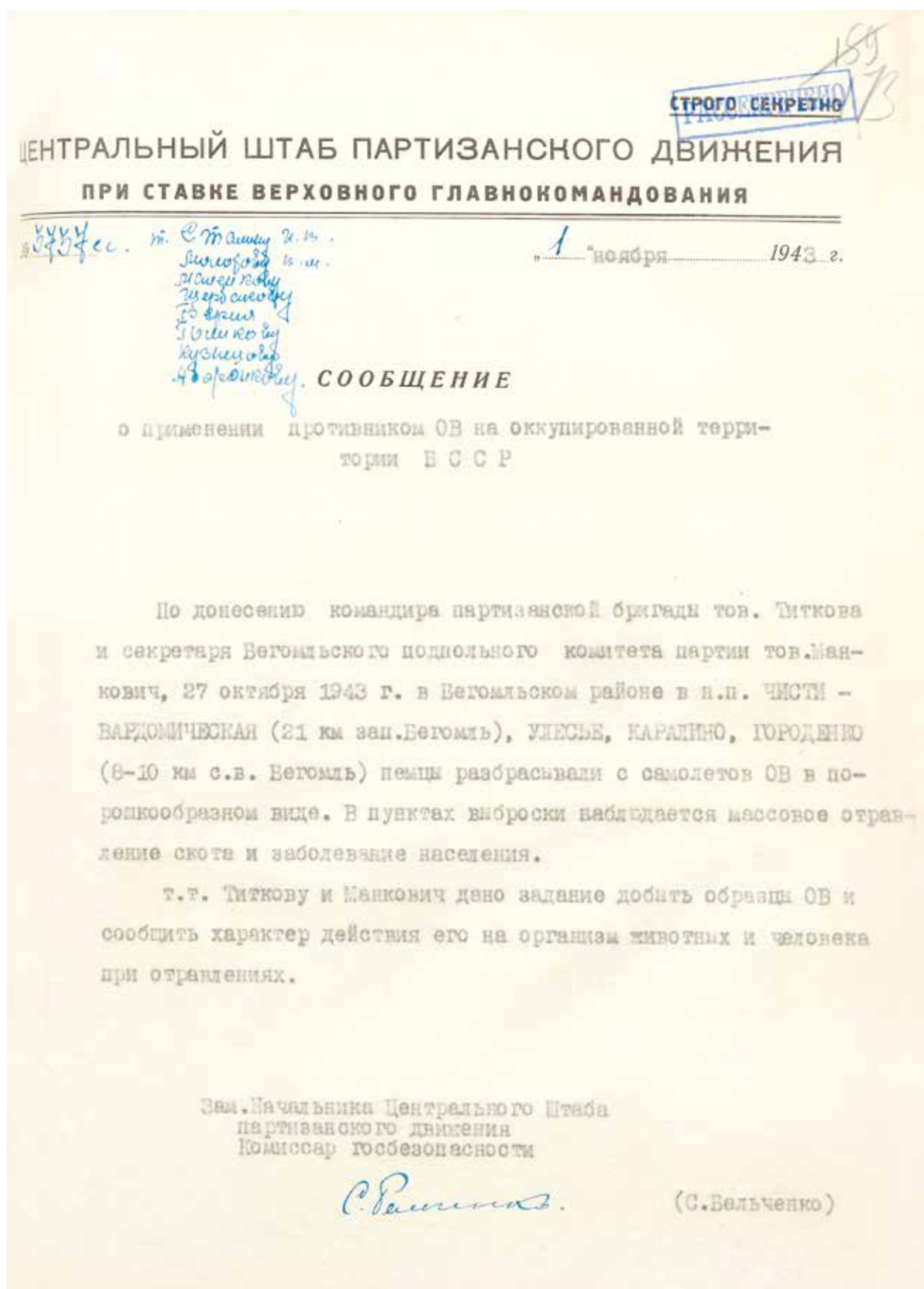
The use of chemical and poisonous agents

В ходе работы в Российском государственном архиве социально-политической истории обнаружен документ, свидетельствующий о применении нацистами отравляющих веществ в отношении мирного населения.

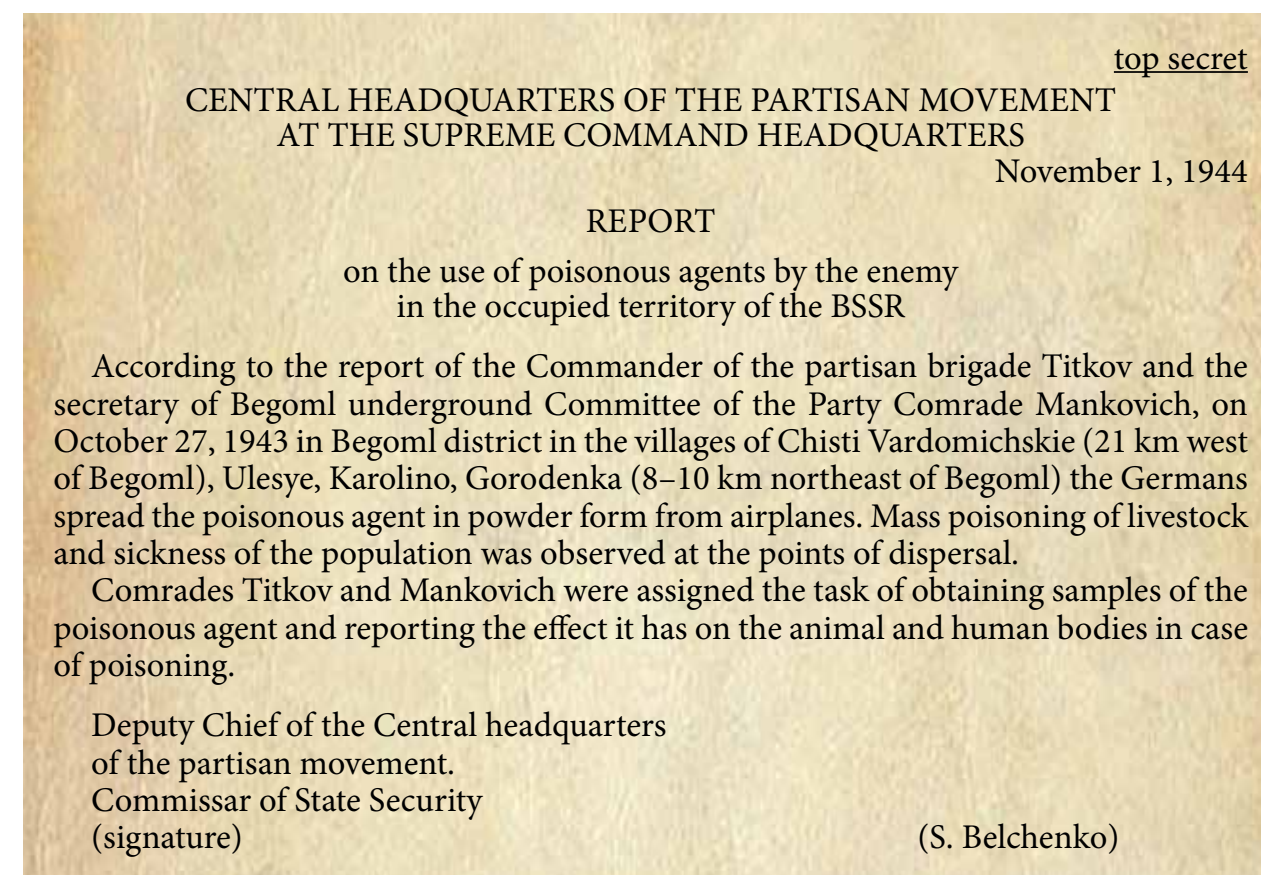
Согласно сообщению заместителя начальника Центрального штаба партизанского движения комиссара госбезопасности С. Бельченко 27 октября 1943 г. в Бегомльском районе в деревнях Чисти Вардомские (21 км западнее Бегомля), Улесье, Каролино, Городенка (8–10 км северо-восточнее Бегомля) немцы разбрасывали с самолетов отравляющие вещества в порошкообразном виде. В пунктах выброски наблюдалось массовое отравление скота и заболевание населения.

In the course of work, a document was found in the Russian State Archive of Social and Political History testifying that the Nazis had used poisonous agents against civilians.

According to the report of the deputy head of the Central headquarters of the partisan movement, Commissar of State Security S. Belchenko, on October 27, 1943, Germans spread poisonous chemicals in powder from planes in the villages of Chisti Var-domskie (21 km west of Begoml), Ulesye, Karolino, Gorodenka (8–10 km northeast of Begoml) in Begoml district. Mass poisoning of livestock and sickness of the population were reported at the places of spreading.

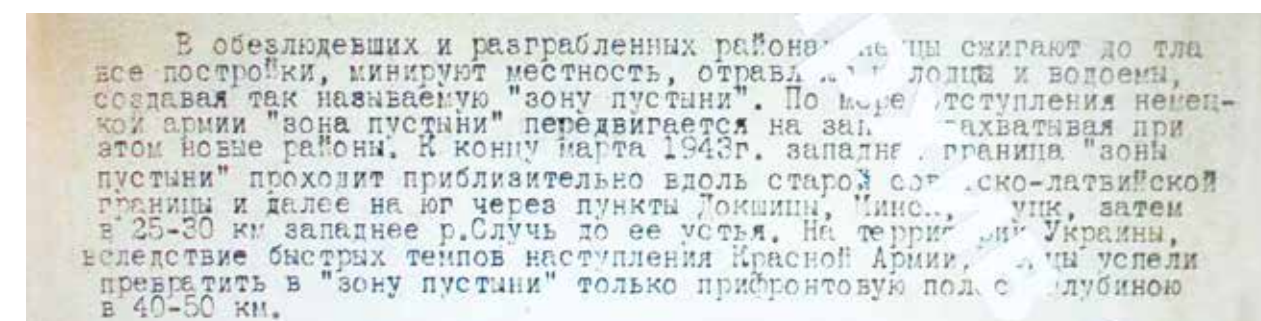

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 69. Оп. 1. Д. 22, ч. 1. Л. 173
Russian State Archive of Social and Political History. F. 69. Op. 1. D. 22, ch. 1. L. 173

При совершении карательных операций помимо уничтожения всех построек, убийства населения, сожжения населенных пунктов нацисты отравляли колодцы с водой.

During punitive operations, in addition to the destruction of all buildings, murder of the population, and burning of villages, the Nazis poisoned water wells.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 100. Л. 1-52
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 100. L. 1-52

In areas that have been depopulated and robbed, the Germans burn all buildings to the ground, mine the area, and poison wells and reservoirs, creating a so-called "desert zone". As the German army arrives, the "desert zone" moves westward, covering new areas. By the end of March 1943, the western border of the "desert zone" runs approximately along the old Soviet-Latvian border and further south through Dokshitsy, Minsk, Slutsk, then 25–30 km west of the river Sluch to its mouth. On the territory of Ukraine, due to the rapid advance of the Red Army, the Germans had time to turn into a "desert zone" only the front line 40–50 km deep.

Истребление детей

Десятки тысяч белорусских детей были безжалостно уничтожены нацистами невзирая на свой возраст. Некогда декларируемая в массы политика нацистов о якобы имевших место планах «онемечивания» славянских детей не имела ничего общего с реальностью. Они наряду со взрослыми подвергались массовому истреблению, направлению на принудительные работы, использованию в качестве доноров.

Из протокола допроса Ипполита Семеновича Бастуна от 11 февраля 1945 г.: «Когда полиция пришла к нам, трехлетний ребенок, понимая, что его хотят убить, начал просить мою жену: «Бабушка, скорее, скорее, спрячь меня». Она схватила его и побежала с ним в соседний дом. Но полиция их догнала, начали ребенка вырывать из ее рук. Ребенок кричал: «Бабушка, бабушка, я твой, не отдавай меня». Его бросили на воз, отвезли за город к реке Припяти, где и расстреляли. Через три недели после расстрела мы его нашли: череп был разбит, так как, очевидно, его убили ударами приклада. Глазки выскочили из орбит и висели на лице» [1].

Extermination of children

Tens of thousands of Belarusian children were mercilessly exterminated by the Nazis regardless of their age. The policy of the Nazis proclaimed to the masses about the supposed plans of "Germanization" of Slavic children had nothing to do with reality. They, along with adults, were subjected to mass extermination, sent to forced labor, and used as donors.

From the protocol of the interrogation of Ippolit Bastun of February 11, 1945: "When the police came to our house, a three-year-old child, realizing that they wanted to kill him, started begging my wife: "Granny, quick, quick, hide me". She grabbed him and ran with him to a neighboring house. However, the police caught up with them and started to grab the child out of her hands. The child shouted: "Granny, Granny, I'm yours, don't give me away". They threw him on a cart and took him outside the city to the Pripyat River, where they shot him. Three weeks after the shooting we found him: his skull was crushed, as he was obviously killed by butt blows. His eyes had popped out of their orbits and were hanging from his face" [1].

"Одна женщина подошла со своим ребенком к полицейскому, стоявшему на посту и обратилась со следующими словами: "Спасите моего ребенка, он у меня русский". Ребенок уцепился за шею матери и сквозь слезы кричал: "Нет, мама, никуда я не пойду, я хочу быть с тобой вместе". Тому ребенку было не более 5 лет. Стоявший поблизости эсэсовец-немец спросил, о чем говорят мать и ребенок. Ему перевели, что говорили ребенок и мать. Тогда немец велел этой женщине-матери рыть яму. И когда яма была готова, он велел женщине положить туда ребенка и засыпать его землей. Своего ребенка мать засыпать не могла. Тогда немец облил ребенка бензином и зажег его. Стоявшая здесь мать сошла с ума. Голая она побежала по всему полю. Стоявшие здесь немцы смеялись и стреляли по ней из винтовок и автоматов, кто первый попадет".

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 125. Д. 171. Л. 45-46
Russian State Archive of Social and Political History. F. 17. Op. 125. D. 171. L. 45-46

"A woman with her child came to a policeman standing at a checkpoint and appealed with the following words: "Save my child, he is Russian". The child grabbed onto the mother's neck and cried out tearfully: "No, mom, I'm not going anywhere, I want to be with you". This child was only 5 years old. A German SS officer who was standing nearby asked what the mother and child were talking about. They translated what the child and the mother were speaking about. Then the German told this woman-mother to dig a hole. And when the hole was ready, he told the woman to put the child in it and cover it with earth. The mother could not put her own child in the ground. Then the German poured gasoline on the child and set it on fire. The mother, who was standing there, went crazy. Naked she ran all over the field. The Germans were laughing and shooting at her with rifles and machine guns, who would be the first to hit".

" У немецкого ротмистра работли на конюшне один конюх и два мальчика-помощника. Однажды лошадь, отбившаяся от табуна, побежала через огород. Это увидел комендант Эйхе. В наказание за это он велел двух мальчишек-помощников конюха привязать к седлу лошади, на вторую лошадь посадил старшего конюха и приказал гнать первую лошадь с волочащимися по земле мальчиками вперед. Оба мальчика таким путем были разодраны на куски мяса. Когда родители этих мальчиков увидели, они упали перед Эйхе на колени и просили отдать им останки их детей, чтобы попрощаться с ними и похоронить их. Эйхе ответил: "Не спешите, у вас еще есть дети. Когда я сделаю такую же процедуру с последним, тогда не только разрешу попрощаться, но и отправлю вас вместе с ними".

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 125. Д. 171. Л. 48
Russian State Archive of Social and Political History. F. 17. Op. 125. D. 171. L. 48

"A German captain had one stableman and two boy helpers working in the stables. One day, a horse, separated from the herd, ran through the garden. Commandant Eiche saw this. For punishment, he ordered the two boys-assistants of the stableman to be tied to the saddle of the horse, sent the chief stableman to the second horse and ordered him to drive the first horse with the boys dragging on the ground forward. Both boys were thus stripped to pieces. When these boys' parents saw, they fell on their knees before Eiche and asked him to give them the remains of their children to give them a farewell and bury them. Eiche replied: "Don't hurry, you have more children. When I do the same with the last one, then not only will I allow you to say goodbye, but I will kill you with them".

Дети уничтожались мучительно и беспощадно. В Лепельском районе в начале 1943 г. нацисты выбрасывали грудных детей на мороз, обрекая их на долгую и мучительную смерть.

Children were exterminated mercilessly and tortuously. In early 1943, in Lepel district, the Nazis threw babies out into the cold, condemning them to a long and painful death.

В январе-марте 1943г., в связи с наступлением Красной Армии и активной деятельностью партизан, оккупанты еще более усилили террор против мирного населения. Из прифронтовой полосы глубиной 150-300 км немецкие власти угоняют в тыл или увозят на работу в Германию все трудоспособное население. Исключение делается только для вступающих в полицию и мобилизованных в антисоветские воинские части. Уклонявшиеся от переселения в тыл или от поездки в Германию, а также больные, старики, дети, не могущие идти пешком в тыл, подвергались беспощадному истреблению. Например, в январе 1943г. в деревнях Слободка, Кривцы, Нуничи, Лепельского района (БССР) немцы выбрасывали грудных детей в суровые морозы на снег, обрекая их на верную смерть. В том же районе немцы загоняли женщин и детей в прорубь. В районе Себеж-Освеж-Дрисса немецкие карательные отряды и латвийские полицейские батальоны, вооруженные пулеметами, минометами, артиллерией, при поддержке авиации уничтожили десятки населенных пунктов, убили тысячи жителей, из них многие сотни были за-

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 100. Л. 1-52
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 100. L. 1-52

In January–March 1943, due to the Red Army attack and the active work of the partisans, the occupiers intensified the terror against the civilian population. From the front line of 150–300 square kilometers, the German authorities took all working-age population to the rear or took them to work in Germany. An exception is made only for those who joined the police and were mobilized into anti-Soviet military units. Those who evaded relocation to the rear or going to Germany, as well as the sick, the elderly and children who could not walk to the rear, were mercilessly exterminated. For example, in January 1943 in the villages of Slobodka, Krivtsy, Nunichi in Lepel district (BSSR) the Germans threw infants into the snow in severe frosts and sentenced them to certain death. In the same district the Germans drove women and children into ice-holes. In the area of Sebez – Osveya – Drissa, German punitive units and Latvian police battalions armed with machine guns, mortars, artillery, with the support of aviation destroyed dozens of settlements and killed thousands of inhabitants.

w21
53

А К Т

1946 год 12 апреля 12 дня г. МШЛК Витебской области.

Комиссия по вскрытию могил зверски расстрелянных граждан немецко-фашистскими захватчиками во время их оккупации 1941-1942 г.г., в составе: Председателя Комиссии прокурор Клязского района тов. ШКОТОВА, нач. НКВД Клязского района тов. КРИВЦА, начальника НКВД капитана ЛАВРИАНСКОГО, эч. поед. Губернатора тов. КАШЕВНИКО и граждан г. Клязска Заделя Владимира и ЛЕВЕНА. Кондрат 12 апреля 1946 года произвел осмотр могил и находящихся в канаве г. Клязска в яму между мостом и воен. городком, в которых находилось 6 ям. По размеру 1-я могила длиной 42 метра и шириной 4 метра, в которой находится расстрелянных граждан 1000 человек, 2-я яма длиной 32 м. и шириной 4 метра, в которой находится 1300 расстрелянных граждан, 3-я яма длиной 32 метра и шириной 3 метра в этой яме расстреляно 700 человек, 4-я яма длиной 30 метров шириной 4 метра, в ней находится убитых граждан 400 человек, 5-я яма длиной 15 м. шириной 3 метра, в этой яме расстреляно 600 чел. граждан, 6-я яма, находящаяся в стороне от вышеуказанных ям в которой обнаружено зверски замученных и убитых 48 человек детей от 2-х 3-х месяцев и до 16 лет. Возраст. Кроме этого на расстоянии 2-х км. от г. Клязска около леса "Остров" обнаружены могилы размещен в длину 36 метр. и шириной 4 метра, в которой расстрелянных граждан 1000 чел. и всего, как установлено комиссией расстреляно немецко-фашистскими захватчиками мирных на в чем не повинных граждан, главным образом из белорусского населения 5168 человек.

При раскопке ям в канаву врыты всевозможные предметы, принадлежащие расстрелянным: детские башмаки, часы, детские игрушки, так же мужские и женские носовые платки, а также, больше всего установить не удалось возможности, так как все человеческое тело разложено в результате продолжительности времени.

В подтверждение достоверности, что дети были расстреляны и убиты в канаве, есть подтверждение граждан Заделя Владимира и ЛЕВЕНА КАНДРАТА.

При раскопке могил. Трупы граждан были обгоревшие, обгоревшие и пригнанные к яму.

Акт подписали:

А. Шкотов
Ю. Кривца
Н. Лаврианский
В. Кашевник
Заделя
Левен

A C T

April 12, 1945 city of Kletsk, Baranovichi region

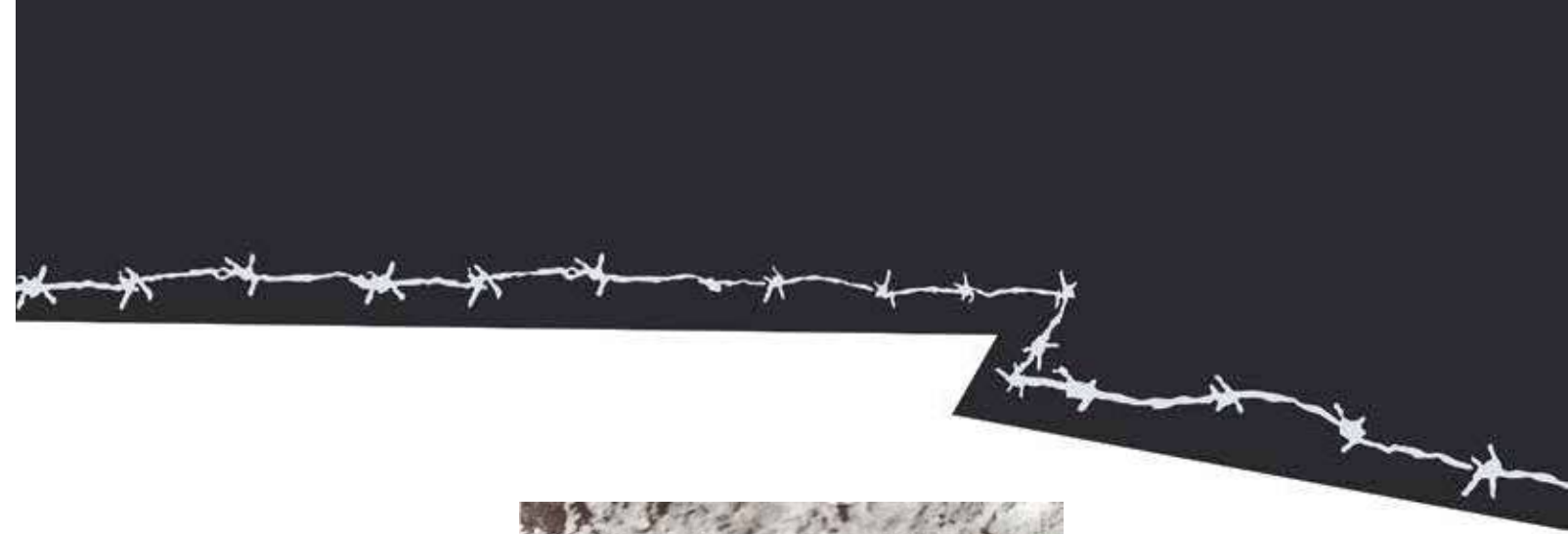
The commission on opening the graves of brutally executed citizens by German fascist monsters during their occupation from 1941 to 1943, consisting of: Chairman of the commission, prosecutor of the Kletsk district Comrade PIROGOV, Chief of the NKVD, Captain Comrade ZHILKIN, Chief of the NKVD, Captain LOPUSHANSKY, Deputy Chairman of the City Council Comrade KASHETSKY, and citizens of the town of Kletsk ZADAL Vladimir and LEMESH Kondrat on April 12, 1945 inspected the graves located in the city of Kletsk. There seemed to be six graves. The size of the first grave is 42 m long and 4 m wide, it contains 1,030 executed people, the second pit is 32 m long and 4 m wide, which contains 1,300 executed citizens, the third pit is 32 m long and 3 m wide, in this pit 720 people were shot, the fourth pit is 20 m long and 4 m wide, there are 470 executed citizens in it, the fifth pit is 15 m long and 2 m wide, 600 citizens were executed in this pit, the sixth pit is located to the side from the abovementioned pits, 48 children from two months to 16 years old who were brutally tortured and buried alive have been located in it. In addition, at a distance of 2 km from the city of Kletsk, near a forest, a grave with dimensions of 36 m long and 4 m wide was discovered in which 1,000 citizens were shot. And in total, as established by the commission, 5,158 innocent citizens were shot by German fascist invaders.

During the excavation, as evidence of all the atrocities committed by the Germans against the civilian population, children's shoes, skulls of children's heads, as well as male and female undecayed hair and bones were found in the pits; it was not possible to establish anything else, as all human remains decayed over a long period of time.

Confirmation of the evidence that the children were shot and buried alive in the grave. There is confirmation by eyewitnesses, citizens Zadal Vladimir and Lemesh Kondrat.

During the excavation of the graves courses of citizens, photographs were sorted and attached to the act.

The act was signed: (signature)

Національний архів Республіки Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 2. Л. 53-55
National Archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 2. L. 53-55

На снимке:

Извлеченные из могилы № 4

гиль детей. Фото майора Г. Общечева А.А.

Національний архів Республіки Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 33. Л. 93-93об
National Archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 33. L. 93-93ob

In the photo:
Seven children extracted from grave No. 4. Photo by Major A. Obshechev

На ешике !
Труп ребенка в возрасте 6 месяцев
(могила № 4)
сфотографировал Обшчев А.И.
Пом. Вн. З. Армии
Масор [signature]

Національний архів Республіки Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 33. Л. 97-97об
National Archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 33. L. 97-97ob

In the photo:
Corpse of a child aged 6 months (grave No. 4).
Photo of Major A. Obshchev.
Assistant (illegible) 70th Army
Major of Justice (signature)

Незадолго до освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков нацистские оккупанты совершили очередной акт геноцида. В ночь с 3 на 4 июля 1944 г. нацисты собрали мирное население Слонима, среди которых были старики, женщины и дети. Взрослых расстреливали, а детей, как следует из акта ЧГК о гитлеровских злодеяниях на территории Слонимского района от 19 июля 1944 г., бросали в яму живыми.

Not long before Belarus was liberated from the Nazi invaders, the Nazi occupants committed another act of genocide. On the night from 3 to 4 July 1944, the Nazis gathered citizens of Slonim, including old men, women and children. Adults were shot, and children were thrown into the pit alive, as it follows from the report of the Extraordinary State Commission on Hitler's crimes on the territory of Slonim district of July 19, 1944.

18-19 июля 1944г. раскопали одну из массовых могил мирных граждан гор.Слонима и Слонимского района, разбросанных по всему району жертв зверски замученных немецко-гитлеровскими извергами. В раскопанной яме на Петралевичской горе, что в километре от города Слонима и Слонимского района, которые как установлено судебно-медицинской экспертизой, зверски убиты в ночь с 3 на 4 июля 1944г. На могиле во время раскопки находились многие родственники жертв фашизма. Среди убитых обнаружены: врач-хирург Журавлева Екатерина Павловна с двумя дочками 5-7 лет Юлией и Валерией, зубной врач Чернявская Ольга Назаровна с 3-мя сыновьями 2-5 лет Валерием и Анатолием, врач кожно-венерических болезней Эйцев Дмитрий, инженер Сергеева Тамара, Главбух Правления Слонимских Лесозаводов Ничипорович Иван Константинович, Управдом Уилуправления Домбровский Казимир, его жена Мария, Завед.складом Городской Управы Соболевский Иван, фотограф Шадевский Марьян, сапожник Тибур Казимир, житель города Слонима Филитович Федор Федорович и его семья: жена Вера Ивановна, сыновья Евгений и Валентин и дочь Люба, Рабцевич Вера, Малиновский Антон Александрович, Малиновская Мария, Слюсарчик Иосиф Францевич, Слюсарчик Люцина Константиновна и дочь Алиция, Борисевича Юльян, Борисевич Екатерина, Мария Булат, крестьянка дер.Гловсевичи Тихон Анна Александровна, ее сын семинарист Слонимской учительской семинарии Тихон Сергей Николаевич, крестьянка дер.Хоршевичи Лазарь Софья Прокофьевна, семинаристы Слонимской учительской семинарии:Пытляк Иван, Стулевич Аркадий, Кот Николай и много других.При осмотре трупов обнаружено, что у всех жертв руки завязаны назад проволокой, почти все убиты выстрелом в затылок, большинство детских жертв брошены в яму живыми, об этом говорит отсутствие пулевых ран.Трупы в яму свалены как попало, большинство были раздеты и разуты, с большими кровоподтеками и синяками на теле, что говорит об чудовищных издевательствах -

Національний архів Республіки Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 2. Л. 166
National Archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 2. L. 166

On July 18–19, 1944 one of the mass graves of civilians of the town of Slonim and Slonim district, spread all over the district of victims brutally tortured by the Nazi Hitler's monsters, was excavated. In the excavated pit on Petralevichy Hill, a kilometer away from the town of Slonim and Slonim district, the victims were brutally murdered on the night of July 3–4, 1944. Many relatives of the victims of fascism were at the grave during the excavation. Among the murdered were found: doctor-surgeon Zhuravleva Ekaterina Pavlovna with two daughters 5–7 years old Yulia and Valeria, dentist Chernyavskaya Olga Nazarovna with two sons 2–5 years old Valery and Anatoly, doctor of skin and venereal diseases Zaitsev Dmitry, engineer Sergeeva Tamara, Nichiporovich Ivan Konstantinovich, chief accountant of the Board of the Slonim timber factories, Dombrovsky Kazimir and his wife Maria, Sobolevsky Ivan, head of the storehouse of the City Administration, Shadevsky Marian, photographer, Tibura Kazimir, shoemaker, Filitovich Fedor Fedorovich, a resident of Slonim, and his family: wife Vera Ivanovna, sons Evgeny and Valentin and daughter Luba, Rabtsevich Vera, Malinovsky Anton Aleksandrovich, Malinovskaya Maria, Slusarchik Joseph Frantsevich, Slusarchik Lucina Konstantinovna and daughter Alicia, Borisevich Yulian, Borisevich Ekaterina, Bulat Maria, peasant woman from the village of Glovsevichi, Tikhon Anna Aleksandrovna and her son, a seminarian of the Slonim teachers' seminary Tikhon Sergey Nikolaevich, Lazar Sofia Prokofievna, a peasant woman from the village of Khoroshevichi, seminarians of the Slonim teachers' seminary: Pytlyak Ivan, Stulevich Arkady, Kot Nikolai and many others. Examination of the corpses revealed that all the victims had their hands tied back with a wire, almost all of them were shot in the back of the head, most of the child victims were thrown into the pit alive, as evidenced by the absence of bullet wounds. The corpses were piled in the pit randomly, most of them were naked and with no shoes, with large bruises and blood on their bodies, indicating that they had been horribly abused.

*Труп ребенка раскопанного
на Петралебской горе Слоним-
ского р-на раб. 4. VII. 1944 г.
фото 19. VII. 1944 г.*

A child's corpse dug out on Petralevichy
Hill in Slonim district.
Digging 4.VII.1944
Photo 19.VII.1944

Національний архів Республіки Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 2. Л. 176
National Archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 2. L. 176

Потерпевшей по уголовному делу о геноциде белорусского народа Я.С. Жигаловой было 6 лет, когда нацист со смехом бросил в погреб, в котором она пряталась с сестрой и другими детьми, две гранаты, а потом поджег дом.

The victim on the criminal case of genocide of the Belarusian people Ya. Zhigalova was 6 years old when the Nazi laughing threw two grenades into the cellar where she, her sister and other children were hiding, and then he set the house on fire.

Советский солдат, который стрелял по немцам. По нашему дому стреляли немцы, загорелось гумно, в окнах в доме от пуль были разбиты все стекла. Всех детей мама спрятала за печку, чтобы пули не попали в нас, в доме тогда находились моя сестра Мария, брат Юзеф, сестра Сабина. Когда начало свистать бой не прекращался, тогда мама сказала, чтобы мы все бежали в соседский дом к Коробком и прятались в погреб. Мы побежали, Сабина была старшей сестрой, она нас и отвела, мама и папа с нами не пошли. У соседей Коробко, было еще четверо детей, их мама нас всех посадила в погреб, туда также сбросила подушки, одеяла и какое-то имущество, видимо чтобы что-то спасти. Мы все дети сидели в погребе и сильно держались за шнурок закрепленный на крышке погреба, чтобы его кто не смог открыть. В какой-то момент кто-то сильно дернул за крышку погреба с наружи и мы не смогли удержать, крышка открылась. Мы нас смотрел немец, он увидел, что в погребе дети и засмеялся, мы были в ужасе, а у него на лице был смех, довольное выражение лица и этот смех я не могу забыть до настоящего времени. Немец смотря на нас что-то бросил к нам внутрь погреба, тогда мы не понимали, сразу произошел взрыв, это была граната, нас можно сказать спасло то, что она попала в подушки и одеяла, нас задела осколки и пошло задымление. Все дети начали выбираться из погреба, а немец наблюдал за этим, мы видели, что он стоял на верху погреба в проходе. Кто-то заметил, что немец бросил еще одну гранату, он бросал ее к нас в отверстие погреба, но граната не попала и разорвалась на верху, мы еще не успели на тот момент выбраться. Когда сверху погреб начал гореть мы вылезли из погреба и от страха разбежались в разные стороны. Когда я вылезла из погреба, то сама хорошо видела, как немец, который бросал в погреб гранаты взял от погреба горячее бревно и забросил его на соломенную крышу дома Коробко, крыша сразу же загорелась, а в последующем сгорел весь дом. Я с сестрой Марией убежали вместе и спрятались в какой-то канаве, помню, что мы все были ободранные, у сестры от взрыва в погребе на спине было около 9 глубоких ран из которых шла кровь, а в голове торчал осколок металла. На тот момент сестре Марии было примерно 6 лет, а мне 7 лет, что мы не плакали, т.к. боялись, что нас увидят и тихонько сидели, сколько

Жигалова

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Протокол допроса потерпевшей Я.С. Жигаловой
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. The protocol of the interrogation of the victim Ya. Zhigalova

A Soviet soldier who shot at the Germans. The Germans were shooting at our house, the barn caught fire, the windows in the house were broken by bullets. My mother hid all the children behind the stove so that the bullets would not hit us, my sister Maria, my brother Jozef and my sister Sabina were in the house. When it was getting dawn, the fighting didn't stop, then my mother told us to all to run to the neighbor's house Korobko and hide in the cellar. We ran, Sabina was the older sister, she took us, and mom and dad did not come with us. The neighbors Korobko had four children, their mother put us all in the cellar. She also threw pillows, blankets and some property there, apparently to save something. We all children sat in the cellar and held on tightly to the cord fastened to the cellar lid so no one could open it. Suddenly someone pulled hard on the cellar lid from the outside, and we couldn't hold on and the lid opened. The German was looking at us, he noticed that there were children in the cellar and laughed, we screamed in terror, and he had a smile on his face, a pleased expression on his face and I cannot forget that laugh until now. The German looked at us and threw something to us inside the cellar, then we did not understand, and immediately there was an explosion, it was a grenade, we can say we were saved because it burst into the pillows and blankets, we were hit by fragments and there was smoke. All the children were getting out of the cellar and the German was watching, we saw him standing on top of the cellar in the passage. Somebody noticed that he threw another grenade, he threw it to us in the cellar opening, but the grenade did not hit and exploded on the top, we did not have time to get out at that moment. When the cellar began to blaze from above, we crawled out of the cellar and rushed in different directions out of fear. When I climbed out of the cellar, I personally saw how the German, who was throwing grenades into the cellar, took a hot log from the cellar and threw it on the straw roof of Korobko's house, the roof immediately caught fire, and later the whole house burnt down. My sister Maria and I ran away together and hid in some ditch, I remember that we were all skinned, my sister had about 9 deep wounds on her back from the explosion in the cellar, which bled, and there was a metal piece sticking out of her head. At that time my sister Maria was about 6 years old and I was 7 years old, we were not crying because we were afraid of being seen and sat quietly for as long as we could.

Ныне живущие очевидцы геноцида являлись очевидцами зверств, при описании которых в жилах стынет кровь. Так, например, потерпевшая Ф.А. Габрусенок, 1934 г. р., рассказала о карательной операции «Зимнее волшебство», во время которой она была очевидцем сожжения мирного населения д. Миловиды Россонского района Витебской области. Потерпевшая сообщила, как нацисты бросали живых младенцев в огонь, а многие другие мирные жители были угнаны в лагерь смерти.

The living eyewitnesses of the genocide had witnessed atrocities, the description of which makes the blood curdle. For instance, the victim F. Gabrusenok, born in 1934, spoke about the punitive operation "Winter Magic", when she witnessed how the people of Milovidy village, Rossony district, Vitebsk region, were burnt down. The victim testified that the Nazis threw live babies into the fire, and many other civilians were taken to death camps.

Стенограмма допроса потерпевшей Габрусёнок Ф.А. от 16.06.2021:

В настоящее время я постоянно проживаю по указанному выше адресу одна. Во время Великой Отечественной войны я вместе с мамой Плющик Евдокией Дмитриевной. Спустя несколько лет после начала войны, в каком именно году не могу сказать, немецкие солдаты проводили карательные операции, жгли и расстреливали мирных жителей. При этом я помню, что местное население пряталось в лесах. Мы с мамой тоже прятались в лесу, жили в землянке. В один из дней весны, когда не помню, была облава в лесу с собаками и нас схватили, после чего погнали в д.Миловиды Россонского района, где загнали в какой-то сарай, а утром нас выгнали на улицу и стали делить на две шеренги. Здоровых и молодых людей, а также детей постарше ставили в одну шеренгу. Больных, слабых и маленьких детей, младенцев - в другую. Потом всех людей из второй шеренги загнали в сарай и сожгли. Я хорошо помню, что младенцев просто забрасывали в огонь, забирая у матерей. Было очень страшно. После всех, кого оставили в живых, а также скот погнали в направлении железной дороги. Точно я не помню, но то ли в г.Полоцке, то ли в Верхнедвинске нас загрузили в вагоны и вывезли в Латвию в Ригу, где я и мама были отправлены в концлагерь «Освенцим». Сколько времени мы там находились, я не помню. Знаю только, что взрослых гнали на какую-то работу, а дети оставались в бараках. У нас брали кровь, но как часто, я уже не помню. Помню, что есть было нечего, кормили очень плохо, использовали для нас мясо павших животных. Спали мы прямо на полу, застеленном соломой. Иногда нам бросали на пол бобы и это была наша еда. Ежедневно из барака выносили мертвых детей и хоронили прямо возле бараков, вырывая траншеи и закапывая их всех вместе. Нас никуда из бараков не выпускали. Было страшно, голодно. После отступления немцев детей стали разбирать латыши. После и матерей распределили к хозяевам. Мы какое-то время потеряли друг друга, то есть я и мама, но после, еще будучи в Латвии, мама нашла меня и уже в Беларусь мы возвратились вместе. Это все, что я помню сама, с мамой эту тему не обсуждали. Могу сказать, что мне, как ребенку все эти события причинили не только моральный, но и физический вред.

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Протокол допроса потерпевшей Ф.А. Габрусенок
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. The protocol of the interrogation of the victim F. Gabrusenok

Transcript of the interrogation of the victim F. Gabrusenok of 16.06 2021:

At present, I am permanently residing at the above address alone. During the Great Patriotic War I lived together with my mother Plushchik Evdokia Dmitrievna. A few years after the beginning of the war (in what year exactly, I can't say) German soldiers carried out punitive operations: they burnt and shot civilians. At the same time I remember that the local population was hiding in the forests. My mother and I were also hiding in the forest, we lived in a dugout. On one of the days of spring (I don't remember when) there was a raid with dogs in the forest and we were seized, after which we were driven to the village of Milovidy in the Rassony district, where we were driven into a shed, and in the morning we were driven outside and divided into two lines. Healthy and young people and older children were placed in one line. Sick, weak and small children and infants were put in another line. Then all the people from the second line were driven into the barn and burnt. I remember well that babies were simply thrown into the fire, taken away from their mothers. It was really horrible. After all those who were left alive and the cattle were driven in the direction of the railroad. I don't remember exactly, whether in the town of Polotsk or Verkhnedvinsk, we were loaded into wagons and taken to Latvia and Riga, where my mother and I were sent to the Auschwitz concentration camp. I don't remember how long we were there. I just know that the adults were driven to some kind of work, and the children stayed in the barracks. They took blood from us, but I don't remember how often. I also remember that there was nothing to eat. They fed us very poorly, they gave us meat from dead animals. We slept on the floor with straw. Sometimes beans were thrown on the floor, and that was our food. Every day dead children were taken out of the barracks and buried right next to the barracks by digging trenches and burying them all together. We were not allowed out of the barracks. It was scary and hungry. After the Germans retreated, the children were taken away by Latvians. Then mothers were assigned to their hosts as well. We lost each other for some time, that is me and my mother, but afterwards, while still in Latvia, my mother found me and we returned to Belarus together. That's all I remember myself. We did not discuss this topic with my mom. I can say that as a child, all these events caused not only moral but also physical harm to me.

Массовый угон в рабство

Вторая мировая война руками нацистских преступников и их пособников создала особую категорию людей – оstarбайтеров. За данным названием стоит фактическое возвращение в эти годы признаков рабовладельческого строя.

В процессе осуществления политики геноцида на белорусской земле, направленной на тотальное уничтожение белорусского населения, нацисты в полной мере извлекали выгоду для собственных экономических и военных целей.

Немецкая оккупационная власть стала использовать трудовые ресурсы Беларуси с самых первых дней нахождения на захваченной территории. Всего за период Великой Отечественной войны на принудительные работы было угнано свыше 380 тысяч человек.

Нацисты никогда не изменяли своих планов по уничтожению белорусского населения. Но с целью придания видимости взаимодействия и сотрудничества с населением они использовали механизм добровольной вербовки для работы в Германии. При этом нацисты использовали обман и средства пропаганды для такой вербовки: в средствах массовой информации публиковались фальшивые письма оstarбайтеров, новости о их якобы красивой и зажиточной жизни в Германии, изготавливались плакаты с призывами ехать на Запад для получения образования и выгодного трудоустройства и т. д.

Карательные операции осуществлялись и с целью «наполнения» трудовых ресурсов рейха. Белорусский народ в подавляющем большинстве отвергал любое взаимодействие с оккупантами.

Так называемая «Новая Беларусь», за «строительство» которой так агитировали белорусские националисты, в реальности допускала охоту на людей с целью их насильственной трудовой эксплуатации, а в некоторых случаях и выплату за это денежного вознаграждения.

Sending people to slavery

During World War II, Nazi criminals and their collaborators put in place a special category of people – Ostarbeiters. This term refers to the actual recovery of slavery features at that time.

In the course of the implementation of the policy of genocide in Belarusian land, aimed at the total extermination of the Belarusian population, the Nazis fully benefited for their own economic and military purposes.

The German invasive power used the labor resources of Belarus from the very first days of their presence in the occupied territory. In total, over 380 thousand people were sent to forced labor during the Great Patriotic War.

The Nazis never changed their plans to destroy the Belarusian population. But in order to make an impression of cooperation and collaboration with the population, they used the mechanism of voluntary recruiting for work in Germany. The Nazis used fraud and propaganda means for such recruitment: the mass media published fake letters of Ostarbeiters, news about their so-called wonderful and prosperous life in Germany, made posters with the call to go to the West to get education and beneficial employment, etc.

Punitive operations were also performed to "fill up" the labor resources of the Reich. The majority of the Belarusian people rejected any interaction with the occupants.

Belarusian nationalists actively agitated for "building" the so-called "New Belarus", but in reality it allowed hunting people for the purpose of their forced labor exploitation and, in some cases, even paid them money for it.

Фиговый листок - "добровольной вербовки" давно сменился открытым насилием. Объявляются силовые мобилизации, а когда люди укрываются, бегут от уюта их в рабство на них, как на зверей устраивают облавы.

В Руднянском и Понизовском районах Смоленской области проводится мобилизация от 12 до 50 лет для отправки на работу в Германию.

В ночь на 28/VI.1943г. на деревни Храпуны и Боложа Понизовского района была устроена ночная облава. Все девушки были заарестованы и отправлены в немецкую неволю.

28 мая немцы оцепили базар в гор. Чаусы, Белорусская ССР, забрали всех от 17 до 40 лет, погрузили на машины и отправили в Германию.

Сплошная охота на людей устраивается в Гордеевском районе Орловской области. Пойманные отбираются и отправляются в Германию.

В Барановичскую область прибыла жандармская часть, Новогрудок 3000 человек, в Столбцы - полк для проведения тотальной мобилизации. Мобилизуются все рождения 1898-1927 года. В районах и городах создаются призывные комиссии, уклонившихся от мобилизации рассматривают как бандитов.

В гор. Калиновичи немцы ловят взрослых и отправляют в Германию. За пойманного человека платят 100 рублей.

НАЧАЛЬНИК ЗАПАДНОГО ШТАБА
ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ - ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА
ЗАПЕРФОНТА /Д. ПОПОВ/

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА СПЕЦИАЛЬНОЙ
ШТАБА /КРЫЛОВ/

Григорьев

89.
Вх. 10. 10. 10.

The fig leaf of "voluntary recruitment" has already been replaced by naked violence. Total mobilizations are announced, and when people flee from being captured into slavery, they are raided as if they were animals.

In Rudnya and Ponizovye districts of Smolensk region mobilization from 12 to 50 years old was carried out to send them to work in Germany.

On the night of 28/VI.1943 a night raid was arranged on the village of Hrapuny and Bolyka in the Ponizovye district. All girls were taken away and sent to German captivity.

On May 28 in the town of Chaussy, Belorussian SSR, all from 17 to 40 years old were taken away, loaded on cars and sent to Germany.

A total manhunt is organized in the Gordeevka district of the Orel region. Those who are caught are seized and sent to Germany.

A gendarme unit arrives in the Baranovichi region, Novogrudok - 3,000 people, Stolbtsy - a regiment to carry out total mobilization. All those born between 1898 and 1927 are mobilized. Recruitment commissions are established in districts and towns; those who evade mobilization are treated as bandits.

In the town of Kalinkovichi Germans catch adults and send them to Germany. They pay 100 rubles for a captured person.

Head of the Western headquarters of the partisan movement
Member of the Military Council of the Western Front
(D. Popov) (signature)

Head of the Special Information Department of the headquarters
(Krylov) (signature)

Кроме гласной вербовки населения для работы на предприятиях Германии, нацисты принудительно и под видом так называемой «эвакуации» отбирали население на принудительные работы в Германию в процессе карательных операций.

Так нацисты осуществляли отбор мирного населения для его последующей насильственной эксплуатации в качестве рабочей силы и, как следствие, истребления трудом.

С этим для А. Гитлера была связана идея максимального использования рабского труда подневольных народов. «...Если немецкий народ хочет занять достойное место в истории, он должен остаться именно народом-солдатом, - заявил фюрер 23 апреля 1942 г. - Если же из-за этого произойдет чрезмерный отток рабочей силы из экономики, то тогда нужно забрать рабочую силу из подвластных немецкому народу стран и заставить ее работать на нас» [1]. Эта мысль позднее породила дальнейшие рассуждения А. Гитлера: «Включение 20 миллионов дешевых иностранных рабочих в экономический процесс в Германии принесло прибыль гораздо большую,

Besides publicly recruiting the population to work in German factories, Nazis forcibly and under the guise of so-called "evacuation" took the population for forced labors in Germany in the course of punitive operations.

This is how the Nazis selected civilians for their later forced labor exploitation and consequent extermination by labor.

Hitler linked this to the idea of maximum use of slave labor of forced peoples. "...If the German people want to take its worthy place in history, it must stay the soldier people, - said the Führer on April 23, 1942. - If this causes an excessive outflow of labor from the economy, then it is necessary to take the labor force from the countries subject to the German people and make them work for us" [1]. This idea later gave further considerations of A. Hitler: "Including 20 million cheap foreign workers into the economic process in Germany has brought a profit significantly greater than the debt of the Reich, which arose during the war. It is just necessary to calculate what profit can be derived from the fact that a foreign worker, unlike a German worker, does not receive 2000, but only

чем образовавшийся во время войны долг рейха. Нужно только высчитать, какую прибыль можно извлечь из того, что иностранный рабочий в отличие от немецкого получает не 2000, а 100 рейхсмарок в год» [1]. При реализации генерального плана «Ост» нацисты рассчитывали на дармовой труд подвластных им военнопленных и местных жителей, которых планировали использовать «колоннами».

Директивой рейхсмаршала Г. Геринга о насильственном уgone населения в Германию и конфискации скота и продовольствия в районах проведения операций против партизан от 26 октября 1942 г. предписывалось обеспечить массовый угон и эксплуатацию населения [17].

100 Reichsmarks a year" [1]. While implementing the General Plan "Ost", the Nazis counted on the free labor of prisoners of war and local residents subject to them, who were planned to be used in "columns".

The directive of Reichsmarshal G. Goering on the forced deportation of people to Germany and the confiscation of livestock and food in the areas of anti-partisan operations of October 26, 1942, ordered to ensure the mass deportation and exploitation of the population [17].

Рейхсмаршал
великогерманского Рейха
У Р. 187227 (6) 8.

Берлин, 26 октября 1942 года,
В 8, Лейпцигерштрассе 3.

Перевод с немецкого

Разослать

ОКВ — оперативный штаб.
ОКВ — хозяйственный отдел.
Главное командование
сухопутных войск (ОКХ)
Генеральный штаб ОКХ.
ОКХ — генеральная квартира
Начальник генерального штаба
Люфтваффе.
Рейхсфюрер СС.
Восточное министерство
Министерство продовольствия
Начальник (шеф) хозяйственного
штаба "Восток"
Генеральный уполномоченный
по использованию рабочей силы
Организация Тодта.
Германская трудовая повинность
Шеф-группа продовольствия.

При проведении усиленной борьбы против бандитской деятельности, согласно приказу фюрера, и очищения территории, в особенности территории тыла группа армий "Центр", я прошу учитывать изложенную ниже точку зрения, придерживаться ее и

- 2 -

сделать соответствующие выводы.

1) При подавлении бандитских групп и прочесывании зараженной ими территории одновременно следует угонять весь наличный скот в охраняемые районы, а также вывозить все продовольственные запасы с тем, чтобы они не попали больше в руки банд.

2) Все мужчины и женщины, которые могут быть использованы в какой-либо форме как рабочая сила должны принудительно мобилизовываться и представляться в распоряжение генерального уполномоченного по использованию рабочей силы для использования их на работах в тыловых контролируемых районах или в Германии.

Размещение детей в тыловых лагерях урегулировать особо.
(стр.148).

3) При осуществлении пунктов 1) и 2) настоящей директивы не обращать внимания на то, пострадает ли от этого сельскохозяйственное производство или прочая деятельность в этих районах или даже придет в упадок, так как и до сих пор эти зараженные бандитской деятельностью районы не давали никакой продукции, а только прямо или косвенно приносили пользу бандам.

Я прошу все учреждения, которых касается эта директива, если необходимо по взаимной договоренности, сделать все необходимое на подвластной территории с тем, чтобы поступали в духе отданной мной директивы.

О границах отдельных областей решить вопрос по догово-

Translated from German
Berlin, October 26, 1942,
at 8. Leipzigerstrasse 3.

Reichsmarshal of the Great German Reich
187227 (6) 8

Send this out

OKW – Operational Headquarters.
OKW – Economic Department.
General Command of Land Forces (OKH)
General Staff OKH
OKH – General Headquarters
Chief of General Staff
Luftwaffe.
Reichsführer SS.
Eastern Ministry
Ministry of Food
Head (chief) of the Economic Headquarters East
General Commissioner for the Use of Manpower
Todt Organization.
German Labor Conscription
Chief Food Group.

When conducting the increased struggle against bandit activity, in accordance with the Führer's order, and cleansing the territory, especially the rear area of Army Group Center, I kindly ask you to take into account the viewpoint set forth below, to follow it, and to draw the appropriate conclusions.

1) When suppressing bandit groups and searching the territory contaminated by them, remove all available livestock to the protected areas, as well as all food provisions so that it does not reach the hands of the gangs again.

2) All men and women who can be used in any form of labor force shall be forcibly mobilized and placed at the disposal of the Commissioner General for the Use of Manpower to be used for work in rear controlled areas or in Germany.

The placement of children in rear camps is to be regulated specifically.
(p.148).

3) When carrying out paragraphs 1) and 2) of this directive, pay no attention to whether agricultural production or other production in these areas will suffer or decline, since even hitherto these gang-infested areas have not yielded any production, but only directly or indirectly benefited the gangs.

I hereby ask all institutions concerned by this directive, if it is necessary by mutual agreement, do whatever is necessary in the territory under their control in order to act in the spirit of the directive I have issued.

Нацистские планы по массовой насильственной эксплуатации мирного населения претворялись в жизнь с «немецкой педантичностью». Из распоряжения начальника полиции безопасности и СД Остланда от 16 ноября 1942 г. следует: «Начальник СС и полиции Остланда переслал мне следующий приказ от 4 ноября 1942 г. за № 2050/42: «Рейхсфюрер СС приказал 3 ноября 1942 г. брать в плен все излишнее и трудоспособное население в районах действия банд, оккупируемых и прочесываемых нами. Оно должно быть направлено в Германию в качестве рабочих. Я предлагаю направить соответствующие указания командирам, с тем чтобы самым срочным образом докладывать мне о количестве захваченной рабочей силы после каждой проведенной операции прочесывания. Исходя из этого, я предлагаю устанавливать возможность направления в Германию каждого захваченного рабочего. Ежемесячно необходимо докладывать мне о количестве мобилизованной таким образом рабочей силы» [1].

Так называемая «эвакуация», а в действительности массовое истребление и порабощение населения, поручалась «особым» воинским подразделениям – карательным батальонам. В своих преступлениях нацисты опирались на содействие коллаборационистов из числа местных властей.

Одной из отличительных черт карательных операций нацистов являлась их внезапность для местного населения. В этой связи операции проводились рано утром, на рассвете, когда большинство жителей населенного пункта и так называемой нацистами «усмиряемой» территории мирно отдыхали в своих домах. Об этих фактах, к примеру, свидетельствует трофейный документ нацистов о привлечении 389-го охранного батальона к карательным операциям недалеко от г. Пинска.

The Nazi plans for the mass forced exploitation of the civilian population were implemented with "German meticulousness". From the order of the Chief of the Security Police and SD Ostland of November 16, 1942, it follows: *"The Chief of the SS and the Ostland Police forwarded me the following order of November 4, 1942, No. 2050/42: "On November 3, 1942, Reichsführer SS ordered to take prisoners of war all unnecessary and labor-capable population in the gang areas we occupied and searched. It shall be sent to Germany as workers. I propose to send relevant instructions to the commanders to report to me as soon as possible on the amount of captured workforce after each search operation. Accordingly, I propose to establish the possibility of sending each captured worker to Germany. Report me on the number of workers thereby captured on a monthly basis" [1].*

The so-called "evacuation" but in reality the mass extermination and enslavement of the population was entrusted to "special" military units – punitive battalions. In their crimes, the Nazis "relied" on the collaboration of local authorities.

Another feature of the Nazis' punitive operations was their unexpectedness for the local population. In this regard, the operations were carried out early in the morning, at dawn, when most of the citizens of the settlement and the so-called "pacified" territory were quietly resting in their homes. This fact is evidenced, for example, by a Nazi trophy document on the involvement of the 389th Guard Battalion in punitive operations near the city of Pinsk.

Полевая комендатура

Группа ВЕРФЕЛЬ
№ 609/44, 15.44г.

ОСНОВНЫЕ: Распоряжение Штаба 2 Армии № 6260/44 от 27.5.44г.
Директива 580 Управления войск охраны тыла
№ 036/44 от 4.6.44г.
Директива оперативного отдела 580 Управления войск
охраны тыла № 4169/44 от 8.6.44г.

99 ОХРАННОМУ БАТАЛЬОНУ.

1. На основе вышеприведенных приказов, и постановле-
ния Пинского Окружного Управления и Отдела труда г.Пинск в
ближайшие дни будет проведена секретная эвакуация граждан-
ского населения. С и. на эвакуируемых подготавливаются и в ско-
ром времени будут готовы.

На участке Звонар р-на гор.ПИНСК/от ж.д. до р.ЯСЭЛДА/
списки уже готовы. На ПИНСКИЙ р-н /исключая город Янув/
списки на днях будут готовы.

По окончании состав-
ления списков по вопросу эвакуации
будут совместно работать окружное Управление, отдел труда
и сельхозуполномоченный.

Лиц, необходимых для выполнения работ на немецких пред-
приятиях, и учреждениях, а также для сельхозработ, эвакуи-
ровать согласно § 6 приказа № 1.

Специалистов, работающих на предприятиях и учреждениях,
а также врачей, данный приказ не касается.

От эвакуации освобождаются лица, которые представляют
от администрации по месту своей работы справку, что они ра-
ботают на немецких предприятиях или учреждениях. Все осталь-
ное население подлежит полной эвакуации. Утром начала эвакуа-
ции будет сообщено дополнительно окружным управлением и от-
делом труда города Пинск.

2. Эвакуация гражданского населения будет проводиться
с непосредственной помощью местных властей, каковы: бурго-
мистров и старост деревень. Кроме этого, будут выделены
воинские части, которые будут распределяться по распоряже-
нию комендатуры.

Эвакуация будет проводиться с севера на юг, совместно с
деревнями, расположенными южнее реки Ясэлды, захватывая
одновременно по несколько деревень.

Деревни, расположенные в лесах, необходимо окружать
расчете, не давая населению возможности разбежаться.

Эвакуированное население будет перевозиться на автомо-
билах и под охраной воинских частей и полиции. Оборные пунк-
ты - Пинск и Янув.

Населенные пункты Логшин, Погост, Загородский, дер. Ка-
мен, Поречье будут эвакуированы согласно приказа № 609

3. Для остальных населенных пунктов Логшинского р-на
необходимо приманять 3 данного приказа, так как они являются
партизанской зоной. К населению деревень Чухово, Ботогово, но-
вый двор. Пут. Язь/Погостские/ могут приравняться к 1, 2
или 3, равно как и населенные пункты Телеханы, Крагоевичи,
озаричи.

В населенных пунктах партизанской зоны эвакуации под-
лежит все население. Не оставлять ни одного человека, не вози-
рая на возраст и состояние.

Семья, в которой имеются несовершеннолетние или нетрудо-
способных вывозится в Германию не будут, а подлежат размеще-
нию в лагерях.

Детей до 10 лет считать нетрудоспособными.

Лиц, живущих в семьях своих родственников, на время
эвакуации включать в одну семью и исчислять количество
трудоспособных из общей состава.

Рабочей силой считаются мужчины в возрасте от 14 до 55
лет и женщины в возрасте от 14 до 50 лет.

Для эвакуации населения в партизанских зонах будут на-
сланы отдельные особые батальоны. В случае столкновения с
партизанами, судьба каждого населенного пункта зависит от
решения, принимаемого командиром воинской части на месте.

Для вывозки населения будут предоставлены автомашины.
В первую очередь необходимо эвакуировать трудоспособное на-
селение в возможно краткие сроки. По ходу работы доносить:

- 1/ Количество партизан, взятых в плен и количество эва-
тихся добровольно.
- 2/ Количество захваченных подозрительных лиц из населения
- 3/ Количество семейств, взятых в партизанской зоне.
- 4/ Количество трудоспособных и годных к военной службе.

Для проведения данной операции привлечь кавбригаду,
69 кавдивизион, 989 охранный батальон, 637 охранный батальон
57 кавполк внутренней охраны, 1/271 местной комендатуры
1/998 местной комендатуры, отдел труда г. Пинск и Крагоевичи,
окружное управление гор.Пинск.

Подпись: Полковник/подпись не

COPY

FIELD COMMANDANT'S OFFICE

VÜRFEL Group
609/44, 15.44.

JUSTIFICATION: Order of the Headquarters of the 2nd Army No. 6260/44 of 27.5.44.
Directive 580 of the Directorate of the Home Guard Troops
No. 036/44 of 4.6.44
Directive of the Operational Department of the 580 Home Front
Defense Troops No. 4169/44 of 8.6.44

To 389th Security Battalion.

1. On the basis of the above orders, and the resolution of the Pinsk District Administration and the Pinsk Labor Department, a secret evacuation of the civilians will be carried out within the next few days. Lists of those to be evacuated are being prepared and will be ready soon.

The lists for the Western district of Pinsk (from the railway station to the river Yaselda) are ready, for Yanuv district (excluding the town of Yanuv) the lists will be ready in a few days.

Once the evacuation lists are complete on the issue of evacuation the district Administration, the labor department and the agricultural commissioner will work.

Those persons required for work in German enterprises and institutions, as well as agricultural work, are to be evacuated in accordance with paragraph 6 of Order No. 1.

Specialists working in enterprises and institutions, as well as doctors, are not subject to this order.

Those who submit the documents from the administration at their place of work that they are employed in German enterprises or institutions are exempted from evacuation. The rest of the population is subject to full evacuation. The time of the start of the evacuation will be announced additionally by the District Office and the Labor Department of the city of Pinsk.

2. The evacuation of the civilian population will be conducted with the direct assistance of territorial authorities, mayors burgomasters and village heads. In addition, there will be assigned military units, which will be distributed by the commandant's office.

The evacuation will be carried out from north to south, in conjunction with the villages south of the commandant's office, villages south of the Yaselda River, taking several villages at a time.

Villages located in forests should be surrounded at dawn, giving the population no opportunity to flee.

The evacuated population will be transported by vehicles and under the guard of military units and police. Collection points – Pinsk and Yanuv.

The settlements of Logishin, Pogost Zagorodsky, Kamen, Porechye will be evacuated according to order No. 609 1,2.

3. For the rest of the settlements of Logishin district you should apply point 3 of this order, as they are partisan zone. The villages of Chukhovo, Botogovo, Novy Dvor, Kot, Yaz (Pogostskie) can be considered equal to 1,2 or 3, as well as the villages of Telekhany, Kragoevichi, Ozarichi.

In the villages of the partisan zone the whole population is to be evacuated, not a single person is to be left behind, regardless of age or condition.

Families with children underage or unable to work will not be evacuated to Germany, but will be placed in the camps.

Children under 10 years of age are considered unable to work.

Persons living in the families of their relatives for the period of evacuation are to be included in this family and the number of those able to work will be calculated from the total number of the family.

The labor force is defined as men between the ages of 14 and 55 and women between the ages of 14 and 50.

Special battalions will be sent to evacuate the population in partisan zones. In the event of a confrontation with partisans, the final outcome of each settlement depends on the decision made by the commander of the military unit on the spot.

Automobiles will be provided for the transportation of the population. The first priority is to evacuate the working population as soon as possible.

In the course of the work report:

1) The number of partisans captured and the number of those who surrendered voluntarily.

2) Number of captured suspicious persons from the local population.

3) Number of families taken in the partisan zone.

4) Number of people capable of labor and fit for military service.

To carry out this operation, attract a cavalry brigade, 69th cavalry division, 989th security battalion, 637th security battalion, 57th cavalry internal security regiment, 1/271 local command, 1/998 of the local commandant's office, the labor department of Pinsk and (illegible), the district administration of Pinsk.

Signature: Colonel (signature)

Из протокола допроса командира 6-й и 60-й пехотных дивизий немецкой армии Гюнтера Вальтера Кламта от 12 февраля 1948 г.:

«Вопрос: Вам известно, производила ли 45-я пехотная дивизия насильственный угон в Германию советских граждан?»

Ответ: Я знаю, что был приказ верховного командования для всех дивизий 9-й армии отбирать трудоспособное население (каких возрастов, не знаю) и направлять их в Германию для работы на предприятиях с тем расчетом, чтобы можно было призвать в армию рабочих, занятых в промышленности, а поэтому этот приказ относился и к 45-й пехотной дивизии» [1].

From the protocol of the interrogation of Günther Walter Klamt, the commander of the 6th and 60th Infantry Divisions of German army on February 12, 1948:

"Question: Do you know whether the 45th Infantry Division committed the forcible deportation of Soviet citizens to Germany?"

Answer: I know that there was an order of the High Command for all divisions of the 9th Army to take away the working population (of what ages, I do not know) and send them to Germany to work in factories so that it would be possible to recruit those employed in industry, and therefore this order applied to the 45th Infantry Division as well" [1].

Из протокола допроса свидетеля А.Ф. Буболо, 1942 г. р.:

«В феврале 1943 года немцы организовали карательную акцию против партизан – «Зимнее волшебство». Наша местность расположена вблизи латвийской границы, поэтому первыми пострадали те деревни, которые были непосредственно около границы. Когда немцы напали на нашу деревню, к этому времени соседняя деревня Ладелево уже горела. Оттуда прибежал глухонемой человек, на котором дымился ватник. Он успел перед этим, когда его толкали в пламя, двух немцев столкнуть лбами и швырнуть в огонь. Пока была суета, он успел добежать до нас, что-то мычал, люди поняли и он побежал дальше, к партизанам. Он остался жив и жил после войны. Встревоженные люди – их предупреждали партизаны, что может такое быть – кто резвее, мужчины, кинулись в Освейское болото, решив, что женщин, детей, стариков трогать не будут. Но на самом деле все было иначе. Поэтому все-таки люди двинулись на восток, на Освею, а моя мать с тремя детьми в возрасте от пяти месяцев и до четырех лет на босу ногу надела сапоги и зашла в гумно около дороги, думая, что делать дальше. К ней подъехал партизан на коне и сказал: «Выходи на дорогу, пусть лучше тебя расстреляют, чем здесь будут пытать. Но на встречу приехал крестный, мать своих четверых отвезла подальше и собрала по дороге других детей, увезла сначала в Кончань, потом в Освею, там началась бомбежка, и так далее, пока удрали все в партизанскую зону в Россонский район, под Ровным Полем. Во время бомбежки мать однажды меня спрятала под корч, а с малыми кинулась в болото, потом долго искала, но она была верующая женщина, и ей показалось, что где-то там засветилось в темноте. Побитая, в крови, она меня тогда нашла.

В конце концов, через всякие события партизаны объявили, что немцы отошли. То есть кончилась экспедиция, перебили кого могли, и выжившие мирные люди начали возвращаться в свои места. Их было мало. Наша деревня была сожжена целиком, поэтому две семьи на отшибе, у кустов, когда добрались, разожгли костер, а на дымок пришли последние – наверно, отряд немцев – и всех арестовали. Отправили в Латвию, кого-то по пути расстреливали, кто слабее. Сначала в Даугавпилс в тюрьму, затем в концлагерь Саласпилс под Ригой. Там же оказались и некоторые выловленные мужчины – мой отец.

From the protocol of the interrogation of the witness A. Bubolo, born in 1942:

"In February 1943, the Germans organized a punitive operation against the partisans – "Winter Magic". Our area was located near the border of Latvia, so the first to suffer were those villages that were close to the border. When the Germans attacked our village, the nearby village of Ladelevo was already burning. A deaf-mute man ran from there, wearing a burning cotton coat. Before that, while he was being pushed into the fire, he managed to push two Germans together with their foreheads and throw them into the fire. While there was a fuss, he managed to escape to us, mumbled up something, people understood, and he ran on, to partisans. He survived and lived on after the war. Worried people – partisans had warned them that this might happen – those who were quicker, men, rushed into the Osveya swamp, thinking the Germans would not hurt women, children and old people. But everything was completely opposite. So people moved eastward to Osveya, and my mother with three children, aged five months and four years, put on boots on her bare feet and went into a barn near the road, thinking what to do next. A partisan on a horse rode up to her and said: "Come out to the road, it is better to be shot than to be tortured here". But my godfather arrived, mother took her four children away and on the way she picked up other children, took them first to Konchany, then to Osveya, where the bombing started, and then so on, until they all fled to the partisan zone in Rossony district, near Rovnoe Pole. During the bombing, my mother once hid me under a log, and with the little ones rushed into the swamp, then she was looking for me for a long time, she was a religious woman, and it seemed to her that there was a light in the darkness somewhere. She found me then, beat up and in blood.

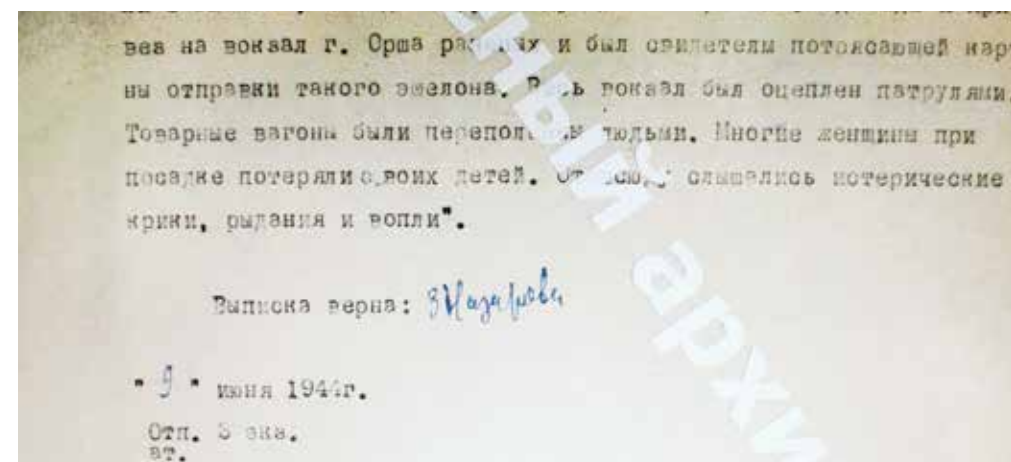
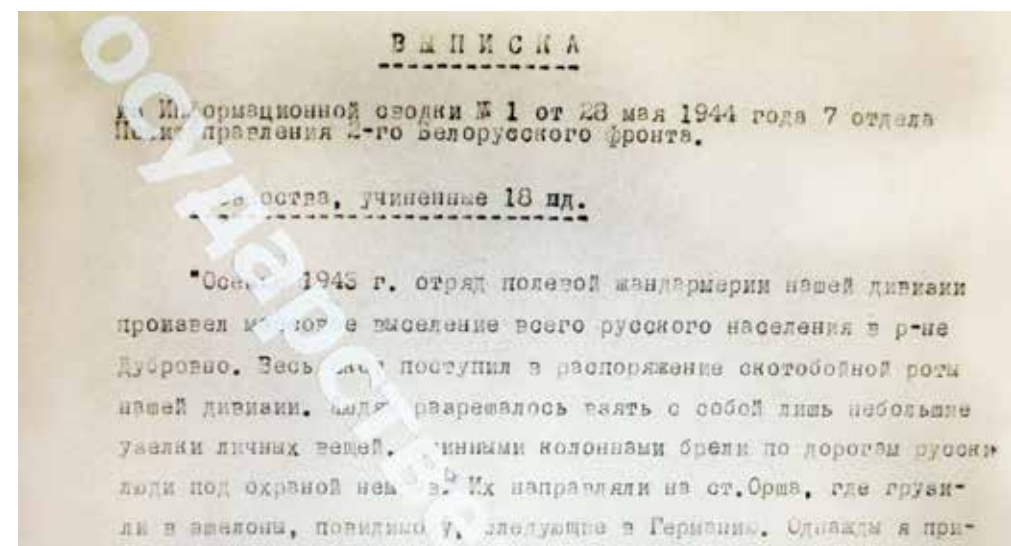
Eventually, through all kinds of happenings, the partisans announced that the Germans had withdrawn. That meant that the operation was over, they had killed whoever they could, and the surviving people started to return to their places. There weren't many of them. Our village was burned down completely, so two families on the outskirts, in the bushes, when they got there, made a bonfire, but the smoke showed up, and the last ones came – probably a detachment of Germans – and they arrested everyone. They were sent to Latvia, some of them who were weaker were shot on the way. They were first sent to Daugavpils prison, then to Salaspils concentration camp near Riga. Some of the captured men – my father – ended up there as well. Of course, in different

В разных, конечно, бараках. Один болел тифом, но его спасла ленинградский врач. Бабушка там же оказалась, но она моложаво выглядела. Старух там сразу отправляли в крематорий. Брат мой старший, пока мы там были, заболел дизентерией, но мать не растерялась: «Куда он бежит в туалет?» – а ему там просто интересно. Однажды утром она проснулась, а у него бирка, то есть он уже приготовлен на выброс. Рядом лежал мертвый ребенок, и она передела эту бирку. Короче, мы остались живы» [1].

В результате массовых карательных операций нацистские преступники поголовно увозили под конвоем мирное население для принудительной работы в Германию. При этом яркой чертой геноцида являлось и то, что нацисты не просто увозили на принудительные работы детей, но и отделяли их от родителей.

huts. One was sick with typhus, but a doctor from Leningrad saved him. My grandmother was there too, but she looked young. Old women there were sent straight to the crematorium. My older brother got dysentery while we were there, but my mother kept her wits: "Where does he go to the toilet?" – he's curious there. One morning she woke up and saw that he had a tag, so it meant he was prepared to be thrown away. There was a dead baby lying next to him, so she changed the tag. So, long story short, we survived" [1].

As a result of mass punitive operations, Nazi criminals took the civilians under convoy to Germany for forced labor. However, a prominent genocide feature was that the Nazis not only took children away for forced labor, but also separated them from their parents.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 35. Л. 66
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 35. L. 66

EXTRACT

from information bulletin No. 1 of May 28, 1944 of the 7th Department of the Political Directorate of the 2nd Belorussian Front

Atrocities committed by 18 (illegible)

"In autumn 1945, the Field Gendarmerie detachment of our division carried out a mass deportation of the entire Russian population in Dubrovno district. All livestock was put at the disposal of the cattle company of our division. People were allowed to take only small bundles of personal belongings with them. Long columns of Russian people under German guard wandered along the roads. They were directed to Orsha station, where they were loaded into trains, apparently bound for Germany. I once brought wounded men to Orsha train station and witnessed a shocking picture of the dispatch of such an echelon. The whole station was surrounded by patrols. The wagons were crowded with people, during boarding many women lost their children. Hysterical screams, sobs and cries were heard everywhere".

The extract is correct: (signature)

June 9, 1944

3 copies.

Белорусскую молодежь массово угоняли в Германию на принудительные работы. В 20 в., когда во всем цивилизованном мире термин «рабовладение» означал грубейшее нарушение естественных прав человека, нацисты, провозгласив себя «высшей расой», осуществляли передел мира и писали свою «правовую систему», в которой наличие в немецкой семье славянского «раба» являлось нормой. До сих пор живы потерпевшие от этих страшных преступлений. Из показаний потерпевшей Я.А. Липай, 1927 г. р.

Belarusian young people were massively taken to Germany for forced labor. In the 20th century, when the term "slavery" meant a serious violation of fundamental human rights throughout the civilized world, the Nazis, proclaiming themselves a "superior race", carried out the division of the world and wrote their "legal system", where the presence of a Slavic "slave" in a German family was the standard. The victims of those terrible crimes are still alive. From the testimony of the victim Ya. Lipai, born in 1927.

потерпевшая пояснила: родилась я в д.Потейки. Родители мои работали на хозяйстве. Отец и мать. Семья была пятеро детей. Брат был. Уехал учиться в Ленинград, когда началась война. Ну нормально было, ходили в школу. Началась война. Началась война, началось горе. Такое страшное, не рассказать. Начались убийства. Такое не рассказать. Молодежь ушла в партизаны. Люди такие, которые были еще в годах, не старые. Старых они. Вообще, все дома, которые были около леса, они уничтожали. Все деревни. Деревня Жаволки спали. Все я это видела. У Патеиках был поселок Прогресс. Всех это заживо, согнали в дом и спали. Там были все мои одноклассники. Сколько там человек одноклассников. Кажется три. Одна живая осталась. Родители их все, через окно с автоматом согнали. Кто остался раненый, они заживо позжигали. Все так деревни. Пруссы все. Страшно. Страшно рассказать. Потом в сорок втором году. В конце сорок второго года это все страшно было. Потом в начале сорок третьего года, третьего марта у нас был какой-то староста. Кто его выбирал, я не могу сказать. Но был человек хороший. И так он объявил, что будут забирать молодежь в Германию. В один день он приносит лист и там написано. Такого, такого числа срочно явиться в Копыль. Кто не явиться будет расстрелян. Ну дали лошадей. Две повозки. И нас отвезли в Копыль. У Копыле уже было

Липай

подготовлена комиссия. Всех согнали. Во тут где-то около почты. Тут дом был. Всех согнали и обследовали. Кто здоровый. Кто Ну в общем и я попала. Попала и со мной восьмером нас было. И мы все уехали. Забрали нас. Вышли они объявили: «Кто будет прочитаны, того в Германию, а кто нет, тот сбракованы. Прислали тоже повозки. Холодно очень было. И нас погрузили. Сказали погрузиться в эти повозки. Холодно было и мы бегом бежали за этими возами у Тимковичи. У Тимковичах помню, пригнали в телячьи вагоны большие. В эти телячьи вагоны кинули немного соломы и больше ничего. Две ночи кажется ехали. Соломы было немножко. Привезли нас в Германию. Нет поехали мы в Германию. Часто становился поезд. Раз у сутки, они нас выпускали на 15-20 минут в туалеты. И всех нас сопровождали с автоматами в руках. Немцы эти. И эти минуты пройдут и снова они стоят. Мы проходили опять в эти вагоны. Пришли в эти вагоны и привезли нас в Германию. Привезли в такой страшный тупик. Некие горы. Завалы, что было страшно дышать. Но мы там были не долго. Забрали и затем привезли в какой-то дом. Немного там опырскивали головы всем и тогда нас повели в хорошее здание. Такое хорошее, видное и выстроили нас всех в ряд. Столько было много с Копыльского района. Очень было много нас. Сколько именно. Много. И приходили немцы, хозяева или сами жёны, мужья которых были на фронте. Они выбирали нас, кто нравился. И вот я, еще одна попали к хозяину. Хозяин был такой пожилой. А она попала к хозяйке. Хозяин был на фронте и мы были не далеко. Нас забрали и хозяин и это хозяйка и мы поехали тоже на повозке. Приехали мы сперва к хозяйке и подругу эту мою, оставили там и хозяин пешком, мы с хозяином пришли к нему домой. Пришли домой. Хозяйка встретила так не вежливо. Я не представляла, что такое. Я думала, что меня будут там принимать. Она мне дала такие тоненькие притоненькие кусочки хлеба, каким-то сладким помазанные. Что-то и черное кофе такое без сахара и без молока. Я его дома не пила. Хлеб съела. И чтобы легчи. Был уже скоро вечер. Она подошла и спрашивает. Я со школы знала немного немецкий язык. Она подошла и спрашивает: «Умею ли я доить коров». У нас дома была корова. По одной. У кого две. Она меня привела в стайню, где стояли коровы. Много коров было. Там страх. Мо штук 12 было. Яны дойные. Яна дает мне ведро и дала такую корову, что хорошей хозяйке ее трудно подоить. Я как села под ее. Она меня ногой как тисканула, так я полетела. Она мне рукой показала: «Ничего, ничего снова садись». Я встала, снова села и как-то тую корову выдаила. Тишина, темно было. Они уже кушали и мне дали. Второй стол стоял. Одни в одной стороне. Она мне сказала: «Сейчас будешь мыть посуду. Я стала мыть, а они все ушли. Она потом приходит и говорит: «Пол перетри, чтобы все было чисто и тогда уйдешь уже спать. Я это все сделала. Сама вся слезами заливаюсь. Она мне дала лампу. Не было света. Свет они не палили, так как без конца шла война. Бомбили самолеты. У них только лампы горели. Она меня привяла на второй этаж. На второй этаж и что ж там было. Одна сторона было сбожка, а вторая сторона была комната. Я не знаю. Она меня привела в тую комнату. Там правда была кровать и шкаф. Всю зиму они не разу не топили. Я спала в холодной квартире. На окнах выступил мороз. Так было холодно. Я была на столько утомлена, что сразу кинуся и засну.

Липай

Один раз было так холодно. Морозы были. Хозяйка принесла мне кирпичину. Укрутила какую-то тряпку и мне в ноги положила, чтобы я согрелась. Но я все равно простыла и у меня поднялась температура. Я лежала. Не лежала. Ходила туда. Сидела под коровами и показывала, что у меня голова болит. Она мне говорила: «Ничего. Сколько нам подоишь. Четыре коровы подоишь и пойдешь отдохнешь и все пройдет. Как я там доила? Слязьми доила. Постоянно сидела. Пока не выдою. Пришла. Не дала ни порошка ничего. Я так проходила больная. Потом мне немного получше стало, и я вот так все время жила. Каждый день работа. Хозяин правда не бился, особо не ругал. Не было за что. Я все выполняла. Я боялась. Говорили: «Кто не справлялся, того отправляли на заводы». Я справлялась. Такая у меня была сила. Я боялась заводов, и я старалась работать. Работала я все время. Утром у четыре часа. Это закон был. И в четыре часа хозяин встает. Постучит палкой. Я уже не сплю. В четыре часа устаю, а в десять часов я ложилась спать. И так я прожила. Это нас освободили пятого мая. Да нас освободили. Это этого. Шли часто самолеты. Но это были не только наши самолеты. И американские летели. Эти самолеты настолько помогли. Они летели просто па уз окна. Не было деревьев. Они просто по домам строчили. И так немцы боялись этих самолетов. И там у нас было пять домов. Одна умерла. Не знали от чего. Вторая сгорела в том доме. Не знали от чего. А третья пропала без вести. Нас только двоих вернулось с тех домов. Ну и так вот нас освободили. Столько было радости. И так уже все хотели домой. Что подъезжала повозка. В повозке три парня и три девочки. Я их не знала. Они собрали вокруг русских. Наших, которых забрали в Германию. Ну и я села. Я села. Но забрали меня. Хозяйка принесла мне старые платья и плащик и дала мне их, что я уже работала. Ни новое. А помню старенькое такое старое платьице. И мы уехали. Не знали куда. Ехали и поляки забирали коней у немцев. На повозку садились и уезжали домой на конях. Поляков не трогали. Поляки уехали. А нас русских. Был пост на дороге и парней забрали. Не все наши парни в повозках. Другие ехали парни с рабочими русскими. Им сказали, что Вы отсюда пойдете в армию, а нас девчат забрали и завезли в какой-то лагерь и мы в этом лагере были мало. Где-то до девятого числа. Девятого числа утром вывели нас всех. Площадь такая и женщина военная стояла. На трибуну вышла, и она нам всем объявила, что уже кончилась война. Мы все плакали. Там кричали. Мы у того лагеря переночевали и нас повезли под той завод. Там нас разместили тоже, и мы там на том заводе работали. Что ж девчата. Разбирали завод. Прислали пленных немцев. Те уже стали разбирать. И наших там много было. Там было много военных. Они контролировали. Все там было военное. И столовая была военная. Гражданского там ничего не было. Все было наше русское. Мы там побыли на заводе. Потом у столовой немного. Работали. И вот в сорок шестом году в октябре месяце я приехала. Шестого или седьмого. На праздник была уже домой. Приехала домой. Вот так я и прожила в Германии.

Липай

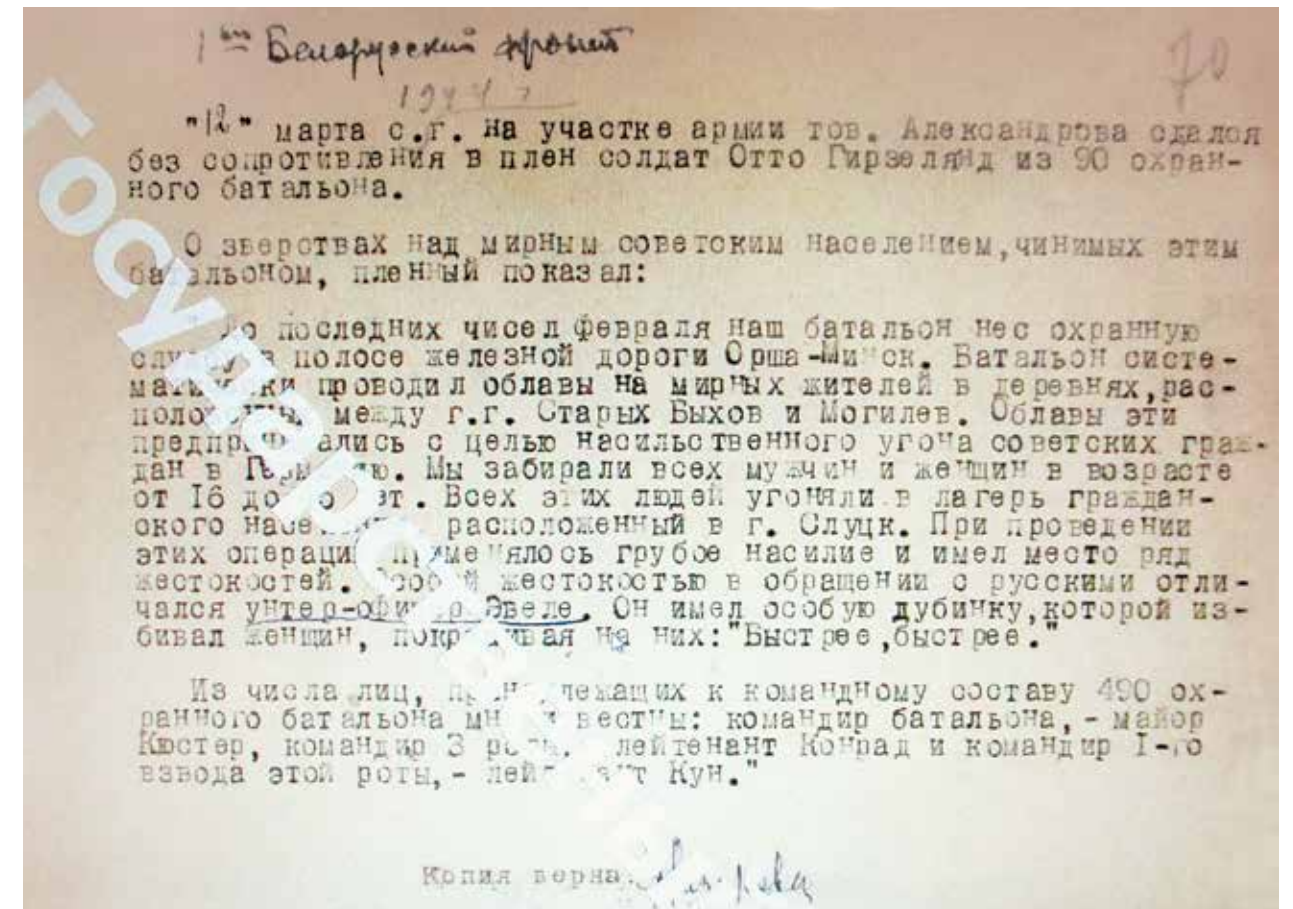
Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022
о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.
Протокол допроса потерпевшей Я.А. Липай
Archives of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022
on genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period.
The protocol of the interrogation of the victim Ya. Lipai

The victim explained: I was born in the village of Poteiki. My parents worked on the farm. My father and mother. There were five children in the family. There was a brother. He left to study in Leningrad when war broke out. Everything was fine. We went to school. Then the war started. When the war started, grief began. So terrible, you can't tell. Murders started, so terrible. Young people went to the partisans. People who were not old yet. They destroyed all the houses near the forest, all the villages. They burnt down the village of Zhavolki. I saw it all. In Poteiki there was a settlement called Progress. Everyone was thrown alive into a house and burnt down. All my classmates were there. How many classmates were there? Three, I think. There was only one alive. Parents drove them all through the window, so, these people were forces with an automatic rifle, those who remained wounded were set on fire alive. That's how it was in all villages. All Prussy. Horrible, horrible to tell. Then in forty-second year. At the end of forty-second year it was all terrible. Then at the beginning of 1943, on March 3rd we had a village headman. I can't say who chose him, but he was a good man. And he announced that they would take young people to Germany. One day he brought a leaf and it was written that people should come to Kopyl. Those who fail to show up would be shot. So we were given horses and two wagons and we were taken to Kopyl. In Kopyl there was already a commission prepared. Everyone was taken away. There was a house somewhere here. Everyone was taken away and examined to see who was healthy, who was... Well, I got in. I got in and there were eight of us with me. And we all left. They took us away. They came out and announced: those who will be read will be sent to Germany, and those who won't, will be rejected. They sent wagons too. It was very cold. We were loaded. They told us to get into these wagons. It was cold and we ran after those wagons to Timkovichi. In Timkovichi I remember they brought big calf wagons. They threw some straw in these calf wagons and nothing else. We were traveling for two nights, I think, and there wasn't much straw. They brought us to Germany. No, we went to Germany. The train stopped often. Once a day they let us out for 15–20 minutes to go to the toilet. All of us were escorted by these Germans with machine guns in their hands. In these minutes they would pass and then stand again. We went back into these wagons. They brought us to Germany, to such a terrible dead end, some mountains – it was awful to breathe. But we were there for a short time. We were taken away and then brought to a house. They sprayed our heads a little bit, and then they took us to a nice building. It's so nice, so prominent building. We were lined up. There were so many from Kopyl district, so many of us. How many exactly – a lot. The Germans came, the owners or the wives, whose husbands were at the front. They chose us, who they liked. Therefore, I and one other girl went to the master. The master was so old and she went to a woman. The master was at the front and we weren't far away. They took us away. The master and the woman and we went to the wagons. We arrived first at the woman's house and my friend was left there. The host went on foot and the host and I went to his house. We arrived at the house. The landlady greeted us rudely. I had no idea what was going on. I thought they were going to welcome me there. She gave me very thin slices of bread with something sweet, black coffee without sugar and without milk (I didn't drink it at home). I ate the bread to go to bed. It was already evening. She came up and asked (I knew a little German from school), so she came up and asked if I knew how to milk cows. We had a cow at home. One, some people who had two cows. She took me to the herd where the cows were standing. There were many cows, maybe 12, all milking cows. She gave me a bucket and gave me such a cow that it was hard for a good housewife to get near it. I sat near that cow and it kicked me so hard that I flew. The woman showed me with her hand: "It's okay, it's okay, sit down again". I got up, sat down again, and somehow I milked that cow. It was quiet, dark. They were already eating, and they gave me some. There was a second table. Some are on one side. She said to me: "You're going to do the dishes now". So, I started to do the dishes and they all left. She came back and said: "Wipe the floor clean, then you can go to bed." I did all that. I was in tears. She gave me a lamp. There was no light. They didn't have any lights because the war was going on, airplanes were bombing. They only had lamps. She took me to the second floor. What was there on the second floor: there was grain on one side, and the other side was a

room. She brought me to that room, there was, though, a bed, a closet. The whole winter they didn't heat it at all. I slept in a cold place. The windows were covered with freeze – it was so cold. I was so tired that I immediately fell asleep. One time it was so cold. It was freezing. The landlady brought me a brick, covered in some rags, put it to warm my feet, but I still caught a cold, and I had a fever. I was lying down. I didn't stay in bed. I went over there, sat by the cows and told her I had a headache. She'd say to me: "It's all right, you can milk as many cows as you can. You milk four cows and then you'll rest and everything will be fine". And how did I milk? I was milking through tears. I was sitting all the time until I milked. When I came back, she didn't give me any powder or anything. So I was sick, then I got a little better, and that's how I lived all the time. Working every day. The master didn't beat me, didn't scold me – there was nothing to scold me for: I did everything, I was afraid. They used to say that those who couldn't cope were sent to the factories. I could. I had power. I was afraid of the factories and I tried to work. I worked all the time. At 4:00 in the morning, that's the law. At 4:00, the master got up. He would knock with a stick, and I was awake at 4:00, and at 10:00 I went to bed. That's how I lived. We were liberated on May 5th. Yes, we were liberated. There were a lot of airplanes. But, they weren't just our planes, there were American planes too. Those planes helped so much. They were flying just near the window, no trees were there. They just shot at the houses. The Germans were so afraid of those planes. And we had five houses there. One died, nobody knew why. The second one burnt to death in that house, we didn't know why. And the third one went missing. Only two of us came back from those houses. So, just like that, we were liberated. There was so much joy. And everyone wanted to go home so badly. A wagon came by. There were three boys and three girls on the wagon. I didn't know them. They'd gathered some Russians, who had been taken to Germany. So, I sat down, but they took me in. The mistress brought me an old dress and a raincoat and gave them to me, that I had already worked, not a new one. I remember, an old dress like that, an old dress. We left, we didn't know where we were going. The Poles took the horses from the Germans. They'd get on a wagon and go home on their horses. They didn't touch the Poles. The Poles left, and we Russians had a post on the road. They took the boys away. Not all our guys in wagons. Other guys were traveling with Russian workers. They were told that you would go to the army from here. And we girls were taken away and brought to some camp, and we were in this camp for a little while, until about the ninth of the month. In the morning they took us all to the square and a military woman was standing there. She came to the podium and announced to all of us that the war was over. We all cried. They were shouting. We spent the night in that camp and were taken to the factory. We were placed there, too. We worked at that factory. The girls were dismantling the factory. They sent German prisoners and they began to dismantle it. There were many of us there. There was a lot of militaries there, they controlled it. Everything was military. And the canteen was military. There was nothing civilian. Everything was Russian. We were there at the factory, then we worked in the canteen for a while. And in 1946, in October, I came back. On October 6 or 7, I came home on holidays. That's how I lived in Germany.

В процессе отступления нацисты до последнего реализовывали поставленные ими задачи уничтожения и насильственной трудовой эксплуатации наших граждан. Верность идеологии тотального истребления «неудобного» по расовым мотивам населения руководила нацистами даже тогда, когда их отступление было очевидным и неизбежным. Об этом свидетельствует содержание допроса солдата 90-го охранного батальона Отто Гирзелянда.

While retreating, the Nazis implemented their goals of extermination and forced labor exploitation of our citizens to the last. Faithfulness to the ideology of total extermination of the racially "undesirable" population guided the Nazis even when their retreat was obvious and inevitable. This is confirmed by the following interrogation of Otto Hirzeland, a soldier of the 90th Guard Battalion.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 35. Л. 70
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 35. L. 70

1st Belorussian Front

On March 12, 1944 on the army section of comrade Aleksandrov a soldier Otto Hirzeland from the 90th Guard Battalion surrendered without resistance.

The prisoner testified about the atrocities against the peaceful Soviet population committed by this battalion:

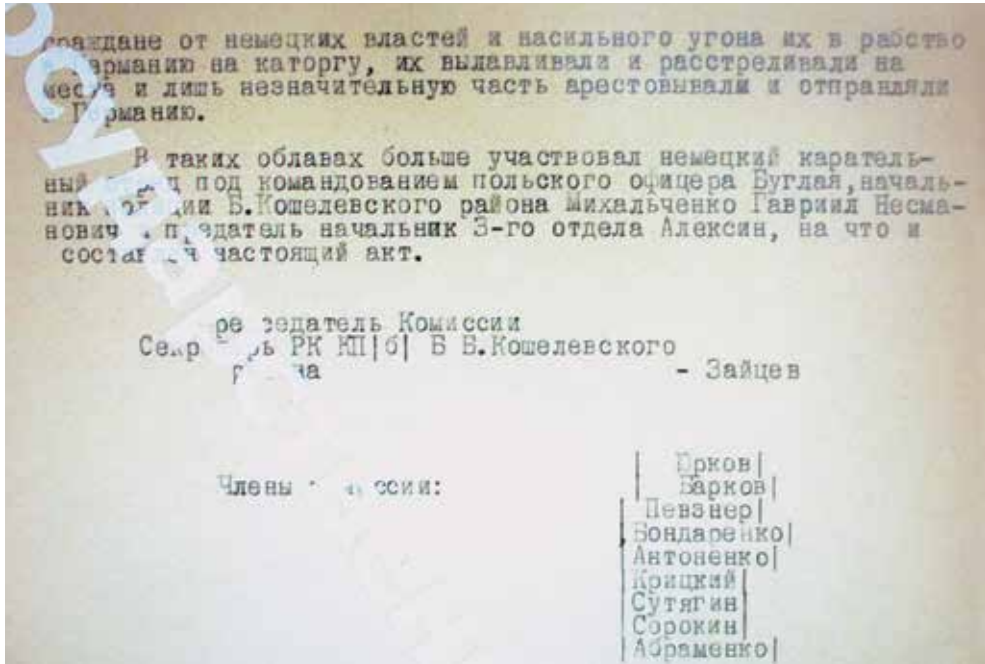
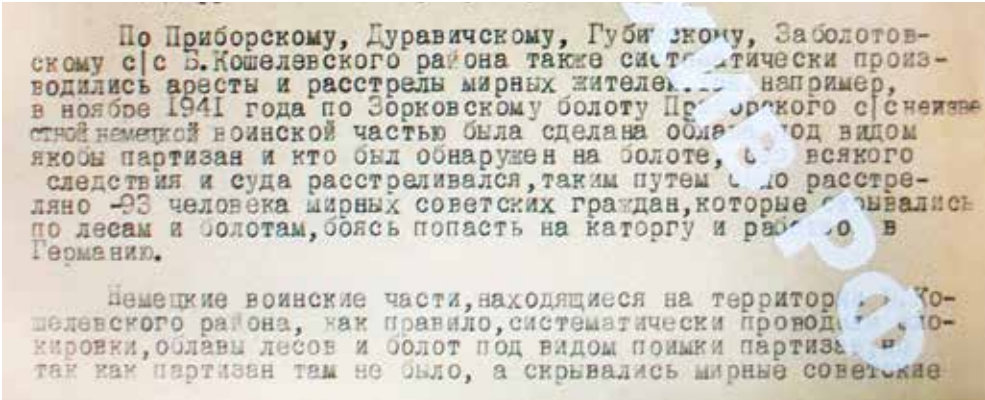
Until the last days of February, our battalion carried out guard duty in the Orsha – Minsk railroad line. The battalion systematically raided civilians in the villages between the towns of Stary Bykhov and Mogilev. These raids were undertaken in order to take Soviet citizens to Germany by force. We took all men and women between the ages of 16 and 40. All these people were taken to a civilian camp located in the town of Slutsk. During these operations, gross violence was applied and a number of atrocities took place. The non-commissioned officer Evele was particularly cruel in dealing with the Russians. He had a special baton, which he used to beat women, shouting at them: "Faster, faster!"

Among the persons belonging to the command staff of the 490th Guard Battalion I know: Major Küster, the commander of the battalion, Lieutenant Conrad, the commander of the 3rd company, and Lieutenant Kuhn, the commander of the 1st platoon of this company.

The version is true. (signature)

Угон в рабство также проводился под видом борьбы с партизанами, что следует из акта ЧГК по Буда-Кошелевскому району Гомельской области от 27 ноября 1944 г.

Slavery was also conducted under the cover of fighting against partisans, which follows from the act of the Extraordinary State Commission for Buda-Koshelevo district, Gomel region, of November 27, 1944.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 39а. Л. 60–64
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 39a. L. 60–64

In Pribor, Duravichi, Gubichi, and Zaboloty village councils of Buda-Koshelevo district, arrest and execution of civilians were also systematically carried out. For example, in November 1941, an unknown German military unit raided the Zorkovsky bog of the Pribor rural council under the guise of suspected partisans, and those who were found in the bog were shot without any investigation or trial. In this way 93 peaceful Soviet citizens, who were hiding in the forests and swamps, fearing to be sent to hard labor and slavery in Germany, were shot in this way.

German units in Koshelevo district, as a rule, systematically carried out blockades, raids of forests and swamps under the guise of catching partisans, but, since there were no partisans there, but peaceful Soviet citizens were hiding from the German authorities and forced slavery to Germany for hard labor, they were caught and shot there and only few were arrested and sent to Germany.

In such raids German punitive unit under the command of the Polish officer Buglai, chief of police of B. Koshelevo district Mikhilchenko Gavriil, traitor, chief of the 3rd department Aleksin participated more, on what the present act is drawn up.

Head of the Commission
Secretary of District Committee of the Communist Party of Belarus
of Buda-Koshelevo district
Zaitsev

Commission members:

Yurkov
Barkov
Pevzner
Bondarenko
Antonenko
Kritsky
Sutyagin
Sorokin
Abramenko

The Executive Committee of the Buda-Koshelevo District Council of Worker's Deputies certifies the signatures of the Commission members.

Deputy Chairman of the Buda-Koshelevo
Executive Committee
of the District Council of Workers' Deputies
Secretary
Lavrinovich
Sutyagin

From the materials of the Extraordinary State Commission
TC 2
Case No. 35
Pages 1/4
True (signature)

УЧАСТИЕ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ В МАССОВЫХ КАРАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЯХ ПРОТИВ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ

В качестве временного инструмента для достижения победы Гитлер также рассматривал манипуляцию национальными чувствами народов СССР. При осуществлении политики геноцида на белорусской земле нацистские каратели массово привлекали коллаборационистов из числа литовских, латышских, украинских и белорусских добровольцев.

Вместе с тем нацистские лидеры были уверены в том, что вермахт был способен самостоятельно создать мощную колониальную империю и не нуждался в долгосрочной поддержке националистических движений на оккупированной территории.

Нередко самую «грязную» работу, связанную с физическим уничтожением большого количества мирных людей, нацисты поручали именно коллаборационистам.

При проведении оккупационной политики немецко-фашистские захватчики использовали предателей советского народа, националистов, уголовников. Реализацию некоторых особенно жестоких мероприятий они поручали местной полиции, старостам и бургомистрам, которые, выслуживаясь перед оккупантами, участвовали в карательных экспедициях, экзекуциях, грабежах и насилиях. Гитлеровским командованием, например, создавались специальные банды, которые бесчинствовали, грабили, убивали, выдавая себя за партизан, чтобы скомпрометировать их. Фашистские захватчики рассматривали партизанское движение как удобный повод для планомерного осуществления преступных планов уничтожения населения белорусских земель.

Коллаборационисты включались в составы различных карательных батальонов при СС и СД. Добровольным националистическим карательным формированиям присваивались свои отличительные знаки для форменного обмундирования.

COLLABORATORS' PARTICIPATION IN MASS PUNITIVE OPERATIONS AGAINST CIVILIANS OF BELARUS

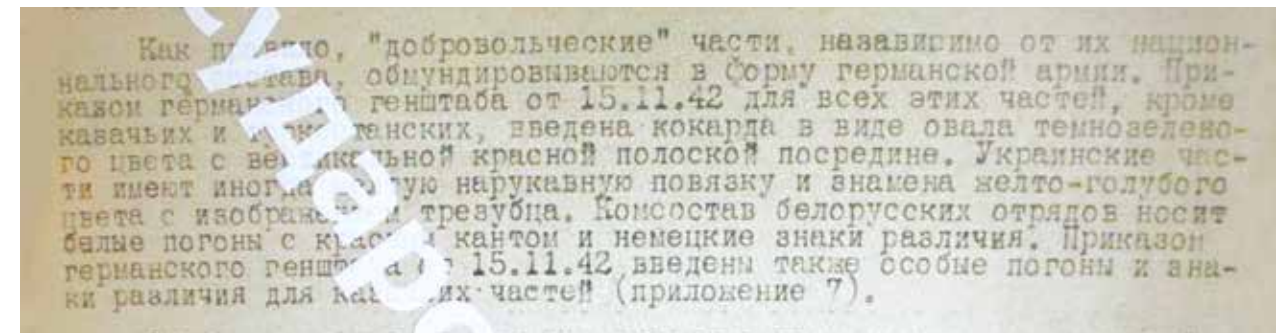
Hitler also considered manipulation of national feelings of the USSR peoples as a temporary tool to achieve the victory. In the course of realization of the policy of genocide on the Belarusian land the Nazi punishers massively involved collaborators from among Lithuanian, Latvian, Ukrainian and Belarusian volunteers.

At the same time, Nazi leaders were convinced that the Wehrmacht was able to create a powerful colonial empire on its own and did not need the long-term support of nationalist movements in the occupied territory.

The Nazis often assigned the most "dirty" work, involving the physical extermination of large numbers of civilians, to collaborationists.

In carrying out their occupation policy, the Nazi invaders used traitors of the Soviet people, nationalists and criminals. They assigned the execution of some extremely cruel actions to the local police, elders and burgomasters, who, serving the occupants, took part in punitive operations, executions, robberies and violence. For example, by Hitler's command, special gangs were created, which committed riots, robberies, murders, pretending to be partisans in order to compromise them. The fascist invaders considered the partisan movement as a convenient reason for the systematic implementation of criminal plans of extermination of the population of the Belarusian lands.

Collaborators joined the various punitive battalions of the SS and SD. Voluntary nationalist punitive formations were given their own distinctive symbols for their uniforms.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 100. Л. 1–52
State Archives of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 100. L. 1–52

As a rule volunteer units regardless of their national composition are dressed in the uniform of the German army by the order of the German General Staff of 15.11.1942 for all these units, except for the Cossack and Turkestan units introduced cockade in the form of dark green oval with a vertical red stripe in the middle. Ukrainian units have a yellow armband, banners of yellow-blue color with the image of trident. The Belarusian units' command staff wear white shoulder straps with a red edge and German rank insignia. Special shoulder straps and rank insignia for Cossack units were also introduced by the order of the German General Staff of 15.11.1942 (Annex 7).

При этом, несмотря на присвоение им так называемых «воинских званий» и предоставление права ношения форменного обмундирования со знаками различия, в действительности такие батальоны по определению не имели равного статуса с немецкими воинскими формированиями.

Привлекая коллаборационистов к сотрудничеству, немцы рассматривали последних исключительно в качестве инструмента для реализации своих целей, но никак не равных по статусу и положению «сослуживцев».

При этом нацисты прекрасно осознавали мотивы, которыми руководствовались коллаборационисты, и активно использовали это в процессе вербовки в карательные формирования.

Коллаборационисты шли на сотрудничество с нацистами по самым разным причинам: желание быстрого обогащения, карьерные амбиции, жажда власти. Некоторые добровольно поступали на службу в эти формирования по причине ненависти к представителям различных этнических групп и использовали свое положение как способ проявления насилия к мирным гражданам.

At the same time, despite the assignment of so-called "military ranks" and the right to wear uniforms with special signs of distinction, in reality such battalions did not have equal status with German military formations.

Involving collaborators to cooperate, the Germans considered them only as a tool to achieve their goals, but in no way equal in status and position "peers".

At the same time, the Nazis were fully aware of the motives that guided the collaborators and actively used them in the process of recruitment into punitive groups.

Collaborators cooperated with the Nazis for various reasons: seeking fast wealth, career goals, and lust for power. Some volunteered to serve in these units because of their hatred of members of various ethnic groups and they used their positions as a means of violence against civilians.

At present, certain destructive elements are making attempts to justify the actions of collaborators, to present them as "fighters for freedom and independence" of certain Union republics, which is an open lie. Yes, some individuals cooperated with Nazi criminals as a result of threats, blackmail and other means of enforcement.

В настоящее время отдельными деструктивными элементами предпринимаются попытки оправдать действия коллаборационистов, представить их в качестве «борцов за свободу и независимость» отдельных союзных республик, что является откровенной ложью. Да, некоторые лица шли на сотрудничество с нацистскими преступниками вследствие запугивания, шантажа и других способов принуждения.

Однако результаты проведенного расследования указывают на то, что подавляющее большинство коллаборационистов руководствовалось не «идейными» соображениями, а жадной наживой, мести, ненависти, реализацией своих низменных потребностей, в том числе садистского характера.

Один из мифов, который пытаются распространять «защитники» карателей-коллаборационистов в их оправдание, заключается в том, что националисты, стоявшие у власти на оккупированной территории, не знали масштабов преступлений нацистов и не были осведомлены о зверствах в отношении мирного населения. Это есть не что иное, как фальсификация истинных целей коллаборационистов.

Например, из донесения начальника полиции Ф. Кушеля старшине белорусской «Рады даверу» при генеральном комиссаре Белоруссии о сожжении отрядами СС жителей деревень на территории Воложинского района от 6 августа 1943 г.:

«Сообщаю, что 5 августа 1943 г. ко мне явились гражданки – жительницы деревни Першаи – Черепович, Скрундзь, Адамович, Бодак и Марцинкевич и доложили следующее:

Во второй половине июля месяца с. г. (примечание: имеется в виду июль 1943 г.) немецкие отряды СС проводили очистку от партизан территории Воложинского района. При этом отрядами были заживо сожжены вместе с постройками жители деревень Першайской волости: Доры, Дубовцы, Мишаны, Довгулевищина, Лапинцы, Среднее Село, Романовищина, Нелюбы, Полубовцы и Мокричевищина. Отряды СС никакого следствия не проводили, а только сгоняли жителей, преимущественно стариков, женщин и детей, в отдельные строения, которые потом зажигались.

В Дорах жители были согнаны в церковь и вместе с церковью сожжены» [18].

However, the investigation results show that the majority of collaborators were guided not by "ideological" ideas, but by the lust for money, revenge, hatred, and the satisfaction of their base needs, including sadistic ones.

One of the myths that the "defenders" of the punitive collaborators are trying to spread in their justification is that the nationalists who were in power in the occupied territory did not know the scale of Nazi crimes and were not aware of the atrocities against the civilians. That is nothing but a falsification of the true goals of the collaborators.

For example, from the report of the chief of police F. Kushel to the foreman of the Belarusian "Rada daveru" under the General Commissar of Belorussia on the burning by SS detachments of villages in Volozhin district of August 6, 1943:

"I report that on August 5, 1943, female citizens – villagers of Pershai – Cherepovich, Skrundz, Adamovich, Bodak and Martsinkevich came to me and informed me as follows:

In the second half of July of this year (note: meaning July 1943) German SS detachments were clearing the territory of the Volozhin district of partisans. At the same time, the units burned alive the inhabitants of the villages of Pershai parish: Dory, Dubovtsy, Mishany, Dovgulevshchina, Lapintsy, Sredneye Selo, Romanovshchyna, Nelyuby, Polubovtsy and Mokrichevshchina. The SS units did not carry out any investigations, but only forced the people, mostly old men, women and children, into separate buildings, which they set on fire afterward.

In Dory people were forced into the church and burned down with the church" [18].

As we can see, the nationalists were fully aware of the Nazi crimes. At the same time, they considered the large-scale atrocities of the occupants as an acceptable way to remain in power, even if it was a proxy one.

Another myth is that collaborationist militarized formations consisted in most cases of recruited prisoners of war, for whom participation in such formations was the only way to avoid participation in being sent into slavery in Germany or destroyed in a death camp.

At the same time, the criminal case file contains a considerable amount of information evidencing not only the expressed desire of such

Как видно, националисты были в полной мере осведомлены о преступлениях нацистов. Вместе с тем масштабные зверства оккупантов рассматривались ими как приемлемый способ оставаться в роли власти, пусть и марионеточной.

Другой миф – коллаборационистские милитаризованные формирования состояли в большинстве случаев из завербованных военнопленных, для которых участие в составе таких формирований являлось единственным способом избежать участи быть направленным в рабство в Германию или уничтоженным в лагере смерти.

Вместе с тем материалы уголовного дела содержат значительное количество информации, свидетельствующей не только об изъятии такими лицами желания на вступление в карательные формирования, но и о проявлении ими в ходе карательных операций и повседневной службы инициативы, направленной на уничтожение мирного населения. Ежедневный героический подвиг советских солдат, партизан, подпольщиков, мирных жителей, которые ценой собственной жизни, жизнями своих родных и близких боролись с фашизмом на белорусской земле не дает морального права оправдывать преступления приспешников нацистов на нашей земле.

О расстреле полицаями «с повязками на руках» мирного населения рассказала свидетель И.Е. Дубровская, 1934 г. р.

persons to join punitive units, but also their initiatives in the course of punitive operations and daily service aimed at the destruction of the peaceful people. The daily heroic feat of Soviet soldiers, partisans, underground fighters and civilians who fought fascism on Belarusian land at the expense of their own lives and the lives of their relatives and friends does not give us the moral right to justify the crimes of the Nazis' collaborators on our land.

Witness I. Dubrovskaya, born in 1934, told about the shooting of civilians by police goons "with bandages on their hands".

Вопрос: А кто арестовал Вашего отца?

Ответ: Вот этого я Вам не скажу, не знаю, и не слышала рассказов. Только расскажу вот о чем, что точно помню рассказы, их расстреливали полицаи, в черной одежде с какими-то повязками (демонстрирует повязку в области плеча на левой руке), полицаи, об этом рассказывали жители деревни, ох, какая же там дальше деревня за Гайками, Сейловичи может, нет, вот как Вы ехали сюда и направо есть указатель, из деревни, которая близко, они копали могилу тем, кого привезли расстреливать, и их поставил ждать, когда полицаи сделали свое дело, всех расстреляли, чтобы они их всех свалили и закопали. И эти вот люди потом когда мы уже приезжали, задолго до того, как там было устроено что-то, когда же сообщили и рассказали сразу же поехали туда через короткое время, и вот эти люди рассказывали, я точно не повторю их слов, что расстреливали полицаи в черных одеждах с какими-то повязками. Привезли их на рассвете, число точно помню, 4 августа 1942 года.

Вопрос: Ну и пояснить кто именно расстреливал Вы не можете. Только знаете, что на них была черная одежда с повязками, да?

Ответ: Да, слышала разговоры или читала где-то, как старались отсюда, ну, люди может где в районе работали или что, разыскать их, где-то они уже с отступлением немцев тоже они отсюда убрались, если они живы были, те полицаи, которые расстреливали, и так их старались разыскать, в Европе где-то, и тоже спросить «за что вы расстреливали и от кого вы получали приказ, от немцев, от Гитлера, нет же, кто-то тут», старались разыскать, но ничего, ни одного не нашли. Я тоже следила за газетами, за журналами, помню было такое движение, их старались разыскать в Европе, в какой-то стране, этих полицаев.

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Протокол допроса свидетеля И.Е. Дубровской
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. The protocol of the interrogation of the witness I. Dubrovskaya

Question: Who arrested your father?

Answer: I can't tell you that, I don't know and I haven't heard any stories. I will only tell you what I remember exactly, that they were shot by the police, in black clothes with some armbands (shows an armband in the shoulder area on the left arm), the police goons, the villagers told about it, oh, which village is the next one beyond Gaiki, maybe Seilovichi, no, that's how you were driving here and there is a signpost to the right, from the village, that's close, they were digging a grave for those who were brought to be shot, and they were put to wait for the Polizei to do their job, to shoot them, so that they would dump them all and bury them. And these people, when we arrived, long before anything was arranged there, when they were informed and told about it, went there a short time later, and these people told us, I won't repeat their words exactly, that they were shot by the police in black clothes with some kind of bandages. They brought them there at dawn, I remember the exact date, August 4, 1942.

Question: You can't say who exactly was shooting. You only know that they were wearing black clothes with blindfolds, right?

Answer: Yes, I heard talks or read somewhere that they tried to find them here, maybe people worked somewhere in the district or something, they tried to find them, they got out of here with the retreat of the Germans, if they were alive, those policemen who were shooting, and so they tried to find them, in Europe somewhere, and also to ask "why were you shooting and who did you get the order from, from the Germans, from Hitler, no, someone who was here", they tried to find them, but they didn't find anyone, not a single one. I also looked in newspapers, in magazines, I remember there was a movement to try to find them in Europe, in some country, these police goons.

О том, как коллаборационисты бок о бок со-
трудничали с нацистами во время карательной
операции в д. Лочин Могилевской области, со-
общила свидетель С.М. Сушицкая, 1937 г. р.

Witness S. Sushitskaya, born in 1937, told how
the collaborators were cooperating with the Nazis
side by side during the punitive operation in the vil-
lage of Lochin, Mogilev region.

помню, что в один из дней весны, в какой именно год это было я
уже не помню, в деревню приехал карательный отряд из немцев и
полицаев. Насколько я помню, приехали они потому, что рядом с
деревней в лесах действовал партизанский отряд и немцы
периодически устраивали «облавы» и искали партизан. Сами
партизаны располагались в лесах, место где они находились
называли «Рассоха», однако где это и почему так называли я не
знаю. Так, как я уже пояснила выше, в один из дней весны приехал
карательный отряд. К нам в дома стали ходить полицаи и говорить,
чтобы мы вышли из домов, якобы «на пять минут». Я уверена, что
ходили по домам именно полицаи, поскольку они очень хорошо
говорили на русском языке. Когда мы вышли на улицу, нас всех
собрали во дворе колхоза, находившегося на территории д. Лочин.
Когда мы там собрались, нам сказали делиться на две группы: те кто

может идти сам, и те, кто этого делать не может, мол за ними потом
приедут машины. Хочу пояснить, что я, с матерью и братом с
сестрой остались в группе, которая должна была идти пешком. Во
второй группе, за которой должны были ехать на машинах осталось
довольно много жителей деревни. Также я помню, что с ними
остались беженцы из других деревень, которые жили у нас в
деревне. Нашу же группу погнал в сторону д. Буда Осиповичского
района. Нас гнали немцы и полицаи с собаками. Я помню, что
только мы вышли из деревни, я услышала крики людей и выстрелы,
и, обернувшись, увидела, что все дома в деревне Лочин горели. Как
я потом узнала, оставшихся в деревне жителей согнали в четыре
дома, после чего заперли их там и сожгли вместе с деревней. Хочу
пояснить, что нашу же группу гнали в сторону д. Буда и по пути мы

I remember that on one of the spring days, which year it was, I don't
remember anymore, a punitive detachment of Germans and police of-
ficers came to the village. As far as I remember, they came because
there was a partisan detachment in the forests near the village and the
Germans periodically organized "raids" and searched for partisans. The
partisans themselves were located in the woods, the place where they
were located was called "Rassokha", but I don't know where it was and
why they called it so. Thus, as I have already mentioned above, on one of
the days of spring a punitive detachment arrived. The policemen were
coming to our houses and telling us to get out of the houses, supposedly
"for five minutes". I'm sure it was the police gooners who went door to
door, because they spoke Russian very well. When we went outside, we
were all gathered in the yard of the collective farm, which was located
on the territory of the village Lochin. When we got there, we were told
to divide into two groups: those who could walk on their own and those
who could not, as cars would come for them later. I would like to clar-
ify that I, my mother and my brother and sister stayed in the group of
those who could walk on their own. In the second group, which was to
be followed by cars, there were quite a few villagers. I also remember
that there were refugees from other villages who stayed with them, who
lived in our village. Our group was sent towards the village of Buda,
Osipovich district. We were forced out by the Germans and the police
goons with dogs. I remember that as soon as we left the village, I heard
people screaming and gunshots, and when I turned around, I saw that
all the houses in the village of Lochin were on fire. As I later found out,
the villagers who remained in the village were thrown into four hous-
es and then they locked them there and burnt them together with the
village. I would like to clarify that our group was led in the direction of
Buda.

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси
в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Протокол допроса свидетеля С.М. Сушицкой
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on genocide of the population
of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. The protocol of the interrogation of the witness S. Sushitskaya

Об участии коллаборационистов с «бело-красно-белыми повязками» в массовой карательной операции «Герман» в отношении мирного населения д. Доры Воложинского района Минской области сообщил свидетель Г.М. Артишевский, 1936 г. р.

Witness G. Artishevsky, born in 1936, testified about the participation of collaborators with "white-red-white armbands" in the mass punitive operation "Herman" against the peaceful population of village Dory, Volozhin district, Minsk region.

один. Так, родился я в д. Доры Воложинского района, там же проживал с начала и до конца Великой Отечественной войны вместе со своей семьей: братом, матерью, отцом, дедом и бабушкой. В настоящий момент никого в живых уже не осталось. Когда началась война, мне было четыре года. Я помню, что летом 1943 года, точную дату я указать не могу, так как не помню, мы вместе с семьей и соседями в одну из ночей ночевали в поле в жите, так как накануне прошел слух, что в деревне будут немцы, которые будут убивать людей. Так как мы жили на хуторе, то в описываемую ночь родители перевели все хозяйство к лесу, в болото, а сами мы спрятались в поле в жите. Около 04 часов в деревню приехал карательный отряд, в состав которого входили немцы, они были одеты в черную форму, и, так называемые, «бандеровцы», они были одеты в серо-зеленую форму и на руках у них были бело-красно-белые повязки. Члены отряда стали ходить по д. Доры и близлежащих деревнях, собирать людей, и взрослых, и детей, и сгонять в церковь, которая была расположена в деревне. Как мне стало известно после в церкви находилось около 120 человек. Как только в церковь согнали людей, то зазвонили колокола, затем в нее бросили две гранаты, в результате чего произошел взрыв, затем церковь стали бомбить с пулеметов, после чего она ~~раз~~ рухнула. Тех людей, которые не

поместились в церковь, загнали в рядом стоящий дом, там всех выставили в ряд и стали стрелять, после чего дом подожгли. Лишь одному жителю деревни, ныне покойному Денисику Василию Андреевичу, удалось спастись, а все остальные погибли. Как мне рассказывали ему выстрелили в плечо, он упал, в после на него упала его супруга. Когда все были убиты, то немцы подожгли дом, а кто-то открыл окно в нем и сказал, чтобы те, кто остался жив, убегали, что он и сделал. Через несколько дней, когда карательный отряд уничтожил все близлежащие деревни, я вместе с семьей вышел из поля. Отмечу, что я только слышал, как из церкви исходили крики, стоны людей, шумы, слышал, как сгоняли людей в церковь. Самих происходящих событий я не видел, так как мы лежали в поле и боялись за свою жизнь, лишь иногда удавалось что-нибудь подсмотреть. А после, когда карательный отряд отошел, все жители деревень, которым удалось выжить, рассказывали, кто и что видел и слышал. Все время в период войны мы вместе с семьей находились в д. Доры после карательного отряда в деревню несколько раз приходили немцы, но уже никого не убивали, меня и членов моей семьи также не трогали. Больше мне по данному поводу добавить нечего.

Читой прочитано с моих слов записано
Ведущий Артис

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Протокол допроса свидетеля Г.М. Артишевского
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. The protocol of the interrogation of the witness G. Artishevsky

So, I was born in the village of Dory, Volozhin district, and lived there from the beginning to the end of the Great Patriotic War with my family: brother, mother, father, grandfather and grandmother. At the present moment there is no one left alive anymore. When the war started, I was four years old. I remember that in the summer of 1943, the exact date I can't specify, because I don't remember, we spent one night in a field in rye with our family and neighbors, because the day before there was a rumor that Germans would be in the village and would kill people. Since we lived on a farm, on the night mentioned above my parents moved the whole household to the forest, to the swamp, and we hid in the field in the rye. At around 04:00 a.m., a punitive detachment arrived in the village, which consisted of Germans, dressed in black uniforms, and the so-called "Bandera people", who were dressed in gray-green uniforms and had white-red-white armbands on their hands. Members of the detachment went around the village of Dory and neighboring villages, gathering people, both adults and children, and bringing them to the church, which was located in the village. As I found out afterwards there were about 120 people in the church. As soon as the church was packed, the bells rang, then two grenades were thrown into it, resulting in an explosion, then the church was bombed with machine guns, after which it burst into flames. Those people who did not fit into the church were pushed into a nearby house, where they lined them all up and started shooting, after which the house was set on fire. Only one villager, the late Denisik Vasily, survived, and all the others were killed. As I was told he was shot in the shoulder, he fell, and then his wife fell on him. When everyone was killed, the Germans set fire to the house, and someone opened a window in it and told those who remained alive to run away, which he did. A few days later, when punitive detachment had destroyed all the nearby villages, I left the field with my family. I should note that I could only hear the screams, groans of people, and noises coming from the church; I heard people being driven into the church. I did not see the events themselves, as we were lying in the field and were afraid for our lives, only sometimes I managed to see something. And after the punitive detachment withdrew, all the villagers who had survived told us who and what they had seen and heard. All the time during the war we together with our family were in the village of Dory, after the punitive detachment the Germans came to the village several times, but they did not kill anyone, and they did not touch me and my family members. I have nothing more to add in this regard.

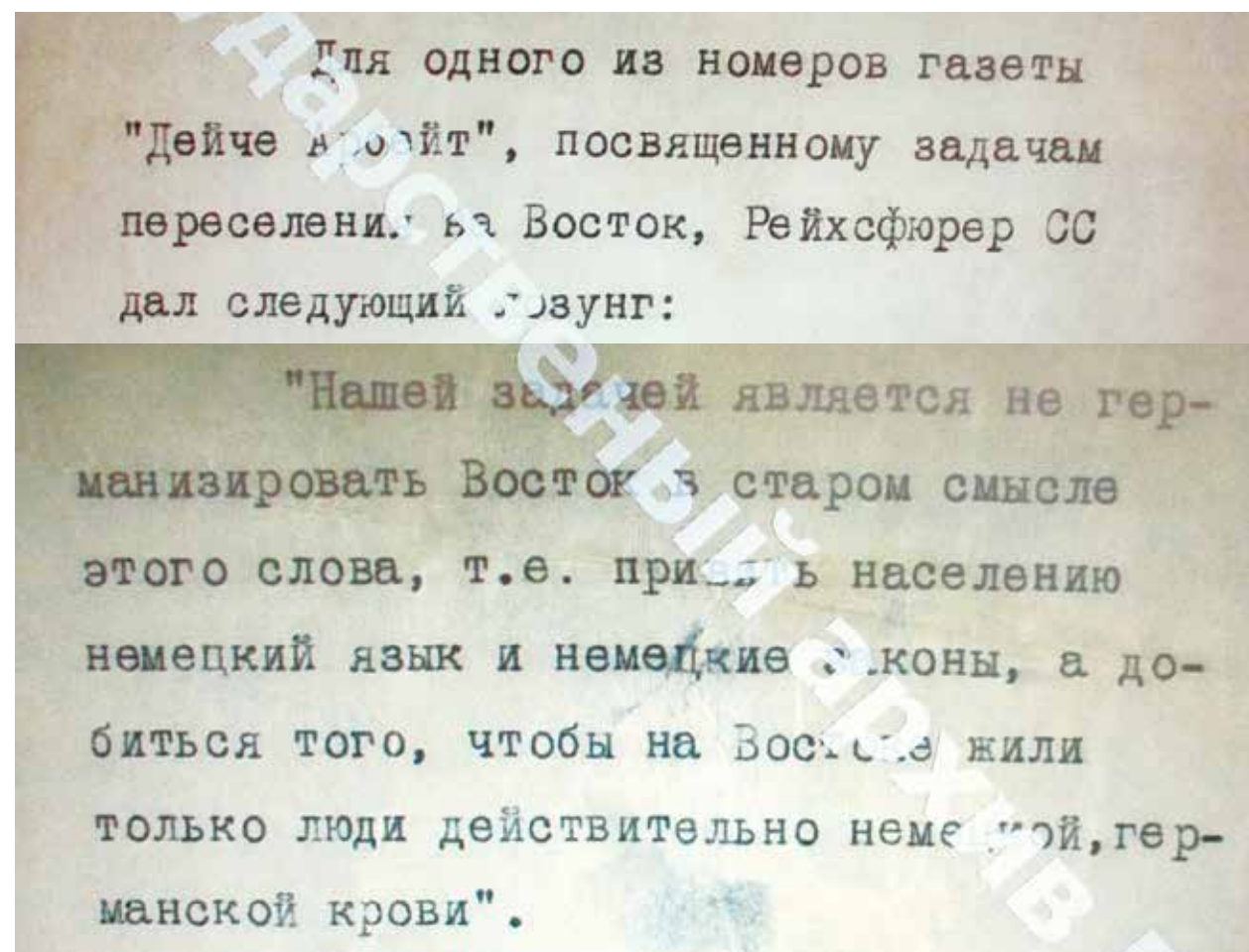
I have read it, it is recorded true to my word. (signature)

Нередко коллаборационистов пытаются представить так называемыми «борцами за независимость» территории от большевизма, стремящихся развивать национальную культуру и государственность. В оправдание этого мифа приводятся доводы о якобы имевшем место обмане нацистов в отношении коллаборационистов. Кроме того, в оправдание приводятся аргументы о том, что нацисты собирались поощрять и развивать местную национальную культуру и государственность.

Вместе с тем нацисты никогда не скрывали своих истинных планов о тотальном заселении территории немцами.

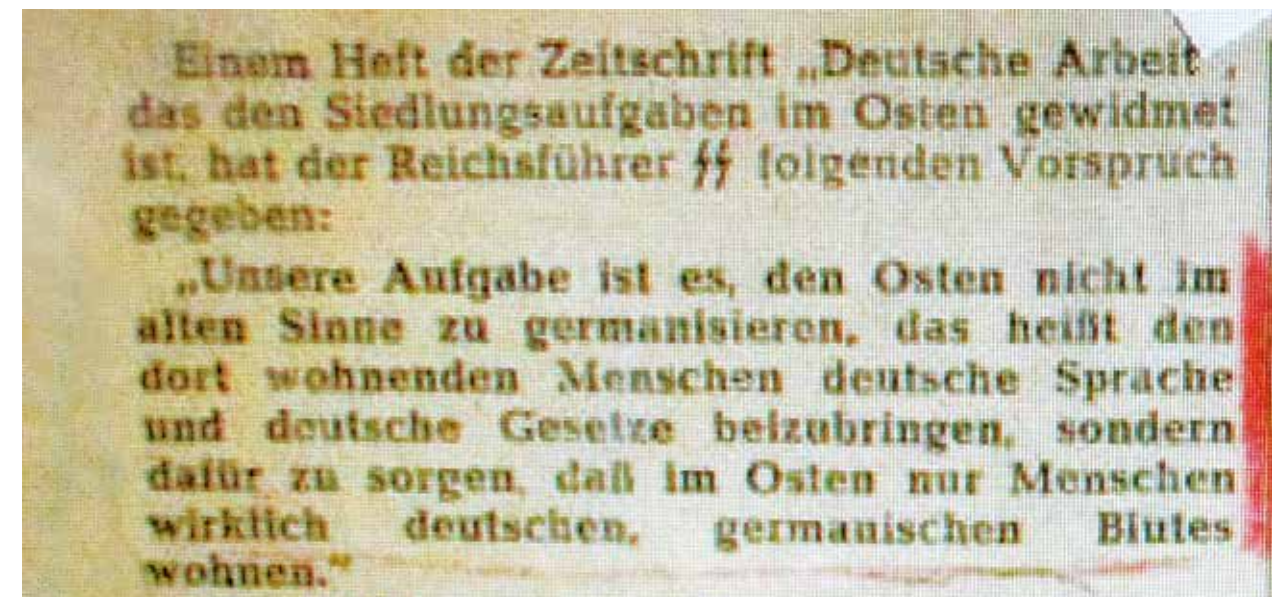
Collaborators are often presented as so-called "warriors for the independence" of the territory from Bolshevism, striving to develop national culture and statehood. To support this myth, there is justification for the supposed deceit committed by the Nazis against collaborators. Furthermore, the justification is based on the fact that the Nazis intended to encourage and develop local national culture and statehood.

At the same time, the Nazis never hid their true plans for total repopulation of the territory by Germans.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 154. Л. 7а
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 154. L. 7a

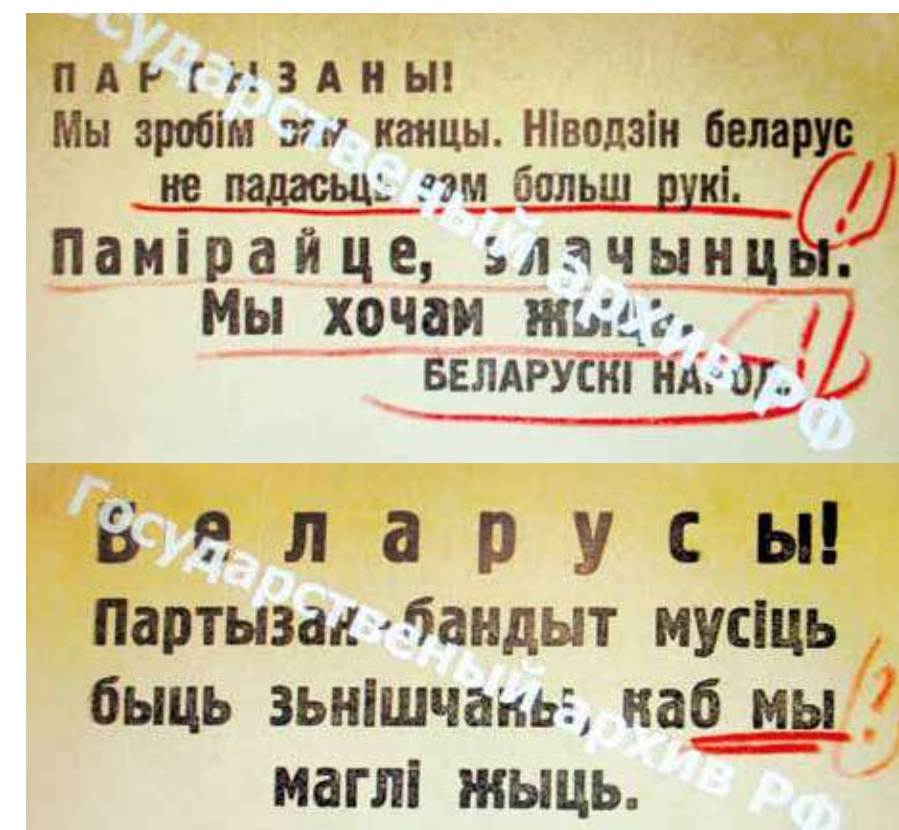
For one of the articles of "Deutsche Arbeit" newspaper devoted to the tasks of relocation to the East, the Reichsführer SS gave the following slogan: "Our task is not to germanize the East in the former sense, i.e. to bring the German language and German laws to the population, but to ensure that only those of truly German origin live in the East".

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 154. Л. 8
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 154. L. 8

Как следует из архивных материалов, при-
спешники оккупационной власти всячески со-
действовали нацистам в реализации их целей
на уничтожение населения.

As archive materials demonstrate, the supporters
of the Occupation authorities assisted the Nazis in
every possible way to implement their goals of ex-
termination of the population.

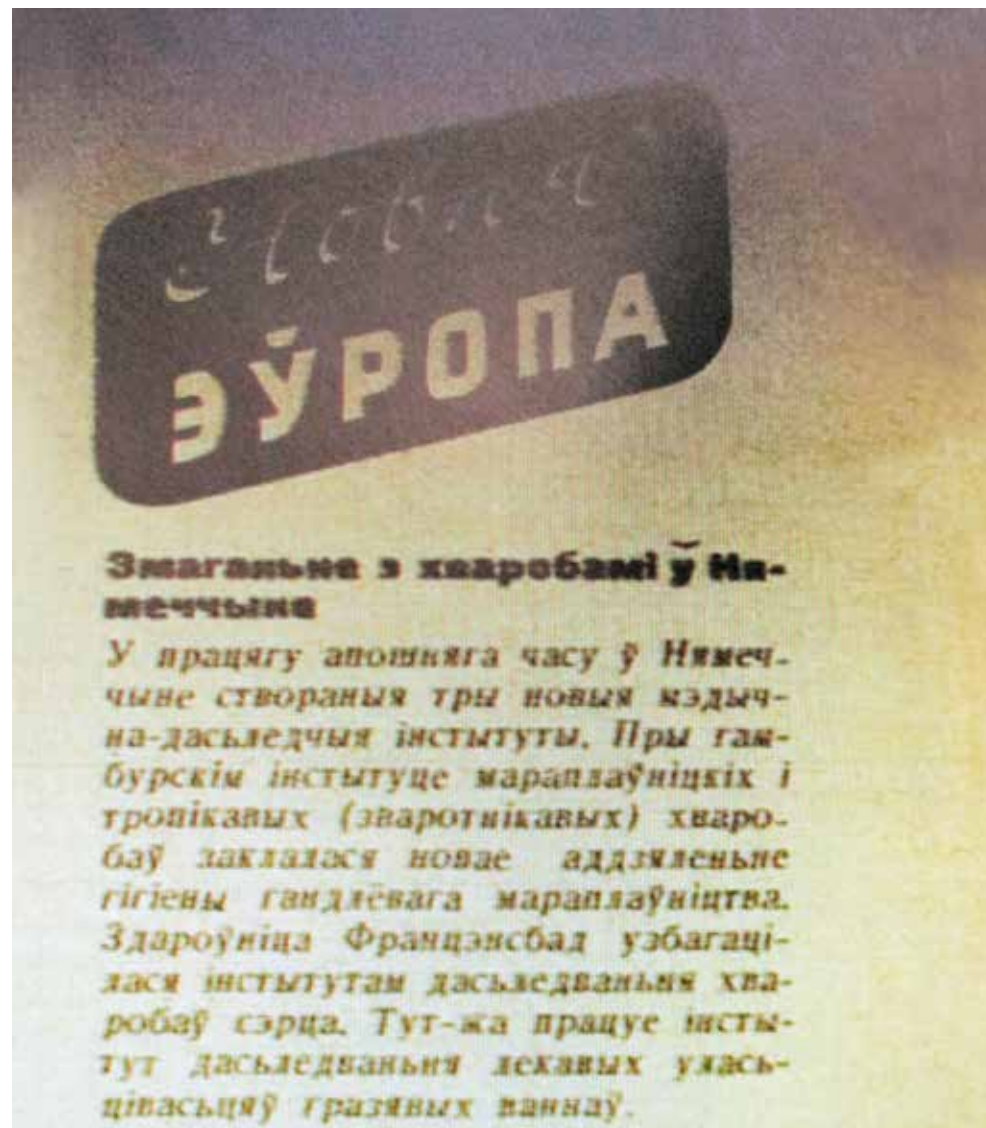

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 481. Л. 3-4
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 481. L. 3-4

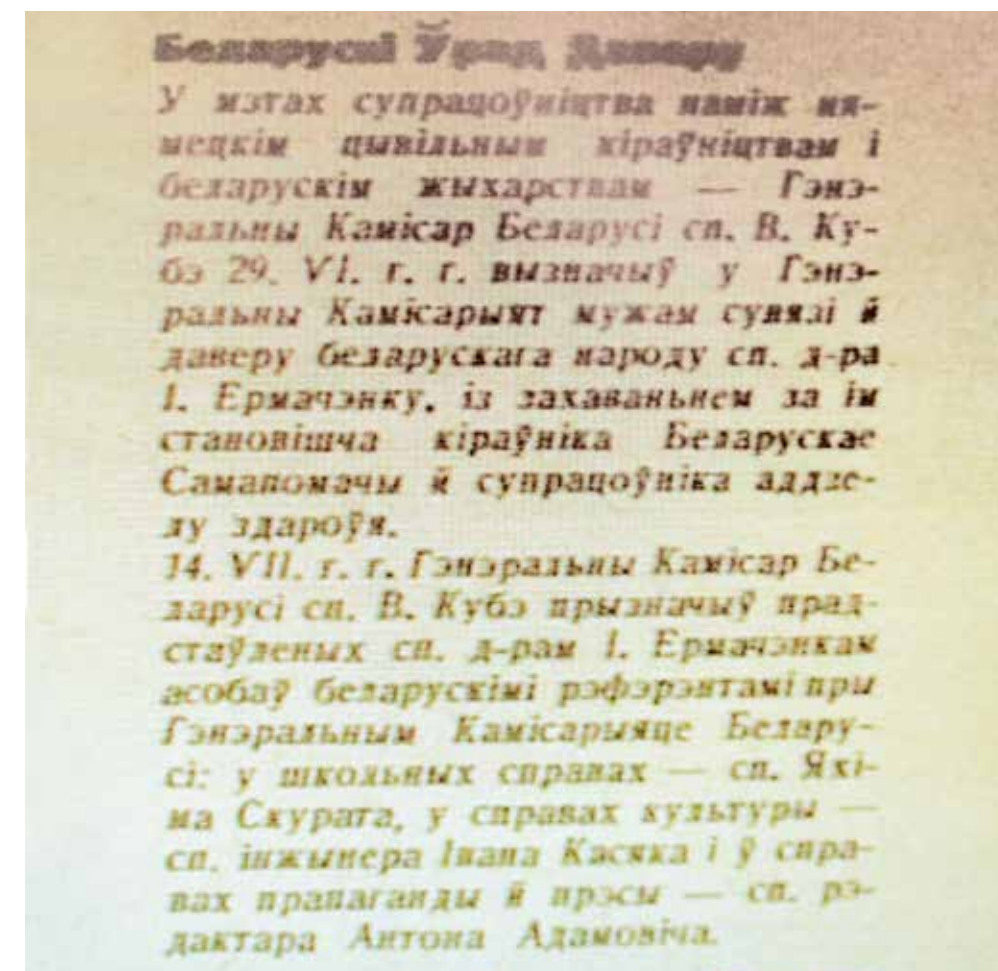
Partisans!
We will make you
end. Not a single Belar-
usian will give you ever
a hand.
Die, criminals.
We strive to live.
Belarusian people.

Belarusians!
A partisan is a ban-
dit and is to be de-
stroyed to let us live.

Хорошо известные современным жителям Беларуси лозунги о так называемой «Новой Европе» берут свое начало задолго до попытки государственного переворота в августе 2020 г. В печатных изданиях, тиражируемых на оккупированной территории БССР, эти лозунги активно пропагандировались. Более того, даже издавался журнал с указанным наименованием. На страницах этого журнала появлялись фотографии коллаборационистов, приносящих присягу на верность Гитлеру, которые впоследствии убивали мирных белорусских граждан.

Slogans about the so-called "New Europe", which are well-known to modern Belarusians, originated long before the attempted state coup in August 2020. These slogans were actively promoted in the press publications circulated in the occupied territory of the BSSR. Moreover, there was even a published magazine with the above-mentioned name. The pages of this magazine included photos of collaborators swearing allegiance to Hitler, who subsequently killed peaceful Belarusian citizens.

NEW EUROPE

Combating diseases in Germany

During the last time three medical and research institutes have been established in Germany. At Hamburg University of navigation and tropical (reversible) diseases, new department of hygiene of commercial navigation has been established. Health center Frantsensbad was supplemented with the institute of research of heart diseases. Here the institute of research of pharmaceutical products of mud-baths is operating.

Belarussian Government of Trust

With the purpose of cooperation between German civil government and Belarusian civilians – General Commissioner of Belarus V. Kube on 29.VI this year appointed at General commissariat, in connection with trust to Belarusian people, Mr. Doctor I. Ermachenko, and he will keep the position of chief of Belarusian Self-assistance and official of department of health.

14.VII this year General Commissioner of Belarus V. Kube appointed the persons, presented by Mr. Doctor I. Ermachenko, as Belarusian referents at General commissariat of Belarus: in school matters – Mr. Yahim Skurat, in cultural matters – engineer Ivan Kasyak and in matters of propaganda and press-editor – Anton Adamovich.

Українські добровольці здають присягу над скрещаними німецькими й українськими стягами.

Ukrainian Volunteers take an oath over crossed German and Ukrainian flags.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 475. Л. 3
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 475. L. 3

Белорусские коллаборационисты выслуживались перед нацистскими оккупантами. Тех нацистских преступников, которые являлись организаторами геноцида белорусского народа, они якобы от лица белорусских граждан благодарили за «освобождение от большевизма, оказание содействия в развитии белорусской культуры и экономики, создание белорусского штурм-батальона и открытие школ на белорусском языке» [19].

Belarusian collaborators served the Nazi occupants. On behalf of the Belarusian citizens, they allegedly thanked the Nazi criminals, who were co-organizers of the genocide of the Belarusian people, for "liberation from Bolshevism, assistance in the development of Belarusian culture and economy, foundation of the Belarusian assault battalion and opening of schools with the Belarusian language" [19].

Белорусы благодарят немцев за освобождение большевизма. Выносим большую благодарность министру Альфреду Розенбергу, благодарим генерал-комиссара ~~Али~~ Белоруссии Вильгельма ~~М~~ за оказание содействия в развитии белорусской культуры и эконо-

ми, в создании белорусского штурм-батальона, в открытии школ на белорусском языке.

Опять государственная власть не в руках белорусов. Белорусы только пассивные исполнители. Получается так, что белорусы не освобожденный народ, а побежденный. Для наведения порядка в Белоруссии привлекаются украинские и литовские карательные батальоны. В тех местах, где используются белорусы, они даже не форменную одежду.

Нам необходимо уничтожить как внутреннего, так и внешнего врага. Белорусы должны знать, что уничтожение большевистско-еврейского СССР, это уничтожение врага белорусского народа и что в новой Европе белорусы получат большой вес и значение. Необходимо допустить белорусский народ к активной работе и борьбе против его врага.

Предлагаем создать белорусско-национальный управленческий совет при генеральном комиссариате Белоруссии. В нем должны работать белорусские националисты, знающие свои районы и развивающие в них свое хозяйство и культуру. Создать белорусскую полицию. Организовать органы местного и городского управления. Создать добровольческую армию

2.000 человек в помощь немецкой армии для борьбы с партизанами и саботажем. и для охраны безопасности белорусского народа. Присоединить эту армию к украинским и литовским карательным батальонам.

Подписи белорусов из Минска, Баранович, Столбцов, Могилы, Мира, Новогрудок, Несвижа и т.д.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 498. Л. 1а – 1в
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 498. L. 1a – 1b

Belarusians thank the Germans for setting them free from Bolshevism. We express our great gratitude to Minister Alfred Rosenberg, we thank Commissar General of Belarus Wilhelm Kube for his assistance in the development of Belarusian culture and economy, in the creation of the Belarusian storm battalion, and in the opening of schools in the Belarusian language.

Again the governmental power is not in the hands of Belarusians. Belarusians are only passive executors. It turns out that Belarusians are not a liberated people, but a defeated one. Ukrainian and Lithuanian punitive battalions are attracted to restore order in Belarus. In those places where Belarusians are engaged, they don't even wear uniforms.

We need to destroy both internal and external enemies. The Belarusians should know that destroying the Bolshevik-Jewish USSR is the destruction of the fierce enemy of the Belarusian people, and that in the new Europe the Belarusians will receive great weight and importance. It is necessary to involve the Belarusian people in active work and struggle against their enemy.

We propose to create a Belarusian-National Governing Council at the General Commissariat of Belarus. It should be composed of Belarusian nationalists who know their districts and develop their economy and culture there. To create the Belarusian police. To establish regional and city administration bodies, to create a volunteer army of 2000 people to assist German army in fighting against partisans and obstruction and to guard Belarusian people. To add this army to the Ukrainian and Lithuanian punitive battalions.

63 signatures of Belarusians from Minsk, Baranovichi, Stolbtsy, Slonim, Mir, Novorgudok, Nesvizh and others.

Как следует из содержания этих заметок, националисты фактически добровольно изъявляли желание быть частью украинских и литовских карательных батальонов для уничтожения собственных соотечественников.

Белорусские националисты в годы войны проявляли недовольство недостаточной «очисткой» территории от «большевистских элементов». Призывы к еще более жесткому и беспощадному отношению к белорусам высказывал в одной из своих статей один из лидеров белорусских националистов Фабиан Акинчиц.

As it follows from these notes, the nationalists actually volunteered to be part of Ukrainian and Lithuanian punitive battalions for the extermination of their own countrymen.

During the war years, Belarusian nationalists showed their dissatisfaction with the insufficient "cleansing" of the territory from "Bolshevik elements". One of the leaders of the Belarusian nationalists, Fabian Akinchits, in his articles called for an even harsher and more ruthless attitude towards the Belarusians.

Почему партизанское движение и бандитизм приняли такое широкое распространение?
1. Своевременно (еще 1 год тому назад) следовало провести очистку Белоруссии от большевистских элементов.
В Западной Белоруссии следовало обезвредить всех членов коммунистической партии и других левых партий как белорусских, так и польских, которые входили в так называемый "народный фронт".
Поскольку такой очистки не сделано, все эти элементы, сочувствуя Москве и ненавидя нацистскую Германию, оживили свою работу и, несомненно, всякими способами поддерживают партизанщину.
Установлено, что белорусы, как из Западной Белоруссии, так и Восточной участвуют в партизанских отрядах. Так, например, мне известно, что в мирском районе действуют местные белорусы-активисты (из КПЗБ, бывшие члены ТБШ, Змаганьня и других организаций) по причине чего крестьяне добровольно идут в партизанские отряды. Так, из деревни Лядки (Яремичская волость, Мирской район) добровольно ушло 30 человек, из дер. Погорелки той же волости ушло 15 человек. Этот район еще во времена Польши был переполнен большевиками и поэтому ничего нет удивительного, что теперь там жгут мосты, волостные управления, убивают, идут в банды и т. п. Этого бы не было (по крайней мере в такой степени), если бы была проведена тщательная очистка подобных районов.

бывшие члены ТБШ, Змаганьня и других организаций) по причине чего крестьяне добровольно идут в партизанские отряды. Так, из деревни Лядки (Яремичская волость, Мирской район) добровольно ушло 30 человек, из дер. Погорелки той же волости ушло 15 человек. Этот район еще во времена Польши был переполнен большевиками и поэтому ничего нет удивительного, что теперь там жгут мосты, волостные управления, убивают, идут в банды и т. п. Этого бы не было (по крайней мере в такой степени), если бы была проведена тщательная очистка подобных районов.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 512. Л. 1
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 512. L. 1

Why did partisan movement and banditism become so widely spread?

1. We should have cleaned Belarus of Bolshevik elements one year ago in a timely manner.

In Western Belarus, all members of the Communist Party and leftist parties, both Belarusian and Polish, who were members of the so-called "popular front", should have been neutralized.

As no such cleansing has been done, all these elements, sympathizing with Moscow and hating Nazi Germany, have revived their work, and are undoubtedly supporting partisanship in every possible way.

It was found out that Belarusians from both Western Belarus and Eastern Belarus are involved in partisan detachments. For example, I know that local Belarusians-activists (from the Communist Party of Western Belarus, former members of Association of Belarusian School, from other organizations) are active in Mir district, for the reason of which peasants voluntarily join the gangs. Thus 30 people voluntarily escaped from village Lyadki (Eremichi area, Mir district), 15 people left village Pogoreloe (Eremichi area, Mir district). This area was full of Bolsheviks even in Polish times, and therefore it is not surprising that now bridges, township offices, murder, gangs and so on are burnt there. This would not happen, at least not to this extent, if a thorough cleansing of such areas were carried out.

Своих родственников коллаборационисты спасали от расправ, нападений нацистов, остальных же людей массово уничтожали.

Из показаний потерпевшей М.П. Корж, 1932 г. р., о зверствах коллаборационистов при проведении карательной операции «Русалка»:

The collaborators saved their relatives from massacres and attacks by the Nazis, while the rest of the people were massively exterminated.

From the testimony of the victim M. Korzh, born in 1932, about the collaborators' atrocities during the punitive operation "Mermaid" ("Rusalka"):

Вопрос прокурора: - Вашу деревню спалили?

Ответ потерпевшей: - Спалили.

Вопрос прокурора: - А кто палил ее?

Ответ потерпевшей: - Это нам говорили, потому что нас уже не было. В 1942 году, так как партизанская семья, мы сразу поехали в Куритичи, а потом в лес. Сразу, потому что моих два брата в партизанах были, они офицеры были на фронте. Два на фронте были, а два в партизанах были.

Вопрос прокурора: - Что Вы знаете о том, как деревню спалили, кто ее спалил и за что ее спалили?

Ответ потерпевшей: - Спалили, я же не знаю, за что они спалили. Это я уже слышала, что партизаны напали, в Муляровке была полицейская организация, там и самый главный их руководитель пармен называли. И вот партизаны сделали налет на Муляровку и там их немного разбомбили и некоторых забрали в плен. Так, я не знаю, или они от этого приехали палить Людвином. Окружили Людвинов, а некоторые семьи партизанские поуждали, а некоторые говорили, что чего они поедут, что у них никого в партизанах нет, что их никто не тронет. И эти все оставались, кто не в партизанах. И их всех согнали в коровник буквой «П», там их чуть перестреляли, запалили, так три кучи было больших. Не всех спалили, некоторые остались, а некоторые под женские платья спрятались. Это были хлопцы по 15-16 лет. Один Иван звался, так умер.

Так некоторые остались, а некоторых погнали туда, а некоторых освободили. Освободили тех, кто родственник был полиции. Тут же не одни немцы были, а полицаяв было много. Так вот полицая своих родственников, или хороших знакомых освободили и поселили их в Средней Рудне, а некоторые в Сметаничах жили, так те остались. А остальных, кто не освободил, всех спалили, их в сарай загнали. Заперли сарай, перестрочили чуть, а всех не перестреляли, потому что мой брат Колька говорил, что когда хоронил, так некоторые узнал по одежде. Узнал людей своих односельчан. Так те, кто наверху были, они спалены были, а те, кто на низу, наверное, они уже бегли в кучу, я так понимаю. Так три кучи были таких больших. Так он некоторых познал. Вот они их и похоронили.

Вопрос прокурора: - А кто палил, это жандармерия была?

Ответ потерпевшей: - Немцы и полицая. Такие были страшные. Загнали всех в сарай, а сарай колхозный был, большой, буквой «П». Сарай находился там, где памятник стоит, только чуть дальше. Брат мой хоронил этих людей. Там выкопали несколько ям и их в ямах и похоронили, потегали.

Вопрос прокурора: - Сколько, примерно, там человек было?

Ответ потерпевшей: - Говорили, и написано было сначала, а после сделали памятник и на памятнике были написаны фамилии, имена и отчества. Так 75 человек тогда было. И на том месте, где сейчас памятник в Людвине, там они там не захоронены, их перезахоронили.

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Протокол допроса потерпевшей М.П. Корж
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. The protocol of the interrogation of the witness M. Korzh

Prosecutor's question: – Was your village burnt down?

Victim's answer: – Yes, it was burnt down.

Prosecutor's question: – Who burnt it?

Victim's answer: – They told us that because we weren't there in 1942. As a Partisan family, we went straight to Kuritichi and then to the forest. Straight away, because my two brothers were partisans. They were officers at the front. Two were at the front, and two were partisans.

Prosecutor's question: – What do you know about how the village was burnt down? Who burnt it down and why it was burnt down?

Victim's answer: They burnt them. I don't know why they burnt them. I've heard that partisans had attacked in Mulyarovka. There was a police organization there and their chief, called parmen. So the partisans raided Mulyarovka, and there they bombed them a bit and took some prisoners. So, I don't know if they came to burn Ludvinov from that. They surrounded Ludvinov. And, some partisan families left, and some people said that why would they go, that they had no one in the partisans and that nobody would hurt them. And those, who were not in the partisans stayed in the village. They were all forced into a u-shape cow barn there, they shot them almost to death. Then they burnt them. There were three big piles of them. Not all of them were burnt – some survived, and some hid under women's dresses. There were 15–16 year old boys. One of them was called Ivan, so he died.

Some people stayed and some were forced to go there, some were released. They released those who were relatives of the police. There were not only Germans here, there were many police officers. So the police freed their relatives or good acquaintances and settled them in Srednyaya Rudnya. And some stayed in Smetanichi, and the rest, who were not freed, were burnt. They were put in a barn.

They locked the barn, and shot some of them. They didn't shoot them all, because my brother Kolya said that when he buried some of them, he recognized some by their clothes, recognized some of the villagers. So, those who were on the top were burnt, and those who were on the bottom probably already ran into a pile, as I understand it. So, there were three piles that big. He recognized some of them. They were buried.

Prosecutor's question: – Who burnt, the gendarmerie?

Victim's answer: – There were Germans and there were Polizei. They were so terrible. They put people all in a barn. And the barn belonged to a collective farm, big, U-shaped. The barn was where the monument is, but a little farther away. My brother buried those people. They dug several pits there and buried them in the pits.

Prosecutor's question: – How many people were there approximately?

Victim's answer: – It was said and written at first, and after they built a monument, and they wrote surnames, first names and patronymics on the monument. So, there were 75 people then. And on the place where the monument is now in Ludvinov, they were not buried, but reburied.

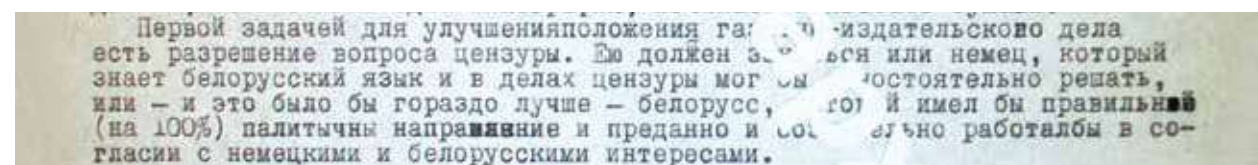
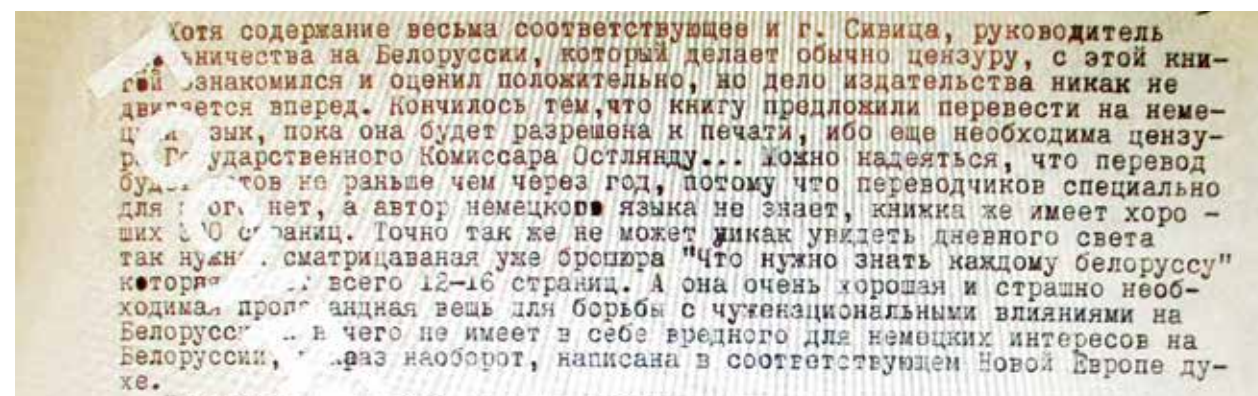
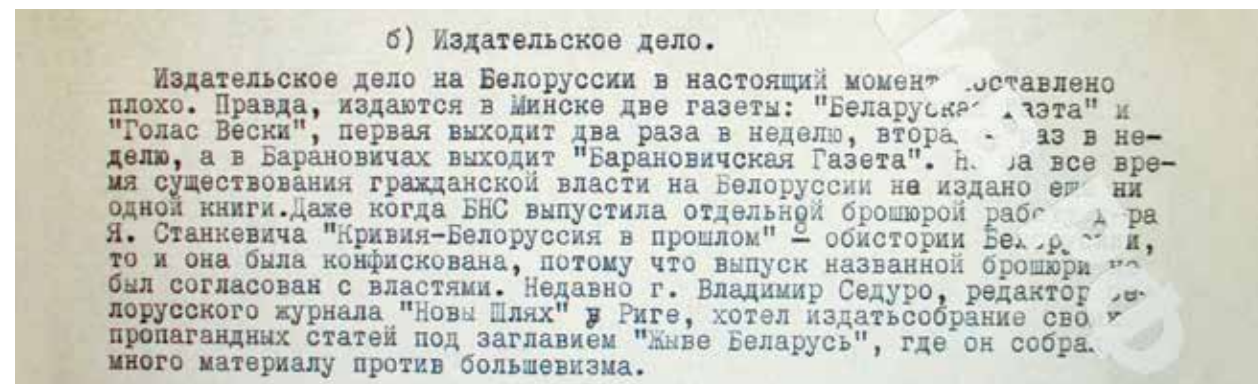
Встречаются случаи, когда белорусских коллаборационистов пытаются изобразить борцами за «белорусскую самобытность». Такие аргументы приводятся, чтобы оправдать сотрудничество националистов с нацистской Германией. Это делается с целью показать, что якобы, несмотря на геноцид миллионов белорусов, оккупантами поощрялось развитие национальной культуры белорусов.

There are cases when Belarusian collaborators are often portrayed as fighters for "Belarusian identity". Such examples are used to justify the cooperation of nationalists with Nazi Germany. This aims to show that despite the genocide of millions of Belarusians, the occupants encouraged the development of the national culture of Belarusians.

However, in reality, there was no mention of any independence, even in terms of information. In

В действительности ни о какой независимости, даже на уровне информационной деятельности, не шло и речи. В этой же статье националист Акинчиц приводит примеры изданий «Жыве Беларусь» и «Что нужно знать каждому белорусу», которые не были изданы на территории Беларуси, хотя одна из них представляет собой «очень хорошую и страшно необходимую пропагандную вещь для борьбы с чуженациональными влияниями на Белоруссии и ничего не имеет в себе вредного для немецких интересов на Белоруссии... написана в соответствующем Новой Европе духе». По его мнению, цензурой на оккупированной территории «должен заняться или немец, который знает белорусский язык и в делах цензуры мог бы самостоятельно решать, или – и это было бы гораздо лучше – белорус, который имел бы правильное (на 100 %) политическое направление и преданно и сознательно работал бы в согласии с немецкими и белорусскими интересами» [20].

the same article, the nationalist Akinchits gives examples of the publications "Zhyve Belarus" ("Long live Belarus") and "What every Belarusian needs to know", which were never published on the territory of Belarus, although one of them is "a very good and terribly necessary propaganda thing for the struggle against foreign national influences in Belarus and has nothing harmful for German interests in Belarus...written in the relevant New European manner". In his opinion, in the occupied territory censorship "should be carried out either by a German who knows the Belarusian language and could decide on his own in matters of censorship, or – and this would be much better – by a Belarusian who would have the correct (100 %) politic direction and would faithfully and deliberately work in accordance with German and Belarusian interests" [20].

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 512. Л. 5
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 512. L. 5

b) Publishing business.

The publishing in Belarus is currently poor. However, two newspapers "Belaruskaya Gazeta" ("Belarusian newspaper") and "Golas Vynoski" ("Voice of village") are published in Minsk. The first one is published twice a week, the second one – once a week. And in Baranovichi "Baranovichskaya Gazeta" ("Baranovichi newspaper") is published. But not a single book has been published during the whole period of existence of civil power in Belarus. Even when the Belarusian Self care published a separate booklet by Dr. Stankevich "Krivia–Belarus in the past" about the history of Belarus, it was seized, because the publication of this booklet was not coordinated with the government. Recently Vladimir Sidorov, editor of the Belarusian magazine "Novy Shliakh" ("New way") in Riga, wanted to publish a collection of his propaganda articles under the title "Zhyve Belarus" ("Long live Belarus"), but he had collected a lot of material against Bolshevism.

Although the content is quite relevant and Mr. Sivitsa, the head of schoolchildren in Belorussia, who usually does censorship, read this book and positively evaluated it. But the publishing is not moving forward. It ended up that the book was offered to be translated into German before it was allowed to be printed, because the censorship of the State Commissar Ostland was yet necessary... Hopefully, the translation will be ready in a year at the earliest, because there are no special translators, and the author does not know German. The book has 360 pages. Similarly, such a necessary brochure "What Every Belarusian Needs to Know", consisting of 12–16 pages, cannot yet be published. But it is a very good and terribly necessary propaganda thing for the struggle against foreign national influences in Belarus and has nothing harmful for German interests in Belarus. It has nothing harmful for German interests in Belarus. On the contrary, it is written in the relevant New European manner.

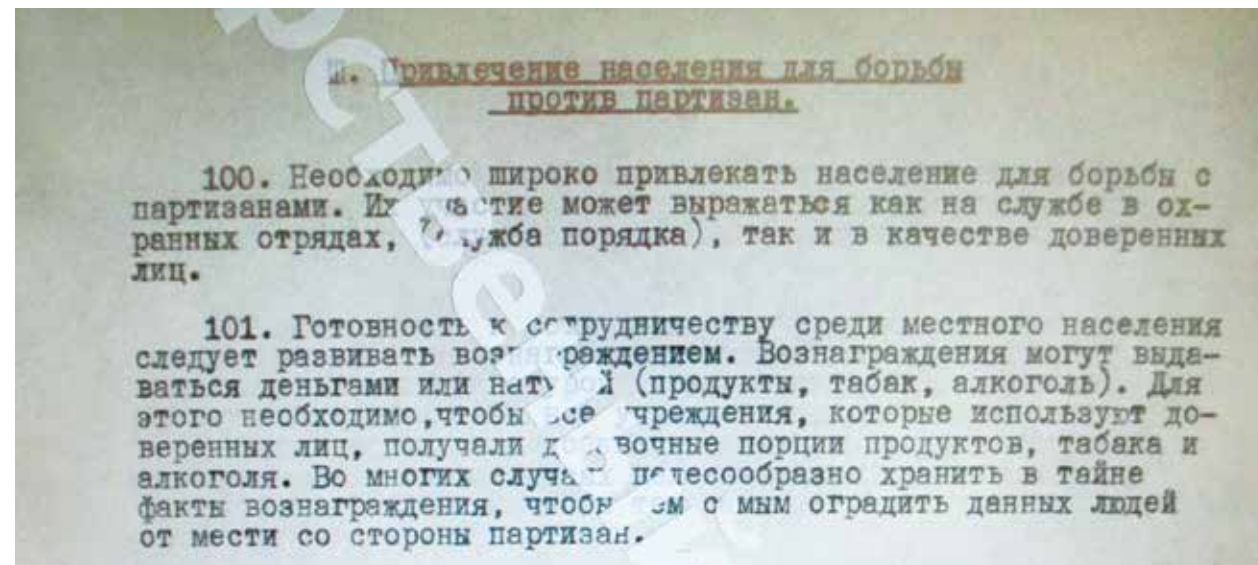
The first task to improve the situation of the newspaper-publishing business is to solve the issue of censorship, which should be carried out either by a German who knows the Belarusian language and could decide on his own in matters of censorship, or – and this would be much better – by a Belarusian who would have the correct (100 %) politic direction and would faithfully and deliberately work in accordance with German and Belarusian interests.

Нацисты осознавали выгоду сотрудничества с предателями из числа местного населения. Большинство коллаборационистов, сотрудничавших с нацистами, руководило чувство наживы и обогащения. Нацисты понимали, что на сотрудничество с ними, как правило, пойдет корыстный человек, поэтому отмечали, что привлечение населения для помощи немцам необходимо стимулировать вознаграждением.

The Nazis understood the benefits of collaborating with traitors from the local population. Most collaborators who cooperated with the Nazis were guided by a sense of profit and enrichment. The Nazis were aware that a self-serving person would usually cooperate with them, so they emphasized that recruiting the population to help the Germans should be rewarded.

Из директивы по борьбе с партизанами
от 11 ноября 1942 г.

From the Directive on the fight against partisans
of November 11, 1942.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 194. Л. 1–22
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 194. L. 1–22

2. Engaging local population to fight against the partisans.

100. The population must be widely involved to fight partisans. They can be involved either by serving in security detachments (order service) or as proxies.

101. Willingness to cooperate among the local population should be encouraged by reward. Rewards can be given in cash or in kind (food, tobacco, alcohol). This requires that all entities that use proxies should receive additional amounts of food, tobacco and alcohol. In many cases, it is worthwhile to keep the facts of the rewards secret in order to protect them from partisan revenge.

Активное участие в карательных операциях принимали коллаборационисты, прошедшие подготовку в специальных учебно-разведывательно-диверсионных школах (курсах). Всего на оккупированной территории Беларуси было открыто более 60 таких учебных центров. Первые школы были открыты в августе 1941 г. в Борисове и местечке Кремное (в настоящее время – территория Гомельской области).

Социальную базу вербуемой агентуры составляли активные пособники и коллаборационисты, военнопленные и гражданское население, в том числе женщины и дети.

Основными задачами готовившейся агентуры были разведка, совершение диверсий, а также планирование участия в карательных операциях.

Collaborators trained in special training schools (courses) for intelligence and diversion took an active part in punitive operations. In total, there were more than 60 such training centers opened in the occupied territory of Belarus. The first schools were opened in August 1941 in Borisov and the town of Kremnoe (now the territory of Gomel region).

The active collaborators and agents, prisoners of war and civilians, including women and children, constituted the social base of the recruited agents.

The principal tasks of the trained agents were intelligence, committing sabotage and planning participation in punitive operations.

In the territory of Belarus, there were more than 10 schools where teenagers and children

На территории Беларуси действовало более 10 школ, где готовились агентурные кадры из числа подростков и детей. Располагались они, в частности, в местечке Кремное, городах Борисов, Барановичи, Брест, Бобруйск, Минск, Сенно, Шумилино, Городок и др. [21, с. 21].

Всего через эти школы прошло по неполным данным более тысячи подростков. Приблизительно 6,7 % от общего числа завербованных (от 15 тысяч человек).

К разведывательно-диверсионной работе также привлекались женщины, которые составляли около 25 % от общего числа агентуры. Подготовка женской агентуры велась более чем в 20 школах и курсах на территории Барановичей, Бобруйска, Борисова, Вилейки, Волковыска, Ганцевичей, Марьиной Горки, Минска, Орши, Слонима и др. [21, с. 21].

В зависимости от профиля обучения определялся и перечень учебных дисциплин. Среди них основными были умение ориентироваться на местности, топография, методы сбора разведанных, физическая подготовка, методы совершения диверсий (массовое отравление при помощи пищи и водных бассейнов, порча машин, подрыв и минирование железных дорог, подпилка мостов и др.), немецкий язык, идеологический курс «Новая Европа». Преподавали дисциплины «индивидуальный террор» и «способы озлобления народа» — массовые и индивидуальные. Радистов обучали работе на ключе. Срок обучения варьировался от нескольких недель до полугода (в зависимости от школы). В работе по подготовке агентуры принимали участие практически все немецкие специальные и оккупационные органы: Абвер, СД, Тайная полевая полиция, жандармерия, айнзацкоманды, комендатуры и др.

were trained as agents. These schools were located, in particular, in the town of Kremnoe, the cities of Borisov, Baranovichi, Brest, Bobruisk, Minsk, Senno, Shumilino, Gorodok and others [21, p. 21].

In total, according to the incomplete data, more than a thousand teenagers went to these schools. Approximately 6,7 % of the total number of the recruited (from 15 thousand people).

Moreover, women were involved in intelligence and sabotage work, representing about 25 % of the total number of agents. Women agents were trained in more than 20 schools and courses on the territory of Baranovichi, Bobruisk, Borisov, Vileika, Volkovysk, Gantsevichi, Maryina Gorka, Minsk, Orsha, Slonim, etc. [21, p. 21].

The list of academic disciplines was determined according to the training profile. The major subjects were terrain orientation, topography, intelligence gathering methods, physical training, sabotage techniques (mass poisoning by means of food and water pools, spoiling cars, undermining and mining railroads, propping up bridges, etc.), the German language, and the ideological course "New Europe". They taught the disciplines "Individual terror" and "Ways of embittering the people" – massive and individual. Radio operators were trained to send on the key. The training period varied from a few weeks to six months (depending on the school). Practically all German special and occupation agencies took part in training agents: Abwehr, SD, Secret Field Police, Gendarmerie, Einsatzkommandos, commandant's offices, etc.

Следственной группой Генеральной прокуратуры изучено несколько десятков тысяч архивных уголовных дел, в т.ч. в отношении коллаборантов, участвовавших в геноциде белорусского народа, в т. ч. в отношении П.Г. Близняка, 1927 г. р., который в 1943 г. добровольно вступил в антисоветскую националистическую организацию «Союз белорусской молодежи» (СБМ).

The investigation group of the General Prosecutor's Office studied several tens of thousands archive criminal cases, including against collaborators who participated in the genocide of the Belarusian people, including against P. Bliznyak, born in 1927, who in 1943, together with more than a thousand others, voluntarily joined the antisoviet nationalist organization "Belarusian Youth Union" (BYU).

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022
о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022
on genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period

В период оккупации, находясь в Поставах и уже будучи членом СБМ, он неоднократно присутствовал на лекциях, где им рассказывали «о Новой самостоятельной Беларуси», разучивали и исполняли белорусско-националистический гимн, созданный в период немецкой оккупации, проводили строевые занятия. Носил соответствующую форму и бело-красно-белую повязку на ней.

Позднее для прохождения военной подготовки был направлен в разведывательно-диверсионную школу в г. Дрезден (Германия), где принял присягу на верность не только белорусскому националистическому движению, но и на вер-

During the occupation period, staying in Postavy and already being a member of the BYU he was repeatedly attending lectures, where they were taught "about the New Independent Belarus", learned and sang the Belarusian-nationalist anthem, composed in the period of German occupation, and had drill classes. He was wearing the appropriate uniform with a white-red-white armband.

Later, in order to undergo military training, he was sent to a intelligence and sabotage school in Dresden (Germany), where he took an oath of allegiance not only to the Belarusian nationalist move-

ность гитлеровской Германии и получил форму и нашивки СС.

В качестве приветствия немецких и белорусских офицеров в школе использовали лозунги «Хайль Гитлер» и «Жыве Беларусь».

Здесь обучающиеся проходили боевую подготовку, в ходе которой изучали различное вооружение, химическое дело, дело связи.

В школе проводились также политические занятия: обучающимся давали читать газеты и журналы, которые издавались белорусским националистическим правительством антисоветского содержания.

Немецкие офицеры проводили занятия по изучению биографии Гитлера, истории гитлеровской Германии.

Анализ уголовного дела свидетельствует, что в указанной школе, исходя из характера обучения, готовили карателей для борьбы с Красной Армией, партизанским движением и мирным населением.

ment, but also to Hitler's Germany and received an SS uniform and insignia.

As a greeting to German and Belarusian officers, the school used the slogans "Heil Hitler" and "Zhyve Belarus" ("Long live Belarus").

Here the students got military training, studying various weapons, chemical engineering, and communications.

There were also political classes in school: the students read newspapers and magazines published by the Belarusian nationalist government of anti-Soviet content.

German officers held classes on Hitler's biography and the history of Hitler's Germany.

The analysis of the criminal case shows that the said school, based on the nature of the training, trained punishers to fight the Red Army, the partisan movement and the peaceful population.

1951 года, октябрь, 2 дня г-р. Бугулова

Сверовотелью отделе контрразведки (иной
в части 2804 старший лейтенант)
Плетнев допросил обвиняемого
Биздана Павла Григорьевича

Вопрос: Расскажите подробно о вашем
обучении в немецкой Дрезденской
разведывательной школе.

Ответ: В немецкой Дрезденской разведывательной школе мы проходили военно-разведывательное обучение по немецким документам. Всего того, что мы проходили в Дрезденской школе, я сейчас не помню, но в памяти у меня все же сохранились следующие данные об обучении нас в Дрезденской разведшколе.

По строевой подготовке мы занимались в поле, где нас разбивали по группам и мы изучали повороты на месте и в движении, копирование строевыми командами. Во время строевой подготовки мы изучали приветствие немецких и белорусских офицеров, относимые возмозн "Капитан Гитлер" и "Живе Беларусь". Все команды подавались на немецком языке. Так, мне помнится, команда "Встать" — "ахтмен", команда "Ложись" — подавалась "Шинген", поворот направо — делался над командой "Линдун", "направо" над командой "Рекхун" и другие команды. Во время строевой подготовки мы разучивали и исполняли различные белорусско-националистические и немецкие

Биздан

песни. Иногда строевые занятия проводились с оружием.

По огневой подготовке мы изучали материальный состав винтовки, правила стрельбы из нее, прицеливание и стрельбе холостным патроном, а так же иногда ходили на стрельбище за город Дрезден, где проводили ваши стрельбы боевым патроном по мишеням.

По тактической подготовке мы занимались так же в поле, где немецкие офицеры учили нас вести наступательные и оборонительные бои группами и одиночными окопавшись друг за другом, работая траншеями, делая перебежки и переползание, то есть все то, что необходимо в бою с противником.

По предмету "разведывательное дело" нас обучали умения собирать сведения о противнике. Нам учили различать ряд вещей противника, определять его вооружение и численный состав, находить мины, разведывать противника путем подползания к его минам, нарушению минами связи противника. То же мы изучали и практиковались в определении расстояний до тех или иных предметов, наметки условными знаками на местности предметов и строений. Кроме того мы изучали действия взрывчатых веществ, как то: как его заставить взорваться, то есть как в него вставить кончик и прикрепить динамитов шнур.

Биздан

40

40

40

40

40

40

40

40

40

40

протоколирование показаний обвиняемого
Близняка Павла Григорьевича от 2.10.1951 года

на территории Германии. Про-
ходя службу в войсковой связи "СС"
немецкой армии, все мое в то
время и в, носили форму "СС", носили
кованые пояса "СБМ". Форму "СС"
носили и немецкие офицеры, коман-
довавшие этими подразделениями
связи "СС". С этими подразделениями
связи "СС", занимались полевой
телеграфно-телеграфной линией
для немецкой армии, я находил
в городах - Швейтцбург, Керкен,
Миндербург, Зольмус, Шлиденбург и
другие, название которых сейчас
не помню. —

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022
о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022
on genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period

October 2, 1951

city of Bugulma

The investigator of the counterintelligence department of Military Unit 2804, senior lieutenant Pletnev, interrogated the accused Bliznyak Pavel Grigorievich

Question: Tell in detail about your training at the German Intelligence School in Dresden.

Answer: At German intelligence school in Dresden I was taught by military men intelligence training in several disciplines. I don't remember now everything that we were taught at the Dresden school, but I remember the following data about our training at the Dresden intelligence school. We did drill training; we were divided into groups and we were taught turnings at the halt and after walking in quick time. During drill training, we studied the greeting of German and Belarusian officers, uttered the exclamation "Heil Hitler", "Long live Belarus". All commands were given in German. So, I remember, the command to "get up" was "aushten", the command "lie down" was "schligen", turn to the left was made under the command "lintzum", "to the right" under the command "rehtzum" and other commands. During drill training, we learned and performed various Belarusian nationalist and German songs. Sometimes drill instructions were carried out with weapons.

As a firearms training, we trained in aiming and shooting with blank cartridges, and also sometimes went to a shooting range outside the city of Dresden, where we practiced shooting live ammunition at targets.

For tactical training, we also practiced in the field, where German officers conducted offensive and defensive battles in groups and chased each other, dug trenches, made dashes and crawled, that is, everything that was necessary in a battle with the enemy.

On the subject "intelligence" we were taught the ability to collect information about an enemy. We were taught to distinguish between the types of enemy troops, determine their weapons and numerical strength, eavesdrop on telephone conversations by connecting to telephone line of an enemy, disrupt enemy's telephone communications. We also studied and practiced in determination of the distance to certain objects. We also studied the effects of explosives.

Continuation of the testimony of the accused Bliznyak Pavel Grigorievich from October 2, 1951

In Dresden school we also studied chemical specialty and communications. In chemical specialty, we were theoretically introduced to toxic substances, studied a gas mask, and were trained to be in a room, filled with toxic substances with a gas mask.

In communications, we studied telegram and telegraph communications, switch-boards, and also practically trained in conduction of such communications, in elimination of damage, as well as how to eavesdrop on telephone conversations of enemy and how to disable this connection.

In addition, we were subjected to political education, which has been conducted in the following way: we were given newspapers and magazines to read which were published by the Belarusian nationalist government of Ostrovsky, which had anti-Soviet content, in which the Red Army was criticized, in which the Soviet Union and its army were slandered, as if Soviet troops commit atrocities against the population. In these newspapers and magazines there were calls to fight against the Soviet Union for the creation of "independent Belarus" and the Germans were praised in every possible way. In addition, German officers conducted the classes with us on studying of the biography of Hitler, the Empire of Hitler's Germany and learned German songs with us, which were, of course, of fascist content. Due to the nature of the training at the German intelligence school and because the German Officers told us that we were ready to fight against Soviet Army and that we could be deployed in the rear of the Soviet Army for these purposes, it is possible to assume that we were really been prepared for deployment in the rear of the Soviet Army for sabotage purposes, but the command of the Dresden intelligence school didn't inform us where we would be used in the fight against the Soviet army, but only imparted the skills in us to conduct reconnaissance of the enemy, told us how the reconnaissance and saboteurs are deployed in the rear and that we too can be used for this purpose. But the school command did not tell that we could definitely be used in the rear of the Soviet Army.

Question: Tell us about your further service with the Germans after graduating from the German intelligence school in Dresden?

Answer: After graduation from the German intelligence school in Dresden, for reasons unknown to us, we were deployed to the rear of the Soviet Army and not to the front, where we would have been used directly in the fight against the Soviet Army, but we were deployed partly to the anti-aircraft troops of the German army and partly to the SS Signal Corps of the German army. I, along with others, who graduated from the intelligence school in Dresden, has been deployed to the Signal Corps of German Army, which was engaged in alignment of four-wire telephone and telegraph communications for the German Army.

Continuation of the testimony of the accused Bliznyak Pavel Grigorievich from October 2, 1951

While serving in the SS Signal Corps of the German Army, all of us, including me, wore the SS uniform, "sbm" armbands. SS uniform has been worn by German Officers who commanded these units. Signal Corps were engaged in wiring, I visited the cities of Schwaifurg, Kirchen, Millodorf, Zolmug, Schmideberg and others, whose names I don't remember now.

После окончания обучения был направлен в подразделение СС немецкой армии.

Таким образом, Близняк и многие другие белорусские коллаборационисты, надевая форму СС и повязки бело-красно-белого цвета, осознанно вступали в ряды карательных подразделений, принимавших участие в геноциде белорусского народа.

В 1945 г. вместе с немцами сдался в плен американским войскам. В ходе допроса П.Г. Близняк отметил, что американцы создали им привилегированное положение – очень хорошо кормили, давали курительные приспособления без ограничения, на физические работы не отправляли. Американские офицеры предлагали поступить к ним на службу и всячески восхваляли службу в американской армии и американский образ жизни.

After finishing the training, he was sent to an SS unit of the German army.

Thus, Bliznyak and many other Belarusian collaborators, wearing SS uniforms and white-red-white armbands, consciously joined the ranks of punitive units who took part in the genocide of the Belarusian people.

In 1945, together with the Germans, he surrendered to the American troops. During interrogation, P. Bliznyak mentioned that the Americans created a privileged position for them – they fed them very well, gave them unlimited smoking devices, and did not send them to physical labor. American officers offered to join their service and praised the service in the American army and the American way of life in every possible way.

Вопрос: Расскажите о своем пребывании у американцев после сдачи в плен американскими войсками.

Ответ: После сдачи нас в плен американскими войсками, нас поместили в специальный дом в городе Вингеринг, где мы под охраной американцев пробыли один месяц. На следующий день мы на машине были увезены в небольшой городок Фарирахе (Германия), где помещены американский сортировочный пункт военнопленных. Нас поместили в доме рядом с одно сортировочного лагеря военнопленных. Дом, в котором мы были помещены никакого охранения не имел и под никакой охраной не было до всей первой нашей командировки в этом доме, а пробыли у американцев в этом доме больше месяца. Наконец, не знаю из каких соображений, американское военное командование нам создано привилегированные и, я бы сказал, исключительные условия содержания, а именно хорошо кормили, давали курительные принадлежности, в неограниченном количестве и на наши работы мы не полагались. Мы находились в городе свободно и ничто в этом отношении не меняло. К нам часто приходили американские офицеры, проводили с нами беседы, в которых воссоздавали американский образ жизни, предлагали поступить нам в американскую армию или просто выехать на жительство в Америку. Среди нас были и молодые женщины у американцев, которых американцы

Венгрия

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022
о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022
on genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period

Question: Tell us about the time of your stay after you surrendered to American troops.

Answer: After we capitulated to American troops we were placed in specialized house in the city of Vingering, where we lived under the guard of American troops. On the next day we were taken by car to the small town (unreadable) (Germany), where American holdings and reconsignment point of POW has been located. We were placed near the holdings and reconsignment point of POW. The building, where we were placed, didn't have any fencing and during the whole period of stay in the house we weren't guarded and I stayed at this house for more than one month. I don't know for what reason American command decided to create privileged conditions for us, I would say positively good conditions, we were fed good, were given smoking accessories in unlimited amount and we didn't do any works. We walked around the city freely, nobody restricted us in this regard. American officers often came to us, conducted discussions with us, asked if we liked American way of life, offered to enlist in American army or just to relocate to America. Among us, there were people, who wanted to stay with Americans...

Даже в обычных школах на оккупированной территории БССР приспешники нацистов воспитывали детей в фашистском духе, возвращая в них крайний национализм, с целью создать целое поколение лояльных нацистам карателей. Таким образом коллаборационисты «обрабатывали» белорусских детей с целью оправдания массового истребления населения.

К примеру, в ходе работы в белорусских архивах изучено уголовное дело в отношении В.И. Гайсенко – начальника школьного отдела Толочинского района, который был ответственным за организацию воспитания белорусских детей в духе нацизма.

Even in regular schools in the occupied territory of the BSSR, Nazi collaborators taught children in fascist spirit, cultivating extreme nationalism in them in order to create a whole generation of punishers loyal to the Nazis. In this way the collaborators "educated" Belarusian children with the aim of justifying the mass extermination of the population.

For example, in the course of work in the Belarusian archives, a criminal case was studied against V. Gaisenko – head of the school department of Tolochin district who was responsible for organizing Nazi-inspired education of Belarusian children.

Вопрос: Какие вы проводили занятия с детьми по своим учебникам обреченных детей?

Ответ: С начала организации школ, я давал детям из школ района, чтобы дать им возможность учиться, занимались по советским учебникам, были в этих учебниках отрывки или записки - письма, которые содержали и портреты вождей советского правительства, как и было сделано.

Вопрос: Какими портретами, лозунгами и плакатами вы пользовались в школах?

Ответ: В каждой школе был вешен портрет Сталина и были плакаты, разного рода коммюны и отрывки из газет.

Вопрос: В каких-то документах вы проводили занятия с детьми?

Ответ: Советские документы я собирал в соответствии с тем, что было в духе.

Question: (unreadable) with what schoolbooks did you conduct studies of children?

Answer: From the start of organization of schools, I gave to children the schoolbooks from schools of districts, before arrival of German schoolbooks, we studied with soviet schoolbooks. In soviet schoolbooks we were told to take away the political extracts and names of leaders of soviet government.

Question: What kind of portraits, slogans and visual aids did schools provide?

Answer: In every school Hitler's portrait was hanged and there were posters of different kind of counter-revolutionary content.

Question: In what line did you conduct studies of Soviet children?

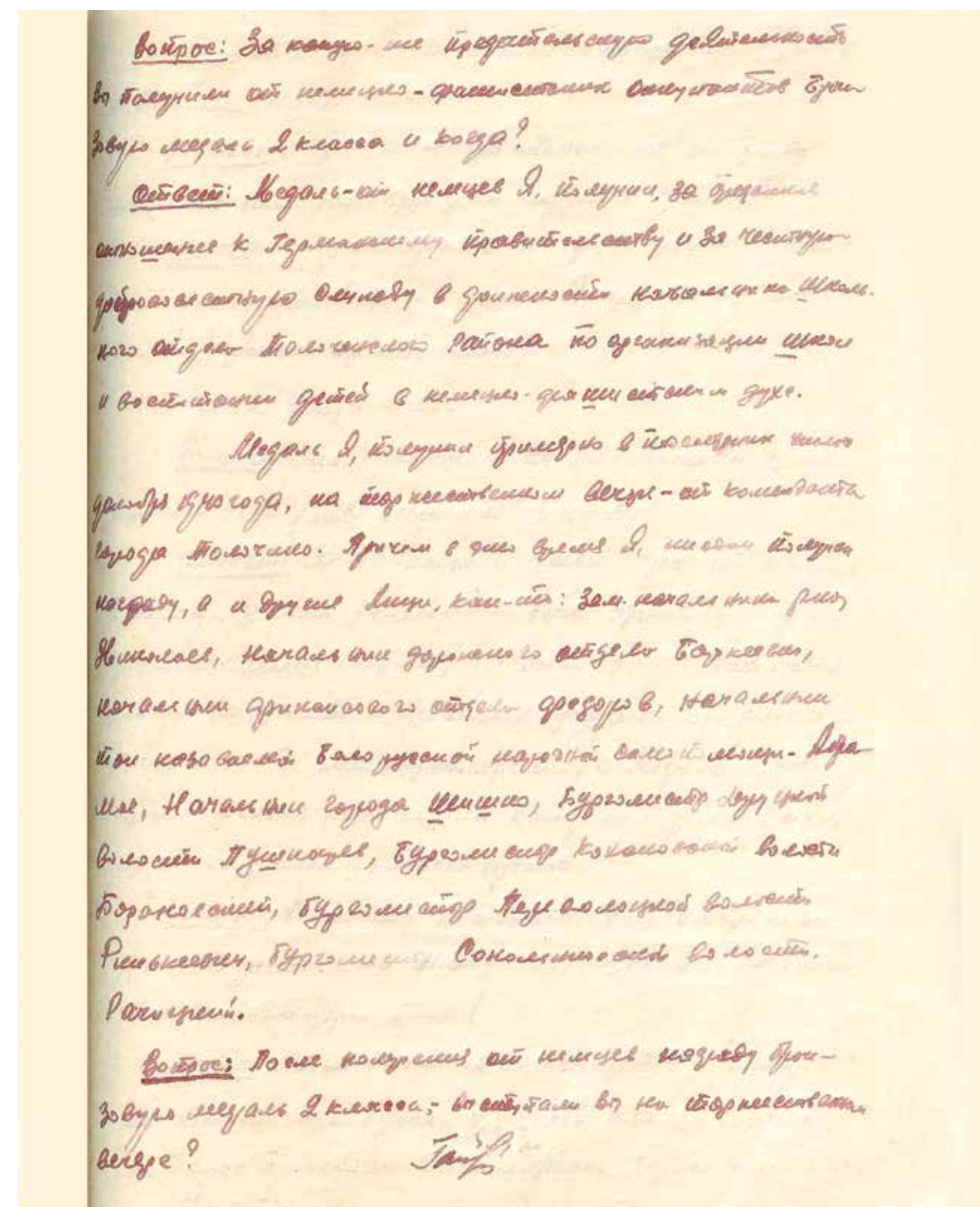
Answer: I try to educate children in line with fascist principles.

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Фото обвиняемого В.И. Гайсенко
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. Photo of the accused V. Gaisenko

За свое пособничество нацистам В.И. Гайсенко был награжден бронзовой медалью «За заслуги» 2-го класса.

For his collaboration with the Nazis, V. Gaisenko was awarded the bronze medal "For Merits" of the 2nd class.

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Протокол допроса обвиняемого В.И. Гайсенко
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. The protocol of the interrogation of the accused V. Gaisenko

Question: For what treacherous activity did You receive the 2nd class medal from the Nazi occupiers and when?

Answer: I received a medal from the Germans for good attitude towards German government and for honest, conscientious work as the head of the school department of Tolochin district for education of children according to German fascist principles.

I received the medal approximately at the beginning of December 1943 at a gala night from the Tolochin city committee. Moreover, at this time I was not the only one who received the award, but also other people: deputy chief (inaudible) of department Nikolaev, head of the (inaudible) department Barkevich, head of the financial department Fedorov, head of the so-called Belarusian people's self-help Abramov, chief of the city of Shishko, burgomaster (inaudible) Pushkarev, burgomaster (inaudible) Baranovsky, burgomaster (inaudible) Rilkevich, burgomaster (inaudible) Rachitsky.

Question: After receipt of bronze medal of 2nd class from the Germans, did you stay at the gala evening?

Кровавый след на белорусской земле оставили коллаборационисты из числа стран прибалтийского региона.

Из протокола допроса свидетеля А.Т. Демянчика, 1962 г. р., об известных ему, со слов очевидцев, сведениях об участии латышских и литовских коллаборационистов в карательной операции «Болотная лихорадка»:

Collaborators from Baltic countries left a bloody trace on the Belarusian land.

From the protocol of interrogation of the witness A. Demyanchik, born in 1962, on the information about the participation of Latvian and Lithuanian collaborators in the punitive operation "Swamp Fever" known to him from the words of eyewitnesses:

На территории Телеханского сельисполкома расположены места, где до сентября 1942 г. находились д.Вяда, д.Тупичицы и д.Красница. Данные деревни были уничтожены карательным отрядом (насколько мне известно данный отряд был сформирован с литовских солдат СС и с Телеханского гарнизона, а также участвовали латышские солдаты). В это время проводилась операция немецкими войсками «Болотная лихорадка» на территории Беларуси, куда попали и наши деревни. Об уничтоженных деревнях мне известно со слов односельчан, уроженцев д.Вяда, очевидцев, которые на данный момент умерли. Так, я общался с уроженцем д.Вяда – Куратником Иваном Николаевичем, чья семья погибла в ходе проводимой немецкими войсками операции. На месте уничтоженных деревень, в настоящее время ничего не имеется, лесные массивы, поле. Вблизи расположения деревень Вяда и Тупичицы установлен памятник погибшим мирным жителям. Сло слов местных жителей сначала (сентябрь 1942 г.) были в один день уничтожены д.Вяда и д.Тупичицы. Людей согнали в одно место у деревни, где расстреляли, а затем спалили дома. По поводу захоронения расстрелянных жителей ничего

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Протокол допроса свидетеля А.Т. Демянчика
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. The protocol of the interrogation of the witness A. Demyanchik

On the territory of Telekhany village executive committee villages Vyada, Tupichitsy and Krasnitsa were situated until September 1942. These villages were destroyed by a punitive detachment (as far as I know, this detachment was formed from Lithuanian SS soldiers and Telekhany garrison, and Latvian soldiers were also involved). At that time German troops were carrying out a punitive operation "Swamp Fever" on the territory of Belarus. So, our village was included there. I know about the destroyed villages from the words of fellow villagers, the natives of Vyada village, eyewitnesses who are dead now. Thus I talked to Ivan Kuratnik, a native of the village of Vyada, whose family was killed during the German operation. At the place of the destroyed villages now nothing is left, forests, fields. Near Vyada and Tupichitsy villages there is a monument to the dead civilians. Locals say that since the beginning of September 1942 Vyada and Tupichitsy villages were destroyed on the same day. The people were gathered in one place near the village, where they were shot and then their houses were burned down. Nothing is known about the burial of the shot people.

Бронзовая медаль «За заслуги» 2-го класса, полученная В.И. Гайсенко за пособничество нацистам
Bronze medal "For Merits" of the 2nd class, received by V. Gaisenko for collaboration with the Nazis

В числе таких подразделений – батальон под командованием нацистского преступника майора Генерального штаба бывшей литовской армии Антанаса Импулявичюса.

В августе 1941 г. из состава 1-го батальона Охраны национального труда, созданного в первые дни войны, было выделено три роты. Из этих подразделений создан 2-й батальон вспомогательной службы полиции, командиром которого был назначен Антанас Импулявичюс. Выбор руководителя националистическим вооруженным формированием подтверждается приказом майора полиции и командиром 11-го немецкого резервного полицейского батальона Лехтгалером № 50 от 7 августа 1941 г.: «Согласен, чтобы господин майор Шимкус взял на себя руководство 1-м батальоном, а господин майор Импулявичюс – 2-м батальоном». В октябре 1941 г. 2-й батальон был переименован в 12-й литовский полицейский батальон.

За период с осени 1941 г. по 1943 г. личный состав батальона неоднократно принимал участие в массовых карательных акциях на оккупированной территории БССР [22, с. 6–10].

Так, в донесениях об обстановке в БССР в октябре 1941 г. и отчетах 11-го немецкого резервного полицейского батальона, выявленных в Национальном архиве Республики Беларусь в составе фонда «Имперского комиссариата по делам Востока», имеются данные о расстрелах советских военнослужащих и массовых убийствах гражданского населения, содержится информация о расправах, учиненных служащими литовского батальона.

Важные материалы, свидетельствующие о коллаборационизме и совершенных литовским батальоном под командованием Импулявичюса преступлениях на территории БССР во время Великой Отечественной войны, были выявлены в ходе следствия, проводившегося органами государственной безопасности в 1960-е гг.

За совершенные преступления приказами начальника полиции порядка при начальнике СС и полиции Белоруссии каратели из этого батальона награждались медалями «За проявленную храбрость». Кроме того, в документальных материалах Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников имеются акты, протоколы допросов свидетелей и показания военнопленных о зверствах немцев в городах и населен-

One of such units included a battalion commanded by a Nazi criminal Major of the General Staff of the former Lithuanian army Antanas Impulyavicius.

In August 1941, three companies were separated from the 1st Battalion of the National Labor Guard, created in the first days of the war. Out of these units, the 2nd Battalion of the Auxiliary Police Service was formed, with Antanas Impulyavicius as commander. The choice of the leader of the nationalist armed formation was confirmed by the order No. 50 of August 7, 1941 issued by the Police Major and commander of the 11th German Reserve Police Battalion Lehtgaler: "I hereby agree that Major Shimkus shall take charge of the 1st Battalion, and Major Impulyavicius shall take charge of the 2nd Battalion". In October 1941, the 2nd Battalion was redesignated as the 12th Lithuanian Police Battalion.

From autumn 1941 to 1943 the personnel of the battalion took part in mass punitive actions in the occupied territory of the BSSR several times [22, p. 6–10].

Thus, the reports on the situation in the BSSR in October 1941 and the reports of the 11th German Reserve Police Battalion, found in the National Archive of the Republic of Belarus in the "Imperial Commissariat for Eastern Affairs" Fund, contain data on shootings of Soviet soldiers and massacres of civilians, as well as information on massacres committed by the Lithuanian battalion.

Significant materials proving collaborationism and crimes committed by the Lithuanian battalion under the command of Impulyavicius on the territory of the BSSR during the Great Patriotic War were revealed in the course of the investigation conducted by the state security bodies in the 1960s.

For the crimes committed, the punishers from this battalion were awarded medals "For Bravery" by orders of the Chief of the Order Police under the Chief of the SS and the Belorussian Police. In addition, the documentary materials of the Extraordinary State Commission for the Establishment and Investigation of the Atrocities of the Nazi Invaders and their Collaborators contain acts, minutes of interrogations of witnesses and testimonies of prisoners of war about the atrocities committed by the Germans in towns and settlements in the area of the 2nd (12th) Lithuanian battalion's operations.

The pictures show Lithuanian Schutzmannschaft soldiers' taking part in the massacres. Thus, on

ных пунктах, находившихся в районе действия 2-го (12-го) литовского батальона.

Участие солдат литовского шуцманшафта в расправах зафиксировано на фотоснимках. Так, 26 октября 1941 г. в г. Минске солдатами батальона была проведена публичная казнь: в разных местах города группами по несколько человек были повешены 12 участников антифашистского подполья. Фотографии указанного злодеяния также позволили доказать участие и проиллюстрировать роль палачей из националистических карательных формирований в преступлениях на территории Белорусской ССР.

October 26, 1941 in Minsk, the battalion soldiers carried out a public execution: 12 members of the anti-fascist underground were hanged in groups of several people in different places of the city. The photos of this crime also made it possible to prove the participation and illustrate the role of executioners from nationalist punitive formations in the crimes in the territory of the Belarusian Soviet Socialist Republic.

Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов. № 0-070228.
Немецко-фашистские захватчики ведут на казнь участников коммунистического подполья г. Минска, среди которых железнодорожник Кирилл Иванович Трус, Мария Борисовна Брускина и 14-летний Владлен Иванович Щербатцевич
Belarusian State Archive of Film and Photo Documents. No. 0-070228.
Nazi invaders are bringing participants of the communist underground in Minsk to be executed.
Kirill Trus, a railroad worker, Maria Bruskina and 14-year-old Vladlen Shcherbatsevich are among them

Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов. № 0-070229. Казнь участников коммунистического подполья г. Минска, среди которых 14-летний Владлен Иванович Щербатцевич и Мария Борисовна Брускина
 Belarusian State Archive of Film and Photo Documents. No. 0-070229. Execution of participants of the communist underground in Minsk, including 14-year-old Vladlen Shcherbatsevich and Maria Bruskina

Полных сведений о командире 2-го (12-го) литовского батальона вспомогательной службы полиции крайне мало. Об Антанасе Импулявичюсе известно, что он родился 28 января 1907 г. в г. Паневежисе. В 1925 г. окончил Каунасское военное училище, в 1937 г. прошел офицерские курсы и назначен сотрудником 2-го (информационного) отдела Генерального штаба вооруженных сил Литвы. С июля 1939 г. по июнь 1940 г. — сотрудник отдела подготовки Союза стрелков Литвы.

В 1940 г. арестован органами НКВД за анти-советскую деятельность. Освобожден из тюрьмы в ходе антисоветского восстания в Каунасе 22–23 июня 1941 г. До 1943 г. руководил 2-м (12-м) литовским батальоном вспомогательной службы полиции.

Осенняя «командировка» литовского батальона в Беларусь в 1941 г., проведенная под руководством майора Импулявичюса, унесла жизни не менее 50 тысяч человек. Совершенные преступления, не имеющие срока давности, зафиксированы в предъявленном обвинении:

There is very little detailed information about the commander of the 2nd (12th) Lithuanian Battalion of the Auxiliary Police Service. It is known about Antanas Impulyavicius that he was born on January 28, 1907 in Panevezys. In 1925 he graduated from the Kaunas Military School, in 1937 he completed officer courses and was appointed an officer of the 2nd (information) Department of the General Staff of the Lithuanian Armed Forces. From July 1939 to June 1940 he was an employee of the training department of the Lithuanian Rifle Union.

In 1940 he was arrested by the NKVD for his anti-Soviet activities. He was released from prison during the anti-Soviet uprising in Kaunas on June 22–23, 1941. Until 1943 he was in charge of the 2nd (12th) Lithuanian battalion of the Auxiliary Police Service.

The fall "mission" of the Lithuanian battalion to Belarus in 1941, conducted under the leadership of Major Impulyavicius, claimed the lives of not less than 50 thousand people. The crimes committed, without statute of limitations, are recorded in the accusation:

в Минском гетто и других лагерях смерти были убиты несколько тысяч гражданского населения и 9 тысяч военнопленных;

8 октября 1941 г. в местечке Дукора Минской области убиты 617 человек гражданского населения;

10 октября 1941 г. в деревне Сергеевичи Пуховичского района Минской области солдаты батальона расстреляли 18 невооруженных солдат Красной Армии и председателя местного колхоза Макаревича;

10–11 октября 1941 г. в местечке Руденск Минской области были расстреляны 188 человек;

14 октября 1941 г. в местечке Смиловичи Минской области солдаты батальона расстреляли 1,3 тысячи человек гражданского населения;

15–16 октября 1941 г. солдаты батальона расстреляли 625 коммунистов;

18 октября 1941 г. солдаты батальона расстреляли 1150 коммунистов;

21 октября 1941 г. в местечке Койданово (теперь Дзержинск) солдаты батальона расстреляли 1 тысячу человек гражданского населения;

26 октября 1941 г. солдаты батальона в г. Минске повесили 12 участников партийного подполья, в том числе организатора подполья Трусова;

в конце октября 1941 г. в г. Слуцке Минской области солдаты батальона расстреляли 5 тысяч граждан;

осенью 1941 г. в местечке Несвиж Минской области солдаты батальона расстреляли 1,5 тысячи граждан;

9–10 ноября 1941 г. в г. Борисове Минской области солдаты батальона расстреляли 8 тысяч человек из числа гражданского населения;

13 ноября 1941 г. в местечке Клецк Минской области солдаты батальона расстреляли 3 тысячи человек из числа гражданского населения;

осенью 1941 г. солдаты батальона в местечке Березино Минской области расстреляли 1 тысячу человек из числа гражданского населения.

В тексте приговора судебной коллегии Верховного суда Литовской ССР по уголовным делам № 2–15-а. 1962 г. встречается описание использованных способов массовых убийств: «Мирное гражданское население расстреливалось целыми семьями, невзирая на их возраст и пол... Выделенные для расстрела солдаты толкали жертв в яму, приказывали лечь и после отдачи команды их расстреливали. Следующая

several thousand civilians and 9,000 prisoners of war were killed in the Minsk ghetto and other death camps;

on October 8, 1941 617 civilians were killed in the village of Dukora, Minsk region;

on October 10, 1941 soldiers of the battalion shot 18 unarmed Red Army soldiers and the Head of the local collective farm Makarevich in the village of Sergeevichi, Pukhovichi district, Minsk region;

on October 10–11, 1941 188 people were shot in the village of Rudensk, Minsk region;

on October 14, 1941 in the small place Smilovichi, Minsk region, the soldiers of the battalion shot 1,3 thousand civilians;

on October 15–16, 1941 soldiers of the battalion shot 625 communists;

on October 18, 1941 soldiers of the battalion shot 1150 communists;

on October 21, 1941 in the town of Koidanovo (now Dzerzhinsk) soldiers of the battalion shot 1 thousand civilians;

on October 26, 1941 soldiers of the battalion hanged 12 members of the Communist Party underground in Minsk, including the leader of the underground Trusov;

at the end of October 1941 in Slutsk, Minsk region, soldiers of the battalion shot 5 thousand citizens;

in autumn 1941 in the town of Nesvizh, Minsk region, soldiers of the battalion shot 1,5 thousand citizens;

on November 9–10, 1941 in Borisov, Minsk region, the soldiers of the battalion shot 8 thousand civilians;

on November 13, 1941 in Kletsk, Minsk region, the soldiers of the battalion shot 3 thousand civilians;

in autumn 1941, the soldiers of the battalion shot 1,000 civilians in Berezino, Minsk region.

In the text of the sentence of the Judicial Collegium of the Supreme Court of the Lithuanian SSR on criminal cases No. 2–15-a. 1962, there is a description of the used methods of mass murder: "Peaceful civilians were shot in whole families, regardless of their age and gender... Soldiers assigned for shooting pushed the victims into a pit, commanded them to lie down, and after the command was given, they shot the victims. The next group of people had to lie down on top of the shot or wounded people and were also shot. People were shot in this order until the campaign of extermination was over. Old people, teenagers, women with small children were shot..." [23].

партия людей должна была лечь на расстрелянных или раненных людей и также расстреливалась. В таком порядке люди расстреливались, пока не заканчивалась акция уничтожения. Расстреливались старики, подростки, женщины с маленькими детьми...» [23].

В апреле – мае 1944 г. Импулявичюс был командиром каунасского отделения Сил литовской территориальной обороны. Арестован немцами, но затем освобожден, служил в 1-м батальоне коллаборационистских «Сил обороны Отечества». В октябре 1944 г. сбежал в Германию, откуда перебрался в США.

Советская дипломатия еще до судебного процесса в отношении сослуживцев военного преступника Импулявичюса, состоявшегося в Литовской ССР в 1962 г., предприняла ряд мер для того, чтобы добиться его выдачи, так как с 1949 г. он проживал в США.

Во исполнение решения ЦК КПСС Министерство иностранных дел СССР 18 июня 1962 г. направило посольству США в Москве ноту с требованием о выдаче Советскому Союзу Антанаса Импулявичюса [24].

В дипломатическом обращении СССР к американскому правительству содержалась информация о том, что следственные органы возбудили уголовное дело в отношении Импулявичюса, адрес его проживания, краткое описание преступной деятельности, предъявленное обвинение. На следующий день текст ноты был опубликован в печати. Важно отметить, что ответ посольства США на ноту советского правительства не поступил ни до судебного заседания, ни после.

В дальнейшем совместными усилиями Министерства иностранных дел СССР, КГБ и Главного архивного управления при взаимодействии с органами государственной власти в Литовской ССР были подготовлены материалы, изобличающие участие Антанаса Импулявичюса в множестве преступлений на службе у нацистских оккупантов.

Справедливо сказать, что советские дипломаты, несмотря на официальное укрывательство США военного преступника, способствовали продолжению деятельности по разоблачению личности и деяний Импулявичюса. Кроме того, из ряда документов официальной переписки известно, что в 1963 г. МИД СССР пытался инициировать вопрос о подготовке в адрес правительства США еще одной дипломатической ноты.

In April – May 1944, Impulyavicius was the commander of the Kaunas department of the Lithuanian Territorial Defense Force. Arrested by the Germans, but then released, he served in the 1st Battalion of the collaborationist Fatherland Defense Force. In October 1944, he escaped to Germany, from where he moved to the United States.

Soviet Diplomatic Service, before the court trial against the coworkers of the war criminal Impulyavicius, carried out in the Lithuanian SSR in 1962, took a number of measures to obtain his extradition, as he had been residing in the United States since 1949.

In compliance with the decision of the Central Committee of the CPSU, on June 18, 1962, the Ministry of Foreign Affairs of the USSR sent a note to the US Embassy in Moscow demanding the extradition of Antanas Impulyavicius to the Soviet Union [24].

The USSR diplomatic address to the American government contained information that the investigative agencies had initiated criminal proceedings against Impulyavicius, his residential address, a brief description of his criminal activities, and the charges brought against him. The next day the text of the note was published in the press. It is important to note that the US Embassy's reply to the note of the Soviet government was not received either before the court proceedings or afterwards.

Later, in cooperation with the government authorities in the Lithuanian SSR, the Ministry of Foreign Affairs of the USSR, the KGB and the Main Archival Department jointly prepared materials revealing Antanas Impulyavicius's participation in numerous crimes in the service of the Nazi occupiers.

It is worth saying that Soviet diplomats, despite the official harboring of a war criminal by the United States, contributed to the further activities to expose the identity and deeds of Impulyavicius. In addition, a number of documents of official correspondence show that in 1963 the Ministry of Foreign Affairs of the USSR tried to initiate the issue of preparing another diplomatic note to the US Government.

In February 1963, Deputy Head of the Main Department of the KGB of the USSR F. Scherbak wrote to the Ministry of Foreign Affairs of the USSR that, besides the new note, it would be appropriate to hand over some copies of archive documents proving the fact of Impulyavicius' service for the German occupants and showing the punitive activities of the

В феврале 1963 г. заместитель начальника Главного управления КГБ СССР Ф.А. Щербак в ответном письме в адрес МИД СССР сообщил, что, помимо новой ноты, целесообразно было бы передать некоторые копии архивных документов, подтверждающих факт службы Импулявичюса у немецких оккупантов и отражающих карательную деятельность литовского батальона: приказ № 2 от 5 июля 1941 г. по батальону Охраны национального труда и донесение № 176/1941 г. от 21.10.1941 г.

Как известно, несмотря на усилия дипломатов, добиться выдачи для суда бывшего командира 2-го (12-го) литовского батальона вспомогательной службы полиции Антанаса Импулявичюса не удалось. Власти США нарушили и не исполнили свои международные правовые обязательства.

Тем не менее после оглашения 20 октября 1962 г. обвинительного приговора и заочного осуждения Антанаса Импулявичюса информационная кампания по разоблачению военных преступлений и общественное преследование продолжились.

Архивные документы, коллекция рассекреченных материалов американских спецслужб и иные источники позволяют изучить реализацию информационного сопровождения судебного преследования и сопутствующую общественную кампанию с июня 1962 г. и до начала 1963 г. Кроме того, в периодической печати до 1966 г. встречаются эпизодические сообщения по данной теме.

Из американской прессы Антанас Импулявичюс знал, что СССР требует его экстрадиции: с июня 1962 г. ряд СМИ регулярно публиковал материалы о ходе расследования и подготовке к суду группы карателей 2-го (12-го) литовского батальона.

Например, в день публикации советской ноты ежедневная утренняя газета «The Philadelphia Inquirer» напечатала статью «Советы требуют выдать мужчину из южной Филадельфии в качестве военного преступника». Информационное сообщение содержало комментарий Импулявичюса: «Ничего не выйдет из требования об экстрадиции. Я думаю, Америка меня защитит» [22, с. 26–27].

Lithuanian battalion: order No. 2 of July 5, 1941 for the National Labor Guard Battalion and report No. 176/1941 of 21.10.1941.

As it is known, despite the efforts of diplomats, it was not possible to obtain the extradition of the former commander of the 2nd (12th) Lithuanian battalion of the Auxiliary Police Service, Antanas Impulyavicius for a court. The US authorities violated and failed to fulfill their international legal obligations.

Nevertheless, after the announcement of the verdict of guilty on October 20, 1962 and the conviction in absence of Antanas Impulyavicius, the information campaign to expose war crimes and public persecution continued.

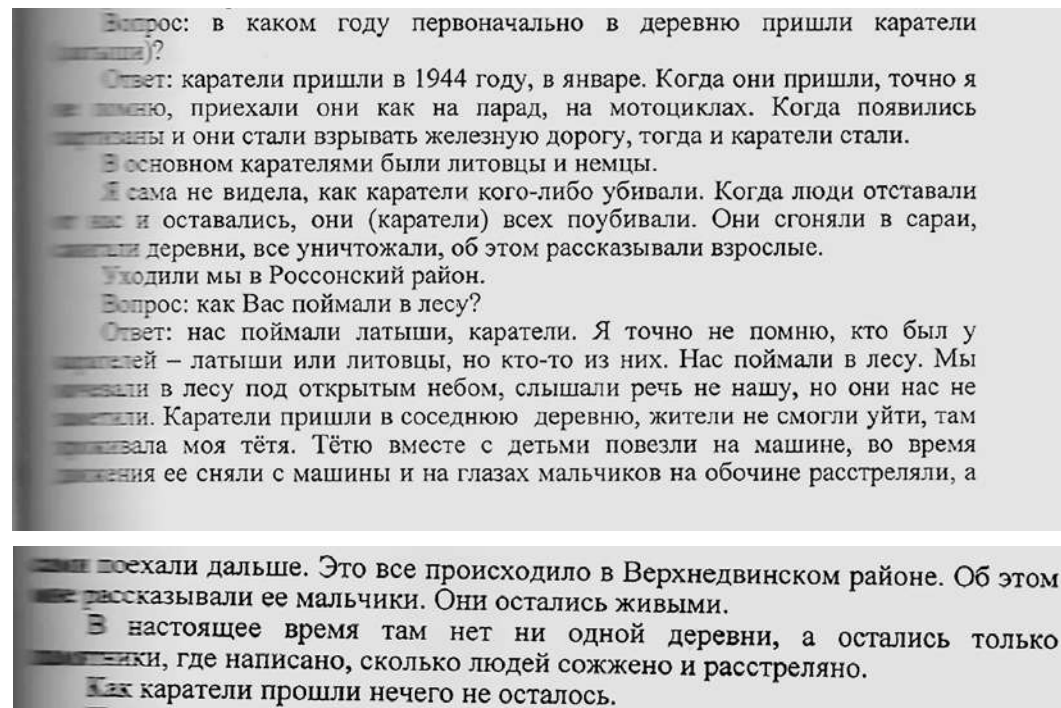
Archival documents, a selection of declassified materials of American intelligence services and other sources enable us to study the implementation of information support of the prosecution and the associated public campaign from June 1962 to the beginning of 1963. Besides, there are occasional reports on the subject in the periodical press until 1966.

From the American press, Antanas Impulyavicius was aware that the USSR demanded his extradition: from June 1962, a number of media regularly published materials about the progress of the investigation and preparation for trial of the group of punishers of the 2nd (12th) Lithuanian battalion.

For example, on the day the Soviet note was published, the daily morning paper "The Philadelphia Inquirer" published an article titled "Soviets demand extradition of South Philadelphia man as war criminal". The news report included Impulyavicius' comment: *"They won't get anything out of the extradition demand. I think America will protect me"* [22, p. 26–27].

О массовых зверствах литовских и латышских карателей во время карательной операции «Весенний праздник» (в некоторых источниках «Праздник весны») на территории Витебщины рассказала в ходе допроса свидетель Е.И. Ивина, 1929 г. р.

Witness E. Ivina, born in 1929, told about mass atrocities of Lithuanian and Latvian punishers during the punitive operation "Spring Festival" (in some sources "Festival of Spring") on the territory of Vitebsk region.

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Протокол допроса свидетеля Е.И. Ивиной
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. The protocol of the interrogation of the witness E. Ivina

Question: In what year did the Latvian punishers first come to the village?

Answer: The punishers came in 1944 in January. When they came exactly, I don't remember. They came as if on parade, on motorcycles. When the partisans appeared and they began to blow up the railroad, then the punishers came.

Most of the punishers were Lithuanians and Germans.

I myself did not see the punishers kill anyone. When people fell behind and stayed behind, they (the punishers) killed everyone, drove them into barns, burned villages, destroyed everything. Adults told us about it.

We were escaping to Rossony district.

Question: how were you captured in the forest?

Answer: Latvians punishers captured us. I don't remember exactly who they were, Latvians or Lithuanians, but somebody of them. We were captured in the forest. We were spending the night in the forest under no shelter, we were hearing foreign language, but they didn't notice us. The punishers came to the neighbor village. Its people couldn't flee. My aunt lived there. The aunt and together with her children took by car. On the way the punishers took her off the vehicle and shot on the side of the road, her sons were eye-witnessed and then they went further. This happened in Verhnedvinsk district. Her sons told me about it. They survived.

Nowadays there are no villages left there, only memorials with the numbers how many people were killed and burnt there.

Once the punishers got through, there was nothing left.

Отметились участием в геноциде белорусско-го народа в годы Великой Отечественной войны и каратели из украинских полицейских батальонов.

К примеру, в мае 1943 г. 57-й украинский полицейский батальон принимал участие в карательной операции «Молния», и в частности в уничтожении д. Застаринье Новогрудского района Гродненской области. Батальон окружил деревню. Фашисты согнали всех жителей в дома и сожгли живьем. Всего было уничтожено 287 человек. Такая же участь постигла деревни Заполье и Ятра.

50-й украинский полицейский батальон принимал участие в крупной операции «Зимнее волшебство» против партизан и мирного населения Россонско-Освейской партизанской зоны в треугольнике Себеж – Освея – Полоцк (Дриссенский, Освейский, Полоцкий и Россонский районы), которая проводилась в феврале – марте 1943 г.

Карательная операция «Зимнее волшебство» была нацелена на создание «мертвой земли», то есть территории, где вдоль латвийской границы в полосе шириной 30–40 км исключались проживание и пребывание населения.

В ходе указанной операции уничтожено 387 населенных пунктов, убито свыше 13 тысяч мирных жителей, более 7 тысяч человек насильно вывезены на принудительные работы.

Из политдонесения Дриссенского райкома КП(б)Б о деятельности Дриссенской партизанской бригады с 1 по 20 февраля 1943 г.:

«[...] 16.2.43 г. противник сгруппировал силы – около 2–2,5 тысяч, при поддержке 3 самолетов, двинулся с трех направлений: с гарнизона ст. Дрисса, Бигосово и Дагда (Латвия) в район Сарья с целью уничтожения партизан. В этой группировке 25 % немцев и 75 % латышских и украинских добровольцев. На своем пути продвижения противник учинял зверские издевательства над населением. Фашистские изверги сожгли местечко Росица, деревни Калюты, Аниськово, Возново, Фольварково и 2-е Фомино, Зулово, Громовки. Население этих деревень, которому не удалось уйти от противника, было часть расстреляно, а часть живыми брошены в огонь. Семьи полицейских и других сволочей оставались на месте, считали, что их не тронут немцы, но и их постигла одна участь [...]» [1].

Punishers from Ukrainian police battalions also contributed to the genocide of the Belarusian people during the Great Patriotic War.

For example, in May 1943, the 57th Ukrainian police battalion took part in the punitive operation "Lightning" and, in particular, in the destruction of the village of Zastarinie, Novogrudok district, Grodno region. The battalion surrounded the village. The fascists forced all the villagers into houses and burned them alive. In total 287 people were destroyed. The same tragedy happened to the villages of Zapolye and Yatra.

The 50th Ukrainian police battalion took part in a big operation "Winter Magic" against partisans and civilians of the Rossony-Osveya partisan zone in the Sebez – Osveya – Polotsk triangle (Drisa, Osveya, Polotsk and Rossony districts), which was carried out in February – March 1943.

The punitive operation "Winter Magic" was aimed at creating a "dead land", i. e. a territory where along the Latvian border in a strip 30–40 kilometers wide the population was excluded from living and staying.

During this operation, 387 settlements were destroyed, more than 13 thousand civilians were killed, more than 7 thousand people were forcibly taken to forced labor.

From the political report of the Drissa district Committee of the Communist Party of Belarus about the activity of the Drissa partisan brigade from February 1 to February 20, 1943 г.:

"[...] on 16.02.43 the enemy grouped forces – about 2–2,5 thousand, supported by 3 airplanes, headed from three directions: from the garrison of Drissa station, Bigosovo and Dagda (Latvia) to the area of Sarja with the purpose of destroying the partisans. This group contained 25 % Germans and 75 % Latvian and Ukrainian volunteers. The enemy committed cruel massacres against the population on their way of movement. Fascist perverts burned the place Rositsa, the villages of Kalyuty, Aniskovo, Voznovo, Folvarkovo and 2nd Fomino, Zulovo, Gromovki. The inhabitants of these villages, who could not escape from the enemy, were shot, and some were thrown into the fire alive. The families of police goon and other bastards stayed there, believing that the Germans would not touch them, but they suffered the same destiny [...]" [1].

Карательные батальоны формировались в том числе и на основе добровольцев из числа военнопленных. Например, в 1942 г. 100 добровольцев украинской национальности из числа военнопленных одного из лагерей смерти в г. Минске вошли в состав карательного батальона.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 35. Л. 2
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 35. L. 2

В декабре 1942 г. на территорию БССР прибыл 118-й украинский полицейский батальон, сформированный в Киеве с целью ведения борьбы с советскими патриотами и партизанами.

Командовали батальоном немец Эрих Кернер, а также майор польской армии поляк Константин Смовский. Как и в других шутцманштафбатальонах, фактически руководили всем немецкие офицеры. Финансистами, интендантами также являлись немцы.

Находясь на службе в карательных формированиях, члены батальона приняли присягу на верность фашистской Германии и, получив от врага оружие, в 1942–1944 гг. принимали непосредственное участие в массовых расстрелах и истязаниях советских граждан. Основной задачей 118-го батальона в Беларуси являлось участие в карательных операциях против партизан и мирных жителей. Палачами батальона сжигались отдельные строения и целые населенные пункты, совершались массовые карательные экспедиции, массово уничтожалось, а также направлялось в рабство местное население, невзирая на пол и возраст, в ходе грабежа изымались сельхозпродукция, скот, личное имущество граждан.

В декабре 1942 г. батальон был переброшен на территорию Беларуси. После непродолжительного пребывания в г. Минске основная часть 118-го батальона разместились в г. п. Плещеницы Минской области.

Участники батальона бок о бок с эсэсовцами участвовали в карательных операциях против

Punitive battalions were formed also of volunteers from among prisoners of war. For example, in 1942, 100 volunteers of Ukrainian nationality from prisoners of war from one of the death camps in Minsk joined the punitive battalion.

On December 25, 1942, the commandant of the camp announced to the Ukrainian prisoners of war that they could join the German army units voluntarily. About 100 Ukrainians volunteered and subsequently joined the units of the Nazi army. I knew only one of these volunteers. He worked for me in the team for the construction of bomb shelters for some time. He was Andrei YAKIMENKO, about 27–28 years old, tall, snub-nosed, black haired. These Ukrainians were trained in the camp for 4 months and then sent to the POW camps as guards. They were called volunteer guards. They were dressed in new Russian uniforms with German insignia.

In December 1942, the 118th Ukrainian police battalion, formed in Kiev to fight against Soviet patriots and partisans, arrived in the BSSR.

The battalion was commanded by German Erich Kerner and Major of the Polish army Pole Konstantin Smovsky. As in other Schutzmannschaft-battalions, German officers were actually in charge of everything. Financiers and intendants were also Germans.

While serving in punitive units, its members took an oath of loyalty to Nazi Germany and, having received weapons from the enemy, in 1942–1944 took direct part in mass shootings and torture of Soviet citizens. The main task of the 118th Battalion

партизан и мирных жителей, сожжении населенных пунктов на территории Минской, Витебской, Гродненской областей БССР.

6 января 1943 г. каратели этого батальона ворвались в д. Чмелевичи Логойского района, где убили трех жителей и сожгли 58 домов.

18 февраля 1943 г. проведена карательная операция в деревнях Заречье и Котели Плещеницкого района. Убито 16 жителей деревень Котели и Заречье, 3 человека ранены, 40 домов были превращены в пепел.

Из протокола допроса свидетеля С.А. Бурака от 6 февраля 1975 г.: «Из леса я видел, как горели деревни Котели и Заречье. Как стало известно мне позже, каратели, ворвавшись в деревни Котели и Заречье, начали поджигать дома, расстреливать местных жителей и грабить имущество. Тогда в деревне Котели каратели сожгли примерно 10 домов и расстреляли 4 местных жителей, в том числе Черника Михаила, его жену, старика Петровского, еще одну женщину. В деревне Заречье каратели в тот день сожгли примерно 30 домов и человек 10–12 расстреляли. Из расстрелянных человек 6 были сожжены в своих домах» [1].

Из показаний свидетеля Е.А. Буцкевич: «Примерно в середине февраля 1943 года, со стороны Плещениц, на Котели и Заречье напали каратели. Я слышала их речь, среди них были в основном украинцы, немного русских и немцев. Ворвавшись во двор Буцкевичей, каратели убили и подожгли Буцкевич Веру Ивановну и ее дочь Буцкевич Татьяну, а также подожгли их дом и надворные постройки. Потом они во дворе дома убили и подожгли соседку старуху Марушку, после чего каратели направились к нашему двору. Увидев это, я бросилась к двери и выскочила во двор, где меня прикладом по голове ударил каратель и я без сознания упала на снег, где и пролежала длительное время, пока не пришла в сознание. Когда я выбежала из дома, моя мать оставалась в доме, в котором ее и сожгли каратели. Потом мы нашли на пепелище дома ее останки в одной из двух стоявших в доме обгорелых печей. Эта печь была сделана из сырой глины, поэтому мать туда и спряталась. Только туловище матери уцелело от огня, голова и руки до плеч полностью обгорели. Карателями также была сожжена моя родная сестра Валицкая Стапенида Андреевна, останки которой мы нашли и похоронили вместе с матерью на кладбище. А всего в нашей деревне Заречье было убито около 18 человек

in Belarus was to participate in punitive operations against partisans and civilians. The battalion's torturers burned separate buildings and entire settlements, carried out mass punitive operations, mass extermination and slavery of the local population, regardless of gender and age, and robbed agricultural products, livestock and personal property of citizens.

In December 1942 the battalion was moved to the territory of Belarus. After a very short stay in Minsk, the main part of the 118th Battalion was placed in the settlement of Pleshchenitsy, Minsk region.

Together with SS soldiers, battalion members participated in punitive operations against partisans and civilians, burning of settlements in Minsk, Vitebsk, Grodno regions of the BSSR.

On January 6, 1943, the punishers of this battalion broke into the village of Chmelevichi, Logoisk district, where they killed three people and burned 58 houses.

On February 18, 1943, a punitive operation was carried out in the villages of Zarechye and Koteli, Pleshchenitsy district. 16 residents of Koteli and Zarechye villages were killed, three people were wounded, and 40 houses were burned to ashes.

From the protocol of the interrogation of the witness S. Burak on February 6, 1975: "From the forest I saw the villages of Koteli and Zarechye burning. As I found out later, the punishers, having broken into the villages of Koteli and Zarechye, began to set fire to houses, shoot the locals and rob property. Then in the village of Koteli, the punishers burned about 10 houses and shot four local people, including Chernik Mikhail, his wife, the old man Petrovsky, and one more woman. In the village of Zarechye the punishers burned down about 30 houses and shot 10–12 people. Of those shot, 6 were burned in their houses" [1].

From the testimony of the witness E. Butskovich: "Approximately in the middle of February 1943, from the side of Pleshchenitsy, punishers attacked Koteli and Zarechye. I heard them speaking, there were mostly Ukrainians among them, a few Russians and Germans. Having broken into the Butskovichs' yard, the punishers killed and burned Vera Butskovich and her daughter Tatiana Butskovich, and set fire to their house and their farm buildings. Then they killed and set fire to the neighbor old woman Marushka in her yard, after that the punishers went to our yard. When I saw this, I rushed out the door and leaped into the yard, where a punisher hit me on the head with a rifle butt and I fell unconscious on the snow, where I lay for a long time until I recovered my consciousness.

и сожжены все дома, остались одни пепелища. За день до расправы с жителями Котелей и Заречья у карателей был неподалеку от наших деревень бой с партизанами, в котором, как говорили очевидцы, погибло несколько карателей, поэтому они и пришли в наши деревни мстить за своих убитых. Там был такой ужас, такое зверство, что талый от пожара снег плыл по улице деревни вместе с людской кровью» [1].

22 марта 1943 г. в ходе боевого столкновения между немецко-фашистскими захватчиками и партизанами в районе д. Губа были убиты несколько полицейских и шеф-командир 1-й роты батальона Вельке.

В этот же день до Хатынской расправы над мирными жителями у дороги Плещеницы – Логойск было задержано не менее 50 жителей д. Козыри Логойского района, работавших на вырубке леса. При их конвоировании в районе д. Большая Губа каратели открыли по ним огонь, в результате чего было убито 26 человек и 7 ранено.

Вскоре прибыли военнослужащие батальона СС, командиром которого был оберштурмбаннфюрер СС Оскар Дирлевангер, после чего каратели из 118-го батальона и эсэсовцы вышли к д. Хатынь. Там ими всю была проявлена изощренная, садистская жестокость к мирному населению.

Из показаний В.А. Мелешко на заседании военного трибунала Краснознаменного Белорусского военного округа: «Всего на Хатынь тогда наступало 150–160 полицейских нашего батальона и 100 человек эсэсовцев. Как я понял, мы стали двигаться в направлении Хатыни в связи с тем, что в ту сторону шли партизаны. Как только мой взвод вышел из леса, показалась близость деревни, из которой начали убегать люди. Кто были эти люди, местные жители или партизаны, не знаю. Командир роты Винницкий приказал открыть огонь по убегающим людям и по самой деревне. Когда вошли в деревню, то поступила команда: всех жителей Хатыни собрать в центр деревни. Такую команду я получил от Винницкого и в свою очередь приказал своему взводу. Мои подчиненные стали ходить по домам и выгонять людей. Я лично находился на улице и контролировал действия своих подчиненных. Людей собрали в центре деревни, где находилось командование батальона и эсэсовцы. Затем я получил команду от Винницкого конвоировать собранных жителей – стариков, женщин и детей – к сараю, стоявшему непода-

When I ran out of the house, my mother was still in the house, where the punishers burned her. Then we found her body on the ashes of the house in one of the two burnt stoves in the house. The stove was made of damp clay, so my mother hid there. Only mom's corpse remained untouched by the fire, her head and arms up to her shoulders were completely burned. My sister Stapenida Valitskaya, whose remains we found and buried together with my mother in the cemetery, was also burned. Altogether in our village Zarechye about 18 people were killed and all houses were burned down, only ashes were left. The day before the massacre of the people of Koteli and Zarechye, the punishers had a fight with partisans not far from our villages, where, as eyewitnesses said, several punishers were killed, so they came to our villages to revenge for their dead. It was such a horror there, such atrocity that the snow melted from the fire floated down the village streets along with people's blood" [1].

On March 22, 1943, several policemen and the chief-commander of the 1st company of the Welke battalion were killed in a battle between Nazi invaders and partisans near the village of Guba.

On the same day, before the massacre of civilians in Khatyn, at least 50 people from the village of Kozyry, Logoisk district, were detained near Pleshchenitsy – Logoysk road, where were cutting wood. While convoying them, the punishers started shooting at them near the village of Bolshaya Guba, as a result 26 people were killed and 7 wounded.

Soon the soldiers of the SS battalion, commanded by SS Obersturmbannführer Oskar Dirlewanger, arrived, and the punishers from the 118th Battalion and the SS marched to the village of Khatyn. There they demonstrated sadistic cruelty to the civilians.

From the testimony of V. Meleshko at the session of the military tribunal of Red Banner Belarusian Military District: "A total of 150–160 policemen of our battalion and 100 SS men were advancing on Khatyn at that time. As I understood, we were moving in the direction of Khatyn because partisans were coming that way. As soon as my platoon came out of the forest, there was a village in the neighborhood where people started to run away. I don't know who those people were, whether they were locals or partisans. Company commander Vinnitsky ordered to start firing at the fleeing people and at the village. When we reached the village, we got a command to bring all the people of Khatyn to the center of the village. I got this command from Vinnitsky and in my turn I ordered my platoon to do the same. My staff went house to house and drove people out. I was personally on the

леку. Я такой приказ дал командирам отделений Лакусте и Катрюку, которые стали с подчиненными конвоировать жителей к сараю. Я тоже с подчиненными шел туда. Людей согнали в сарай, дверь закрыли. Стало ясно, что их будут уничтожать. По приказу Винницкого я выставил в оцепление сарая полицейских своего взвода. В оцеплении находились и другие каратели. Тут загорелся сарай с людьми, поджег его переводчик штаба Лукович. Люди в сарае стали кричать, просили о пощаде. Слышались вопли, жуткая была картина, страшно было слушать. Выломали дверь из сарая, выскочил горящий человек. Тогда Кернер приказал открыть по сараю огонь. Мне такой приказ дал Винницкий, а я передал его своим подчиненным. Все согнанные в сарай люди, в основном женщины, старики и дети, были расстреляны и сожжены» [1].

Из акта Чрезвычайной государственной комиссии: «Деревня Хатынь была сожжена немецко-фашистскими захватчиками 22 марта 1943 года в 14.00. Сожжено 26 домов с надворными постройками. Все жители были загнаны в колхозный амбар, который был облит горячей смесью и подожжен, лиц, пытавшихся спастись, расстреливали».

Из показаний свидетеля Владимира Антоновича Яскевича: «В период временной оккупации я проживал в деревне Хатынь. ...Вся деревня Хатынь горела. Картина предстала перед моими глазами ужасная. Вместо деревни были одни пепелища. На месте, где находился сарай Каминского Иосифа, я увидел большой ворох человеческих костей. Вокруг этого места лежало много расстрелянных и обгоревших трупов местных жителей. Некоторые, по-видимому, пытались бежать, но были расстреляны, и поэтому их трупы лежали далеко от сарая и не были обгоревшими» [1].

13 мая 1943 г. батальон сжег д. Дальковичи – 55 домов и совершил массовые зверства в отношении мирного населения.

Из протокола судебного заседания по делу Г. Васюры (показания потерпевшей О.Г. Устин): «В мае 1943 года, точного числа не помню, в деревню Дальковичи ворвались каратели, приехавшие из Плещениц, и всю деревню сожгли. Когда мы вечером того же дня пришли в Дальковичи, то обнаружили во дворе труп моего отца, который был убит выстрелом в сердце. У него даже сердце выскочило из груди и труп был весь обгорелый. Всех других убитых мучили перед

street and controlled my men's actions. People were gathered in the center of the village, where the battalion command and SS officers were. Then I received a command from Vinnitsky to convoy the gathered villagers – old men, women and children – to a barn that was nearby. I ordered my squad commanders Lakusta and Katryuk, who escorted the inhabitants to the barn with their staffs. I also went there with my subordinates. People were forced into the barn, and the door was closed. It became clear that they were going to be exterminated. By Vinnitsky's order, I put my platoon's policemen in a line around the barn. Other punishers were also in the line. Then a barn with people went up in flames, the interpreter of the Headquarters Lukovich set it on fire. The people in the barn were screaming, begging for mercy. We heard cries, it was terrible, it was scary to hear. They broke the barn door, a man on fire leaped out. Then Kerner commanded to start shooting at the barn. Vinnitsky passed me that order, and I passed it on to my subordinates. All the people who had been forced into the barn, mostly women, old people and children, were shot and burned" [1].

From the act of the Extraordinary State Commission: "The village of Khatyn was burned by Nazi invaders on March 22, 1943 at 14.00. 26 houses with farm buildings were burned. All the inhabitants were forced into the collective farm barn, which was splashed with hot mixture and set on fire, those who tried to escape were shot".

From the testimony of the witness Vladimir Yaskovich: "During the temporary occupation I was living in the village of Khatyn. ...The whole village of Khatyn was burning. I saw a terrible scene. Only ashes remained in place of the village. At the place where Joseph Kaminsky's barn I saw a large pile of human bones. There were many shot and burnt bodies of locals lying around the place. Apparently, some people tried to escape, but they were shot and therefore their bodies remained far away from the barn and were not burnt" [1].

On May 13, 1943, the battalion burned the village of Dalkovichy – 55 houses and committed mass cruelties against the civilians.

From the protocol of the court proceedings in the case of G. Vasyura (testimony of the victim O. Ustin): "In May 1943, I don't remember the exact date, the punishers who came from Pleshchenitsy broke into the village of Dalkovichy and burned the whole village. When we arrived in Dalkovichy in the evening of the same day, we found the dead body of my father in the yard, who had been killed with a shot in the heart. His heart had even jumped out of

смертью. Кононович Анна и Пелагея были все изрезаны ножами и штыками, внутренности их были вынуты и лежали на огороде, животы вспороты штыками, трупы старичка Аринича и слепой Ковшик Дорофеи тоже были изуродованы. Все дома в Дальковичах каратели сожгли, остались одни пепелища и печные трубы, люди жили потом кто где придется, рыли землянки, уходили в лес» [1].

22 мая 1943 г., спустя 2 месяца после Хатынского преступления, нацисты учинили такую же расправу над мирным населением д. Вилейка. 25 человек были угнаны в рабство в Германию, а 25 человек, в том числе 17 детей, были согнаны в сарай и заживо сожжены, пытавшихся бежать расстреливали.

27 мая 1943 г. каратели 118-го батальона расстреляли и заживо сожгли 78 человек из числа мирного населения д. Осовы Докшицкого района. Людей выгоняли из домов, конвоировали к месту расправы, заталкивали в сарай и поджигали. Пытавшихся убежать расстреливали.

Из протокола допроса свидетеля М.Ф. Шпэта от 30 октября 1944 г.: «В 1943 году, в мае месяце, во время блокировки нашего района немцы и полиция также наехали в нашу деревню Осовы на повозках и верхом на лошадях и после, через день, приблизительно 28 мая 1943 года, с утра я услышал, что в деревне схватили 53 человек, совместно с малыми детьми, загнали под конвоем в отдельную постройку, где бросили гранату, закрыли крепко дверь и заживо сожгли всех, никто не смог убежать. Кто убегал, того расстреливали» [1].

Из показаний потерпевшей О.М. Скакун: «Во время Великой Отечественной войны я проживала в родной деревне Осовы и работала в своем хозяйстве. 27 мая 1943 года в нашу деревню ворвались каратели и учинили расправу над партизанскими семьями. В противоположном конце деревни раздавались крики людей и выстрелы. Я побежала туда и от людей узнала, что каратели согнали партизанские семьи в сарай на окраине деревни, сарай этот подожгли и всех находившихся в нем людей расстреляли и сожгли. Там были и мои дети – сын Владимир, дочь Зинаида и сын Николай. В числе уничтоженных всего около 53 человек» [1].

Из показаний потерпевшей Т.Г. Скакун: «Деревня Осовы: мы увидели на том конце деревни, куда повели людей, столб черного дыма и слышали частые выстрелы. Все оставшиеся люди

his chest and his body was all burnt. All the others who were killed were tortured before death. Anna and Pelageya Kononovich were all cut up with knives and bayonets, their entrails were taken out and laid in the vegetable garden, their bellies were ripped open with bayonets, the bodies of the old man Arinich and the blind Dorothea Kovshik were also tortured. The punishers burned all the houses in Dalkovichi, only ashes and chimneys remained, and then people lived wherever they could, they dug dugouts and went into the forest" [1].

On May 22, 1943, 2 months after Khatyn crime, the Nazis committed the same massacre against peaceful population of Vileika village. 25 people were taken into slavery to Germany, and 25 people, including 17 children, were forced into a barn and set on fire alive, those who tried to escape were shot.

On May 27, 1943, the punishers of the 118th Battalion shot and burned alive 78 peaceful people from the village of Osovy, Dokshitsy district. People were pushed out of their houses, convoyed to the place of massacre, pushed into a barn and set on fire. Those who tried to escape were shot.

From the protocol of the interrogation of the witness M. Shpet of October 30, 1944: "In 1943, in May, when our district was blockaded, the Germans and the police also arrived in our village of Osovy in wagons and on horseback and in a day, approximately on May 28, 1943, in the morning I heard that 53 people, together with small children, were seized in the village, taken under convoy into a separate building where a grenade was thrown to, the door was closed tightly and everyone was burned to death alive, no one was able to escape. Those who ran out were shot" [1].

From the testimony of the victim O. Skakun: "During the Great Patriotic War, I lived in my native village of Osovy and worked at my farm. On May 27, 1943 the punishers broke into our village and massacred partisan families. At the opposite end of the village there were shouts of people and gunshots. I ran there and from people I learnt that the punishers had thrown the partisan families into a barn on the outskirts of the village, the barn was set on fire and all the people in it were shot and burned. My children were there – my son Vladimir, my daughter Zinaida and my son Nikolai. About 53 people were killed in total" [1].

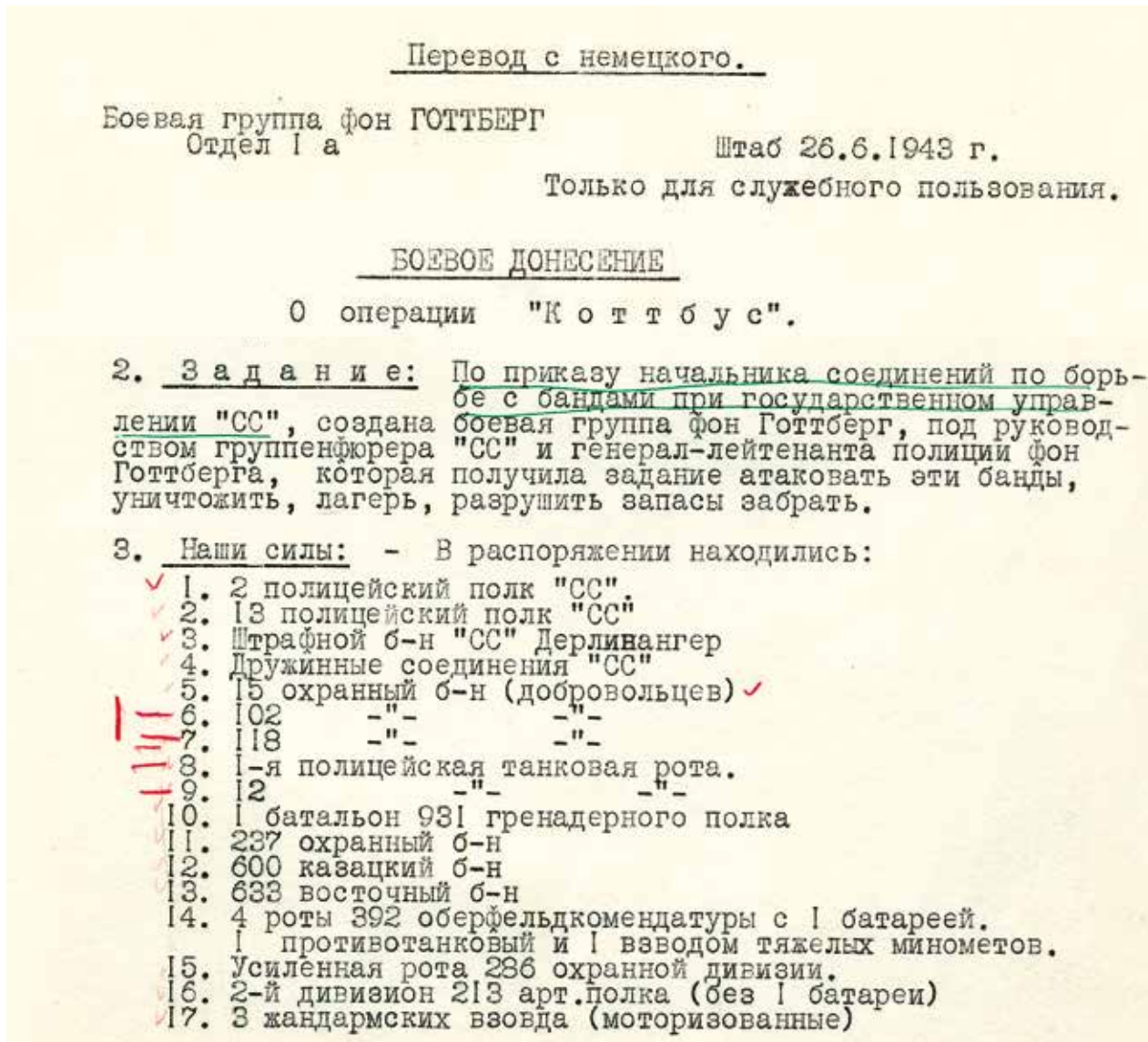
From the testimony of the victim T. Skakun: "The village of Osovy: at the end of the village, where the people were forces, we saw a black smoke column and heard numerous shots. All the people who were

побежали в тот конец, где горел сарай. Как оказалось, каратели согнали туда партизанские семьи, подожгли сарай, расстреливали людей. Мы поливали водой остатки сарая, но спасти никого так и не удалось. Все там сгорели, в том числе и моя сестра с двумя детьми – с сыном Владимиром, 6 лет, и дочерью Валентиной, в возрасте 11 месяцев» [1].

118-й батальон принимал участие в карательной операции «Коттбус», после нее – в карательной операции «Герман», в которой шефу 118-го батальона Э. Кернеру было поручено руководить оперативной группой.

left behind ran to the end where the barn was burning. It turned out that the punishers had thrown the partisan families there, set fire to the barn, and shot the people. We poured water on the remains of the barn, but we could not save anyone. Everyone burned there, including my sister and my two children – my son Vladimir, 6 years old, and daughter Valentina, 11 months" [1].

The 118th Battalion took part in punitive operation "Cottbus", after that – in punitive operation "Herman", where the Chief of the 118th Battalion E. Kerner was assigned to command the operational group.

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 625. Оп. 1. Д. 40. Л. 450
Russian State Archive of Social and Political History. F. 625. Op. 1. D. 40. L. 450

Translated from German.

Battle Group von GOTTBERG
Department I a

Headquarters 26.6.1943
For official use only.

BATTLE REPORT

of the operation "C o t t b u s".

2. Task: By order of the Head of the Anti-Gang Units at the SS State Office, the von Gottberg Battle Group was established under the leadership of the SS Group and Lieutenant General von Gottberg, who was given the task to attack, these gangs, to destroy the camp, and take away the supplies.

3. Our forces: At their disposal were:

1. 2nd SS Police Regiment
2. 13th SS Police Regiment
3. SS Dirlewanger Penal Battalion
4. SS Guard Unit
5. 15th Volunteer Guard Battalion
6. 102nd Guard Battalion
7. 118th Guard Battalion
8. 1st Police Tank Company
9. 12th Police Tank Company
10. 1st Battalion of 931st Grenadier Regiment
11. 237th Guard Battalion
12. 600th Cossack Battalion
13. 633rd Eastern Battalion
14. 4 Companies 392nd Oberfeldkommandatura with 1 Battery, 1 anti-tank and 1 Platoon of heavy mortars
15. Reinforced Company of the 286th Guard Division
16. 2nd Division of 213th Artillery Regiment (without 1 battery)
17. 3 Gendarme Platoons (motorized)

Во время прочесывания леса в Налибокской пуще военными 1-й роты батальона были обнаружены землянки со скрывающимися в них мирными жителями. Каратели забросали их гранатами, а уцелевших, среди которых были женщины и ребенок 3–4 лет, расстреляли.

Из показаний свидетеля Д.М. Шакаля: «В период немецко-фашистской оккупации я вместе со своими родителями проживал в деревне Каменская Слобода Ивьевского района. В августе 1943 года партизаны предупредили нас, что каратели готовят против них блокаду, и посоветовали местным жителям на это время скрыться в окрестных лесах. Вскоре после этого лес пришли прочесывать каратели, одетые в форму защитного цвета и говорящие на русском и украинском языках. Вскоре с той стороны, куда они направились, я услышал разрывы гранат и выстрелы. В метрах 700–800 был остро-

While scouting the forest in Naliboki Pushcha, the soldiers of the 1st company of the battalion found dugouts with civilians hiding in them. The punishers threw grenades at them, and the survivors, among whom there were women and a child of 3–4 years old, were shot.

From the testimony of the witness D. Shakal: "During the Nazi occupation, I lived with my parents in the village of Kamenskaya Sloboda, Ivye district. In August 1943 partisans warned us that the punishers were preparing a blockade against them and recommended the locals to hide in the surrounding forests for that time. Soon after that, the punishers came to search the forest, dressed in khaki uniforms and spoke Russian and Ukrainian. Soon I heard grenades exploding and shots from the direction they were headed. About 700–800 meters away there was an island called "Luchinsky Bor". I came up there and saw the entrance to a masked dugout, the walls of which were

вок «Лучинский бор». Я подошел туда и увидел разрушенный взрывом вход в замаскированную землянку, стены которой были обиты бревнами. Вокруг землянки лежали разорванные взрывами гранат трупы стариков, мужчин, женщин и детей. Их было много, но сколько именно, не могу сказать. Я их не мог подсчитать, так как часть изуродованных трупов лежала на поверхности, а часть – под обломками землянки» [1].

После завершения операции «Герман» 118-й батальон остался в Барановичской области. Некоторое время он находился в Слонимском районе, а затем командование и штаб батальона передислоцировались в г. Лиду, 1-я рота – в г. п. Ивье, 2-я – в г. п. Василишки, 3-я – в г. п. Щучин. Батальон вел активную борьбу с партизанами, продолжал совершать преступления в отношении мирного населения, участвовал в заготовках продовольствия, конфискации скота, грабежах и насилии.

В конце сентября 1943 г. 118-й батальон был реорганизован в 63-й украинский батальон. В июле 1944 г. вместе с отступающими немецкими частями батальон отошел в Польшу, а затем был передислоцирован в Восточную Пруссию. Позднее этот батальон был включен в состав 30-й гренадерской дивизии СС.

В составе 30-й гренадерской дивизии СС с августа 1944 г. были также белорусские полиция, входившие в июле – августе 1944 г. в состав бригады «Зиглинг». В августе – декабре 1944 года 30-я гренадерская дивизия СС именовалась также 2-й русской.

В августе 1944 г. 30-я гренадерская дивизия СС была перебросена во Францию. После войны часть военнослужащих батальона осталась на Западе.

Многие каратели 118-го украинского полицейского батальона избежали заслуженного наказания. Например, благополучно избежал наказания и проживавший в Канаде бывший командир отделения 1-го взвода 1-й роты батальона Владимир Катрюк. В отношении Катрюка Прокурором БССР в 1987 г. возбуждалось и расследовалось уголовное дело по факту совершенных им преступлений в составе 118-го батальона. Прокуратура БССР предпринимала попытки обеспечить правосудие в отношении него, однако канадская сторона игнорировала соответствующие запросы. Катрюк так и не был допрошен по уголовному делу, а установленные Генеральной прокуратурой в ходе расследова-

covered with logs. There were bodies of old people, men, women and children lying around the dugout, torn up by grenade explosions. There were many of them, but how many I could not say. I could not count them, because some of the mutilated bodies were lying on the surface, and some were under the ruins of the dugout" [1].

When operation "Herman" was over, the 118th Battalion remained in Baranovichi region. It stayed in Slonim district for some time, and then the command and headquarters of the battalion were relocated to Lida, the 1st company moved to Ivye, the 2nd company moved to Vasilishki, and the 3rd company moved to Shchuchin. The battalion actively fought against partisans, kept on committing crimes against civilians, participated in food procurement, confiscation of livestock, robbery and violence.

At the end of September 1943, the 118th Battalion was reorganized into the 63rd Ukrainian battalion. In July 1944, together with the withdrawing German units, the battalion withdrew to Poland, and then was relocated to East Prussia. Later this battalion was included in the 30th SS Grenadier Division.

As part of the 30th SS Grenadier Division from August 1944, there were also Belarusian police goons, who were part of the Siegling Brigade in July – August 1944. In August – December 1944, the 30th SS Grenadier Division was also known as the 2nd Russian Division.

In August 1944 the 30th SS Grenadier Division was moved to France. After the war, some members of the battalion stayed in the West.

Many punishers of the 118th Ukrainian police battalion escaped the deserved sentence. For example, Vladimir Katryuk, a former unit commander of the 1st platoon of the 1st company of the battalion, who lived in Canada, escaped punishment. In 1987 the BSSR Prosecutor's Office initiated and investigated a criminal case against Katryuk for crimes he committed as a member of the 118th Battalion. The BSSR Prosecutor's Office attempted to ensure justice against the latter, but the Canadian side ignored the relevant requests. Katryuk was never interrogated in the criminal case, and the data revealed by the General Prosecutor's Office during the investigation of the criminal case of genocide show that the latter denied to the last his participation in punitive actions against civilians and tried to justify his service in the battalion.

Vladimir Katryuk was born on October 1, 1921 in the village of Luzhany near the city of Chernovt-

ния уголовного дела о геноциде данные свидетельствуют, что он до последнего отрицал свою причастность к карательным действиям в отношении мирного населения и пытался оправдать свою службу в батальоне.

Владимир Катрюк родился 1 октября 1921 г. в д. Лужаны вблизи г. Черновцы. В 1921 г. Черновцы располагались на территории под названием Буковина, являвшейся на тот момент частью Румынии.

В 1942 г. был зачислен в состав 118-го батальона с присвоением воинского звания «сержант», командовал отделением 1-го взвода 1-й роты батальона.

Вот как описывал сам Владимир Катрюк факт своей службы в 118-м батальоне в ходе судебного заседания по вопросу о лишении его гражданства и депортации.

sy. In 1921, Chernovtsy was located in the territory called Bukovina, which at that time was part of Romania.

In 1942, he was enrolled in the 118th Battalion with the military rank of "sergeant", he commanded a section of the 1st platoon of the 1st company of the battalion.

Vladimir Katryuk described his service in the 118th Battalion at the court hearing on his deprivation of citizenship and his deportation.

[9] Что касается деятельности батальона во время пребывания в Киеве, Минске, Плещеницах и Евье, то в своем заявлении, поданном в ответ на краткое изложение фактов и доказательства, представленные Министром, ответчик дал следующее пояснение:

13. В Киеве ответчик, как и его сослуживцы, нес караульную службу, в частности ответчик вспомнил, что ему была поручена охрана мукомольной мельницы в Киеве. В то время советские силы вели активную диверсионную и партизанскую деятельность, поскольку не все войска покинули территорию во время общего отступления перед немецким вторжением.

17. В Беларуси роту ответчика направили на несколько месяцев в Плещеницы для поддержания закона и порядка, после чего их отправили в местечко Евье.

20. Во время пребывания в местечке Евье на протяжении примерно одного года обязанности ответчика заключались в защите жителей местечка, их домашнего скота и ресурсов от партизан: от правых и левых польских партизан, от белорусских и советских партизан, всех из которых объединяла одна потребность и деятельность, а именно совершение набегов на деревни в поисках продуктов питания, чтобы поддержать собственное выживание и функционирование.

[10] В своих устных показаниях ответчик повторил приведенные выше утверждения. Он заявил, что никогда не принимал участия в каких-либо крупных военных операциях и никогда не применял огнестрельное оружие в Плещеницах и Евье. Согласно показаниям ответчика, задача его роты заключалась в защите гражданского населения от вражеских партизан. Ответчик заявил, что слышал о немецких операциях, проводимых в 1943 году, но его рота в этих операциях не участвовала.

Вопрос заключается в том, насколько добровольным было участие в этих батальонах.

В. Катрюк (Ответчик далее будет помечаться буквой О) заявил, что он был внесен в списки после своего прибытия в Киев (ноябрь или декабрь 1941 г.), и указал, что это была единственной альтернативой в данном случае депортации на принудительные работы в Рейх. Он заявляет, что вскоре после этого был сформирован батальон 118 из военнопленных, для которых это также стало альтернативой жестокому обращению и голоду в концлагерях для военнопленных. Ответчик говорит, что он был переведен вместе со своей ротой в батальон 118. Таким образом, по его мнению, немцы пытались подавить националистические чувства служащих Шуцманшафта и именно так они обращались с «добровольцами». Он говорит, что присяга также не была обязательной.

О. основывает свои заявления о своем недобровольном вступлении в батальон 115 на двух доводах:

1. угроза принудительного труда в Рейхе,
2. утверждение, что военнопленные, вступившие в батальон 118, не имели другого выбора, кроме как смерть от голода в концлагере для военнопленных.

Он описывает всю ситуацию, как если бы батальоны 115 и 118 были исключительно принудительными вспомогательными частями [Zwangseinrichtungen].

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.

Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case № 21028030022 on genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period

[9] As to the activities of the battalion during its stay in Kiev, Minsk, Pleshchenitsy and Evye, the Defendant made the following clarification in its statement filed in response to the summary of facts and evidence submitted by the Minister:

13. In Kiev, the Defendant, like fellow soldiers, performed guard duty, and in particular the Defendant recalled that he was assigned to guard the flour mill in Kiev. At that time, Soviet forces were engaged in active sabotage and partisan activities, as not all troops had left the area during the general retreat before the German invasion.

17. In Belarus, the Defendant's Company was sent to Pleshchenitsy for a few months to maintain law and order, after which they were sent to the place of Evye.

20. During their stay in Evye for approximately one year, the Defendant's duties were to protect the inhabitants of the place, their livestock and resources from partisans: from right-wing and left-wing Polish partisans, and from Belarusian and Soviet partisans, all of whom shared a common need and activity, namely raiding villages in search of food to support their own survival and functioning.

[10] In his verbal testimony, the Defendant repeated the above statements. He stated that he had never taken part in any major military operations and had never used firearms in Pleshchenitsy and Evye. According to the Defendant's testimony, the mission of his Company was to protect civilians from enemy partisans. The Defendant stated that he had heard about German operations carried out in 1943, but that his Company had not participated in those operations.

The question is how much his participation in these battalions was voluntary.

V. Katryuk (the Defendant will hereinafter be referred to as O.) stated that he was added to the lists after his arrival in Kiev (November or December 1941), and pointed out that this was the only alternative in this case to deportation to forced labor in the Reich. He states that 118th Battalion was formed shortly thereafter from prisoners of war, for whom this was also an alternative to the ill-treatment and starvation in the concentration camps for prisoners of war. The Defendant says that he was transferred with his company to 118th Battalion. In this way, in his opinion, the Germans tried to suppress the nationalistic feelings of the Schutzmannschaft employees, and that's how they treated the "volunteers". He says that the oath was also not compulsory.

O. grounds his statements about his involuntary joining 115 Battalion on two arguments:

1. the threat of forced labor in the Reich,
2. the claim that prisoners of war who joined Battalion 118 had no choice but to starve to death in a prisoner of war camp.

He describes the whole situation as if 115th and 118th Battalions were exclusively forced auxiliary units [Zwangseinrichtungen].

Как видно из содержания мотивировочной части решения, Катрюк отрицал факт своего добровольного участия в деятельности 118-го батальона. Вместе с тем допрошенные по уголовному делу сослуживцы Катрюка достаточно подробно описывали его участие в преступлениях батальона. Вот что сообщил его «сослуживец» Остап Федорович Кнап.

As it is clear from the reasoning part of the judgment, Katryuk denied the fact of his voluntary participation in the activities of the 118th Battalion. At the same time, Katryuk's fellow soldiers interrogated in the criminal case described his participation in the crimes of the battalion in sufficient detail. This is what his "fellow soldier" Ostap Knap reported.

ПРОТОКОЛ
допроса свидетеля

поселок Кучино

2 декабря 1985 года

Допрос начат в 13 часов 30 минут.
Допрос окончен в 21 час 10 минут.

Помощник прокурора Белорусской ССР советник юстиции Семенов по поручению Прокуратуры СССР с соблюдением требований ст.ст. 72-74, 157, 158 и 160 УПК РСФСР допросил в качестве свидетеля:

ИНАПА Остапа Федоровича, 1932 года рождения, уроженца села Лелеховка Яворского района Львовской области, украинца, гражданина СССР, женатого, 14 марта 1974 года осужденного Гродненским областным судом по части I статьи 61 Уголовного кодекса Белорусской ССР.

Права и обязанности свидетеля, предусмотренные ст.ст.73,74,
141¹ и 160 УПК РФ, мне разъяснены.

г.п. /Кнал/

Об уголовной ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний по ст.182 УК РСФСР и за дачу заведомо ложных показаний по ст.181 УК РСФСР предупрежден.

Л.П.И. /Кнап/

Перед началом допроса свидетель Кнап заявил, что русской разговорной речью владеет хорошо, в услугах переводчика не нуждается, показания желает давать на русском языке.

/Княп/

На предложение рассказать все ему известное о преступной деятельности КАТЮША Владимира Константиновича во время его службы в ИИЗ полицейском батальоне в период временной оккупации не-

мецко-фашистскими войсками территории Белоруссии свидетель Кнап показал следующее: До ноября 1942 года я проживал по месту своего рождения в селе Лелеховка Иворского района Львовской области. В ноябре 1942 года я получил повестку от немецких оккупационных властей, в которой мне предлагалось явиться на пересыльный пункт в поселок Городок Львовской области якобы для отправки на принудительные работы в Германию. По прибытии на пересыльный пункт я прошел медицинскую комиссию, после чего в числе других был увезен в город Киев. В Киеве мне предложили поступить на службу в сформировавшийся там в то время II8 полицейский батальон. Я дал свое согласие и 14 ноября 1942 года добровольно поступил на службу в этот батальон, принял присягу на верность фашистской Германии, тем самым изменив Родине. В указанном карательном подразделении я прослужил рядовым полицейским вплоть до изгнания гитлеровцев с территории Белоруссии. До октября 1943 года на вооружении имел винтовку, а затем был первым номером ручного пулемета.

Командиром батальона являлся изменник Родины майор Смовский, со стороны гитлеровцев батальоном командовал майор Кернер - шеф батальона. Командиром первой роты был изменник Родины Винницкий. Первым взводом этой роты командовал Мелешко Василий, вторым - Франчук и третьим - Пасечник. Наш батальон состоял из трех рот. В связи с тем, что прошло много времени, фамилии командиров этих рот и входящих в них подразделений не помню. В каждое подразделение II8 полицейского батальона помимо командиров из числа изменников Родины назначался шеф из числа немцев. Штаб батальона возглавлял Васюра Григорий. Я проходил службу во втором отделении второго взвода первой роты. Командиром моего отделения был Юрченко.

По совместной службе в II8 полицейском батальоне мне известен КАТЮК Владимир, отчества его не помню. Знать его стал с ноября 1942 года, то есть с момента моего добровольного поступления на службу к немцам. КАТЮК проходил службу в II8 полицейском батальоне в должности командира отделения первого взвода первой роты. На вооружении у него вначале была десятизарядная винтовка СВТ, а позднее ручной пулемет иностранного производства.

Взаимоотношения у меня с КАТЮКОМ всегда были нормальные, ссор и личных счетов между нами не было. КАТЮК родом был из Западной Украины, изменил Родине, добровольно поступив на службу к немецко-фашистским оккупантам. К моменту моего поступления в II8 батальон он уже проходил там службу. Характерной чертой КАТЮКА, равно, как и подчиненных ему полицейских, являлась ненависть к Со-

ветской власти, ярым буржуазным национализм, на почве чего все они отличались особой жестокостью в карательных операциях, проводимых фашистами против мирных советских граждан.

В конце 1942 года наш батальон был передислоцирован на территорию Белоруссии. Штаб батальона, первая рота и часть третьей располагались в поселке Плещеницы, а остальные подразделения - в поселке Логойске Минской области. Начиная с января 1943 года, подразделения II8 полицейского батальона по приказанию немецко-фашистского командования регулярно принимали участие в карательных операциях против мирного населения и партизан. Особенно при этом отличались полицейские первой роты батальона, которые лично расстреливали мирных советских граждан, грабили их имущество, жгли деревни и села, угоняли молодежь в немецкое рабство. За эти так называемые "заслуги" перед фашистской Германией многие полицейские нашей роты, в том числе и я, были награждены гитлеровским командованием медалями. В составе нашей роты во всех крупных карательных акциях непосредственное участие принимал КАТЮК и подчиненные ему полицейские.

Так, в начале января 1943 года первая рота II8 полицейского батальона совместно с немецкими жандармами провела карательную операцию в отношении жителей деревни Чмелевичи Логойского района Минской области. При подходе к деревне мы были обстреляны партизанами. После перестрелки, длившейся около часа, партизаны из деревни отступили, и каратели вошли туда. Я со своим, вторым, взводом находился в оцеплении деревни Чмелевичи с целью недопущения побега жителей из деревни, а также предотвращения возможного нападения партизан. В деревню вошли первый и третий взводы первой роты и жандармы. Находясь в метрах тридцати от деревни, я хорошо видел, как КАТЮК в числе полицейских первого взвода обыскивал дома, грабил имущество мирных граждан, выгонял из сараев скот. Когда деревня была разграблена, каратели ее сожгли. Я лично видел в числе поджигателей КАТЮКА. В деревню я не заходил, жителей не видел, был ли кто-либо из партизан или мирных граждан убит, не знаю.

В феврале 1943 года первая рота участвовала в уничтожении деревень Хотели и Заречье Логойского района Минской области, в результате которой в этих деревнях было убито не менее 15 мирных жителей и сожжено несколько десятков домов. Хочу уточнить, что эти деревни соприкасались и располагались перпендикулярно друг другу, фактически представляя из себя один населенный пункт. При подходе к этим деревням мы были обстреляны партизанами. После непродолжительного боя партизаны отступили, и полицейские первого и третьего

взводов вступили в Котели и Заречье. Наш второй взвод находился в оцеплении. Находясь в составе своего взвода, я слышал раздававшуюся в деревнях стрельбу, а затем увидел загоревшиеся дома и надворные постройки. По окончании операции при возвращении роты в расположение батальона я, проходя мимо догоравшего сарая, отдельно стоявшего перед деревней Котели, видел около него два сильно обгоревших трупа. В Плещеницы каратели привезли много награбленного имущества. Находясь в оцеплении, я лично не мог видеть, кто расправлялся с мирными жителями и поджигал дома. Однако мне достоверно известно, что в этом принимал активное участие КАТРИК и полицейские его отделения, находившиеся во время карательной акции в деревне Заречье. Об этом мне рассказывали полицейские первого взвода, кто именно, в настоящее время не помню.

В марте 1943 года партизанами на шоссе Плещеницы - Логойск, в районе деревни Большая Губа была обстреляна колонна первой роты IIБ полицейского батальона, в результате чего был убит шеф первой роты немец гауптман Вельке и трое полицейских, а командир первого взвода Мелешко и водитель легковой автомашины, на которой следовал Вельке, ранены. Я в это время находился в расположении батальона в Плещеницах. Как только в штабе батальона стало известно об обстреле партизанами колонны полицейских, оставшиеся в Плещеницах подразделения IIБ полицейского батальона были подняты по тревоге и на автомашинах направлены к месту обстрела. Я ехал на второй автомашине. Подъезжая к деревне Большая Губа, я увидел колонну гражданских лиц, которых конвоировали полицейские первой роты. В это время с шедшей впереди нас автомашины раздалась выстрелы. Конвоируемые начали разбегаться из колонны во все стороны. По ним стали стрелять конвоиры и полицейские, прибывшие на помощь из Плещениц на автомашинах. Я соскочил с машины и также сделал несколько выстрелов по убегавшим в лес мирным гражданам. В числе стрелявших я видел КАТРИКА, который находился неподалеку от меня и вел по ним огонь из имевшегося у него оружия. Стрельба по безоружным людям продолжалась недолго. Вскоре по чьему-то распоряжению массовое убийство было прекращено, но на окровавленном шоссе, в кювете и неподалеку от леса, к которому убегали люди, я увидел не менее двадцати убитых и до десяти раненых мирных граждан, в том числе и женщин. Расправа над мирными жителями была произведена карателями в отместку за убийство партизанами гауптмана Вельке и трех полицейских. Насколько мне известно, это были мирные советские граждане, не имевшие никакого отношения к партизанам. На ме-

сте обстрела партизанами колонны полицейских они оказались случайно, занимаясь вырубкой леса вдоль шоссе.

После расправы над мирными лесорубами оставшиеся из их числа в живых были под охраной направлены в Плещеницы, а батальон, приняв боевые порядки, начал прочесывание прилегавшей к шоссе лесистой местности. В ходе прочесывания подразделения батальона вышли на деревню Хатынь. По приказу шефа батальона майора Кернера деревня была окружена полицейскими, жители ее были согнаны в один большой сарай, расстреляны и сожжены в нем. По приказу Кернера деревня Хатынь была полностью сожжена. Вместе с деревней было уничтожено свыше ста ее жителей - в основном женщины, старики и дети. В уничтожении жителей деревни принимали участие эсэсовцы, прибывшие в Хатынь вместе с командованием батальона.

Во время этой карательной операции я находился в составе своего взвода в оцеплении деревни и в числе других карателей, сгонявших жителей к месту расправы, видел КАТРИКА, так как стоял в метрах сорока от сарая, куда приводили обреченных. Затем наш взвод был снят с оцепления и направлен к сараю, в котором были собраны все жители деревни Хатынь. У сарая находились Кернер, Смовский, Васюра, Мелешко и другие командиры IIБ полицейского батальона и эсэсовцы. Расправой руководили немцы. По приказу Кернера переводчик батальона Лукович поджег сарай. Находившиеся в нем люди стали плакать, кричать, молить о пощаде. В это время Кернер приказал стрелять по сараю и находившимся в нем мирным жителям. КАТРИК также стрелял по сараю из винтовки. Я видел это очень хорошо, так как находился от него в метрах в пятнадцати. Стрельба продолжалась до тех пор, пока в сарае не стихли крики, стоны и плач находившихся в нем людей.

В мае-июне 1943 года IIБ полицейский батальон участвовал в большой карательной операции в районе реки Березины. В первый день этой операции наш батальон провел карательную акцию в отношении жителей деревни Вилейка Докшицкого района Витебской области. Когда наш взвод вошел в деревню, там уже находились вторая и третья рота нашего батальона. Мы вошли в деревню с той стороны, где находилась церковь. Многие дома в этом конце деревни горели. Кем они были подожжены, я не знаю. В горевшем конце деревни мне лично довелось увидеть два или три трупа гражданских лиц. При каких обстоятельствах они были убиты, не знаю. В тот день сгорела половина деревни. В деревне Вилейка мы остановились на ночь. На следующий день в деревню начали возвращаться жители, покинув-

шие ее накануне. Некоторых из них пригоняли полицейские, которые прочесывали лес в окрестностях Вилейки. Вскоре в деревню приехали на автомашинах немецкие офицеры в жёлтой форме с повязками на рукавах. Прибывшие офицеры, полицейские штаба батальона, первого и третьего взводов первой роты всех находившихся жителей в деревне согнали к штабу и начали их сортировать. Второй взвод, в составе которого я находился, стоял в оцеплении деревни. Мне было хорошо видно, как молодёжь погрузили на автомашины и увезли в сторону поселка Плещеницы. Затем полицейские первого взвода первой роты и штаба батальона по приказу немецких офицеров отобрали группу женщин и детей, которых погнали к отдельно стоявшему сараю, закрыли в нём. Сарай с находившимися в нём мирными жителями был подожжён и по нему открыли огонь. Я находился неподалеку от сарая, не далее, чем в тридцати - сорока метрах, и мне хорошо была видна картина расправы над жителями деревни. Я слышал крики обреченных на смерть людей, автоматические и одиночные выстрелы. Я видел и хорошо помню, что в числе карателей гнавших женщин и детей к сараю, был и КАТРОК. Позднее, со слов сослуживцев, мне стало известно, что в сарае были расстреляны и сожжены семьи партизан.

По окончании операции в районе реки Березины 118 полицейский батальон был передислоцирован в город Новогрудок Гродненской области. Оттуда мы ушли на операцию против партизан и мирных советских граждан в Налибокскую пуццу. Во время этой операции полицейскими нашего батальона было уничтожено около пятидесяти мирных советских граждан еврейской национальности, скрывавшихся в землянках в лесу. Указанные граждане были обнаружены во время прочесывания заболоченных мест Налибокской пуццы. При их обнаружении второму и третьему взводам первой роты было приказано оцепить местность, где были обнаружены землянки с лицами еврейской национальности. Непосредственно к землянкам направились полицейские первого взвода. Минут через двадцать - тридцать я услышал несколько одиночных выстрелов, а затем взрывы гранат. После того, как нас сняли с оцепления, я подошёл к тому месту, где раздавались взрывы, и увидел развороченную взрывами гранат землянку, в которой находилось около двадцати изуродованных трупов мужчин, женщин и детей. КАТРОК и ещё несколько полицейских обыскивали одежду убитых, снимали с рук кольца, вырывали золотые зубы, из одежды доставали золотые монеты и другие ценности. Около землянки лежало ещё шесть-семь трупов. Как мне стало известно, тогда же была обнаружена и уничтожена ещё одна землянка с гражданами еврейской национальнос-

ти. Я лично этой землянки и трупы погибших не видел. Кто непосредственно принимал участие в уничтожении этой землянки и находившихся в ней людей, не знаю. Бросал ли лично КАТРОК гранаты в первую землянку, сказать не могу, не знаю.

Других эпизодов карательной деятельности КАТРОКА я не помню.

Незадолго до освобождения частями Красной Армии территории Белоруссии 118 полицейский батальон был передислоцирован в Германию, а оттуда во Францию. На территории Франции наш батальон в полном составе перешел на сторону французских партизан, где мы пробыли около двух месяцев. В конце 1944 года я поступил на службу в Иностранный легион, в составе которого выехал в Африку. В начале 1945 года пожелал вернуться на Родину. В марте 1945 года из лагеря репатриантов в Австрии меня призвали на службу в ряды Советской Армии, где я прослужил до 1947 года. Во Франции, после моего зачисления в Иностранный легион, КАТРОКА я из виду потерял, больше мне его встречать не приходилось, о его судьбе мне ничего не известно.

Протокол допроса мною лично прочитан. С моих слов записано правильно. Дополнений и поправок не имею. *В.Ф.Семенов*

Допросил: Помощник прокурора Белорусской ССР
советник юстиции

В.Семенов

Копия верна: Помощник прокурора Белорусской ССР
советник юстиции

В.Ф.Семенов

PROTOCOL
of interrogation of a witness

Kuchino settlement

December 2, 1985

The interrogation began at 13 hours 30 minutes.

The interrogation ended at 21 hours 10 minutes.

Assistant Prosecutor of the Belarusian SSR, Counselor of Justice Semyonov on behalf of the USSR Prosecutor's Office, in compliance with the requirements of Articles 72-74, 157, 158 and 160 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR, interrogated as a witness:

KNAP Ostap Fedorovich, born in 1922, native of the village of Lelekhovka, Yavor district, Lvov region, Ukrainian, citizen of the USSR, married, convicted by the Grodno Regional Court on March 14, 1974 under part I of Article 61 of the Criminal Code of the Belarusian SSR.

The rights and duties of a witness provided for by Articles 73, 74, 141¹ and 160 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR have been explained to me.

(signature) (Knap)

I am warned of criminal liability for refusal or evasion from testifying under Article 182 of the Criminal Code of the RSFSR and for knowingly giving false testimony under Article 181 of the Criminal Code of the RSFSR.

(signature) (Knap)

Before the interrogation, witness Knap stated that he spoke good Russian, did not need the interpreter's services, and wished to testify in Russian.

(signature) (Knap)

In response to the proposal to tell everything he knows about the criminal activity of Vladimir KATRYUK during his service in the 118th Police Battalion during a terminal occupation by the Nazi troops in the territory of Belarus witness Knap testified as follows: until November 1942, I lived in the village of Lelekhovka, Yavor district, Lvov region. In November 1942, I received a summons from the German occupation authorities, which asked me to report to a transit point in the village of Gorodok, Lvov region, supposedly to be sent to forced labor in Germany. Upon arrival at the transit station, I underwent a medical commission, after which I was taken among others to the city of Kiev. In Kiev, I was offered to join the 118th Police Battalion, which was being formed there at that time. I gave my consent and on November 14, 1942 I voluntarily joined this battalion, took an oath of allegiance to Nazi Germany, thus betraying my homeland. In the mentioned punitive subdivision I served as an ordinary policeman until the Nazis were expelled from the territory of Belarus. Until October 1943, I had a rifle, and then I was the first number of a hand machine gun.

The commander of the battalion was Major Smovsky, a traitor to the Motherland, and Major Kerner, the chief of the battalion, commanded the battalion from the Hitlerite side. The commander of the First Company was a traitor of the Motherland Vinnitsky. The First Platoon of this Company was commanded by Vasily Meleshko, the Second Platoon was commanded by Franchuk and the Third Platoon was commanded by Pasechnik. Our battalion consisted of three companies. Due to the fact that a lot of time has passed, I do not remember the names of the commanders of these companies and the units they comprised. In each unit of the 118th Police Battalion, in addition to commanders from among the traitors of the Motherland, a German chief was appointed. The battalion headquarters

was headed by Grigory Vasyura. I served in the second branch of the 2nd platoon of the 1st company. The commander of my squad was Yurchenko.

I know Vladimir KATRYUK, I don't remember his patronymic, from the service in the 118th Police Battalion. I knew him from November 1942, that is from the moment of my voluntary admission to service with the Germans. KATRYUK served in the 118th Police Battalion as a squad leader of the 1st platoon of the 1st company. He was initially armed with a ten-shot SVT rifle, and later with a foreign-made hand machine gun.

My relations with Katryuk were always fine, and there were no quarrels or personal accounts between us. Katryuk was from the Western Ukraine, he betrayed his Motherland voluntarily, having entered the service of the German fascist occupiers. By the time I entered the 118th Battalion, he had already served. The typical feature of Katryuk, as well as of the police officers subordinate to him, was hatred of the Soviet regime, strong bourgeois nationalism, due to which all of them were especially cruel in punitive operations carried out by the fascists against peaceful Soviet citizens.

At the end of 1942 our battalion was redeployed to Belarus. The battalion headquarters, the 1st company and part of the 3rd company were located in the village of Pleshchenitsy, and the rest of the units – in the village of Logoisk, Minsk region. Since January 1943, the units of the 118th Police Battalion, on the orders of the Nazi command, regularly took part in punitive operations against civilians and partisans. The policemen of the 1st company of the battalion were especially outstanding, who personally shot Soviet civilians, looted their property, burnt villages and settlements, took young people into German slavery. For these so-called "services" to Nazi Germany many policemen of our company, including myself, were awarded medals by Hitler's command. KATRYUK and the policemen subordinate to him took direct part in all major punitive actions in our company.

So, in the beginning of January, 1943 the 1st company of 118th Police Battalion together with German Gendarmes carried out a punitive operation against the residents of the village Chmelevichi of Logoisk district of Minsk region. On approaching the village we were fired upon by partisans. After a firefight that lasted about an hour, the partisans retreated from the village and the punishers entered it. I and my 2nd platoon were in a cordon around the village of Chmelevichi in order to prevent the villagers from escaping from the village, as well as to prevent a possible attack by partisans. The 1st and 3rd platoons of the 1st company and the gendarmes entered the village. Being about thirty meters from the village, I saw well how KATRYUK among the policemen of the 1st platoon were searching houses, robbing the property of civilians, driving the cattle out of the barns. When the village was robbed, the punishers burnt it down. I personally saw KATRYUK among those who set fire to it. I did not enter the village, I did not see the villagers, I do not know if any of the partisans or civilians were killed.

In February 1943, the 1st company took part in the extermination of the villages of Koteli and Zarechye in Logoisk district of Minsk region, as a result at least 15 civilians were killed in these villages and dozens of houses were burnt down. I would like to specify that these villages were situated perpendicularly to each other, in fact they were one settlement. Coming to these villages we were attacked by partisans. After a short fight, the partisans retreated, and the policemen of the 1st and 3rd platoons entered Koteli and Zarechye. Our 2nd platoon was in their cordoned-off position. When I was with my platoon, I heard shooting in the villages and then saw houses and buildings on fire. At the end of the operation, when the company returned to the battalion's location, I, passing by the burnt-out barn that stood alone in front of the village of Koteli, saw two badly burnt corpses near it. The punishers brought a lot of property loot to Pleshchenitsy. When we were in the cordon, I could not personally see who was massacring civilians and burning houses. However, I know for a certainty that KATRYUK and the policemen of his unit, who were in the village of Zarechye at the time of the punitive operation, took an active part in it. I was told about it by policemen of the 1st platoon, who exactly, I don't remember now.

In March 1943, partisans fired at the convoy of the 1st company of the 118th Police Battalion on the highway from Pleshchenitsy to Logoisk, near the village of Bolshaya Guba, killing the chief of the

1st company, the German Hauptmann Welke and three policemen, and wounding the commander of the 1st platoon, Meleshko and the driver of the passenger car on which Welke was riding. At that time, I was in the battalion's location in Pleshchenitsy. As soon as the Battalion headquarters became aware of the partisans' shooting of the police column, the remaining units of the 118th Police Battalion in Pleshchenitsy were alerted and sent in vehicles to the place of the shooting. I was riding in the second car. Coming up to the village of Bolshaya Guba, I saw a column of civilians being escorted by policemen of the 1st company. At that time, the car ahead of us started to shout. The convoyed started running away from the column in all directions. Convoys and policemen who had come to help us from Pleshchenitsy in cars started firing at them. I jumped down from the car and also fired a few shots at the civilians fleeing into the forest. Among those firing I saw KATRYUK, who was not far from me and was firing at them with his weapon. Firing on unarmed people did not last long. Soon, by someone's order, the massacre was stopped, but on the bloodied highway, in the ditch and not far from the forest towards which the people were fleeing, I saw at least twenty dead and up to ten wounded civilians, including women. The massacre of civilians had been carried out by the punishers in revenge for the murder of Hauptmann Welke and three policemen by partisans. As far as I know, these were innocent Soviet civilians who had nothing to do with the partisans. They happened to be at the place where the partisans fired on the police column by accident, while chopping wood along the highway.

After the massacre of the peaceful woodcutters, the survivors were sent guarded to Pleshchenitsy, and the battalion took up combat order and began searching the forested area near the highway. During the search, the battalion units came to the village of Khatyn. By order of the battalion commander, Major Kerner, the village was surrounded by police, its people were driven into one large barn, shot and burned in it. On Kerner's order, the village of Khatyn was completely burnt down. Together with the village more than a hundred of its residents – mostly women, old people and children – were exterminated. SS men who arrived in Khatyn together with the battalion commanders took part in the destruction of the villagers.

During this punitive operation I was in my platoon in the cordon of the village and among other punishers, who drove the inhabitants to the place of massacre, I saw KATRYUK, as I was standing forty meters away from the barn where the doomed were brought. Then our platoon was taken off the cordon and sent to the barn where all the villagers were being brought in. Kerner, Smovsky, Vasyura, Meleshko and other commanders of the 118th Police Battalion and the officers of the SS were at the barn. The Germans were in charge of the massacre. On Kerner's order the interpreter of the battalion Lukovich set fire to the barn. The people in it started crying, screaming, begging for mercy. At that time Kerner ordered to shoot at the barn and the civilians in it. KATRYUK also fired at the barn with a rifle. I saw it very well, as I was about fifteen meters away from it. The firing continued until the screams, groans and cries of the people inside the barn ceased.

In May – June 1943, the 118th Police Battalion took part in a large punitive operation in the area of the Berezina River. On the first day of this operation our battalion carried out a punitive action against the people of the village of Vileika, Dokshitsy district, Vitebsk region. When we entered the village, the 2nd and 3rd companies of our battalion were already there. We entered the village from the side of the church. Many houses were burning at that end of the village. Who set them on fire, I don't know. At the burning end of the village I personally saw two or three dead civilians. I don't know under what circumstances they were killed. Half of the village burnt down that day. We stopped for the night in the village of Vileika. The next day, the villagers who had left the village the day before were returning. Some of them were brought by policemen who were searching the woods around Vileika. Soon German officers in yellow uniforms with armbands on their sleeves came to the village by car. Arrived officers, police officers of the battalion headquarters, the 1st and 3rd platoons of the 1st company gathered all the village residents to the headquarters and began to sort them. The 2nd platoon, where I was a part of, stood in the cordon of the village. I could clearly see how the young men were loaded onto cars and driven towards the village of Pleshchenitsy. Then the policemen of the 1st platoon of the

1st company and battalion headquarters, on the orders of German officers, selected a group of women and children, who were driven to a separately standing barn and locked there. The barn with the civilians in it was set on fire and shot at. I was not far from the barn, not more than thirty to forty meters away, and I had a clear view of the massacre of the villagers. I heard the screams of people doomed to death, automatic and single shots. I saw and remember well that KATRYUK was among the punishers pushing women and children to the barn. Later, from the words of fellow soldiers, I learned that partisan families were shot and burnt in the barn.

At the end of the operation near the Berezina River, the 118th Police Battalion was redeployed to the town of Novogrudok, Grodno region. From there we went on an operation against partisans and peaceful Soviet citizens in Naliboki Pushcha. During this operation the policemen of our battalion killed about fifty peaceful Soviet citizens of Jewish nationality who were hiding in dugouts in the forest. These citizens were discovered while searching the swamps of Naliboki Pushcha. When they were found, the 2nd and 3rd platoons of the 1st company were ordered to surround the area where the dugouts with Jewish men were discovered. The policemen of the 1st company went to the dugouts directly. After about twenty to thirty minutes I heard several single shots and then grenade explosions. After we were removed from the cordon, I came to the place where the explosions had been heard and saw a dugout that had been torn apart by grenade explosions, there were about twenty mangled corpses of men, women and children. KATRYUK and several other policemen examined the clothes of the dead, pulled rings off their hands, pulled out gold teeth, took out gold coins and other valuables from their clothes. There were six or seven more corpses lying around the dugout. As it became known to me, another dugout with citizens of Jewish nationality was discovered and destroyed at the same time. I personally did not see this dugout or the corpses of the dead. I do not know who directly took part in the extermination of this dugout and the people in it. Whether KATRYUK personally threw grenades into the first dugout, I can not say, I do not know.

I do not remember other episodes of KATRYUK's punitive activity.

Shortly before the Red Army liberated the territory of Belarus 118th Police Battalion was redeployed to Germany, and from there to France. On the territory of France our battalion in full staff went over to the side of the French partisans, where we for about two months. At the end of 1944, I enlisted in the Foreign Legion, with which I went to Africa. At the beginning of 1945, I decided to return home. In March 1945, I was called from the camp of returnees in Austria to serve in the Soviet Army, where I served until 1947. In France, after I enlisted in the Foreign Legion, I lost sight of KATRYUK, I never met him again, and I know nothing about him.

I personally read the minutes of the interrogation. It was written down correctly from my words. I have no additions or amendments.

Interrogated: Assistant Prosecutor of the Belarusian SSR
Counselor of Justice B. Semyonov
(signature)

True copy: Assistant Prosecutor of the Belarusian SSR
Counselor of Justice B. Semyonov
(signature)

(Seal: Prosecutor's office of the USSR
Prosecutor's office of the Belarusian SSR)

«Характерной чертой Катрюка, равно как и подчиненных ему полицейских, являлась ненависть к Советской власти, яркий буржуазный национализм, на почве чего все они отличались особой жестокостью в карательных операциях, проводимых фашистами против мирных советских граждан», – вот как охарактеризовал его Кнап [1].

Другие сослуживцы также подчеркивали инициативность и особое рвение Катрюка в карательных операциях нацистов.

"Katryuk as well as his subordinate policemen were distinguished by their hatred of the Soviet power, fierce bourgeois nationalism, which made them particularly cruel in the punitive operations carried out by the fascists against peaceful Soviet citizens", – this is how Knap described him [1].

Other fellow soldiers also recognized Katryuk's initiative and special zeal in Nazi punitive operations.

КАТРЮК Владимир с самого начала и до конца проходил службу в должности командира отделения первого взвода первой роты 118 полицейского батальона.

К началу 1943 года батальон из города Минска был передислоцирован. Штаб батальона и первая рота расположились в поселке Плещеницы, а вторая и третья роты – в поселке Логойске Минской области. Начиная с января 1943 года, по приказу гитлеровского командования подразделения 118 полицейского батальона стали принимать активное участие в проведении карательной деятельности против партизан и мирных советских граждан. Особой активностью и жестокостью при этом отличались полицейские первого взвода первой роты, которым командовал Мелешко и в состав которого входило отделение КАТРЮКА. КАТРЮК со своими подчиненными принимал участие практически во всех карательных операциях, проводившихся с участием 118 полицейского батальона. При этом он проявлял такое рвение и такую жестокость при выполнении приказов фашистского командования, что даже выдавшие эти каратели отмечали это в разговорах между собой. Лично мне пришлось дважды быть непосредственным очевидцем карательных акций, в которых КАТРЮК принимал личное участие.

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022
о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022
on genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period

Vladimir KATRYUK served as a squad commander of the 1st platoon of the 1st company of the 118th Police Battalion from the very beginning to the end.

By the beginning of 1943, the battalion was redeployed from the city of Minsk. The battalion headquarters and the 1st company were located in the village of Pleshchenitsy, and the 2nd and 3rd companies – in the village of Logoisk, Minsk region. Since January 1943, by order of Hitler's command, units of the 118th Police Battalion began to take active part in the punitive operations against partisans and civilians. The police officers of the 1st platoon of the 1st company, commanded by Meleshko and including KATRYUK's unit, were particularly active and brutal. KATRYUK and his subordinates took part in practically all punitive operations carried out with the participation of the 118th Police Battalion. In doing so, he showed such zeal and such cruelty in carrying out the orders of the fascist command that even experienced punishers noted it in their conversations with each other. I personally had to be a direct witness of punitive actions in which KATRYUK took personal part twice.

Припоминаю, что Катрюк был родом с Западной Украины. Внешне это был представительный мужчина, выше среднего роста, плотного телосложения, лицо округлое, волосы темно-русые. Каких-либо особых примет его внешности не помню. В случае необходимости смогу его опознать.

В конце 1942 года 118 полицейский батальон был передислоцирован в г. Минск и после непродолжительного нахождения там 1 и 3 роты с минометным взводом и пушкой были направлены в поселок Плещеницы Логойского района Минской области к месту постоянной дислокации. 2 рота, если не ошибаюсь, была направлена для несения охраны шоссе Минск-Слуцк. В конце декабря 1942 года я был назначен на должность адъютанта батальона, что соответствует должности начальника штаба. Вместо меня первым взводом 1 роты, в котором Катрюк был командиром отделения, стал командовать Мелешко Василий. Хочу заметить, что личный состав 1 роты, особенно ее первого взвода, состоял из выходцев Западной Украины, отличавшихся ненавистью к Советской власти и проявлявших особое рвение и жестокость при проведении карательных акций против советских партизан и мирного населения. Но даже среди полицейских 1 взвода 1 роты Катрюк выделялся своей жестокостью. Он участвовал фактически во всех карательных операциях батальона, причем если на карательную акцию направлялся не весь батальон, то Катрюк всегда добровольно вызвался участвовать в ней, за что немецкое командование баталь-

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022
о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case № 21028030022
on genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period

I recall that Katryuk was originally from Western Ukraine. In appearance, he was a representative man of above average height, stout, with a rounded face and dark-brown hair. I do not remember any special features of his appearance. I should be able to identify him if necessary.

At the end of 1942 the 118th Police Battalion was redeployed to Minsk and after a short stay there 1st and 3rd companies with a mortar platoon and a cannon were sent to the village of Pleshchenitsy, Logoisk district, Minsk region to the place of permanent deployment. The 2nd company, if I'm not mistaken, was sent to guard the highway Minsk – Slutsk. At the end of December 1942 I was appointed to the post of battalion adjutant, which corresponds to the post of Chief of Staff. Instead of me, the 1st platoon of the 1st company, in which Katryuk was a squad leader, was commanded by Vasily Meleshko. I would like to note that the staff of the 1st company, especially its 1st platoon, consisted of natives of the Western Ukraine, who were famous for their hatred of the Soviet power and showed special zeal and cruelty in carrying out punitive actions against Soviet partisans and civilians. But even among the policemen of the 1st platoon of the 1st company Katryuk was distinguished by his cruelty. He participated in practically all punitive operations of the battalion, and if the whole battalion was sent to a punitive action, Katryuk always volunteered to take part in it.

Вместе с тем, несмотря на непосредственное участие в карательных операциях против мирного населения, Катрюк так и не был привлечен к ответственности. Вплоть до своей смерти в мае 2015 г. Катрюк проживал в г. Ормстаун, Квебек, – небольшом городе вблизи г. Монреаль, где жил спокойной жизнью, разводил пчел, был активным прихожанином местной церкви.

Вышеупомянутый судебный процесс по вопросу лишения Катрюка гражданства так и не принес свои плоды: соответствующая процедура была прекращена в 2007 г. по причине «отсутствия доказательств». До сих пор в националистических кругах Катрюк представляется мучеником и героем.

Кроме литовских, латышских и украинских коллаборационистов в карательных операциях на белорусской территории принимали участие и коллаборационисты других национальностей.

Так, например, из показаний немецкого солдата ефрейтора Хорста Гофмана следует, что в сожжении деревень на территории нынешней Брестской области принимали участие и венгерские коллаборационисты.

However, despite his direct involvement in punitive operations against civilians, Katryuk has never been brought to justice. Until his death in May 2015, Katryuk lived in Ormstown, Quebec, a small town near Montreal, where he lived a quiet life, raised bees, and was an active member of the local church.

The aforementioned lawsuit on the issue of depriving Katryuk of citizenship did not near fruit: the corresponding procedure was terminated in 2007 due to "lack of evidence". Until now, in nationalist circles, Katryuk is presented as a martyr and hero.

Besides Lithuanian, Latvian and Ukrainian collaborators, members of other nationalities also took part in punitive operations on the Belarusian territory.

Thus, for example, the testimony of German soldier corporal Horst Hoffmann shows that Hungarian collaborators also took part in the burning of villages on the territory of the present-day Brest region.

In February 1944, Hungarian troops fighting partisans set fire to a village occupied by partisans, about 10 kilometers away from the town of Drogichin. Partisans suffered some losses. The order to set fire to the houses was given by a Hungarian lieutenant-colonel who led the Hungarians. I don't know his last name. He belonged to the 10th Hungarian Division, based in the town of Drogichin. On October 1, 1943 on the road Pukhovichi – Minsk (about 15 km away from Pukhovichi) I saw a partisan hanged on a telegraph pole near the railroad. He took part in the attack on the stronghold and was hanged by Hungarian troops.

Corporal Horst Hoffmann

Field Post 40831

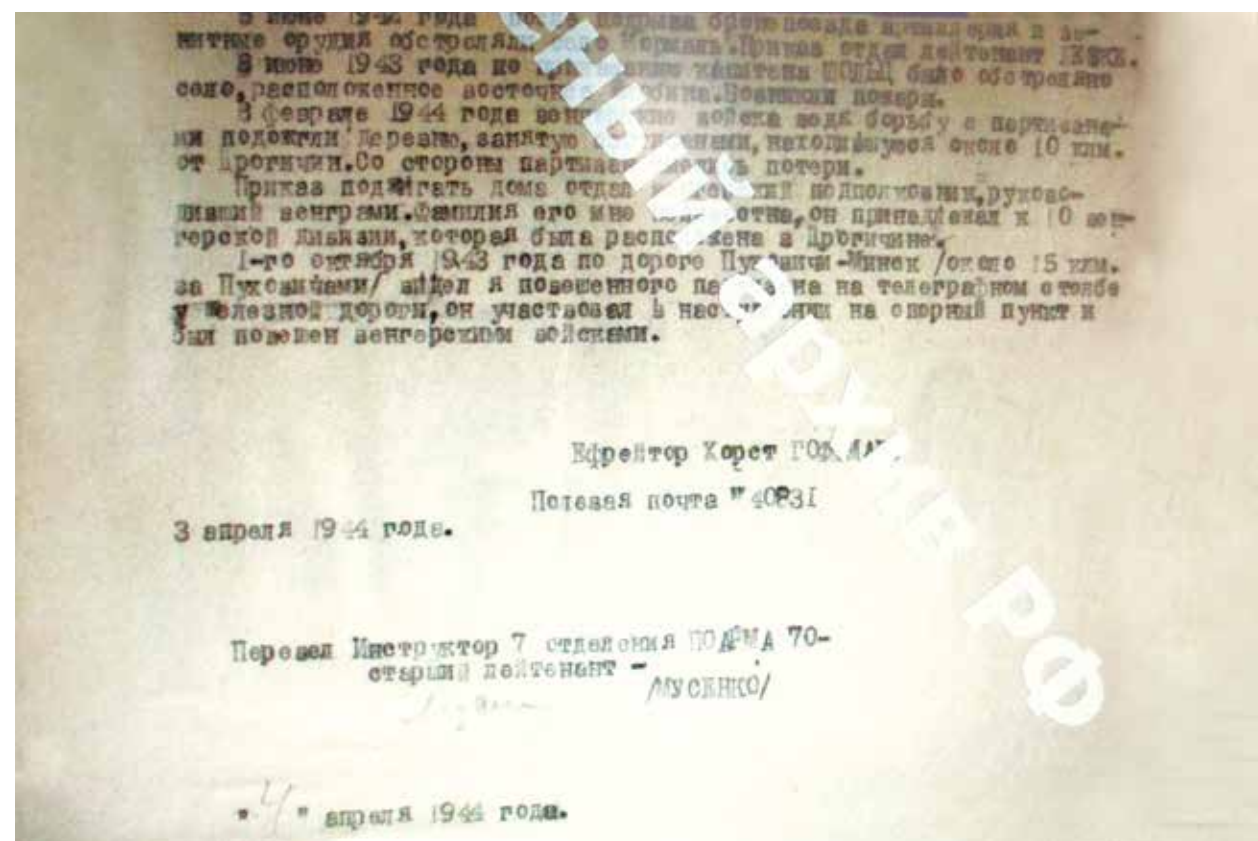
April 3, 1944

Translated by Instructor, Unit 7, POARMA 70, Senior Lieutenant Musenko

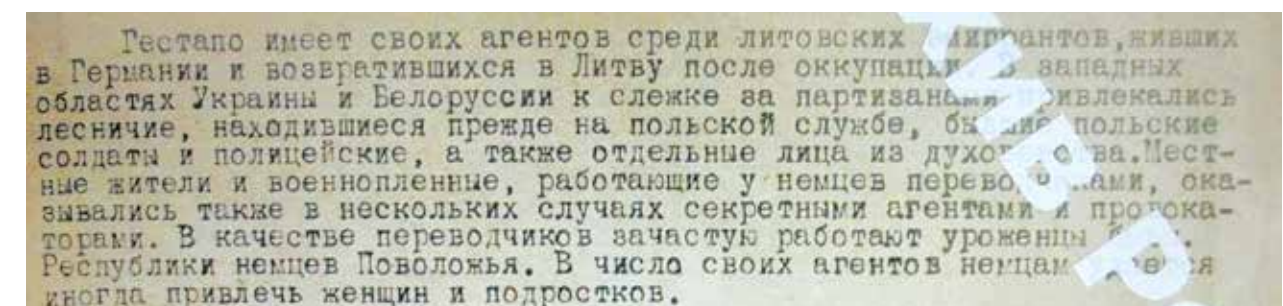
April 4, 1944

К совершению карательных акций нацисты привлекали в том числе польских солдат и полицейских.

To carry out punitive actions, the Nazis involved, among others, Polish soldiers and police officers.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 35. Л. 62
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 35. L. 62

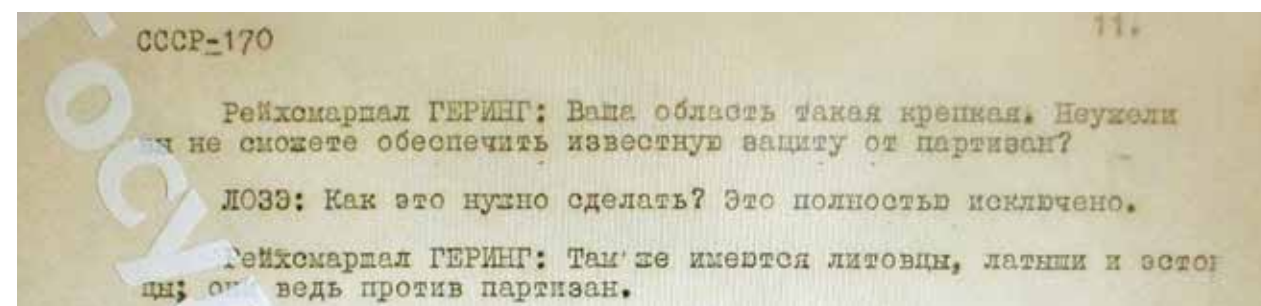
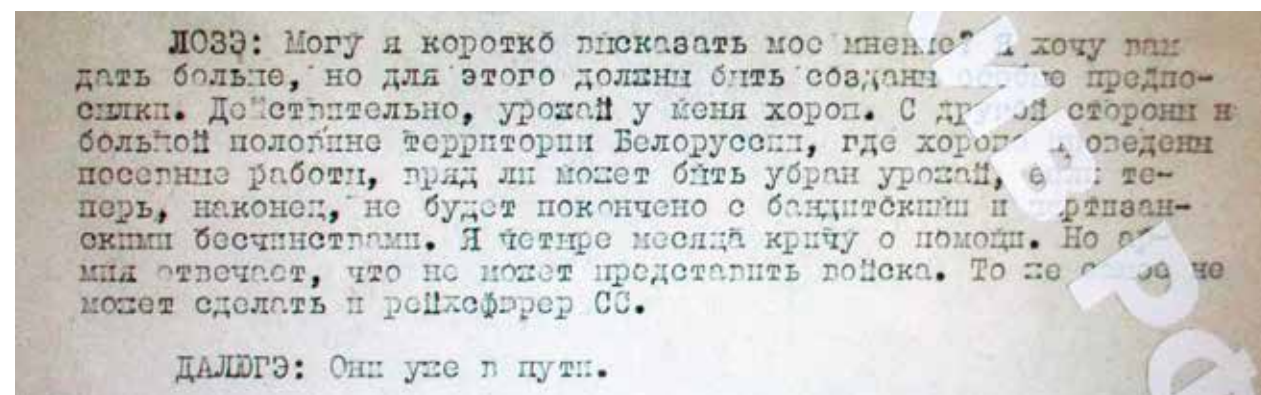

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 100. Л. 1-52
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 100. L. 1-52

Gestapo has its own agents among Lithuanian migrants, who used to live in Germany and returned to Lithuania after occupation. In western Ukraine and Belorussia, former Polish forest guards, former Polish soldiers and police officers, and some members of the clergy were involved in spying on the partisans. Local residents and prisoners of war working for the Germans as interpreters also turned out to be secret agents and provocateurs in several cases. The interpreters were often natives of the former Republic of the Volga Germans. The Germans sometimes succeeded in recruiting women and teenagers as agents.

Из стенографического отчета Геринга с рейхскомиссарами оккупированных территорий от 6 августа 1942 г. следует, что Геринг считал эффективным способ умиротворения белорусского населения и территорий с помощью литовцев, латышей и эстонцев.

From the stenographic report of Goering with the Reichskommissars of the occupied territories of August 6, 1942, it follows that Goering considered it effective to pacify the Belarusian population and territories with the help of Lithuanians, Latvians and Estonians.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 127а. Л. 2-19
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 127a. L. 2-19

LOZE: May I express my point of view shortly? I would like to give you more, but there should be special circumstances. My harvest is rich indeed. On the other hand, even on the bigger part of Belarus, where the last works have been done well, we will hardly collect reach harvest unless we break up with bandits and partisans cruelties. For four months, I've been shouting for help. But the army replies they can't supply us with troops. Reichsführer SS can't do this either.

DALYUGE: They are on the way.

USSR-170

Reichsmarshal GOERING: Your area is so strong. Will you not be able to provide a known defense against partisans?

LOSE: How should we do that. It's completely impossible.

Reichsmarshal GOERING: There are Lithuanians, Latvians and Estonians there too. They are against the partisans after all.

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОТНОШЕНИИ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ И ИХ ПОСОБНИКОВ ЗА УЧАСТИЕ В КАРАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЯХ

Неотвратимое наказание нацистских военных преступников стало одной из целей в справедливой войне против фашизма, требованием всего человечества.

Ни одна страна антигитлеровской коалиции не понесла таких тяжелых жертв, как СССР, и никто не внес такого огромного вклада в дело военного и морально-политического разгрома гитлеризма, как Советский Союз. Это был поистине героический подвиг советского народа в смертельной борьбе против нацизма.

Несмотря на риторику западных государств о якобы имевшем место «тоталитарном характере» советской власти, даже в период оккупации Советский Союз обеспечивал правосудие над нацистскими преступниками.

К примеру, 27–28 сентября 1943 г. состоялось судебное рассмотрение уголовного дела в отношении нацистского преступника – солдата отряда особого назначения 238-й немецкой пехотной дивизии Иозефа Косса.

Из обстоятельств уголовного дела следует, что Иозеф Косс получил от своего командования приказ угонять мирное население на принудительные работы в Германию, а остальных – расстреливать и сжигать вместе с домами.

Во исполнение этого приказа 25 сентября 1943 г. в поселке Андреевка Тереховского района Гомельской области (в настоящее время – территория Добрушского района Гомельской области) Иозеф Косс совместно с другими солдатами отряда во время облавы на население деревни учинил зверскую расправу над 11 ее жителями, которые не успели скрыться, подавляющее большинство из которых – женщины, старики и дети. Жертв заперли в сарае и подожгли, а тех, кто пытался выбраться – расстреливали.

26 сентября 1943 г. он поджег расположенную рядом д. Черетянка, после чего был задержан гражданами и передан ими под суд.

Несмотря на крайне тяжелое военное время, в которое жила страна, нехватку людских ресурсов, голод и разруху, судебное следствие проведено в полном соответствии с нормами действовавшего в то время законодательства. Уголовное дело рассмотрено коллегиальным составом суда с участием прокурора, обеспечением обвиняе-

TRIALS AGAINST NAZI CRIMES AND THEIR COLLABORATORS FOR PARTICIPATION IN PUNITIVE OPERATIONS

The inevitable punishment of Nazi war criminals became one of the goals in the just war against fascism, a requirement of all mankind.

No country of the anti-Hitler coalition bore such heavy sacrifices as the USSR, and no one made such a huge contribution to the military and moral-political defeat of Hitlerism as the Soviet Union. It was a genuinely heroic deed of the Soviet people in the fatal struggle against Nazism.

Despite Western countries' statements about the supposed "totalitarian nature" of Soviet power, even during the occupation the Soviet Union provided justice over Nazi criminals.

For example, on September 27–28, 1943, a criminal trial was held against a Nazi criminal, Josef Koss, a soldier of the special purpose detachment of the 238th German Infantry Division.

The circumstances of the criminal case show that Josef Koss received orders from his command to deport civilians for forced labor in Germany, and to shoot and burn the rest along with their houses.

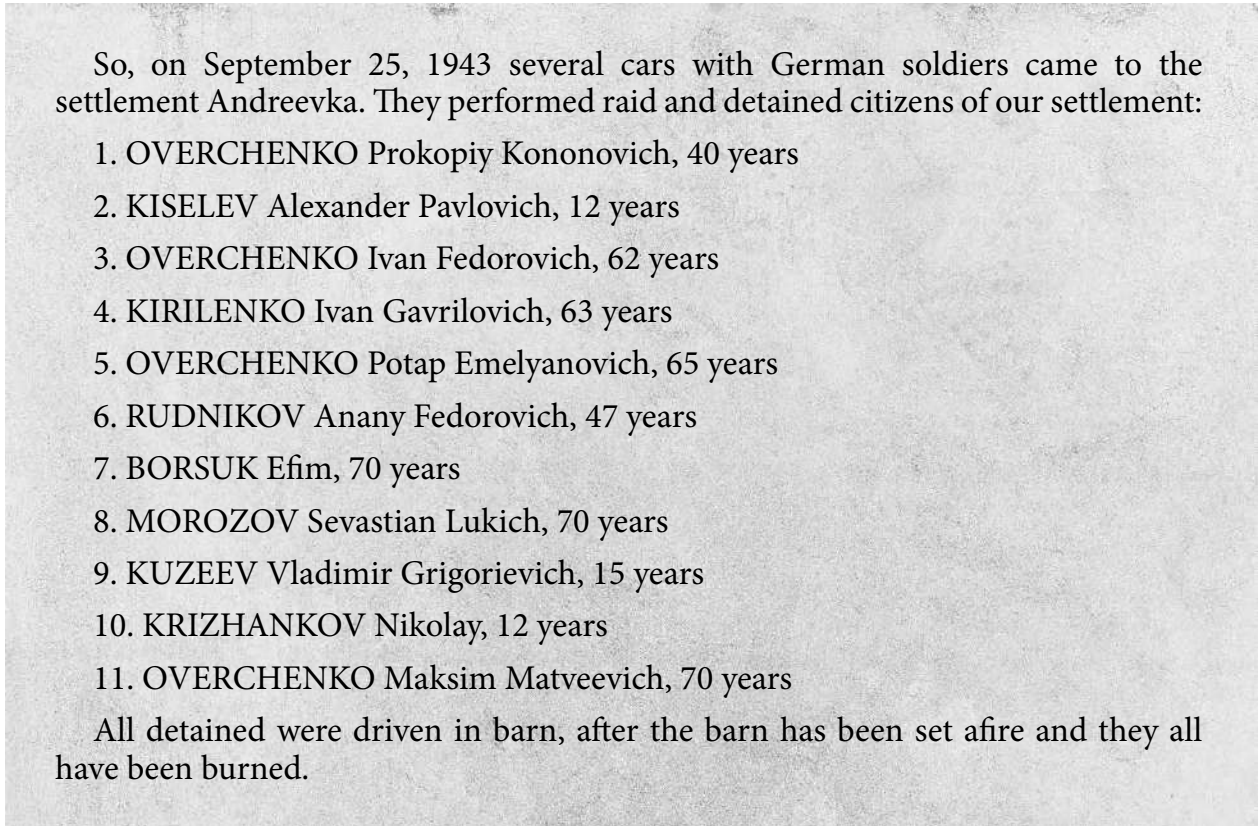
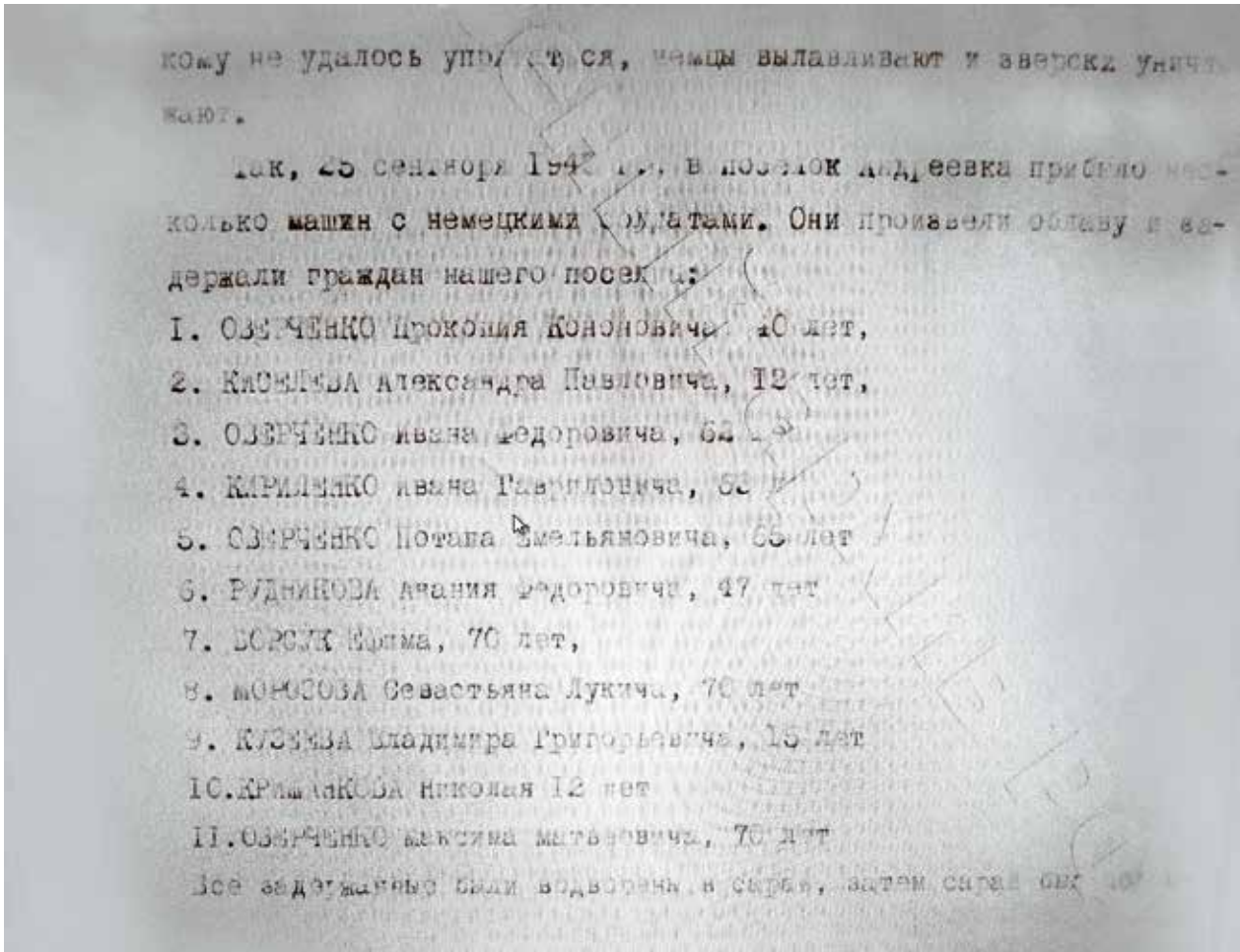
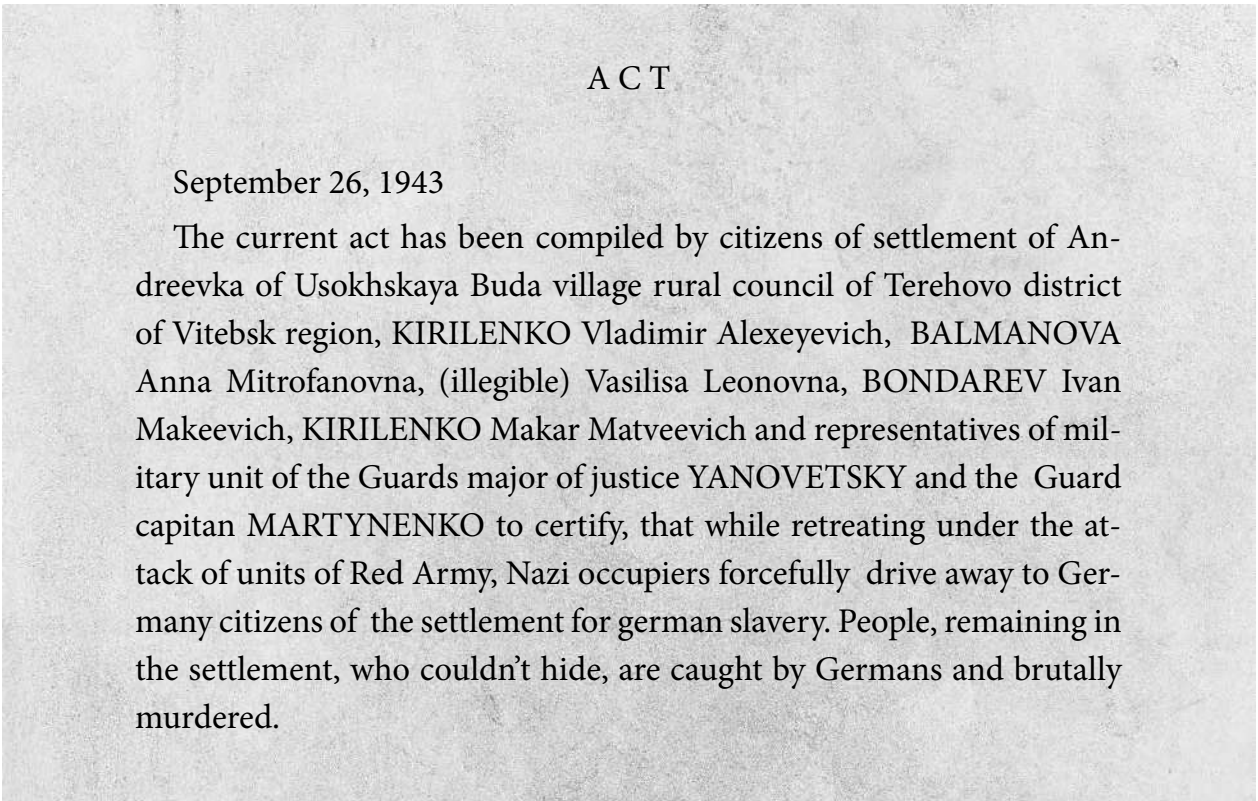
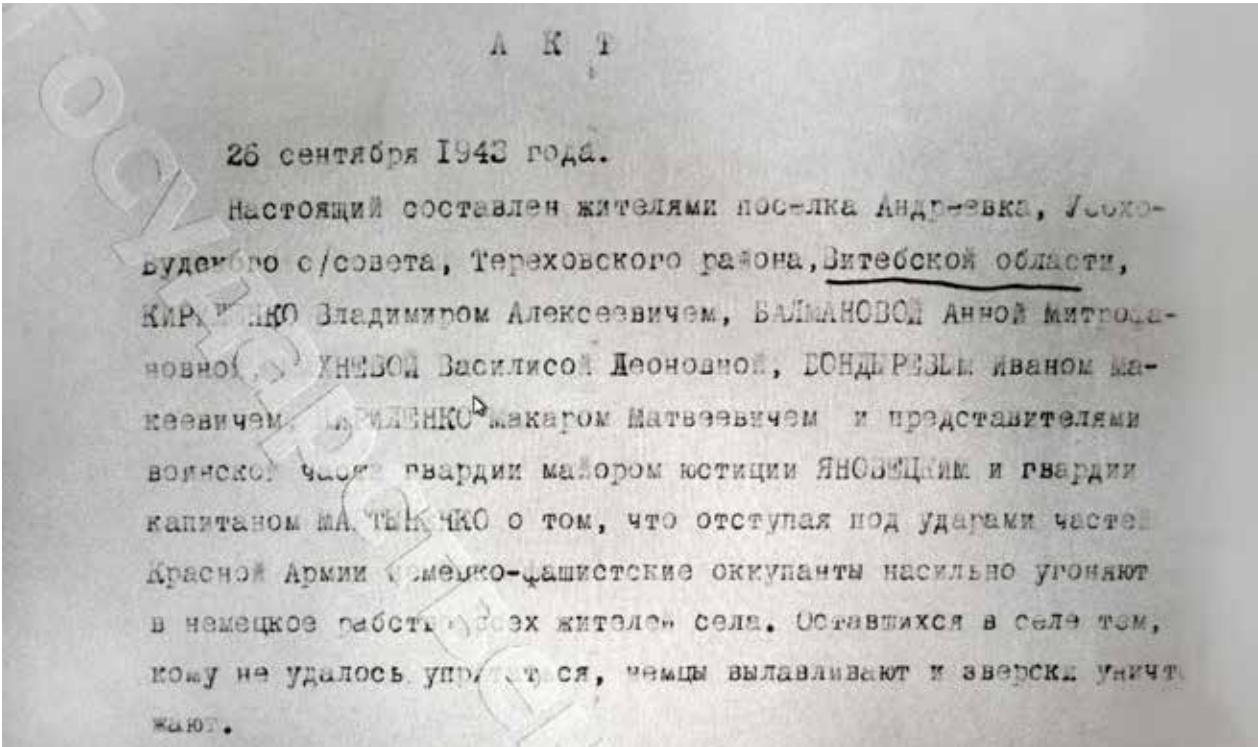
In pursuance of this order, on September 25, 1943, in Andreevka village, Terekhovka district, Gomel region (nowadays – territory of Dobrush district, Gomel region), Josef Koss together with other soldiers of the detachment during a raid on the village people, he carried out a brutal massacre of its 11 inhabitants, who had no time to escape, the vast majority of whom were women, old people and children. The victims were locked in a barn and set on fire, while those who tried to escape were shot dead.

On September 26, 1943, he burned down the nearby village of Cheretyanka, after that the citizens captured him and put him on trial.

Although the country was facing extremely difficult wartime situation, lack of human resources, hunger and devastation, the judicial investigation was conducted in full compliance with the regulations of the legislation in force at the time. The criminal case was considered by the collegial staff of the court, with the participation of the prosecutor, providing the accused with an interpreter, with recording the course of the case in the minutes of the court session [25]. The result of the trial was a

мого переводчиком, с фиксацией хода рассмотрения дела в протоколе судебного заседания [25]. Итог судебного следствия – обвинительный приговор, которым Иозеф Косс был приговорен к исключительной мере наказания – смертной казни через повешение [26].

verdict of guilty, sentencing Josef Koss to an exceptional measure of punishment – death by hanging [26].

...и все они сгорели. Те кто пытался выбраться из сарая подвергся ранениям из пулеметов, поставленных вокруг сарая, из которых немцы вели все время огонь, но ни в чем не повредив советским гражданам.

Сивакову Лукандру Тимофеевичу, 75 лет удалось убежать, но гитлеровцы его догнали и расстреляли.

После этого, как немецкие изверги сожгли 30 домов и уничтожили 46 коров, они успешно скрылись.

На всех трупах, обнаруженных после сжигания немцами - следы мученической смерти, на всех без исключения обугленных трупах пулевые ранения.

Подпись:

Верно: ПОЛКОВНИК / ПОРТА КА
ПОДПИСАЛ

М. Муратов
/МУРАТОВ/

Отп. 2 экз.
9/XI с.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 25. Л. 3-4
State Archive of the Russian Federation. F. R-7021. Op. 148. D. 25. L. 3-4

Those, who tried to leave the barn were wounded from machine gun, placed around the barn, from which German constantly fired on innocent soviet citizens.

SIVAKOV Lukandr Timofeevich, 75 years, managed to flee, but fascists caught him and shot.

After German evildoers burned 30 buildings and destroyed 46 cows, they hurriedly disappeared.

On all corpses, discovered after burning by Germans - traces of martyr's death, on all, without exception, burned corpses bullet wounds have been found.

Signatures:

Correctly: (unreadable) LIEUTENANT-COLONEL OF JUSTICE
(signature) (MURATOV)

Sent 2 copy
9/XI

17

ПРИГОВОР № 005

Именем Союза Советских социалистических республик, 28 сентября 1943 года, военно-полевой суд при М. Краснознаменной гвардейской стрелковой дивизии в составе: председательствующего - гвардии майора юстиции - ЯНОВИЦКОГО, членов - гвардии майора КОРОЕЛОВО и гвардии майора АРХИПОВА, при секретаре СНИЦЫНЕ с участием военного прокурора М. КИСД гвардии капитана юстиции КАКАРЕВИЧ, в открытом судебном заседании в селе Черетянка, Тереховского района, Гомельской области, БССР, рассмотрев дело по обвинению солдата отряда особого назначения 102 пп 238 пехотной дивизии КОСС Иосифа, 1924 года рождения, урож. близки марбурга /Германия/, из кулаков, беспартийного, с низшим образованием, немца ранее со слов не-

судимого, холостого, в немецкую армию вступил в декабре 1942г. в преступлении, предусмотренном п. I Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года.

Материалами предварительного и судебного следствия установлено, что подсудимый КОСС состоял в отряде особого назначения, получил от своего командования распоряжение об уничтожении советских граждан, которые не удалось немецко-фашистским оккупантам угнать на каторжные работы в Германию, сжигать дома и уничтожать скот.

Принимая активное участие в злодеяниях, чинимых немецкими войсками в период отступления под ударами частей Красной Армии, подсудимый КОСС 25 сентября 1943г. в пос. Андреевка, Тереховского района, Гомельской области, вместе с другими ~~солдатами~~ своего отряда заживо сжег 11 граждан, х. Андреевка, не успевших упрятаться от их группы, пойманных во время обхода

- 2 -

среди которых МОРОЗОВ С.Л. - 70 лет, КИРИЛЕНКО И.Б. 63 лет,
КИСЕЛЕВ А.П. - 12 лет и другие.

В том же ~~после~~ подсудимый КОСС совместно с другими
из его отряда сжег около 30 построек, уничтожил 46 коров.

Кроме того, 27 сентября КОСС лично поджег 20 домов с
надворными постройками в с.Черетянка и пытался застрелить
свидетеля по делу ЛАРЧИКОВУ, просившую его не жечь ее дом.

Виновность подсудимого КОСС в преступлении, предусмотрен-
ном п.І Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля
1943 года полностью доказана.

Руководство ст.ст.319 и 320 УПК РСФСР

ПРИГОВОРИЛ:

КОСС Иосифа, на основании п.І Указа Президиума Верхов-
ного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 г. подвергнуть
смертной казни через повешение.

Приговор окончательный и кассационному обжалованию не
подлежит.

п.п. председательствующий

члены /подписи/

Верно: ПОМ. ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА КА
ПОДПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

отп. 2 экз.
9/XI сф

/МУРАТОВ/

VERDICT № 005

In the name of the Union of Soviet Socialist Republics, on September 28, 1943, the military field court at the Krasnoznamennaya Guards Rifle Division composed of: presiding – Guards Major of Justice – YANOVITSKY, members – Guards Major POGORELY and Guards Major ARKHIPOV, with secretary SPITSYN, attended by military prosecutor No. KGRD, Guards Captain of Justice MAKAREVICH, at an open court session in the village of Cheretyanka, Terekhovka district, Gomel region, BSSR, having considered the case on the charge of the soldier of the special purpose detachment I 02 I I II 238th German Infantry Division KOSS Josef, born in 1924, a native of near Marburg (Germany), from wealthy peasants, non-party, with a low education, German, previously unconvinced, single, joined the German army in December 1942, in the crime stipulated by clause I of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the Union of Soviet Socialist Republics of April 19, 1943.

The materials of the preliminary and judicial investigation have established that the defendant KOSS, being in the special purpose detachment, received from his command an order to exterminate Soviet citizens who had not been taken away by the Nazi occupiers to hard labor in Germany, to burn houses and destroy cattle.

Taking an active part in the atrocities, committed by the German troops during the retreat under the blows of the Red Army units, the defendant KOSS on September 25, 1943, in the village of Andreevka, Terekhovka district, Gomel region, together with other soldiers of his detachment burnt alive 11 citizens of the village of Andreevka, who he caught during the raid, because they had not managed to hide from their group, among them MOROZOV S.L. – 70 years old, KIRILENKO I.B. – 63 years old, KISELEV A.P. – 12 years old and others.

In the same settlement the defendant KOSS together with others from his group burnt down about 30 buildings, killed 46 cows.

Moreover, on September 27, KOSS personally set fire to 20 houses with outbuildings in the village of Cheretyanka and tried to shoot a witness in the case LARCHIKOVA, who asked him not to burn her house.

The guilt of the defendant KOSS in the crime stipulated by clause I of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of April 19, 1943 is fully proved.

The court is guided by Articles 319 and 320 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR

CONVICTED:

KOSS Josef, on the basis of clause I of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the Union of Soviet Socialist Republics of April 19, 1943, to be subjected to the death penalty by hanging.

The verdict is final and not subject to cassational appeal.

Presiding Officer
Members (signatures)

True: ASSISTANT TO THE CHIEF MILITARY PROCURATOR OF WAR
LIEUTENANT COLONEL OF JUSTICE (signature) (MURATOV)

(Seal: General Military Prosecutor's Office of the Red Army)

rep. 2 ex
9/XI sf

Великая освободительная миссия Советского Союза, решающий вклад советского народа и его Вооруженных Сил в разгром нацизма создали важнейшие предпосылки для организации и осуществления судебного преследования нацистских военных преступников, открыли дорогу суду над Герингом, Кейтелем, Розенбергом, а также другими заправилami Третьего рейха.

Наиболее известный и громкий судебный процесс в отношении главарей нацизма прошел в Нюрнберге с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. Он справедливо называется судом народов, а приговор, покаравший организаторов и исполнителей чудовищных преступлений, – приговором истории.

Никогда ни один судебный процесс не объединял все свободолюбивые элементы мира в таком единодушном желании покончить с реакцией, агрессией, человеконенавистничеством. Нюрнбергский процесс отразил гнев и возмущение человечества чудовищными злодеяниями, виновники которых должны были быть наказаны для того, чтобы подобные преступления никогда не могли повториться.

Именно поэтому в обвинительной речи советского представителя на Нюрнбергском процессе подчеркивалось, что процесс проводится не только во имя памяти миллионов жертв фашистского террора, но и во имя укрепления мира во всем мире, во имя безопасности народов в будущем. С таких же позиций подходили к оценке роли процесса в Нюрнберге и обвинители от других стран – членов Международного военного трибунала.

С 15 по 29 января 1946 г. в г. Минске проходило открытое судебное заседание по уголовному делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории БССР.

В рамках уголовного процесса к ответственности было привлечено 18 человек:

бывший командир 286-й охранной и 35-й пехотной дивизии генерал-лейтенант германской армии Иоганн Георг Рихерт;

бывший начальник полиции порядка Белоруссии и заместитель начальника главного штаба по борьбе с партизанами, генерал-майор полиции бригаденфюрер СС Эбергард Герф;

бывший комендант Могилева и Могилевского укрепленного района генерал-майор германской армии Готфрид Генрих Эрдманнсдорф;

бывший командир 26-го полицейского полка подполковник полиции Георг Вайсиг;

The great liberation mission of the Soviet Union, the crucial contribution of the Soviet people and its Armed Forces to the defeat of Nazism provided the most important conditions for the organization and implementation of the prosecution of Nazi war criminals and paved the way for the trial of Goering, Keitel, Rosenberg and other leaders of the Third Reich.

The most famous and prominent trial against the leaders of Nazism took place in Nuremberg from November 20, 1945 to October 1, 1946. It is justly called the court of nations, and the verdict that punished the organizers and executors of horrible crimes – the verdict of history.

None other trial has ever so united all the free-willed elements of the world in a united desire to put an end to reaction, aggression, and man-hating. The Nuremberg trials expressed the anger and indignation of humanity at the dreadful atrocities committed, the criminals having to be punished, so that similar crimes could never happen again.

That is why the Soviet representative's accusatory speech at the Nuremberg trial emphasized that the trial was being held not only in the name of the memory of the millions of victims of fascist terror, but also in the name of enhancing world peace and the security of peoples in the future. The prosecutors of the other member countries of the International Military Tribunal also viewed the role of the Nuremberg Trials from the same perspective.

From January 15 to January 29, 1946 a public trial on the criminal case on the atrocities of the Nazi invaders on the territory of the BSSR was held in Minsk.

Within the framework of the criminal trial 18 people were brought to justice:

former commander of the 286th Guard and 35th Infantry Division, Lieutenant General of the German army Johann Georg Richert;

former chief of the order police of Belarus and deputy chief of the main headquarters for the fight against partisans, Major General of Police, SS Brigadenführer Ebergard Herf;

former commandant of Mogilev and the Mogilev fortified area, Major General of the German army Gottfried Heinrich Erdmannsdorff;

former commander of the 26th police regiment, Police Lieutenant Colonel Georg Weisig;

former Battalion commander of the 26th police regiment, Police Captain Ernst Falk;

бывший командир батальона 26-го полицейского полка капитан полиции Эрнст Фальк;

бывший комендант городов Бобруйск и Паричи майор Рейнгард Георг Молл;

бывший чиновник гестапо, заместитель коменданта лагеря для советских военнопленных в Бобруйске капитан Карл Макс Лангут;

бывший начальник полиции безопасности в Орле, Орше, Борисове и Слониме, криминал-комиссар гестапо обер-лейтенант СС Ганс Герман Кох;

зондерфюрер комендатуры г. Бобруйска Рольф Оскар Бурхард;

бывший зондерфюрер и комендант Бобруйского сельскохозяйственного района Август Иозеф Битнер;

бывший офицер особого назначения, заместитель коменданта местной комендатуры Бобруйска капитан Бруно Макс Гетце;

бывший заместитель коменданта Орши капитан Пауль Карл Айк;

бывший вахмистр жандармерии Бруно Франц Митман;

бывший унтершарфюрер зондеркоманды при полиции безопасности СС и СД Франц Карл Гесс;

оберефрейтор 8-й кавалерийской дивизии СС «Мертвая голова» Гайнц Иоганн Фишер;

бывший ефрейтор 718-го полевого учебного полка Ганс Иозеф Хехтль;

солдаты Гетерих и Роденбуш.

Обвиняемые принимали участие в массовых зверствах в отношении мирного населения в ходе карательных операций.

В ходе предварительного и судебного следствия установлено следующее.

Обвиняемый генерал-лейтенант Рихерт был командиром 286-й охранной дивизии, а затем 35-й пехотной дивизии. Под видом борьбы с партизанами Рихерт проводил массовое истребление мирных советских граждан. В целях образования «пустынных зон» по его приказу подвергались артиллерийскому расстрелу и сжигались населенные пункты, население угонялось в немецкое рабство.

По указаниям Рихерта подчиненными ему войсками было истреблено свыше 15 тысяч человек.

По его приказам подчиненными ему войсками и тайной полевой полицией угнано в немецкое рабство около 5 тысяч человек. В ходе массовых карательных операций сожжено свыше

former commandant of the cities of Bobruisk and Parichy, Major Reingard Georg Moll;

former Gestapo official, deputy commandant of the camp for Soviet prisoners of war in Bobruisk, Captain Karl Max Langut;

former head of the Security Police in Orel, Orsha, Borisov and Slonim, criminal commissar of the Gestapo SS Oberleutnant, Hans Herman Koch;

Sonderführer of the commandant's office of Bobruisk Rolf Oskar Burkhard;

former Sonderführer and commandant of Bobruisk agricultural district August Josef Bitner;

former special officer and deputy commandant of the local commandant's office of Bobruisk, Captain Bruno Maks Goetze;

former deputy commandant of Orsha, Captain Paul Karl Eick;

former Gendarmerie sergeant Bruno Franz Mitman;

former Unterscharführer of the Sonderkommando of the SS and SD Security Police Franz Karl Gess;

Oberfreitor of the 8th SS Cavalry Division "Dead Head" Heinz Johann Fischer;

former corporal of the 718th field training regiment Hans Josef Hechtl;

soldiers Getterich and Rodenbusch.

The accused took part in mass atrocities against civilians during punitive operations.

The preliminary and judicial investigation established the following.

The accused Richert, a Lieutenant General, was the commander of the 286th Guard Division and then of the 35th Infantry Division. Under the guise of fighting the partisans, Richert carried out mass extermination of Soviet civilians. In order to form "desert zones", on his orders settlements were subjected to artillery shooting and burning, the population was captured into German slavery.

On Richert's orders, his subordinate troops exterminated more than 15 thousand people.

Under his orders, his subordinate troops and the secret field police sent about 5 thousand people into German slavery. In the course of mass punitive operations more than 50 villages and settlements were burnt and 700 civilians, most of them old men, women and children, were burnt alive, the population's property was robbed.

Richert was also the organizer of the Ozarichi death camp.

Under his orders, civilians were used to clear minefields by harrowing, and many died in the explosions.

50 сел и деревень и заживо было сожжено 700 мирных жителей, большинство из которых – старики, женщины и дети, имущество населения разграблено.

Рихерт также был организатором Озарицкого лагеря смерти.

По его приказам мирное население использовалось для разминирования минных полей путем боронования, многие погибли при взрывах.

Обвиняемый генерал-майор полиции бригаденфюрер СС Герф был начальником полиции порядка Белоруссии, а также заместителем начальника главного штаба по борьбе с партизанами. Под предлогом борьбы с партизанами Герф совершал жестокие расправы над мирным населением – массовые аресты, расстрелы, сожжение населенных пунктов, разграбление имущества населения.

В 1942–1943 гг. в лагерях смерти на территории г. Минска по личному распоряжению Герфа полицией было расстреляно несколько тысяч советских граждан.

После убийства партизанами генерального комиссара Кубе в сентябре 1943 г. по приказу Герфа во всех районах г. Минска были произведены карательные операции и арестовано несколько тысяч граждан, среди которых были женщины, дети и старики. Они были заключены в лагерь смерти, а затем расстреляны.

После взрыва столовой СД по приказу Герфа были арестованы и расстреляны 600 ни в чем не повинных людей.

Герф принимал активное участие в карательной операции под названием «Герман», во время которой были истреблены тысячи советских граждан.

В ходе карательных операций по приказу Герфа угнаны в немецкое рабство тысячи человек.

Обвиняемый Эрманнсдорф, генерал-майор, являясь комендантом Могилевского укрепленного района, проводил карательные операции против мирного населения, сопровождавшиеся кровавыми расправами.

В качестве председателя военно-полевого суда он вынес около 150 смертных приговоров советским гражданам.

В марте 1944 г. по приказу Эрманнсдорфа в два лагеря смерти было согнано трудоспособное население г. Могилева для строительства укреплений. Условия в этих лагерях были невыносимо тяжелые, людей принуждали работать до полного истощения, а обессиленных расстреливали.

The accused Herf, a police Major General, SS Brigadenführer, was the chief of the order police of Belarus, as well as deputy chief of the main headquarters for the fight against partisans. Under the guise of fighting against partisans, Herf committed brutal massacres against the civilians – mass arrests, shootings, burning of settlements, and robbery of the population's property.

In 1942–1943, several thousand Soviet citizens were shot by police in death camps in Minsk on Gerf's personal orders.

After partisans murdered Commissar General Kube in September 1943, on Gerf's orders, punitive operations were carried out in all districts of Minsk and several thousand citizens were arrested, including women, children and the elderly. They were imprisoned in death camps and then shot.

After the bombing of the SD canteen, 600 innocent people were arrested and shot on Herf's orders.

Herf actively participated in the punitive operation called "Herman", during which thousands of Soviet citizens were exterminated.

In the course of punitive operations, thousands of people were taken into German slavery on Gerf's orders.

The accused Erdmannsdorff, Major General, being the commandant of Mogilev fortified area, carried out punitive operations against the civilians, accompanied by bloody massacres.

As chairman of a military field court, he issued about 150 death sentences to Soviet citizens.

In March 1944, on Erdmannsdorff's orders, the laboring population of Mogilev was forced into two death camps to build fortifications. The conditions in these camps were unbearably severe, people were forced to work until they were exhausted, and those who were exhausted were shot.

Erdmannsdorff gave orders for punitive operations. In addition, he ordered his subordinates to shoot all captured commissars and political instructors. Also on his orders more than 10 thousand Soviet citizens were taken into German slavery. On his orders 600 houses were destroyed in Mogilev, 25 industrial enterprises were exploded, 10 villages were burnt and destroyed in the outskirts of Mogilev.

In 1944, when the Germans were leaving the territory of the BSSR, 1300 people were driven into German slavery on his orders and over 10 thousand peaceful Soviet citizens were driven to the rear of the German army.

Эрманнсдорф отдавал приказы о проведении карательных операций. Кроме того, он приказывал подчиненным расстреливать всех захваченных в плен комиссаров и политработников. Также по его приказу в немецкое рабство угнано свыше 10 тысяч советских граждан. По его указаниям в Могилеве были разрушены 600 домов, взорваны 25 промышленных предприятий, в окрестностях Могилева сожжено и разрушено 10 деревень.

В 1944 г. при отступлении немцев с территории БССР по его указанию в немецкое рабство угнано 1300 человек и свыше 10 тысяч мирных советских граждан угнано в тыл немецкой армии.

Вайсиг Георг, будучи командиром 26-го полицейского полка, проводил на территории Беларуси карательные экспедиции. Во время карательных операций «Весенний праздник» и «Корморан», проведенных на территории Полоцкой, Минской и Молодечненской областей по приказу Вайсига, который в этих операциях командовал оперативной группой, было сожжено 200 деревень, расстреляно и сожжено более 1 тысячи граждан, а 3 тысячи были переданы на расправу в органы СД.

Во время карательных операций в деревнях Липово, Лепняны и Перевоз сожжено 28 человек. В д. Надозерье было расстреляно 20 человек, причем из расстрелянных трупов был сделан мост через канаву, по которому передвигалась группа немецких солдат.

В декабре 1943 г. Вайсиг со своим полком во время карательных операций в районе Себеж – Освейское озеро расстрелял 150 советских граждан, в том числе стариков, женщин и детей, сжег 15 деревень и заключил в лагерь 250 человек.

По приказу Фалька во время карательных операций в районе городов Себеж, Глубокое и Радосховичи уничтожено 19 населенных пунктов.

Обвиняемый Кох также оставил массовый кровавый след на белорусской земле. Как установлено в ходе процесса, подчиненными ему карательными органами было истреблено около 30 тысяч советских граждан. В целях сокрытия своих злодеяний, в частности в Орше и Борисове, по приказу Коха производилось сожжение трупов расстрелянных и замученных немцами советских граждан, для чего привлекались пленные советские граждане, которые после этого также были расстреляны.

Weisig Georg, as commander of the 26th police regiment, carried out punitive operations on the territory of Belarus. During the punitive operations "Spring Festival" and "Kormoran" carried out on the territory of Polotsk, Minsk and Molodechno regions, by order of Weisig, who commanded a task force in these operations, 200 villages were burnt, more than 1 thousand citizens were shot and burnt, and 3 thousand were handed over to the SD agencies for execution.

During punitive operations in the villages of Lipovo, Lepnyany and Perevoz 28 people were burnt. In the village of Nadozerye 20 people were shot, and the bodies of those shot made a bridge over a canal, which was used by a group of German soldiers to cross.

In December 1943, during punitive operations in the area of Sebezh – Osveya Lake, Weisig and his regiment shot 150 Soviet citizens, including old men, women and children, burnt 15 villages and imprisoned 250 people in a camp.

On Falk's orders, during punitive operations in the area of the towns of Sebezh, Gлубokoye and Radoshkovich, he shot and destroyed 19 settlements.

The accused Koch also left a huge bloody trace on the Belarusian land. As the trial established, about 30 thousand Soviet citizens were exterminated by the punitive agencies subordinated to him. In order to conceal his atrocities, particularly in the towns of Orsha and Borisov, Koch ordered to burn the bodies of Soviet citizens shot and tortured by the Nazis, using captured Soviet citizens, who were also shot afterwards.

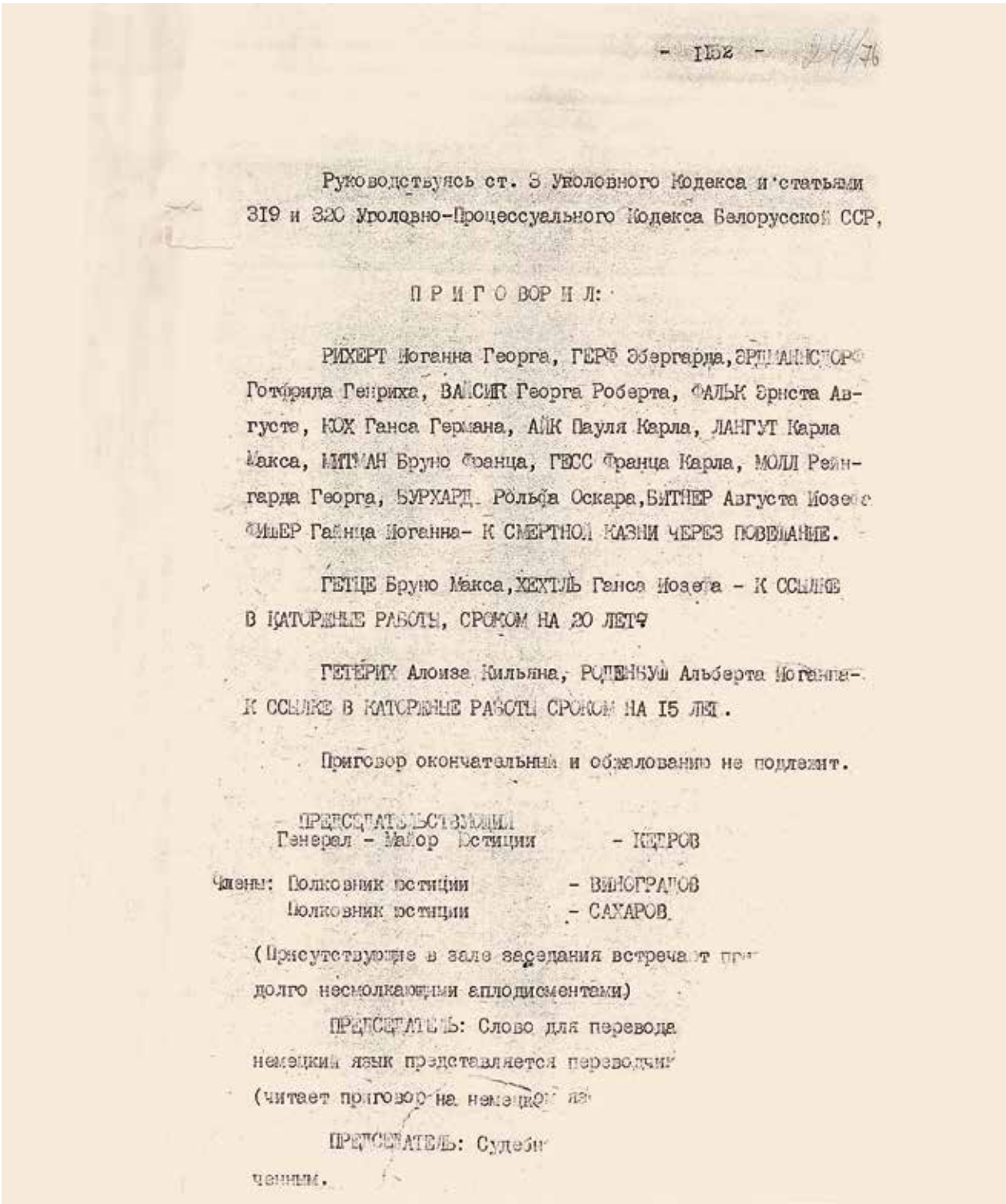
The other accused also actively participated in the extermination of Soviet citizens, driving Soviet people into German slavery, and destroying and robbing the property of civilians [27].

Following the results of the criminal case, a guilty verdict was pronounced. All Nazi criminals got the punishment they deserved.

Остальные обвиняемые также принимали активное участие в истреблении советских граждан, угоне советских людей в немецкое рабство, уничтожении и разграблении имущества мирного населения [27].

По итогам рассмотрения уголовного дела вынесен обвинительный приговор. Все нацистские преступники получили заслуженное наказание.

Национальный архив Республики Беларусь.
Ф. 4п. Оп. 29. Д. 11. Л. 244
National Archive of the Republic of Belarus.
F. 4p. Op. 29. D. 11. L. 244

Guided by Article 3 of the Criminal Code and Articles 319, 320 of the Criminal Procedure Code of the Belarusian SSR,

SENTENCED:

RICHERT Johann Georg, HERF Ebergard, ERDMANNSDORFF Gottfried Heinrich, WEISIG Georg Robert, FALK Ernst August, KOCH Hans Herman, EICK Paul Karl, LANGUT Karl Max, MITMAN Bruno Franz, GESS Franz Karl, MOLL Reinhard Georg, BURKHARD Rolf Oskar, BITNER August Josef, FISCHER Heinz Johann, TO DEATH BY HANGING,

GOETZE Bruno Maks, HECHTL Hans Josef - TO 20 YEARS HARD LABOR.

GETTERICH Aloise Kiliana, RODENBUSCH Alberta Johanna - TO 15 YEARS HARD LABOR.

The sentence is final and not subject to appeal.

PRESIDING OFFICERS:

Major General of Justice KEDROV

Members:

Colonel of Justice VINOGRADOV

Colonel of Justice SAKHAROV

The members present in the meeting room welcome the Chairperson with a long-standing ovation.

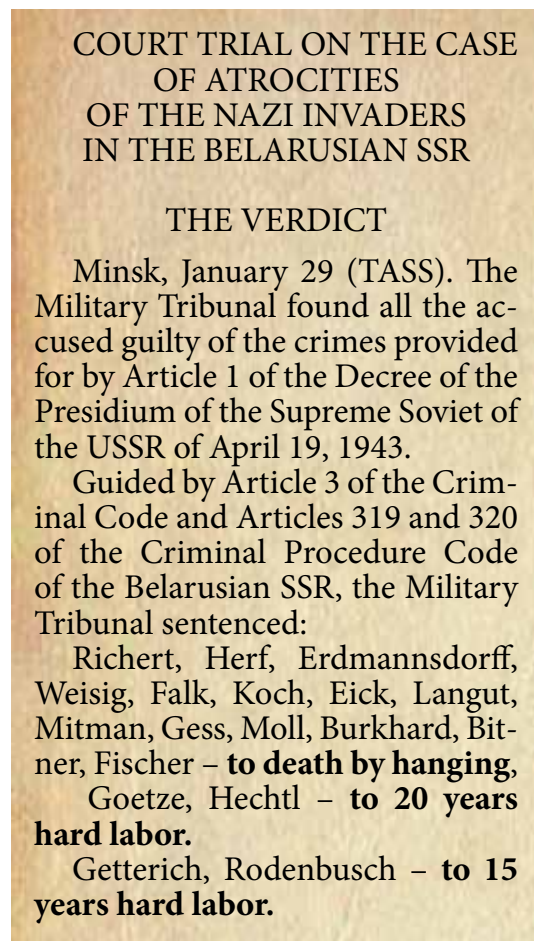
THE CHAIRPERSON: I call on the interpreter to interpret the verdict into German.

(Reads the sentence in German)

CHAIRPERSON (illegible)

О результатах рассмотрения резонансного уголовного дела общественность проинформирована в средствах массовой информации.

The public was informed about the results of the high-profile criminal case in the media.

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 82. Оп. 2. Д. 894. Л. 16
Russian State Archive of Social and Political History. F. 82. Op. 2. D. 894. L. 16

Такие судебные процессы в отношении нацистских преступников и их пособников проходили во всех республиках Советского Союза и спустя десятилетия после окончания войны. Открытые процессы над нацистскими преступниками прошли во многих крупных белорусских городах – Витебске, Могилеве, Гомеле, Бобруйске и др. Эти судебные заседания вызывали широкий общественный резонанс. Имели место и многочисленные закрытые судебные процессы, также проведенные в полном соответствии с действовавшими нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Во всех случаях нацистские преступники по результатам рассмотрения уголовных дел приговаривались к строгому и справедливому нака-

Such trials against Nazi criminals and their collaborators took place in all republics of the Soviet Union and decades after the end of the war. Public trials of Nazi criminals were held in many large Belarussian cities – Vitebsk, Mogilev, Gomel, Bobruisk, etc. These trials caused a wide public resonance. There were also numerous closed trials, also conducted in full compliance with the existing norms of criminal and criminal procedural legislation.

In all cases, the Nazi criminals were sentenced to severe and fair punishment as a result of their criminal cases: either to an exceptional punishment or to imprisonment for long periods of time. For example, during the trial, already mentioned before, against 9 former soldiers of the 2nd (12th) Lithuanian auxiliary police battalion for crimes against the civilians

занию: либо к исключительной мере наказания, либо к наказанию в виде лишения свободы на большие сроки. К примеру, в ходе уже упомянутого нами выше судебного процесса в отношении 9 бывших солдат 2-го (12-го) литовского батальона вспомогательной службы полиции за преступления в отношении мирного населения БССР все были приговорены к смертной казни путем расстрела. Один из них – Антанас Импулявичюс – заочно, поскольку после войны скрылся от уголовного преследования в США, где и проживал до самой смерти.

Вместе с тем такие подходы к судебному преследованию нацистских преступников не были характерны для стран Западной Европы.

К примеру, в 1963 г. в г. Кассель (ФРГ) проходил судебный процесс в отношении Франца Лехтгаллера – командира 11-го резервного полицейского батальона, в подчинении которого находился вышеупомянутый 2-й (12-й) литовский батальон. С этим литовским подразделением он проводил массовые расстрелы мирного населения на территории Беларуси в октябре 1941 г. В приговоре указано об убийстве в этот период не менее 40 человек в Смиловичах и не менее 300 – в Слуцке.

Следует отметить, что сведения о жертвах в разы ниже реальных данных о потерях. Как установлено ранее упомянутым приговором судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Литовской ССР по уголовному делу в отношении Антанаса Импулявичюса и его «сослуживцев» по 2-му (12-му) литовскому батальону, в Смиловичах в результате карательных действий нацистами уничтожено не менее 1,3 тысячи человек, в Слуцке – 5 тысяч.

Вместе с тем при рассмотрении уголовного дела суд в Касселе в качестве противоправного деяния, совершенного Францем Лехтгаллером, признал исключительно убийства 15 детей, хотя в действительности и их количество в разы больше. Доказательства об уничтожении сотен других мирных жителей судом во внимание не приняты.

Франц Лехтгаллер приговором суда был признан виновным в подстрекательстве и пособничестве к убийству мирного населения Беларуси и приговорен к наказанию в виде лишения свободы на срок 3 года 6 месяцев – именно такой срок наказания, по мнению немецкого правосудия, является соразмерной мерой ответственности за вышеописанные злодеяния.

of the BSSR, all of them were sentenced to death by shooting. One of them – Antanas Impulyavicius – was sentenced in absentia, because after the war he hid from prosecution in the USA, where he lived until his death.

However, such approaches to the prosecution of Nazi criminals were not typical for Western European countries.

For instance, in 1963 in the city of Kassel (FRG) there was a trial against Franz Lechtgaller – the commander of the 11th reserve police battalion, who was in command of the above-mentioned 2nd (12th) Lithuanian battalion. With this Lithuanian unit he carried out mass shootings of civilians on the territory of Belarus in October 1941. The verdict indicates the killing of at least 40 people in Smilovichi and at least 300 in Slutsk during this period.

It should be noted that the information on victims is much lower than the real data on the losses. As it was established by the previously mentioned verdict of the judicial board on criminal cases of the Supreme Court of the Lithuanian SSR in the criminal case against Antanas Impulyavicius and his "fellow soldiers" of the 2nd (12th) Lithuanian battalion in Smilovichi as a result of punitive operations the Nazis killed not more than 1.3 thousand people, in Slutsk – 5 thousand people.

However, in the criminal case, the court in Kassel recognized the killing of 15 children as the only crime committed by Franz Lechtgaller, although in reality the number was several times higher. Evidence of the killing of hundreds of other civilians was not taken into account by the court.

Franz Lehtgaller was found guilty of inciting and assisting in the murder of the peaceful population of Belarus and sentenced to imprisonment for a term of 3 years and 6 months, which according to German justice is a proportionate measure of responsibility for the above-mentioned atrocities.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Меньше века прошло с момента окончания самой кровопролитной войны как в истории всего человечества, так и в истории нашей страны.

В первые годы после окончания Второй мировой войны, когда громко звучал голос правды, имена нацистских преступников предавались огласке, а сами организаторы и исполнители беспрецедентного по своим масштабам преступления приговаривались к суровому и справедливому наказанию судебными решениями Нюрнбергского трибунала и национальных судов, мысли о том, что когда-либо будут предприняты попытки переписать историю, исказить героический подвиг советского солдата-освободителя, отрицать жертвы белорусского народа казались практически невероятными.

Несмотря на это, нацизм не был искоренен до конца. Медленно и планомерно он приобретал новые формы. Век цифровизации открыл деструктивным силам, преследующим свои геополитические интересы в отношении Беларуси, дополнительные возможности влиять на разум людей, реализовывать попытки подрыва основ национального сознания белорусского народа и воспитания нашей молодежи.

Память о трагедии Великой Отечественной войны является основой идеологии белорусского государства. В силу ст. 15 Конституции Республики Беларусь государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны [28, с. 7].

Именно с целью разрушения нашей государственности в августе 2020 г. была предпринята попытка государственного переворота в Беларуси под руководством сил, пропагандирующих идеи нацизма. С использованием новых подходов информационного характера активно внушались и насаждались идеи крайнего национализма.

Наш ответ любым попыткам вмешательства во внутренние дела нашего государства, реабилитации нацизма и отрицания геноцида белорусского народа всегда будет жестким и принципиальным. Всем, кто сегодня пытается переписать страницы нашей трагической истории, мы заявляем о своей готовности и решительности ценой собственной жизни отражать любое посягательство на нашу историю.

Защита исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны и геноцида белорусского народа – это дело не только профессионального, но и гражданского долга каждого белоруса.

В заключении нашего издания мы прилагаем перечень карательных операций, проведенных нацистскими оккупантами и их пособниками на территории БССР в годы Великой Отечественной войны. В следующем издании мы предметно остановимся на их описании.

Отметим, что с учетом результатов работы следственной группы Генеральной прокуратуры, этот перечень будет дополняться новыми данными.

CONCLUSION

Less than a century has passed since the end of the bloodiest war in the history of mankind and our country.

In the first years after the World War II, when the voice of truth resounded loudly, the names of Nazi criminals became public, and the organizers and perpetrators of the unprecedented crime were sentenced to severe and fair punishment by the judicial decisions of the Nuremberg Tribunal and national courts, the idea that attempts would be made to rewrite history, to distort the heroic feat of the Soviet soldier-liberator, to deny the sacrifices of the Belarusian people seemed almost unbelievable.

Despite this, Nazism was not been completely eliminated. It slowly and systematically acquired new forms. The digitalization age gave additional opportunities to the destructive forces pursuing their geopolitical interests in relation to Belarus to influence people's minds, to attempt to break the foundations of the national consciousness of the Belarusian people and to educate our youth.

Remembering the tragedy of the Great Patriotic War is the foundation of the ideology of the Belarusian Government. By virtue of article 15 of the Constitution of the Republic of Belarus, the State ensures preserving the historical truth and the memory of the heroic feat of the Belarusian people during the Great Patriotic War [28, p. 7].

It was with the aim of destroying our nationhood that the government coup in Belarus was attempted in August 2020 under the leadership of forces propagandizing the ideas of Nazism. The new approaches of information character were used to actively suggest and impose the ideas of extreme nationalism.

Our respond to any attempts to interfere in the internal affairs of our state, to rehabilitate Nazism and deny the genocide of the Belarusian people will always be strict and principal. We declare to all those who today are trying to rewrite the pages of our tragic history that we are ready and firm to fight back any encroachment on our history at the cost of our own lives.

Protecting the historical memory of the events of the Great Patriotic War and the genocide of the Belarusian people is not only a professional, but also a civic duty of every Belarusian.

In conclusion of this publication we enclose a list of punitive operations carried out by the Nazi occupants and their collaborators on the territory of the BSSR during the Great Patriotic War. In the next publication we will focus on their description in detail.

It should be noted that, considering the results of the work of the investigative team of the Prosecutor General's Office, this list will be supplemented with new data.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список карательных операций, проведенных нацистскими преступниками и их пособниками на территории Беларуси в годы оккупации

№ п/п	Примерный период проведения	Место проведения	Название операции
1	2	3	4
1	Июль 1941 г.	Брестская, Гродненская области	
2	Июль 1941 г.	Брестская, Гродненская области	Операция в Беловежской пуще
3	Июль 1941 г.	Солигорский р-н Минской области	
4	Июль – август 1941 г.	Брестская, Минская и Гомельская области	«Припятские болота» (Pripjet – Sumpfe)
5	21 августа 1941 г.	г. Туров, д. Запесочье, Житковичский р-н Гомельской области	«Туров» (Turow)
6	Август 1941 г.	Борисовский, Крупский р-ны Минской области; Лепельский, Чашникский р-ны Витебской области	
7	Сентябрь 1941 г.	Белыничский, Бобруйский, Кировский, Кличевский р-ны Могилевской области	
8	Сентябрь 1941 г.	Могилевский р-н Могилевской области	
9	Октябрь 1941 г.	Дзержинский р-н Минской области	
10	Октябрь 1941 г.	Быховский, Славгородский, Чаусский р-ны Могилевской области	
11	Октябрь 1941 г.	Докшицкий р-н Витебской области; Борисовский, Логойский р-ны Минской области	
12	Октябрь 1941 г.	Борисовский, Пуховичский, Червенский р-ны Минской области	
13	Октябрь 1941 г.	Червенский р-н Минской области	
14	Октябрь 1941 г.	Барановичский р-н Брестской области	
15	Октябрь 1941 г.	Пуховичский р-н Минской области	
16	21 марта 1942 г.	Клецкий р-н Минской области; Ганцевичский, Лунинецкий, Ляховичский р-ны Брестской области	«Теплый ветер» (Föhn)

Продолжение

1	2	3	4
17	Март – апрель 1942 г.	Калинковичский, Петриковский, Светлогорский р-ны Гомельской области; Бобруйский, Глусский р-ны Могилевской области; Любанский р-н Минской области	«Бамберг» (Bamberg)
18	Май 1942 г.	Пуховичский р-н Минской области	«Рига» (Riga)
19	Июнь 1942 г.	Кировский р-н Могилевской области	
20	Июнь 1942 г.	Копыльский, Столбцовский, Узденский р-ны Минской области	
21	Июнь 1942 г.	Витебский и Лиозненский р-ны Витебской области	
22	Июнь 1942 г.	Осиповичский р-н Могилевской области	№ 5 (в августе 1942 г. повторно была проведена там же)
23	8–11 июня 1942 г.	Бобруйский, Кировский р-ны Могилевской области	«Потсдам» (Potsdam)
24	28 июня – июль 1942 г.	Борисовский р-н Минской области	№ 8
25	28 июня – 8 июля 1942 г.	Оршанский и Толочинский р-ны Витебской области; Борисовский и Крупский р-ны Минской области	№ 9 (в сентябре 1942 г. повторно под этим же номером там же была проведена операция силами двух батальонов 286-й охранной дивизии)
26	30 июня – 20 июля 1942 г.	Кличевский, Быховский, Кировский, Бобруйский р-ны Могилевской области; Рогачевский р-н Гомельской области	№ 3 «Майский жук» (Maikafer)
27	1–7 июля 1942 г.	Добрушский р-н Гомельской области; Новозыбковский р-н Брянской области, РСФСР	№ 1
28	Июль 1942 г.	Бобруйский р-н Могилевской области (50 км северо-восточнее Бобруйска)	№ 2
29	20 июля – 10 августа 1942 г.	Быховский, Белыничский р-ны Могилевской области	№ 4 «Орел» (Adler)

Продолжение

1	2	3	4
30	Июль 1942 г.	Сенненский и Оршанский р-ны Витебской области	№ 10
31	Июль 1942 г.	Березинский р-н Минской области; Белыничский р-н Могилевской области	№ 11
32	6–11 июля 1942 г.	д. Дретунь, Полоцкий р-н Витебской области (зачистка севернее района ж/д Полоцк – Невель)	№ 12
33	3–7 июля 1942 г.	д. Дретунь, Полоцкий р-н Витебской области (зачистка южнее района ж/д Полоцк – Невель)	№ 13
34	20 июля 1942 г.	Северная часть Полоцкого р-на Витебской области	№ 14
35	Июль 1942 г.	Узденский р-н Минской области	«Александрово» (Alexandrowo)
36	Июль 1942 г.	Столбцовский р-н Минской области	«Налибоки»
37	Июль 1942 г.	Гомельский р-н Гомельской области	№ 19
38	Июль 1942 г.	Полоцкий р-н Витебской области	№ 40 «Стрела» (Pfeil)
39	Август 1942 г.	Бобруйский р-н Могилевской области	№ 7
40	2 августа 1942 г.	Шкловский р-н Могилевской области	№ 38 «Сова» (Eule)
41	9–23 августа 1942 г.	Рогачевский р-н Гомельской области	«Дружба» (Freundschaft)
42	10 августа 1942 г.	Климовичский, Костюковичский р-ны Могилевской области; Ершичи, Смоленская область, РСФСР	№ 17
43	15 августа 1942 г.	Сураж, Витебская область, Унеча, Брянская область, РСФСР	№ 18
44	Август 1942 г.	Светлогорский р-н Гомельской области	№ 20
45	15 августа 1942 г.	Полоцкий р-н Витебской области	№ 27 «Сокол» (Falke)
46	15 августа 1942 г.	Россонский р-н Витебской области	№ 32 «Пантера» (Panther)
47	16 августа 1942 г.	Оршанский, Сенненский р-ны Витебской области	№ 30 «Гриф» (Greif) «Захват»

Продолжение

1	2	3	4
48	20 августа 1942 г.	Любанский, Стародорожский р-ны Минской области; Бобруйский, Глусский р-ны Могилевской области	№ 6
49	20 августа 1942 г.	Чаусский р-н Могилевской области	№ 26
50	Август 1942 г.	Осиповичский р-н Могилевской области	«Лютцов» (Lützoff)
51	Август 1942 г.	Бобруйский р-н Могилевской области; Светлогорский р-н Гомельской области	«Гольдфельд» (Holdfeld)
52	Август 1942 г.	Витебский, Лиозненский, Полоцкий, Городокский, Шумилинский р-ны Витебской области	№ 95
53	Август 1942 г.	Лепельский р-н Витебской области	«Болотная лихорадка – Север» Тройенфельд I (Sumpffieber)
54	Август 1942 г.	Логойский, Смолевичский р-ны Минской области	«Болотная лихорадка - Север» Тройенфельд II (Sumpffieber)
55	Август – сентябрь 1942 г.	Узденский р-н Минской области	«Болотная лихорадка – Север» Тройенфельд III (Sumpffieber)
56	Август 1942 г.	Вилейский, Логойский р-ны Минской области	«Болотная лихорадка – Север» Бинц
57	Август 1942 г.	Логойский р-н Минской области	«Болотная лихорадка – Север» Баркхольдт
58	Август – сентябрь 1942 г.	Столбцовский р-н Минской области	«Болотная лихорадка» – Запад
59	Сентябрь 1942 г.	Барановичский, Ганцевичский, Ивацевичский р-ны Брестской области	«Болотная лихорадка» – Юг-Запад
60	Сентябрь 1942 г.	Бешенковичский, Ушачский р-ны Витебской области	№ 28
61	1 сентября 1942 г.	Бешенковичский, Сенненский р-ны Витебской области	№ 33 «Рысь» (Luchs)
62	Сентябрь 1942 г.	Полоцкий р-н Витебской области	№ 34 «а» и «b»
63	4 сентября 1942 г.	Быховский р-н Могилевской области	№ 36 «Бреслау» (Breslau)
64	Сентябрь 1942 г.	Дубровенский, Лиозненский р-ны Витебской области; Смоленская область, РСФСР	№ 37 «Серебряная лиса» (Silberfuchs)

Продолжение

1	2	3	4
65	Сентябрь 1942 г.	Быховский р-н Могилевской области	«Северное море» (Nordsee)
66	Сентябрь 1942 г.	Кобринский р-н Брестской области	«Буйвол» (Büffel)
67	Сентябрь 1942 г.	Ивацевичский, Березовский, Пружанский р-ны Брестской области	«Михель» (Michel)
68	Сентябрь 1942 г.	Кобринский, Малоритский р-ны Брестской области	«Шмитц» (Schmitz)
69	22–27 сентября 1942 г.	Брестский, Кобринский, Малоритский р-ны Брестской области	«Треугольник» (Dreieck)
70	23 сентября – 3 октября 1942 г.	Бешенковичский, Шумилинский р-ны Витебской области	«Молния» (Blitz)
71	5–7 октября 1942 г.	Горецкий р-н Могилевской области	«Регатта» (Regatta)
72	11–23 октября 1942 г.	Оршанский, Толочинский р-ны Витебской области; Круглянский, Шкловский р-ны Могилевской области	«Карлсбад» (Karlsbad)
73	Октябрь 1942 г.	Витебский р-н (в 23 км юго-восточнее Витебска)	«Хотемля – Аргуны» (Chotemlia – Arguni)
74	13 октября 1942 г.	Хотимский р-н Могилевской области; Брянская область, РСФСР	«Чертополох» (Klette)
75	Октябрь 1942 г.	Кобринский, Малоритский р-ны Брестской области	«Перекресток» (Straßenkreuzug)
76	Октябрь 1942 г.	Столбцовский р-н Минской области	«Вундерлих» (Wunderlich)
77	5–8 ноября 1942 г.	Березинский, Борисовский, Смолевичский, Червенский р-ны Минской области	«Фрида» (Frieda)
78	Начало ноября 1942 г.	Узденский р-н Минской области	«Альберт I» (Albert I)
79	До 14 ноября 1942 г.	Пуховичский р-н Минской области	«Альберт II» (Albert II)
80	19 ноября 1942 г.	Севернее пос. Радошковичи, Молодечненский р-н Минской области	«Мюнхен» (Munchen)
81	22–26 ноября 1942 г.	Браславский, Поставский, Шарковщинский р-ны Витебской области	«Нюрнберг» (Nürnberg)
82	Ноябрь 1942 г.	Борисовский р-н Минской области	«Карл» (Karl)

Продолжение

1	2	3	4
83	Декабрь 1942 г.	Воложинский р-н Минской области	Елка
84	8–13 декабря 1942 г.	Дятловский, Лидский, Мостовский, Новогрудский, Слонимский, Щучинский р-ны Гродненской области	«Гамбург» (Hamburg)
85	Декабрь 1942 г.	Барановичский, Ивановский р-ны Брестской области	«Альтона» (Altona)
86	21–23 декабря 1942 г.	Белыничский р-н Могилевской области	«Солнцестояние 1» (Sonnenwende 1)
87	Декабрь 1942 г.	Костюковичский, Хотимский р-ны Могилевской области; Брянская область, РСФСР	«Анкара» (Ankara)
88	Декабрь 1942 г.	Городокский р-н Витебской области; Невельский р-н Псковской области, РСФСР	«Клетка обезьяны» («Обезьяна в клетке») (Affenkafig)
89	Декабрь 1942 г.	Лиозненский р-н Витебской области; Смоленская область, РСФСР	«Белый медведь» (Eisbär)
90	27 декабря 1942 г. – 25 января 1943 г.	Витебский, Городокский, Полоцкий, Шумилинский р-ны Витебской области	«Зимний лес» (Waldwinter) (также операция носит название «Рихерт» – по фамилии командира 286-й охранной дивизии генерал-майора Рихерта)
91	11 января 1943 г.	Кличевский р-н Могилевской области	«Петер» (Peter)
92	7–11 января 1943 г.	Березинский, Осиповичский р-ны Могилевской области; Пуховичский, Червенский р-ны Минской области	«Франц» (Franz)
93	8–12 января 1943 г.	Дзержинский, Узденский р-ны Минской области	«Якоб» (Jakob)
94	15–24 января 1943 г.	Березинский р-н Минской области; Кличевский р-н Могилевской обла- сти	«Белый медведь II» (Eisbär II)
95	15–24 января 1943 г.	Березинский р-н Минской области; Кличевский р-н Могилевской области	«Белый медведь III» (Eisbär III)
96	19 января 1943 г.	Витебский, Полоцкий р-ны Витебской области; Псковская область, РСФСР	«Алмаз» (Diamant)

Продолжение

1	2	3	4
97	18–28 января 1943 г.	Пуховичский, Слуцкий р-ны Минской области (восточнее дороги Минск – Слуцк)	Праздник урожая I (Erntefest I)
98	28 января – 9 февраля 1943 г.	Копыльский, Узденский, Слуцкий р-ны Минской области (западнее дороги Минск – Слуцк)	Праздник урожая II (Erntefest II)
99	Январь 1943 г.	Полоцкий р-н Витебской области	«Рихард» (Richard)
100	Январь – февраль 1943 г.	Полоцкий, Россонский, Верхнедвинский р-ны Витебской области	«Заяц-беляк» (Schneehase)
101	6–15 февраля 1943 г.	Добрушский р-н Гомельской области	«Охота на зайцев» (Hasenjagd)
102	8–26 февраля 1943 г.	Лунинецкий, Ляховичский р-ны Брестской области; Житковичский р-н Гомельской области; Слуцкий, Солигорский, Копыльский, Несвижский р-ны Минской области	«Февраль», либо «Хорнунг» (Hornung)
103	12–15 февраля 1943 г.	Рогачевский р-н Гомельской области	«Урсула I» (Ursula I)
104	12–15 февраля 1943 г.	Рогачевский р-н Гомельской области	«Урсула II» (Ursula II)
105	17 февраля 1943 г.	Червенский р-н Минской области	«Репейник II» (Klette II)
106	17 февраля 1943 г.	Витебский р-н Витебской области; Псковская область, РСФСР	«Полевая кухня», или «Котелок» (Feldkessel)
107	20 февраля 1943 г.	Витебский р-н Витебской области	«Соломенный мешок» (Strohsack)
108	Февраль 1943 г.	Глубокский р-н Витебской области	«Грип» (Greep)
109	Февраль – март 1943 г.	Лунинецкий, Ляховичский р-ны Брестской области; Житковичский, Петриковский р-ны Гомельской области; Любанский, Несвижский, Солигорский р-ны Минской области	Русалка (Nixe)
110	21 февраля – 7 марта 1943г.	Витебский, Городокский, Лиозненский р-ны Витебской области	«Шаровая молния» (Kugelblitz)
111	Февраль – март 1943 г.	Верхнедвинский, Полоцкий, Россонский р-ны Витебской области; Псковская область, РСФСР	«Зимнее волшебство» (Winterzauber)

Продолжение

1	2	3	4
112	5–14 марта 1943 г.	Витебская область; Псковская область, РСФСР	«Удар грома» (Donnerschlag)
113	5–14 марта 1943 г.	Витебская область; Смоленская область, РСФСР	«Буйвол» (Büffel)
114	Март 1943 г.	Логойский р-н Минской области	«Дирлевангер» (Dirlewanger)
115	21 марта 1943 г.	Лунинецкий, Ляховичский р-ны Брестской области; Житковичский р-н Гомельской области; Солигорский р-н Минской области	«Теплый ветер» (Föhn)
116	Март – апрель 1943 г.	Витебский, Городокский, Полоцкий и Шумилинский р-ны Витебской области	«Удар молнии I» (Donnerkeil I)
117	Март – апрель 1943 г.	Витебский, Городокский, Полоцкий и Шумилинский р-ны Витебской области	«Удар молнии II» (Donnerkeil II)
118	31 марта – 3 апреля 1943 г.	Борисовский, Смолевичский р-ны Минской области	«Весна – Юг» (Lenz – Süd)
119	3–7 апреля 1943 г.	Борисовский, Логойский, Смолевичский р-ны Минской области	«Весна – Север» (Lenz – Nord)
120	Апрель 1943 г.	Логойский, Минский р-ны Минской области	«Манылы» (Manyly)
121	15–24 апреля 1943 г.	г. Минск	«Волшебная флейта» (Zauberflöte)
122	28 апреля – май 1943 г.	Вилейский, Логойский, Минский, Молодечненский р-ны Минской области	«Смельчак I» (Draufgänger I)
123	1–10 мая 1943 г.	Вилейский, Логойский, Минский, Молодечненский р-ны Минской области	«Смельчак II» (Draufgänger II)
124	5 мая 1943 г.	Витебский р-н Витебской области	«Тайфун» (Taifun)
125	7–22 мая 1943 г.	Березинский р-н Минской области; Быховский, Кировский, Кличевский р-ны Могилевской области	«Майский жук» (Maikafer)
126	12 мая 1943 г.	Лиозненский р-н Витебской области	«Горячий воздух» (Heisluf)
127	17–21 мая 1943 г.	Витебский, Городокский, Лиозненский р-ны Витебской области	«Майская гроза» (Maigewitter)

1	2	3	4
128	Май 1943 г.	Новогрудский р-н Гродненской области	«Молния» (Blitz)
129	20 мая – 19 июня 1943 г.	Витебская и Могилевская области	«Помощь соседу» (Nachbarhilfe)
130	25 мая 1943 г.	Горецкий, Шкловский р-ны Могилевской области	«Тетерев на токовище», или «Ток тетеревов»
131	31 мая – 2 июня 1943 г.	Лиозненский р-н Витебской области; Смоленская область, РСФСР; Хойникский р-н Гомельской области	«Весенний хоровод» (Frühlingsreigen)
132	Начало июня 1943 г.	Витебская область; Велижский р-н Смоленской области, РСФСР	«Хорек» (Iltis)
133	17–19 июня 1943 г.	Лиозненский р-н Витебской области, Смоленская область, РСФСР	«Дождь на Троицу» (Pfingstregen)
134	Июнь 1943 г.	Лепельский р-н Витебской области	«Гобиус» (Gobius)
135	Июнь 1943 г.	Горецкий и Шкловский р-ны Могилевской области	«Тетерев» (Birkhahnbalz)
136	Июнь 1943 г.	Кричевский, Славгородский р-ны Могилевской области	«Поездка на Троицу» (Pfingstreise)
137	22 июня – 3 июля 1943 г.	Докшицкий, Лепельский р-ны Витебской области; Борисовский, Логойский р-ны Минской области	«Коттбус» (Cottbus)
138	2–6 июля 1943 г.	Воложинский, Логойский, Минский р-ны Минской области	«Гюнтер» (Günther)
139	Июль 1943 г.	Климовичский р-н Могилевской области	«Буревестник» (Sturmfogel)
140	Июль 1943 г.	Могилевский р-н Могилевской области	«Образцовое имение»
141	16 июля – 11 августа 1943 г.	Ивьевский, Кореличский, Новогрудский р-ны Гродненской области; Воложинский, Столбцовский р-ны Минской области	«Герман» (Hermann)
142	Август 1943 г.	Березинский р-н Минской области; Кличевский р-н Могилевской области	«Иванов» (Iwanow)
143	Август 1943 г.	Климовичский р-н Могилевской области	«Муха» (Fliege)
144	Август 1943 г.	Мостовский, Щучинский р-ны Гродненской области	«Вандсбек» (Wandsbeek)
145	Сентябрь – октябрь 1943 г.	Браславский, Верхнедвинский, Глубокский, Миорский, Поставский, Шарковщинский р-ны Витебской области	«Фриц» (Fritz)

1	2	3	4
146	Октябрь 1943 г.	Калинковичский, Речицкий р-ны Гомельской области	«Хубертус I» (Hubertus I)
147	Октябрь 1943 г.	Речицкий, Хойникский р-ны Гомельской области	«Хубертус II» (Hubertus II)
148	Октябрь 1943 г.	Калинковичский, Речицкий, Светлогорский р-ны Гомельской области	«Барбара» (Barbara)
149	Октябрь 1943 г.	Калинковичский, Речицкий, Хойникский р-ны Гомельской области	«Освещение храма» (Kirchweih)
150	Октябрь 1943 г.	Ельский р-н Гомельской области	«Танец» (Tanz)
151	Октябрь 1943 г.	Столбцовский р-н Минской области	«Приключение» (Abenteuer)
152	Октябрь 1943 г.	Кировский р-н Могилевской области	«Осенняя охота» (Herbstjagd)
153	6–15 октября 1943 г.	Белыничский, Круглянский, Шкловский р-ны Могилевской области; Добрушский р-н Гомельской области	«Охота на зайцев» (Hasenjagd)
154	9–22 октября 1943 г.	Быховский р-н Могилевской области; Октябрьский р-н Гомельской области	«Операция против отряда Гришина» (Unternehmen gegen die Bande Grischin)
155	16–18 октября 1943 г.	Белыничский, Круглянский, Шкловский р-ны Могилевской области	«Охота на уток» (Entenjagd)
156	1–18 ноября 1943 г.	Полоцкий, Россонский р-ны Витебской области	«Генрих» (Heinrich)
157	11 ноября 1943 г.	Белыничский, Круглянский р-ны Могилевской области	«Охота Хубертуса» (Hubertusjagd)
158	Декабрь 1943 г.	Докшицкий, Лепельский р-ны Витебской области	«Карл» (Karl)
159	Декабрь 1943 г.	Ушачский р-н Витебской области	«Дворник» (Strabenfeger)
160	Декабрь 1943 г.	Верхнедвинский р-н Витебской области	«Отто» (Otto)
161	Февраль 1944 г.	Лунинецкий р-н Брестской области	«Ганс» (Hans)
162	Февраль 1944 г.	Дрогичинский, Ивановский, Пинский р-ны Брестской области	«Земледелие» (Landarbeit)
163	2–5 марта 1944 г.	Витебский, Дубровенский р-ны Витебской области	«Бремен» (Bremen)

1	2	3	4
164	Март 1944 г.	Кобринский р-н Брестской области	«Мошар» (Moscar)
165	Март 1944 г.	Дрогичинский р-н Брестской области	«Себеш» (Sebes)
166	Март 1944 г.	Брестский, Жабинковский р-ны Брестской области	«Пикник» (Zelten)
167	Март 1944 г.	Ивановский р-н Брестской области	«Весна» (Frühling)
168	Март – апрель 1944 г.	Брестский, Малоритский р-ны Брестской области	«Арпад» (Arpad)
169	26 марта – 9 мая 1944 г.	Докшицкий, Лепельский, Полоцкий, Ушачский, Глубокский р-ны Витебской области	«Весенний праздник» (в некоторых источниках «Праздник весны») (Frühlingsfest)
170	7–18 апреля 1944 г.	Докшицкий, Лепельский, Полоцкий, Ушачский р-ны Витебской области	«Моросящий дождь», или «Ливень» (Regenschauer)
171	17 марта 1944 г.	Полоцкий р-н Витебской области	«Леший» (Waldschrat)
172	Апрель 1944 г.	Лунинецкий р-н Брестской области	«Прогулка» (Landpartie)
173	Апрель 1944 г.	Дрогичинский р-н Брестской области	«Лиса» (Roka)
174	Апрель 1944 г.	Березовский, Дрогичинский р-ны Брестской области	«Проверка» (Kassa)
175	Апрель 1944 г.	Пуховичский р-н Минской области	«Вихрь» (Wirbelwind)
176	17 мая – 14 июня 1944 г.	Борисовский, Вилейский, Крупский, Логойский, Минский, Молодечненский, Смолевичский р-ны Минской области; Докшицкий, Лепельский р-ны Витебской области	«Баклан» (Kormoran)
177	19–27 мая 1944 г.	Сенненский, Чашникский р-ны Витебской области	«Прогулка на Троицу» (Pfingstausflug)
178	18–21 мая 1944 г.	Лепельский р-н Витебской области	«Майская прогулка» (Maiausflug)
179	Май 1944 г.	Крупский р-н Минской области	«Пестрый дятел» (Buntspecht)
180	Май 1944 г.	Березовский, Ивацевичский р-ны Брестской области	«Мишколец» (Miskolc)
181	Май 1944 г.	Березовский р-н Брестской области	«Пасха» (Osterfest)

1	2	3	4
182	Май 1944 г.	Брестский, Малоритский р-ны Брестской области	«Дина» (Dina)
183	Май 1944 г.	Брестский, Малоритский р-ны Брестской области	«Хортобадь» (Hortobagy)
184	Май 1944 г.	Малоритский р-н Брестской области; Ратновский район, УССР	«Брюлл» (Brüll)
185	23–26 мая 1944 г.	Витебская область	«Куно» (Kuno)
186	29 мая – 1 июня 1944 г.	Любанский, Солигорский р-ны Минской области	«Марабу» (Marabu)
187	Июнь 1944 г.	Пуховичский, Стародорожский р-ны Минской области; Осиповичский р-н Могилевской области; Брестский р-н, г. Брест	«Пион» (Pfingstrose)
	Всего 187 операций		

List of punitive operations, carried aut by Nazi criminals and their collaborators
on the territory of Belarus during the years of occupation

No.	Approximate period of implementation	Location	Name of operation
1	2	3	4
1	July, 1941	Brest, Grodno regions	
2	July, 1941	Brest, Grodno regions	Operation in Belovezhskaya Pushcha
3	July, 1941	Soligorsk district, Minsk region	
4	July – August, 1941	Brest, Minsk and Gomel regions	"Pripyat Swamps" (Pripjet – Sumpfe)
5	August 21, 1941	Turov, Zapasochye village, Zhitkovichi district of Gomel region	"Turow" (Turow)
6	August, 1941	Borisov, Krupki districts of Minsk region; Lepel, Chashniki districts of Vitebsk region	
7	September, 1941	Belynichi, Bobruisk, Kirovsk, Klichev districts of Mogilev region	
8	September, 1941	Mogilev district of Mogilev region	
9	October, 1941	Dzerzhinsk district of Minsk region	
10	October, 1941	Bykhov, Slavgorod, Chausy districts of Mogilev region	
11	October, 1941	Dokshitsy district of Vitebsk region; Borisov, Logoisk districts of Minsk region	
12	October, 1941	Borisov, Pukhovichi, Cherven districts of Minsk region	
13	October, 1941	Cherven district of Minsk region	
14	October, 1941	Baranovichi district of Brest region	
15	October, 1941	Pukhovichi district of Minsk region	
16	March 21, 1942	Kletsk district of Minsk region; Gantsevichi, Luninets, Lyakhovichy districts of Brest region	"Warm breeze" (Föhn)
17	March – April, 1942	Kalinkovichy, Petrikov, Svetlogorsk districts of Gomel region; Bobruisk, Glusk districts of Mogilev region; Luban district of Minsk region	"Bamberg" (Bamberg)

1	2	3	4
18	May, 1942	Pukhovichi district of Minsk region	"Riga" (Riga)
19	June, 1942	Kirovsk district of Mogilev region	
20	June, 1942	Kopyl, Stolbtsy, Uzda districts of Minsk region	
21	June 1942	Vitebsk and Liozno districts of Vitebsk region	
22	June, 1942	Osipovichy district of Mogilev region	No. 5 (in August, 1942 the operation was held for the second time)
23	June 8–11, 1942	Bobruisk and Kirovsk districts of Mogilev region	"Potsdam" (Potsdam)
24	From June 28 to July, 1942	Borisov district of Minsk region	No. 8
25	June 28 – July 8, 1942	Orsha and Tolochin districts of Vitebsk region; Borisov and Krupki districts of Minsk region	No. 9 (in September 1942, the operation was carried out there again under the same number by two battalions of the 286th Guard Division)
26	June 30 – July 20, 1942	Klichev, Bykhov, Kirovsk, Bobruisk districts of Mogilev region; Rogachev district of Gomel region	No. 3 "May Beetle" (Maikafer)
27	July 1–7, 1942	Dobrush district of Gomel region; Novozybkov district of Bryansk region, RSFSR	No. 1
28	July, 1942	Bobruisk district of Mogilev region (50 km northeast of Bobruisk)	No. 2
29	July 20 – August 10, 1942	Bykhov, Belynichi districts of Mogilev region	No. 4 "Eagle" (Adler)
30	July, 1942	Senno and Orsha districts of Vitebsk region	No. 10
31	July, 1942	Berezino district of Minsk region; Belynichi district of Mogilev region	No. 11
32	July 6–11, 1942	Village Dretun, Polotsk district of Vitebsk region (clearing up south of the Polotsk – Nevel railroad area)	No. 12
33	July 3–7, 1942	Village Dretun, Polotsk district of Vitebsk region (clearing up south of the Polotsk – Nevel railroad area)	No. 13

Ending

1	2	3	4
34	July 20, 1942	Northern part of Polotsk district of Vitebsk region	No. 14
35	July, 1942	Uzda district of Minsk region	"Alexandrovo" (Alexandrowo)
36	July, 1942	Stolbtsy district of Minsk region	"Naliboki"
37	July, 1942	Gomel district of Gomel region	No. 19
38	July, 1942	Polotsk district of Vitebsk region	No. 40 "Arrow" (Pfeil)
39	August, 1942	Bobruisk district of Mogilev region	No. 7
40	August 2, 1942	Shklov district of Mogilev region	No. 38 "Owl" (Eule)
41	August 9–23, 1942	Rogachev district of Gomel region	"Friendship" (Freundschaft)
42	August 10, 1942	Klimovichi, Kostyukovich districts of Mogilev region; Ershichi, Smolensk region, RSFSR	No. 17
43	August 15, 1942	Surazh, Vitebsk region, Unecha, Bryansk region, RSFSR	No. 18
44	August, 1942	Svetlogorsk district of Gomel region	No. 20
45	August 15, 1942	Polotsk district of Vitebsk region	No. 27 "Falke" (Falke)
46	August 15, 1942	Rossony district of Vitebsk region	No. 32 "Panther" (Panther)
47	August 16, 1942	Orsha, Senno districts of Vitebsk region	No. 30 "Vulture" (Greif) "Capture"
48	August 20, 1942	Luban, Starye Dorogi districts of Minsk region; Bobruisk, Glusk districts of Mogilev region	No. 6
49	August 20, 1942	Chausy district of Mogilev region	No. 26
50	August, 1942	Osipovich district of Mogilev region	"Lutso" (Lützoff)
51	August, 1942	Bobruisk district of Mogilev region; Svetlogorsk district of Gomel region	"Goldfeld" (Holdfeld)
52	August, 1942	Vitebsk, Liozno, Polotsk, Gorodok, Shumilino districts of Vitebsk region	No. 95

Ending

1	2	3	4
53	August, 1942	Lepel district of Vitebsk region	"Swamp Fever – North" Treuenfeld I (Sumpffieber)
54	August, 1942	Logoisk, Smolevichi districts of Minsk region	"Swamp Fever – North" Treuenfeld II (Sumpffieber)
55	August – September, 1942	Uzda district of Minsk region	"Swamp Fever – North" Treuenfeld III (Sumpffieber)
56	August, 1942	Vileyka, Logoisk districts of Minsk region	"Swamp Fever – North" Binz
57	August, 1942	Logoisk district of Minsk region	"Swamp Fever – North" Barkholdt
58	August – September, 1942	Stolbtsy district of Minsk region	"Swamp Fever – West"
59	September, 1942	Baranovich, Gantsevichi, Ivatsevichi districts of Brest region	"Swamp Fever" – Southwest
60	September, 1942	Beshenkovichi, Ushachi districts of Vitebsk region	No. 28
61	September 1, 1942	Beshenkovichi, Senno districts of Vitebsk region	No. 33 "Lynx" (Luchs)
62	September, 1942	Polotsk district of Vitebsk region	No. 34 «a» and «b»
63	September 4, 1942	Bykhov district of Mogilev region	No. 36 "Breslau" (Breslau)
64	September, 1942	Dubrovno and Liozno districts of Vitebsk region; Smolensk region, RSFSR	No. 37 "Silver Fox" (Silberfuchs)
65	September, 1942	Bykhov district of Mogilev region	"North Sea" (Nordsee)
66	September, 1942	Kobrin district of Brest region	"Buffolo" (Büffel)
67	September, 1942	Ivatsevichi, Bereza, Pruzhany districts of Brest region	"Michelle" (Michel)
68	September, 1942	Kobrin, Malorita districts of Brest region	"Schmitz" (Schmitz)
69	September 22–27, 1942	Brest, Kobrin, Malorita districts of Brest region	"Triangle" (Dreieck)
70	September 23 – October 3, 1942	Beshenkovichi, Shumilino districts of Vitebsk region	"Lightning" (Blitz)
71	October 5–7, 1942	Gorki district of Mogilev region	"Regatta" (Regatta)

Ending

1	2	3	4
72	October 11–23, 1942	Orsha, Tolochin districts of Vitebsk region, Krugloe, Shklov districts of Mogilev region	"Carlsbad" (Karlsbad)
73	October, 1942	Vitebsk district (23 km southeast of Vitebsk)	"Chotemlia – Arguny" (Chotemlia – Arguni)
74	October 13, 1942	Khotimsk district of Mogilev region; Bryansk region, RSFSR	"Thistle" (Klette)
75	October, 1942	Kobrin, Malorita districts of Brest region	"Crossroad" (Straßenkreuzug)
76	October, 1942	Stolbtsy district of Minsk region	"Wunderlich" (Wunderlich)
77	November 5–8, 1942	Berezino, Borisov, Smolevichi, Cherven districts of Minsk region	"Frida" (Frieda)
78	Early November, 1942	Uzda district of Minsk region	"AlbertI" (Albert I)
79	Till November 14, 1942	Pukhovichi district of Minsk region	"Albert II" (Albert II)
80	November 19, 1942	North of Radoshkovichi settlement, Molodechno district of Minsk region	"Munich" (Munchen)
81	November 22–26, 1942	Braslav, Postavy, Sharkovshchina districts of Vitebsk region	"Nurnberg" (Nürnberg)
82	November, 1942	Borisov district of Minsk region	"Carl" (Karl)
83	December, 1942	Volozhin district of Minsk region	Furtree
84	December 8–13, 1942	Dyatlovo, Lida, Mosty, Novogrudok, Slonim, Shchuchin districts of Grodno region	"Hamburg" (Hamburg)
85	December, 1942	Baranovichi, Ivanovo districts of Brest region	"Altona" (Altona)
86	December 21–23, 1942	Belynichi district of Mogilev region	"Solstice 1." (Sonnenwende 1)
87	December, 1942	Kostukovich, Khotimsk districts of Mogilev region; Bryansk region, RSFSR	"Ankara" (Ankara)
88	December, 1942	Gorodok district of Vitebsk region, Nevel district of Pskov region, RSFSR	"Monkey Cage" ("Monkey in a Cage") (Affenkäfig)
89	December, 1942	Liozno district of Vitebsk region; Smolensk region, RSFSR	"White bear" (Eisbär)

Ending

1	2	3	4
90	December 27, 1942–January 25, 1943	Vitebsk, Gorodok, Polotsk, Shumilino districts of Vitebsk region	"Winter Forest" (Waldwinter) (also called "Richert" after the last name of Major General Richert, commander of the 286th Guard Division)
91	January 11, 1943	Klichev district of Mogilev region	"Peter" (Peter)
92	January 7–11, 1943	Osipovich, district of Mogilev region; Berezino, Pukhovichi, Cherven districts of Minsk region	"Franz" (Franz)
93	January 8–12, 1943	Dzerzhinsk, Uzda districts of Minsk region	"Jacob" (Jakob)
94	January 15–24, 1943	Berezino district of Minsk region; Klichev district of Mogilev region	"White bear II" (Eisbär II)
95	January 15–24, 1943	Berezino district of Minsk region; Klichev district of Mogilev region	"White bear III" (Eisbär III)
96	January 19, 1943	Vitebsk, Polotsk districts of Vitebsk region; Pskov region, RSFSR	"Diamond" (Diamant)
97	January 18–28, 1943	Pukhovichi, Slutsk districts of Minsk region (east of the Minsk – Slutsk road)	"Harvest Festival" I (Erntefest I)
98	January 28 – February 9, 1943	Kopyl, Uzda, Slutsk districts of Minsk region (west of the Minsk – Slutsk road)	"Harvest Festival" II (Erntefest II)
99	January, 1943	Polotsk district of Vitebsk region	"Richard" (Richard)
100	January – February, 1943	Polotsk, Rossony, Verkhnedvinsk districts of Vitebsk region	"White Hare" (Schneehase)
101	February 6–15, 1943	Dobrush district of Gomel region	"Hare Hunt" (Hasenjagd)
102	February 8–26, 1943	Luninets, Lyakhovich districts of Brest region; Zhitkovichi district of Gomel region; Slutsk, Soligorsk, Kopyl, Nesvizh districts of Minsk region	"February", or "Hornung" (Hornung)
103	February 12–15, 1943	Rogachev district of Gomel region	"Ursula I" (Ursula I)
104	February 12–15, 1943	Rogachev district of Gomel region	"Ursula II" (Ursula II)
105	February 17, 1943	Cherven district of Minsk region	"Thistle II" (Klette II)

Ending

1	2	3	4
106	February 17, 1943	Vitebsk district of Vitebsk region; Pskov region, RSFSR	"Field Kitchen", or "Kettle" (Feldkessel)
107	February 20, 1943	Vitebsk district of Vitebsk region	"Straw bag" (Strohsack)
108	February, 1943	Glubokoe district of Vitebsk region	"Greep" (Greep)
109	February – March, 1943	Luninets, Lyakhovich districts of Brest region; Zhitkovichi, Petrikov districts of Gomel region; Luban, Nesvizh, Soligorsk districts of Minsk region	"Mermaid" (Nixe)
110	February 21 – March 7, 1943	Vitebsk, Gorodok, Liozno districts of Vitebsk region	"Ball Lightning" (Kugelblitz)
111	February – March, 1943	Verkhnedvinsk, Polotsk, Rossony districts of Vitebsk region; Pskov region, RSFSR	"Winter Magic" (Winterzauber)
112	March 5–14, 1943	Vitebsk region and Pskov region, RSFSR	"Thunderstroke" (Donnerschlag)
113	March 5–14, 1943	Vitebsk region and Smolensk region, RSFSR	"Buffalo" (Büffel)
114	March, 1943	Logoisk district of Minsk region	"Dirlewanger" (Dirlewanger)
115	March 21, 1943	Luninets, Lyakhovich districts of Brest region; Zhitkovichi district of Gomel region; Soligorsk district of Minsk region	"Warm wind" (Föhn)
116	March – April, 1943	Vitebsk, Gorodok, Polotsk and Shumilino districts of Vitebsk region	"Lightning Strike I" (Donnerkeil I)
117	March – April, 1943	Vitebsk, Gorodok, Polotsk and Shumilino districts of Vitebsk region	"Lightning Strike II" (Donnerkeil II)
118	March 31 – April 3, 1943	Borisov, Smolevichi districts of Minsk region	"Spring – South" (Lenz – Süd)
119	April 3–7, 1943	Borisov, Logoisk, Smolevichi districts of Minsk region	"Spring – North" (Lenz – Nord)
120	April, 1943	Logoisk, Minsk districts of Minsk region	"Manyly" (Manyly)
121	April 15–24, 1943	Minsk city	"The Magic Flute" (Zauberflöte)
122	April 28 – May, 1943	Vileyka, Logoisk, Minsk, Molodechno districts of Minsk region	"Daredevil I" (Draufgänger I)

Ending

1	2	3	4
123	May 1–10, 1943	Vileyka, Logoisk, Minsk, Molodechno districts of Minsk region	"Daredevil II" (Draufgänger II)
124	May 5, 1943	Vitebsk district of Vitebsk region	"Typhoon" (Taifun)
125	May 7–22, 1943	Berezino district of Minsk region, Bykhov, Kirovsk, Klichev districts of Mogilev region	"May Beetle" (Maikafer)
126	May 12, 1943	Liozno district of Vitebsk region	"Hot Air" (Heisluf)
127	May 17–21, 1943	Vitebsk, Gorodok, Liozno districts of Vitebsk region	"May Thunderstorm" (Maigewitter)
128	May, 1943	Novogrudok district of Grodno region	"Lightning" (Blitz)
129	May 20 – June 19, 1943	Vitebsk and Mogilev regions	"Helping a neighbor" (Nachbarhilfe)
130	May 25, 1943	Gorki, Shklov districts of Mogilev region	"Grouse on the mating ground", or «Grouse rut»
131	May 31 – June 2, 1943	Liozno district of Vitebsk region; Smolensk region, RSFSR; Khoiniki district of Gomel region	"Spring Round Dance" (Frühlingsreigen)
132	Early June, 1943	Vitebsk region; Velizh district of Smolensk region, RSFSR	"Ferret" (Iltis)
133	June 17–19, 1943	Liozno district of Vitebsk region; Smolensk region, RSFSR	"Rain on Troitsa" (Pfingstregen)
134	June, 1943	Lepel district of Vitebsk region	"Gobius" (Gobius)
135	June, 1943	Gorki and Shklov districts of Mogilev region	"Grouse" (Birkhahnbalz)
136	June, 1943	Krichev, Slavgorod districts of Mogilev region	"Trip on Trinity" (Pfingstreise)
137	June 22 – July 3, 1943	Dokshitsy, Lepel districts of Vitebsk region; Borisov, Logoisk districts of Minsk region	"Cottbus" (Cottbus)
138	July 2–6, 1943	Volozhin, Logoisk, Minsk districts of Minsk region	"Gunter" (Günther)
139	July, 1943	Klimovich district of Mogilev region	"Petrel" (Sturmfogel)
140	July, 1943	Mogilev district of Mogilev region	"Model Estate"

1	2	3	4
141	July 16 – August 11, 1943	Ivye, Korelichi, Novogrudok districts of Grodno region; Volozhin, Stolbtsy districts of Minsk region	"Herman" (Hermann)
142	August, 1943	Berezino district of Minsk region, Klichev district of Mogilev region	"Ivanov" (Iwanow)
143	August, 1943	Klimovichy district of Mogilev region	"Fly" (Fliege)
144	August, 1943	Mosty, Shchuchin districts of Grodno region	"Wandsbeek" (Wandsbeek)
145	September – October, 1943	Braslav, Verkhnedvinsk, Glubokoe, Miory, Postavy, Sharkovshchina districts of Vitebsk region	"Frits" (Fritz)
146	October, 1943	Kalinkovichy, Rechitsa districts of Gomel region	"Hubertus I" (Hubertus I)
147	October, 1943	Rechitsa, Khoyniki districts of Gomel region	"Hubertus II" (Hubertus II)
148	October, 1943	Kalinkovichy, Rechitsa, Svetlogorsk districts of Gomel region	"Barbara" (Barbara)
149	October, 1943	Kalinkovichy, Rechitsa, Khoyniki districts of Gomel region	"Temple Consecration" (Kirchweih)
150	October, 1943	Yelsk district of Gomel region	"Dance" (Tanz)
151	October, 1943	Stolbtsy district of Minsk region	"Adventure" (Abenteuer)
152	October, 1943	Kirovsk district of Mogilev region	"Autumn Hunt" (Herbstjagd)
153	October 6–15, 1943	Belynichi, Krugloe, Shklov districts of Mogilev region; Dobrush district of Gomel region	"Hare Hunt" (Hasenjagd)
154	October 9–22, 1943	Bykhov district of Mogilev region, Oktyabrsk district of Gomel region	"Operation against Grischin's band" (Unternehmen gegen die Bande Grischin)
155	October 16–18, 1943	Belynichi, Krugloe, Shklov districts of Mogilev region	"Duck Hunt" (Entenjagd)
156	November 1–18, 1943	Polotsk, Rossony districts of Vitebsk region	"Henrich" (Heinrich)
157	November 11, 1943	Belynichi, Krugloe districts of Mogilev region	"Hubertus' Hunt" (Hubertusjagd)
158	December, 1943	Dokshitsy, Lepel districts of Vitebsk region	"Carl" (Karl)

1	2	3	4
159	December, 1943	Ushachi district of Vitebsk region	"Janitor" (Strabenfeger)
160	December, 1943	Verkhnedvinsk district of Vitebsk region	"Otto" (Otto)
161	February, 1944	Luninets district of Brest region	"Hans" (Hans)
162	February, 1944	Drogichin, Ivanovo, Pinsk districts of Brest region	"Farming" (Landarbeit)
163	March 2–5, 1944	Vitebsk, Dubrovno districts of Vitebsk region	"Bremen" (Bremen)
164	March, 1944	Kobrin district of Brest region	"Moshar" (Moscar)
165	March, 1944	Drogichin district of Brest region	"Sebesh" (Sebes)
166	March, 1944	Brest, Zhabinka districts of Brest region	"Picnic" (Zelten)
167	March, 1944	Ivanovo district of Brest region	"Spring" (Frühling)
168	March – April, 1944	Brest, Malorita districts of Brest region	"Arpad" (Arpad)
169	March 26 – May 9, 1944	Dokshitsy, Lepel, Polotsk, Ushachi, Glubokoe districts of Vitebsk region	"Spring Festival" (in some sources, "Festival of Spring") (Frühlingsfest)
170	April 7–18, 1944	Dokshitsy, Lepel, Polotsk, Ushachi, districts of Vitebsk region	"Drizzling Rain" or «Rainstorm» (Regenschauer)
171	March 17, 1944	Polotsk district of Vitebsk region	"Waldschrat" (Waldschrat)
172	April, 1944	Luninets district of Brest region	"Walk" (Landpartie)
173	April, 1944	Drogichin district of Brest region	"Fox" (Roka)
174	April, 1944	Bereza, Drogichin districts of Brest region	"Check" (Kassa)
175	April, 1944	Pukhovichi district of Minsk region	"Wirbelwind" (Wirbelwind)
176	May 17– June 14, 1944	Borisov, Vileyka, Krupki, Logoisk, Minsk, Molodechno, Smolevichi districts of Minsk region Dokshitsy, Lepel districts of Vitebsk region	"Balcony" (Kormoran)
177	May 19–27, 1944	Senno, Chashniki districts of Vitebsk region	"Trinity Walk" (Pfingstausflug)

Continuation

1	2	3	4
178	May 18–21, 1944	Lepel district of Vitebsk region	"May Walk" (Maiausflug)
179	May, 1944	Krupki district of Minsk region	"The Pied Woodpecker" (Buntspecht)
180	May, 1944	Bereza, Ivatsevichi districts of Brest region	"Mishkolts" (Miskolc)
181	May, 1944	Bereza district of Brest region	"Easter" (Osterfest)
182	May, 1944	Brest, Malorita districts of Brest region	"Dina" (Dina)
183	May, 1944	Brest, Malorita districts of Brest region	"Hortobagy" (Hortobagy)
184	May, 1944	Malorita district of Brest region; Ratna district, Ukrainian SSR	"Brull" (Brüll)
185	May 23–26, 1944	Vitebsk region	"Kuno" (Kuno)
186	May 29 – June 1, 1944	Luban, Soligorsk districts of Minsk region	"Marabu" (Marabu)
187	June, 1944	Pukhovichi, Starye Dorogi districts of Minsk region; Osipovichi district of Mogilev region; Brest district, Brest city	"Peony" (Pfingstrose)
	Total operations: 187		

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
LIST OF LITERATURE REFERENCES

1. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. – Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.

2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 41. Л. 29–32об.

3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 166. Л. 65–70.

4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 12. Л. 3–9.

5. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 2677. Л. 29об.

6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 162. Л. 433–443.

7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 226. Л. 1–4.

8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 141. Л. 140.

9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 140. Л. 502–504.

10. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 968. Л. 1–7.

11. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1416. Л. 1–23.

12. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 966. Л. 70–129.

13. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 1. Л. 120.

14. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 40. Л. 38.

15. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 40. Л. 46.

16. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 969. Л. 243–248.

17. Российский государственный военный архив. Ф. 700к. Оп. 1. Д. 50. Л. 70–70об.

18. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 384. Оп. 1. Д. 1. Л. 68.

19. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 498. Л. 1а–1в.

20. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 512. Л. 5.

21. Кулинок, С.В. Прислужники Гитлера. Немецкие разведывательно-диверсионные школы и курсы на территории Белоруссии в 1941–1944 гг. – М., 2020 – 707 с.

22. Селюкина, Н.В. Батальон Импульвичюса. Обвинительный приговор. – М., 2022. – 56 с.

23. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0129. Оп. 48. П. 368. Д. 53.

24. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 129. Оп. 48. П. 139. Д. 1. Л. 73–74.

25. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 25. Л. 13–16.

26. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 25. Л. 17–18.

27. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 82. Оп. 2. Д. 894. Л. 17–20.

28. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб.1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск, 2016. – 80 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Introduction	4
Планирование и подготовка нацистской Германией карательных операций на территории СССР	8
Nazi Germany's planning and preparation of punitive operations on the territory of the USSR	8
Массовые карательные операции как одна из форм реализации нацистами и их пособниками политики геноцида белорусского народа	26
Mass punitive operations as one of the forms of implementation by the Nazis and their collaborators of the policy of genocide of the Belarusian people	26
Способы массового истребления нацистами мирного населения в ходе карательных операций	82
Methods of mass extermination of civilians by the Nazis during punitive operations	82
Участие коллаборационистов в массовых карательных операциях против мирного населения Беларуси	192
Collaborators' participation in mass punitive operations against civilians of Belarus	192
Судебные процессы в отношении нацистских преступников и их пособников за участие в карательных операциях	269
Trials against Nazi crimes and their collaborators for participation in punitive operations	269
Заключение	284
Conclusion	284
Приложение	286
Annex	298
Список использованной литературы	309
List of literature references	309

Массово-политическое издание

**ГЕНОЦИД БЕЛОРУССКОГО НАРОДА
Карательные операции**

В двух частях

Часть 1

На русском и английском языках

Перевод на английский язык: «PrimeVeda» LLC

Подписано в печать 14.02.2024. Формат 60×84 ¹/₈.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 36,27. Уч.-изд. л. 28,80.

Тираж 1500 экз. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/4 от 09.07.2013.
Пр. Победителей, 11, 220004, Минск, Республика Беларусь.

Открытое акционерное общество «Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/3 от 04.10.2013.
Ул. Корженевского, 20, 220024, Минск, Республика Беларусь.

ISBN 978-985-01-1722-9

9 789850 117229